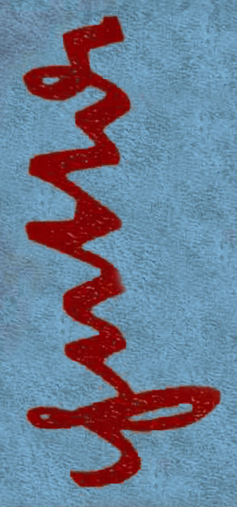
ЕЛЕНА РЖЕВСКАЯ

ГЕББЕЛЬС

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ДНЕВНИКА

ЕЛЕНА РЖЕВСКАЯ

ГЕББЕЛЬС

Портрет на фоне дневника

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКО-БРИТАНСКОГО
СОВМЕСТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
СЛОВО/SLOVO
МОСКВА
1994

ББК 63.3(4Г)
Р 48

Перевод фрагментов дневников И. Геббельса
Л. СУММ

Художник
В. ВИНОГРАДОВ

На переплете воспроизведен
автограф Геббельса

Ржевская Е. М.
Р 48 Геббельс: Портрет на фоне дневника/; Худож. В. Виноградов.— М.: Слово/SLOVO, 1994.—384 с.: ил.

ISBN 5-85050-329-3

Известная писательница Елена Ржевская в годы войны была переводчицей в штабе армии, прошедшей от Москвы до Берлина. В Берлине она участвовала в опознании тел Гитлера и Геббельса и в первоначальной разборке документов, найденных в бункере. Об этом она рассказала в книге «Берлин, май 1945». В своей новой книге Е. Ржевская стремится постичь феномен прихода фашизма к власти и показать читателям, какой тип политического деятеля выдвигает фашистская тоталитарная идеология на авансцену истории и как воздействует на психологию и душу поддавшегося ей человека.

Р $\frac{0503030000—097}{Ш 67(03) —94}$ Без объявл. ББК 63.3(4Г)

Р $\frac{0503030000—097}{Ш 67(03) —94}$ Без объявл.

ISBN 5-85050-329-3

2 мая 1945-го Берлин пал. Под вечер, когда в городе еще продолжалась сдача оружия гарнизоном, в саду имперской канцелярии возле запасного выхода из подземного убежища Гитлера («фюрербункера») были обнаружены мертвые, почерневшие от огня Геббельс и его жена; они приняли накануне яд.

Геббельс — рейхсминистр пропаганды, гауляйтер Берлина, ближайший сотрудник и наперсник Гитлера. В дни сражения он к тому же и комиссар обороны Берлина.

На другой день, третьего мая, в подземелье имперской канцелярии, в «фюрербункере», старший лейтенант Ильин одним из первых оказался в кабинете Геббельса.

Прочитав упоминание о себе в моих «Записках военного переводчика», Л. Ильин прислал мне письмо: «Вот я и есть тот самый старший лейтенант Ильин, большое спасибо, что не забыли вспомнить... «Вальтер» 35-мм, заряженный, с запасной обоймой, мной был взят у Геббельса в кабинете в столе, там были еще **два чемодана с документами**, два костюма, часы. Часы Геббельса находятся у меня, мне их дали как не представляющие никакой ценности, но я их храню как память...»

Документы, находившиеся в двух упомянутых Ильиным чемоданах, мне, военному переводчику штаба армии, пришлось тогда разбирать.

22 апреля — оставалось десять дней до падения Берлина — Гитлер позвонил из своего убежища Геббельсу, предложил ему перебраться с семьей в его бункер, где теперь была последняя ставка Гитлера. Тотчас был послан адъютант Геббельса за его семьей, находившейся в загородном доме.

Видимо, сборы самого Геббельса были лихорадочны, и в чемодан отправлялось то, что было под рукой, без внимательного отбора. Здесь оказались сценарии, присланные авторами министру, шефу кино, с сопроводительными письмами, выражавшими почтение и надежду. И изданная факсимильно семь лет назад к сорокалетию Геббельса юбилейная книга, воспроизводящая его рукопись «Малая азбука национал-социализма». Здесь же — полная инвентарная опись одного из загородных домов Геббельса. Учтено все — от гарнитуров до носового платка д-ра Геббельса и его места в бельевом шкафу. Здесь же в чемоданах были бумаги его жены — Магды Геббельс: папка «Харальд — пленный», в ней документы о пропавшем на фронте без вести ее сыне от первого брака. И начавшие поступать из американского плена письма от Харальда. В чемодане семейные фотографии. Описи гардероба детей. Счета из магазинов. И разные семейные записи. Было тут и предсказание шведского ясновидца, доставленное в апреле жене Геббельса по партийным каналам. Ясновидец сулил: «По истечении пятнадцати месяцев Россия будет окончательно завоевана Германией. Коммунизм будет искоренен, евреи из России будут изгнаны, и Россия распадется на маленькие государства».

Но, надо думать, не спасением всех этих бумаг в свой последний час был озабочен Геббельс. Предметом его постоянного беспокойства в тревожные дни поражений были дневники, находившиеся там же, в одном из чемоданов. Кому именно было поручено после его самоубийства вынести чемоданы, спасти дневники, неизвестно. Как стало мне известно позже, последним распоряжением хозяина дневники должны были быть уложены в специальные металлические ящики и захоронены до второго пришествия на землю нацизма. Но наказы и распоряжения больше не выполнялись. Мертвый шеф уже не мог востребовать исполнительности. А порученцы спешили, сбрасывали эсэсовскую форму, переодевались, спасались кто как мог.

Это был десяток толстых тетрадей, густо исписанных,— латинский шрифт с примесью готических букв. Буквы теснились в слове, смыкаясь, и текст очень туго поддавался прочтению. Даже на самое беглое ознакомление с дневниками никакой возможности в тех обстоятельствах у меня не было. Слишком напряженные были часы. Перед нами стояла неотложная задача — установить, что с Гитлером: жив или нет? Улетел или скрывается где-то здесь? В найденных документах мы искали какой-либо штрих, наводя-

щий нас на верный след. Дневники же Геббельса — та группа тетрадей, что мы нашли,— начинались в 1932 году, когда Гитлер рвался к власти, оканчивались последней записью, датированной 8 июля 1941-го — через 17 дней после нападения Германии на Советский Союз, и они ничем нам полезны не были.

На другой день был обнаружен мертвый, обгоревший Гитлер. Это событие и вовсе затмило интерес к дневнику Геббельса. Тетради следовало отправить в штаб фронта, но как будто некоторое время они еще оставались на попечении «хозяев» имперской канцелярии — в штабе армии, штурмовавшей ее, и отправлены были «наверх» около 20 мая. Следом меня вызвали в штаб фронта. Там скопились груды неразобранных документов, присланных с разных участков боев. На местах переводчиков не хватало, и нередко бумаги посылались наобум. И что-то ценное могло затеряться. Много было беспечности по отношению к трофейным документам. Сейчас даже трудно понять, как быстро произошла тогда их девальвация в восприятии тех, кто прошел долгий путь из России до победы в Берлине. В сущности, все, что было в те дни вокруг, включая нас самих, все одушевленное и неодушевленное — все было само по себе документальным.

Но тогда в штабе фронта тетради Геббельса лежали все же отдельно ото всех прочих бумаг. Я была вызвана переводить их. Продвигалась я по тексту очень медленно из-за почерка Геббельса. На его неразборчивый, трудный почерк сетует немецкий историк Эльке Фрёлих, издавшая в 1987 году четырехтомное собрание рукописных дневников Геббельса, осуществившая этот многолетний, подвижнический труд.

А тогда, уяснив, что дневники обрываются в 1941-м, командование решило, что тетради не имеют практического значения и не стоит ими заниматься. Только что завершилась страшная война, как считали тогда — последняя. Люди тогда не испытывали интереса к тому, что уводило в даль прошлого. История, казалось в мае 45-го, начинается с новой страницы.

Но так или иначе, на этом вроде бы можно было поставить точку. В том смысле, что найденные дневники должны были быть переданы историкам-специалистам и войти в научное обращение. А если широкий читатель заинтересуется, то и предоставить ему возможность читать их в том объеме, в каком он готов был бы преодолевать неслыханное многословие автора дневников (от руки — более

4000 страниц, да еще надиктованных Геббельсом стенографам несметное число расшифрованных машинописных страниц — они были найдены позже). Так развивался бы нормально этот сюжет. Но в нашем обществе нередко властвовал абсурд. Так, волей Сталина было запрещено предать огласке, что советскими воинами обнаружен покончивший с собой Гитлер, и этот важный исторический факт был превращен в «тайну века». Как очевидец событий, сделать эту тайну достоянием гласности я смогла только после смерти Сталина. Что же касается дневников, о них ничего известно не было, будто их и не находили вовсе.

Нравы нашей секретности — поставщики детективных сюжетов, которые в свою очередь тоже засекречены, и нужно много терпения и много лет уходящей жизни, чтобы добраться до них. Так, лишь год назад удалось установить траекторию пути этих тетрадей в Советский Союз. Они были доставлены Сталину и до 1949 года находились у него.

Дневники Геббельса оказались в круговерти тех же тайн, что факт обнаружения Гитлера. И только после смерти Сталина я смогла впервые рассказать также и о том, что нами были найдены дневники Геббельса («Записки военного переводчика», «Знамя», 1955, № 2). Не скажу, чтобы это мое первое сообщение привлекло тогда заметное внимание нашей науки — историографии, еще дремотной под игом догматизма и оттого нелюбознательной. Но на вопрос, где же дневники, я ничего не могла бы ответить толкового, да и уцелели ли они или затерялись в грудах неразобранных материалов?

Но в 1964 году, когда я изучала архивные документы в связи с работой над книгой «Берлин, май 1945», я пережила неожиданную встречу с дневником Геббельса, точнее, с одной лишь тетрадью, но это все же означало, что дневники есть, они целы. Тетрадь эта хронологически последняя из найденных нами: начатая 24 мая 1941-го, доведенная до 8 июля 1941-го. Тетрадь охватывала последний месяц тайных приготовлений нацистской Германии к нападению на Советский Союз — предпринятые провокации и маскировки, доверительные беседы фюрера с Геббельсом; обнажала ближние и дальние цели войны, вводила в обстановку и атмосферу в Берлине тех дней. Дневник — саморазоблачительный документ, я писала об этом тогда, повторю это и сейчас, исходя уже из несравненно большего объема прочитанных страниц.

В журнальный вариант моей книги «Берлин, май 1945» вошли фрагменты дневника Геббельса («Знамя», 1965, № 5). Оказывается (об этом читаю теперь у Геббельса), он выгодно продал наперед свои дневники, обязуя издателя опубликовать их лишь через 20 лет после его смерти. И вот такое совпадение: ровно через двадцать лет, день в день, впервые появились записи дневников Геббельса, хранившиеся в советском архиве и миру неизвестные. В более полном объеме они вошли тогда же, составив большую главу, в мою книгу «Берлин, май 1945» (1965 и еще восемь изданий до 1988-го).

С той поры в течение двадцати с лишним лет новых извлечений из этого состава тетрадей опубликовано не было.

Но вот в 1973 году, находясь в Германии, я услышала по телевидению о сенсации с Франкфуртской книжной ярмарки: куплены у ГДР дневники Геббельса. Речь шла о тех, что скрылись в наших архивах.

Что же стояло за этим сообщением, можно было уяснить себе лишь спустя годы. Западногерманская печать сообщала: в 1969 году Берлин посетило «высокопоставленное лицо» из Советского Союза, вручившее ценный подарок — дневники Геббельса. Как выяснилось позже — микрофильмированные. Этим «высокопоставленным лицом» был Л. И. Брежнев, приехавший в Восточный Берлин.

Не стану описывать перипетии издательской судьбы скопированных дневников, осложненной тем, что издатели не располагали подлинниками и не имели к ним доступа. Все же в 1987 году четыре тома дневников Геббельса — свод рукописных тетрадей — были по заданию Мюнхенского института современной истории в сотрудничестве с Федеральным архивом изданы Эльке Фрёлих. Проделана была огромная работа, вобравшая восемь лет упорного труда историка. Тетради, найденные в бункере, составляют более половины этого собрания.

Появление дневников Геббельса западная научная общественность и печать расценивают как важное событие. Из тех, кто стоял рядом с Гитлером, лишь один Геббельс вел систематически дневник, фиксируя факты и события тех лет. В дневнике подробно записаны Геббельсом доверительные беседы с ним Гитлера в разные периоды. Откровенно освещены методы нацистов в борьбе за власть и за осуществление власти. Подготовка к агрессии — началу второй мировой войны. Отношения внутри партии, интриги, провокации.

Но, может, не менее существенна возможность узнать из «первых рук», что за тип политического деятеля выдвинул на авансцену фашизм.

«Национал-социалистом надо родиться!» — восклицает в дневнике Геббельс, когда мучительные сомнения — стоило ли ставить на Гитлера — позади, он окреп, уверился в победе национал-социалистов, выделился в партии и стремительно делает карьеру, когда постылая бедность отошла в прошлое — партия наделяет его материальными благами. Тогда-то и найдена эта формула: «Национал-социалистом надо родиться!» Она и самоутверждение в избранничестве, и подспорье в карьере: пользуясь таким произвольным критерием, легче дезавуировать соперника в борьбе за ключевые позиции в партии, за место возле фюрера. А в этой борьбе Геббельс — с первых же своих шагов национал-социалиста и буквально до последнего часа.

В самом ли деле человек может явиться на свет эмбрионом нациста и с фатальной предназначенностью? И как утверждение Геббельса соотносится с ним самим?

Ведь каждому что-то дается в путь. Как же распорядился этой ношей Геббельс?

Я видела страшный конец Геббельса, обугленные тела его и жены; шестерых детей, умерщвленных родителями. Теперь я всматриваюсь в начало его пути. Дневник дает возможность проследить за модификациями личности Геббельса, отдавшегося нацистской карьере на службе у Гитлера. Отчетливее представить себе генезис фашизма, его роковой соблазн и тотальную разрушительность для каждого человека.

Глава первая

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Дневник предваряют воспоминания. Это своего рода подробная автобиография, написанная в 1924 году, когда Геббельс сближается с нацистами, склоняется примкнуть к ним. Ему 27 лет, он, как видно, подводит черту под предшествующими годами, расставаясь с самим собой, прежним, еще не ангажированным частным лицом.

Воспоминания написаны бегло, конспективно, фразами отрывочными, часто из одного слова, иной раз и закодированного, хотя присутствуют и более развернутые описания, сообщения о себе, о событиях своей жизни, те или иные рассуждения. Знакомясь с другими источниками за пределами этих страниц, уличаешь автора то в умолчании, то в лестных преувеличениях на свой счет. Заметно «модернизирование» себя, своих мыслей и мотивировок, привнесенных Геббельсом уже с новых позиций и опрокинутых в изображение себя в преднацистский период. Все же нельзя полностью отказать ему в откровенности. Так что с некоторыми коррективами можно уяснить себе не слишком замысловатую предысторию Йозефа Геббельса.

Он родился в 1897 году в небольшом городе Рейдте Рейнской области, в малообеспеченной набожной семье мелкого буржуа, как он пишет, а точнее, служащего на фабрике, обремененного детьми. Вырос в «невзрачном маленьком домике», купленном отцом вскоре после его рождения. У него серьезный физический недостаток — вывернута внутрь правая стопа. От рождения или приобретенное в отрочестве увечье, неясно. В то время когда он писал авто-

Мать Геббельса

Отец Геббельса

биографию, врожденный физический недостаток мог бросить тень на его «расовую пригодность», а у него и без того было достаточно с этим хлопот из-за его внешности, не отвечающей стандартам арийца. Йозеф Геббельс не мог сойти за «великолепную белокурую бестию». Можно понять его стремление завуалировать происхождение физического недостатка. Так или иначе «это было одно из определяющих событий моего детства,— пишет он об обострившейся хромоте.— Я был предоставлен самому себе, больше не мог участвовать в играх других... Мои товарищи меня не любили. Товарищи меня никогда не любили». В школе случалось, что на него сыпались жестокие побои учителя. Но дома к нему, в связи с его хромотой, относились особенно бережно и, несмотря на суровое материальное положение семьи, ему за счет остальных детей создавались все условия для занятий, даже было приобретено для него подержанное пианино.

Память о своей ущербности присутствует в его характере и в его поведении, хотя в дневнике он почти избегает упоминаний о своем физическом недостатке. И все же... «Моя нога причиняет мне много страданий,— пишет он 15 июня 1926 года.— Я бесконечно думаю о ней, и это отравляет мне радость, когда я среди людей».

Заполняя страницы воспоминаний в 1924 году, он параллельно продолжает вести начатый дневник и срывается в нем на признание: «Дети бывают ужасающе жестоки, особенно к физическим недостаткам других детей. Я бы мог об этом порассказать». Но те невзгоды своего детства он с мазохистской готовностью тут же оправдывает правом сильного над слабым: «Но дети ведь таковы от природы. Разве природа не чудовищно жестока? Разве борьба за существование — между человеком и человеком, государствами, расами, частями света — не самый жестокий в мире процесс? Право сильного — мы должны вновь явно увидеть этот закон природы, и тогда разлетятся все фантазии о пацифизме и вечном мире... Нынешний мир заключен за счет Германии. Рассуждайте о мире, когда 60 миллионов живет в рабстве. Неужто 60 миллионов не сломают ваше ярмо, как только почувствуют в себе силы? Что вы болтаете о пацифизме! Разве мы не хотим вернуться к природе? Проповедуйте пацифизм перед тиграми и львами!.. Что ж ты хочешь от меня, если я сильнее? Жалуйся своему богу... Надо заново найти для всего простые слова, иначе мысли сбиваются... Вечных истин нет. Есть вечные законы. Законы природы».

Иозеф Геббельс (справа) в день первого причастия (3 апреля 1910)

Список учеников, принимавших первое причастие

Ich habe gefunden, den meine Seele liebt.
Hoheslied 3, 4.

Andenken

an die erste hl. Kommunion der Schüler der höheren Lehranstalten:

Aretz Wilhelm
Backus Peter
Becker Anton
Bion Bruno
Bongartz Wilhelm
Boy Herbert
Brix Karl
Finken Franz
Goebbels Joseph
Kamerbeek Wilhelm
Kloeters Kurt
Koerschgen Ernst
Krapohl Wilhelm

Lennartz Ewald
Mauß Hubert
Mauß Wilhelm
Meerkamp Ferdinand
Mooßen Wilhelm
Prickartz Julius
Schaefer Rudolf
Schiffers Joseph
Schlüter Fritz
Schwinges Paul
Thönnissen Wilhelm
Wickus Wilhelm
Weisener Hermann
Zilles Wilhelm

Halte fest an deinem Bunde und handle darnach.
Sir. 11, 25.

Rheydt, den 3. April 1910.

Oberlehrer Mollen,
Religionslehrer.

Культ силы, культ войны. Смесь примитивного дарвинизма с утрированным фашистскими идеологами учением Ницше. Этим проникшим в общество мотивам вторит Геббельс. Гитлер позже выскажется в том же направлении решительнее: «После всех этих веков хныканья о защите бедных и угнетенных пришло время для нас решиться защищать сильных против слабых. Одна из основных задач германского государственного управления заключается в том, чтобы **навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам необходимость не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их»**[1].

Ко времени, когда Геббельс записал свой монолог в тетрадь, 11 июля 1924, он приблизился к национал-социалистам, хотя и не решил еще окончательно, с ними ли он. Он раздерган и непоследователен. Четырьмя днями ранее он заносит в дневник строки, которые расходятся с его монологом: «Человек рожден для страдания», «не забывать, что мы жалкие люди». Все в нем еще неустойчиво, противоречиво. Но та риторика о праве сильного и реваншистские крикливые замашки — стартовая площадка Геббельса — национал-социалиста.

Но это несколько позже.

«ПРОСНУЛСЯ ЭРОС»

На страницах воспоминаний, отнесенных к годам юности и студенчества, пришедшимся на годы первой мировой войны, его особенно занимают отношения с женщинами. «Смутное томление. **Проснулся эрос.** Уже мальчиком вульгарно просвещен». Сюжеты краткие и протяженные. «Я люблю женщину почти безумно. Борьба с полом. Думал, что болен. До сих пор не совсем преодолено». «Друзья отчуждаются. Только Лене. Удивительное мальчишеское блаженство. Конечно, жениться. Вопрос чести». «Я впервые поцеловал ее грудь». «Лене. Ночь с ней в Райндалене на софе. Осталась чистой. Я чувствую себя мужчиной». «Разрыв с Лене. Люблю Агнес. Холодный поцелуй на софе. Лизель любит меня, я люблю Агнес... Хассан любит Агнес... Агнес в Бонне. Ночь с ней в комнате Хассана. Я целую ее грудь... Лизель в

---

[1] Здесь и далее выделено мною.— *Е. Р.*

Бонне. Ночь с ней в комнате Хассана. Я пощадил ее. Она бесконечно добра ко мне», и так далее.

О своем товарище Кёлше он пишет возвышенно: «Мой идеал». С тем бóльшим тщеславным удовлетворением («Кёлш вполне доверяет мне») отбивает у него девушку Анку и «Кёлш играет жалкую роль».

Анка «на коленях молит меня о любви. Впервые я узнал, как может страдать женщина... Она плачет, как ребенок». «Она опустилась в снег и умоляла меня». «Она грозит умереть... Она утопает в слезах». «У нее подгибались колени. Она побледнела как мел». Подобным же образом под пером Геббельса ведут себя позже и другие женщины, экзальтированно выражая свою страсть к нему теми же словами, клишированно, и далеко не всегда правдоподобно.

Ущемленность хромотой в дни, когда его сверстники и оба брата на войне, нуждается в компенсации, и Йозеф Геббельс стремится взять верх в соперничестве, утвердиться на поприще успеха у женщин. «Я победил», «я победил» и опять: «я в конце концов побеждаю».

Впрочем, тщедушный, некрасивый, маленький, он уверил себя в сходстве с портретом благородного, красивого Шиллера. А такое могло явиться только в самовлюбленных фантазиях. Его прозвищем в народе, когда он станет заметной в Германии фигурой, будет — «Сморчок». Но нарциссизм останется в нем до самого его конца.

В женщинах он ищет в этот период поддержку, непременное восхищение его интеллектом, музицированием, а то и стихами — авансы, которые он ждет от судьбы. Но любовная связь с Анкой, крепнущая привязанность к ней обостряют испытываемый им гнет нужды. «Разница в социальном положении *(его и Анки)*[1]. Я бедняк. Денежные трудности. Величайшее несчастье... Я живу и живу. Я едва замечаю, что идет война». «Анка моя. Днем на Шлоссбергвизе. В сене... Денег нет... Едва замечаю. Только Анка и тысячу раз Анка. Блаженные дни. Только любовь. Наверное, счастливейшее время моей жизни. Денег нет. Отчаянное письмо домой... Я плачу от отчаяния перед нуждой».

1918 г. «Впервые Достоевский. Потрясен. «Преступление и наказание». Читаю по ночам». «Приехал Кёлш. Анка борется в последний раз *(в выборе между ним и Кёлшем)*. Я победил... Революция. Отвращение... Демократические

---

[1] Здесь и далее комментарии, набранные курсивом, мои.— *Е. Р.*

Ученики шестого класса «реформированной гимназии»
(верх. ряд, 4-й слева Геббельс)

Старшеклассники, 1916 г. В центре Геббельс, второй справа Фриц Пранг, позднее привлекший его к участию в националистическом движении

Анка — первая любовь Йозефа Геббельса
(ок. 1919 г.)

влияния. Тем не менее консервативен. Выборы. Баварская народная партия. Меня это не заботит... Сладостная, блаженная ночь».

1919 г. Ему 22 года, он еще студент. Любовные переживания и неотступно присутствующая нужда. «Денег нет. Даю уроки». Но, как видно, не очень прилежно. «Анка хочет украсть для меня сберкнижку». И тут же: «Анка знать не желает о моей нужде». Она «подарила мне золотой браслет... Денег нет. Я живу почти целиком на ее счет. Она добра и щедра».

В ревности стороны не обходятся без угроз смерти, без револьвера, имитации попыток не то самоубийства, не то убийства — словом, роковые страсти в духе моды времени.

«Думаю о социальных проблемах. Экспрессионизм... Споры о Боге вечером в моей каморке... Вечером нет денег на ужин. Оставил официанту часы». «Фантастические планы женитьбы. Разбиваются о мещанство. Политика. Демократия и коммунизм... Девки в университете... Мистика. Поиски Бога. Я в отчаянии. Анка больше не может помогать. Куда деваться?.. Анка потеряла наши деньги. Тяжелая сцена. Поиски покоя и ясности... **Я должен найти себя**».

«Пасха 1920... Лихорадочное чтение. Толстой. Достоевский. Революция во мне. Россия... Красная революция в Руре. Там она спозналась с террором. Я издали восхищен. Анка меня не понимает».

Роман с Анкой подходит к концу. Анка оставляет его. У нее появляется жених, вероятно, более приемлемый, нежели превратившийся в люмпена Геббельс, тяжело переживающий этот разрыв, травмированный, вспоминающий Анку и спустя годы.

В конце 60-х я случайно разговорилась на улице Восточного Берлина с прогуливавшимся стариком. Он был рад встретить в заезжем человеке слушателя, готового узнать про то, что он пережил на своем веку. Со старческой горделивостью он вел отсчет пережитому издалека, от «лучших времен» — при кайзере Вильгельме. И потом во все последующие эпохи, будь то первая мировая война, Веймарская республика, время Гитлера, принесшего, казалось поначалу, облегчение тяготам жизни, а следом войну, разруху. И каждую названную им эпоху он метил, громко восклицая: «Мы всегда голодали!»

Мне запомнился этот старик, пронзительно славший прошлому и боль и счет. С неизжитым отчаянием он помнил страшную инфляцию после поражения в первой мировой войне, голод. Деньги возили тачками. Сосчитать невозможно. Старые люди были совсем беспомощны.

Позади университет, защищена диссертация. Достигнута первая цель — отныне вожделенное «доктор» будет неукоснительно подчеркиваться им. Осуществлена мечта родителей. Но Геббельс не видит себе применения. Живет дома, пытается что-то писать. Его невеста, Эльзе Янке, молодая учительница, с содействием родственника помогла Йозефу

получить место служащего в банке в Кёльне, при той безработице чуть ли не завидное.

«Индустриальный и банковский капитал. Нужда прояснила мое зрение. Отвращение к работе в банке. Отчаянные стихи... Гитлер. Евреи... Томас Манн. Генрих Манн, «Верноподданный». Достоевский, «Идиот» (величайшее впечатление). Революция во мне. Пессимизм ко всему. Немецкая музыка. Вагнер. Отход от интернационализма... Безработица... Я сыт банком по горло... Отчаяние. Мысли о самоубийстве. Политическое положение. Хаос в Германии».

«ХАОС ВО МНЕ»

Честолюбие выталкивает его из банка. «Я все поставил на карту. Прочь из этой клетки или смерть». Прочь, но куда? Чем заняться? Ему 26. Он по-прежнему без средств к существованию. И все еще на шее у отца. И в 27 все так же. Из скромного своего жалованья часть денег отец ежемесячно отрывает у семьи в шесть едоков и с молчаливым укором исправно шлет Йозефу, вызывая в нем вспышки скрытой ненависти: «Мой папенька, любящий пиво педант, нечистый и мелкий в мыслях, озабоченный своим бюргерским существованием, без всякого шарма, почти без проблеска мысли. Мелкий буржуа, мельчайшего масштаба. Бедняга! Глупец! Но он, конечно, попадет на небо. Понять не могу, зачем мама вышла замуж за этого старого скрягу» (12.8.24).

Было: «Военный психоз. Никто ничего не замечает». Это в 1915-м. Но пришло мрачное отрезвление. Реакция. Германия истерзана войной и поражением, унижена Версальским договором, репарациями, массовой безработицей, хаосом, безудержной инфляцией[1].

---

[1] В 1921 г. один доллар соответствовал по курсу 75 маркам; в конце 1922 г.— 7000. В течение 1923-го курс марки катастрофически падал: в январе за один доллар платили 18 тыс. марок, в июле 165 тыс., к августу дошло до миллиона. В ноябре 1 доллар шел за 4 млрд. марок, позже — за триллионы. Эти данные приводит американский историк и журналист Уильям Ширер в своей широко известной книге «Взлет и падение третьего рейха». Он пишет: «правительство, подстегиваемое крупными промышленниками и землевладельцами, которые лишь выигрывали от того, что народные массы терпели финансовый крах, умышленно шло на понижение курса марки».

Эльзе Янке, невеста Геббельса

Вернулся из плена старший брат Йозефа. «Ганс принес ненависть и мысли о борьбе». Он станет ярым фашистом.

«Пессимизм. Мысли о смерти». «Хаос во мне. Брожение». «Отчаяние. Я больше ни во что не верю». И поза: «Я отведал хаоса. Ужасное еще предстоит». Выбитая почва, утрата традиций, разочарование, ранние смерти молодых — это общий фон жизни. Разъедающая тревога, пессимизм, подпитываемый влиятельной в эти дни книгой Шпенглера «Закат Европы». Отторженность от действительности. Геббельсу не удается в нее вписаться. Нет надежды выбиться, нет обозримых перспектив для карьеры (хотя и неясно какой), и это, похоже, главный источник отчаяния. «Отчаяние. Мысли о самоубийстве». «Отчаяние. План самоубийства» — рефрен его записей. Встречающиеся в них те или иные суждения сумбурны, грубо эклектичны, назойливы, взаимно исключают друг друга. Какая-то нервиче-

Безработный. 1923 год

ская пена противоречий. Он то в поисках Бога, то приветствует красную революцию и восхищен террором. То в отчаянии от хаоса («В Германии хаос. Судьба рейха на лезвии ножа»), то призывает хаос, и это не единственное, что роднит его с национал-социалистами, хотя он еще далек от них. На страницах воспоминаний Геббельс — малоприятный молодой человек, характера мелкого, тщеславного, истерического, но нацистом ему суждено стать не от рождения, как ни прокламировал он это.

Позже, став нацистским функционером, он измышлял, что уже в 1922 году вступил в партию, приписывая себе убедительный стаж. Но тогда он еще не был членом партии. Да и как знать, могло ведь все сложиться по-другому. Он хотел после гимназии изучать медицину. Может, это уберегло бы его от воплощения в нациста. Но учитель наставлял Йозефа: только словесность. При эгоцентризме

юного Геббельса занятия литературой породили в нем тщеславные притязания стать писателем и обрекли в неудачники. В юности он был подвержен романтическим порывам: вместе со своим единственным другом Ричардом мечтал уехать в Индию. Мечта отпала. Потом была смерть Ричарда, поразившая Геббельса («Товарищи меня никогда не любили». Все, кроме одного — Ричарда). И его смерть надолго осталась зарубкой в душе Геббельса. Любимая Анка предпочла ему другого.

Множились обиды, страх одиночества, страх прозябания, социальной незащищенности. Неотступны страдания из-за ноги. Тиранила неудачливость. Безуспешна до отчаяния была картина самой побежденной Германии. Все это создавало комплекс крайней уязвленности жизнью в сочетании с пылающей жаждой выделиться — во что бы то ни стало! И все больше склоняло Геббельса к национал-социалистам.

Но он еще на распутье. И краеугольный камень идеологии нацизма, центральный пункт программы — антисемитизм, покуда что у Геббельса дилетантский, традиционный, а не тот матерый, профессиональный, которым он овладеет и примется насаждать его. Если к этому добавить то, о чем умалчивает Геббельс, но пишут его биографы, получается и вовсе смешанная, пестрая картина. Так, в университете его любимейшим профессором был знаменитый Фридрих Гундольф. Геббельс посещал его семинар, профессор дал ему тему для диссертации. Но интеллект тщеславного молодого человека не произвел на Гундольфа убедительного впечатления, и в узкий кружок своих учеников он не ввел Йозефа. Геббельс тем не менее продолжал чтить его. Однако не исключено, что уязвленность, которую он тогда испытал, припомнится в свой час евреям. Его «Doktorvater»[1] профессор Макс Вальдберг, тоже еврей, помог Геббельсу в работе над диссертацией и при защите ее.

Приятель родителей Конен снабжал подростка Йозефа книгами, открывая незнакомых ему современных писателей (Томаса Мана и его «Будденброков»). К Конену обращался за советом Геббельс, когда в юношеские годы пытался писать, носил ему свои сочинения. А в тягчайшие дни студенческого безденежья он оказывал Геббельсу мате-

---

[1] «Доктор-отец» *(нем.);* так называют в университетах Германии научного руководителя.

риальную помощь. В письмах Геббельс обращается к нему: Onkel-дядя — и просит выслать деньги. Как нечто само собой разумеющееся он записывает в воспоминаниях о присылаемых ему по почте Коненом деньгах. Конен — еврей.

Стремясь преуспеть в журналистике, Геббельс за образец себе берет известного талантливого писателя и журналиста Теодора Вольфа, многолетнего редактора либеральной «Берлинер тагеблат», еврея, и только в его видном органе, а не где-либо еще он мечтает напечататься. Он упорно шлет одну за другой статьи редактору и неизменно получает бездушный отказ. Последствия нанесенных ему поражений, которыми он не делится с дневником, испытал на себе опрометчиво обращавшийся с его рукописями редактор. Вольф, эмигрировавший с установлением нацистского режима, в 1940 году — он уже старик — был при вступлении немцев в Париж схвачен, доставлен в рейх и погиб в концлагере Заксенхаузен.

Мстительность была органичной чертой Геббельса, установившего с приходом к власти теснейшую связь со спецслужбами.

Как пишут дотошные его биографы, Геббельс подарил Анке томик своего любимого поэта Гейне, книги которого будут гореть в первом же аутодафе из серии фашистских бесчинств и насилия, учиненного министром пропаганды и просвещения Геббельсом. Да только именно Гейне провидел: «Wer die Bücher verbrennt, irgendwann die Menschen verbrennen wird» — «Кто сжигает книги, когда-нибудь будет сжигать людей».

Август — октябрь 1923 г. «Плохо с деньгами. Инфляция. Уход из банка. Что теперь? В числе безработных. Прометей жжет мне душу. Отчаяние». Прометеев комплекс! Эдаким запросом и впредь, воспаляя себя, будет он терзаться: «Горю и не могу зажечь. Еврейство... Гибель немецкой мысли». Это уже напрямик Шпенглер. «Я больше не могу выдержать муки. Эльзе подарила мне тетрадь для дневника. Я должен писать, чтобы выразить горечь сердца».

«ПИВНОЙ ПУТЧ»

Та тетрадь, что подарила ему Эльзе Янке, «возлюбленная, невеста», кстати сказать, полуеврейка, пропала. Геббельс, заполнив тетрадь, подарил ее Эльзе. И в дневнике нет записей о «величайшем» событии, каким станет в мифо-

логии нацизма «пивной путч» 8—9 ноября 1923-го — авантюрная попытка Гитлера поднять мятеж и, подобно осуществленному годом ранее походу Муссолини на Рим, возглавить такой же поход на Берлин, чтобы свергнуть республиканское правительство и встать во главе страны.

Работая в московском архиве, я обнаружила две никому не известные рукописи. Автор обеих — военнопленный, бывший начальник личной охраны Гитлера, СС-обер-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции Ганс Раттенхубер. Одна из рукописей — его собственноручные показания, другая, более полная, написана немного позже, в плену,— о Гитлере и о себе.

В 1918-м он обучался на офицерских курсах. Но уже год спустя Версальским договором Германия была разоружена, и состав рейхсвера (вооруженных сил) не мог превысить 115 тысяч человек. Безработный, упраздненный офицер поступил в мюнхенскую полицию. Будущий начальник личной охраны Гитлера повидал своего шефа в разных ипостасях.

«Мне часто приходилось при выполнении своих полицейских обязанностей наблюдать за поведением Гитлера в мюнхенских пивных. Шутники тогда говорили, что если бы не было мюнхенского пива, то не было бы и национал-социализма. Гитлер начал свою политическую деятельность в мюнхенских пивных, где сперва выступал как агитатор-одиночка, а затем как глава созданной им партии. Идеи реванша, воинственные призывы к походам на Запад и на Восток, погромные выкрики, заклинания, начинающиеся словами: «Мы, немцы», или «Мы, солдаты», имели особенный успех в возбужденной атмосфере пивных». На своих противников, оппонентов Гитлер со своими сторонниками набрасывались, избивали, «частенько их оружием были пивные кружки».

«В тот период «этот крикливый парень из пивной», как называли его в нашей полицейской среде, доставлял нам немало хлопот. Помню, каким он предстал перед моими глазами в момент совершения им путча 8 ноября 1923-го. *(Это происходило в пивной «Бюргербройкеллер».)* Его «молодцы» окружили здание, в котором выступали члены баварского правительства перед мюнхенцами, а сам Гитлер с наиболее преданными штурмовиками ворвался в зал. Он казался одержимым. Вскочив на стул, Гитлер выстрелил в потолок и с криком бросился в президиум. Под угрозой оружия гитлеровцы заставили правительственный

кабинет публично отречься от власти. Гитлер объявил себя правителем и тут же сформировал новый кабинет, который не просуществовал и одного дня. Никто из нас тогда не думал, что этот фарс является прелюдией одной из самых страшных трагедий». Так готов судить о фашистском режиме, пережив его крах, главный телохранитель Гитлера, оказавшийся военнопленным.

Члены баварского правительства, согласившиеся в критический момент на требования Гитлера, сложили свои полномочия и присягнули ему. Но как только оказались вне опасности, распорядились арестовать Гитлера.

При нестабильной ситуации в стране, сотрясаемой вспышками рабочих волнений, баварское правительство в своем отношении к Гитлеру было непоследовательно: то преследовало его, то порой готово было видеть и возможную опору в нем.

Состоялся суд, предоставивший Гитлеру трибуну. Наглость, крикливость Гитлера на суде, скандальность, запугивание властей угрозами со стороны левых, игра на болезненных национальных чувствах и амбициях, готовность на все, только бы привлечь внимание,— известная тактика политических персонажей определенного толка. Мюнхенский эпизод не остался локальным. Освещавшийся в прессе суд имел широкий резонанс по всей стране, создал Гитлеру большую популярность.

Геббельс, когда познакомился с Гитлером, упорно желавшим считать мюнхенский путч революцией, позволял себе в дневнике подтрунивать над ним: «Шеф *(так Геббельс долго называл в дневнике Гитлера)* крупный путчист». Но с захватом власти нацистами 9 ноября, дата путча, который устойчиво теперь именовался «революцией», отмечалось ежегодно со всей помпезностью при активной режиссуре Геббельса. На месте действия, в Мюнхене,— многотысячное факельное шествие во главе с Гитлером, с колоннами «старых борцов», накаляющая толпы барабанная дробь, «последняя перекличка» — выкликание Гитлером имен нацистов, погибших в годы уличных схваток. В один из юбилеев (1935) — церемония «воскрешения из мертвых», как торжественно писали газеты. На площадь доставлены в саркофагах извлеченные из могил останки 16-ти погибших в дни путча нацистов, артиллерийский салют в их честь — апофеоз празднества.

27 июня 1924 г. Этой датой начинается огромный массив дневника. Язык записей зачастую небрежен, произволен по отношению к канонам грамматики.

Геббельсу 27 лет. Он по-прежнему без какой бы то ни было работы. «Я не могу сосредоточиться». «Чего я хочу?»

Неудачник, раздерганный непродуктивным честолюбием. Неукротимая мания выделиться, неизвестно за счет чего. И отчаяние от того, что это может не состояться. Затянувшаяся незрелость. Подростковые комплексы: агрессивность, максимализм, истеричность. Ультиматумы судьбе: угрозы самоубийства. Эти наблюдения будут накапливаться по мере чтения дневника.

Здесь и обеты, которые он не станет исполнять, мольбы к христианскому Богу, которого вместе с его учением он потом предаст, следуя Гитлеру. Заметны психическая аномалия, болезненное рефлектирование, не согласующиеся между собой мысли, даже если каждая сама по себе выражена логично или содержательно, повышенная чувствительность к сексуальному дискомфорту и эротизм, перетекающий в политику и обратно.

Но сейчас остается еще полтора месяца до того дня, как он решит примкнуть к национал-социалистическому движению. Он начинает дневник еще не определившимся организационно среди борющихся партий и пока как будто с независимым манифестом. В нем и поза, но и смятение, выспренность, но и искренний протест отверженного.

27 июня 1924. Пусть эта тетрадь способствует тому, чтобы я стал яснее духом, проще мыслью, больше в любви, доверчивее в надежде, пламеннее в вере и скромнее в речи! — *Жаль, что эти надпартийные добродетели ему не понадобятся. Все с ним будет как раз наоборот. Но пока впечатления от прочитанных книг питают его. И в этих первых записях он сосредоточеннее, традиционнее, словно перед тем, как отпасть ему от культуры.*— Все эти книги о раннем христианстве происходят не из чего иного, как из сильнейшей тоски по Духу Святому. Гауптман, «Безумец во Христе». Пока первая книга на немецком языке на эту тему. Но насколько этот «Безумец» уступает «Идиоту» Достоевского. Россия найдет новую христианскую веру со всем юношеским пылом и детской верой, с религиозной скорбью и фанатизмом. В эти дни я много думаю о будущем Европы и Германии... У нас уже есть Новый Человек... Я хотел бы совершить с Эльзе свадебное путешествие с большими деньгами, большой любовью, без забот, в Италию и Грецию.

Но совершить путешествие ему доведется нескоро. С женой богатой, с Магдой.

«КУДА Я ПОЙДУ?»

30 июня 1924. В неоккупированной зоне уже вовсю идет борьба, которую я так давно ожидал, борьба между народной партией свободы и национал-социалистической рабочей партией. Им тесно вместе... **Куда я пойду?** Что за вопрос. К юношам, которые подлинно жаждут Нового Человека... Если б Гитлер был на свободе! Максимилиан Гарден, «Процесс». Как лживо, как самодовольно, как все написано для собственного упоения. Но порой поразительные проблески духа. Господа из народной партии, вам следует быть живее, духовно подвижнее, чтобы покончить с такими писателями. Одними ругательствами тут не обойдешься. Гарден человек способный на все — остро́ту, желчь, шутку, сатиру. Типично еврейский способ борьбы. Можно ли побить этих евреев иначе, чем их собственным оружием?.. Идея великой Германии хороша, но нет доблестных, прилежных, умных и благородных вождей... Нет фюрернатур. Я вообще пока не вижу народного вождя. Я должен скоро его найти, чтобы обрести новое мужество, новую уверенность в себе. И так всегда. Одна надежда за другой рушится во мне. Я иду прямо к отчаянию... Человек стоит столько, сколько он заплатил бы за себя, будь он другим... Я уже вечность жду места и денег. Отчаяние! Скепсис! Надрыв! Я больше не вижу выхода.

2 июля 1924. Дух терзает нас и гонит от катастрофы к катастрофе. Только в чистых сердцах найдет терзаемый человек избавление от беды. Вырваться из духа к чистым людям! Роза Люксембург, «Письма из тюрьмы Карлу Либкнехту». Похоже, идеалистка. Порой поразительна ее искренность, теплый, ласковый, дружеский тон... Во всяком случае, Роза страдала за свою идею, годами сидела за нее в тюрьме — наконец, умерла за нее. При наших размышлениях этого забывать нельзя... Я слышу, как Эльзе командует на соседнем школьном дворе... Она уже не может существовать без меня. Я ее «все». Почему судьба дает мне так много любви? Почему я сам могу снова так много давать в любви? Я не такой как все? Я дитя счастья?

«В ГЕРМАНИИ НЕ ХВАТАЕТ СИЛЬНОЙ РУКИ»

4 июля 1924. Человеку трудно вылезти из собственной шкуры. А моя шкура теперь несколько односторонне антисемитская... Наш величайший враг в Германии — еврейство и ультрамонтанизм...[1] **Нам в Германии не**

[1] Ультрамонтанизм — крайнее течение в католичестве, выступающее за безоговорочное подчинение национальных церквей власти папы.

хватает сильной руки... Германия тоскует об Одном, о Мужчине, как земля летом тоскует о дожде... Спасет лишь чудо. Господь, яви Германии чудо! Чудо!! Мужа!!! Бисмарк, восстань! Мозг и сердце у меня словно высохли от отчаяния обо мне и моей родине... Отчаяние! Помоги мне, Господи! Силы мои на исходе!!!

«МЫ, МОЛОДЫЕ, БЕЗ РОДА И ТРАДИЦИИ. МЫ СОЛЬ ЗЕМЛИ»

7 июля 1924. Политическая обстановка в Европе, особенно что касается отношений Германия — Франция, устремляется к насильственному сотрясению... Хайль унд зиг! За Нового Человека. Я читаю мемуары Бебеля. Он начал с нуля и стал известным, наводящим страх вождем социалистов... Русские достаточно причудливы, у них большевизм может соединяться с мистикой, фантазией, экстазом, возможно даже без желания и понимания этого вождями... Фантастически экстремистские вожди немецкого коммунизма натыкаются на немецкого мещанина. На немецкую глупость — или осмотрительность — как кому угодно... Квинтэссенция нового человека — **мы, молодые, без рода и традиции. Мы соль земли.** Поверх дворянства и буржуазии — новая порода... Мое будущее в непроницаемом мраке. Мне не на что надеяться и всего надо опасаться... Все дороги для меня закрыты. Грудь полна стремлений, но я нигде не нужен. Где найду я спасение?.. Я хотел бы снова однажды взмахнуть крыльями! Полететь в голубую даль! Почему все мы, современные люди, любим больное? Или мы сами больны? Мы слишком много страдали? Декаданс и сладок, и одновременно горек. Но смесь соблазнительна для модернистов.

В Германии после первой мировой войны — эпоха быстрого распада традиционных связей и представлений, опустошенность сознания утратой вековых ценностей. Слом укоренившихся государственных структур распахивает болезненно-необжитые просторы непредсказуемой свободы. И сулит преимущество какой-то новой безродности — «поверх дворянства и буржуазии». Уместным мне кажется привести тут слова итальянского правоведа Луиджи Феррариса, взглянувшего на все как бы с другой стороны и предъявившего счет эпохе. Ее вина, говорит он, была в том, что человек стал воспринимать себя как модель для успеха и ставить себе честолюбивые, нереализуемые цели. Геббельс без призвания, но с лихорадочной претензией — выделиться — тому пример.

«ГОРЮ И НЕ МОГУ ЗАЖЕЧЬ»

9 июля 1924. У государственного социализма есть будущее. Я верю в Россию. Кто знает, для чего нужно, чтобы эта святая страна прошла через большевизм... Мы должны преодолеть усталость от государства.

«Я национал-большевик»,— скажет он в другой раз.

11 июля 1924. Франция и Англия сговорились, разумеется, за счет Германии. Эррио коварный подлец. Пуанкаре мне симпатичнее... Я жду и не знаю чего. Чего-то неизвестного, но чего же?.. Есть люди, столь изолгавшиеся, что из их слов уже инстинктивно отбрасывают 90% как ложь. Часть из них патологические врали (...пожалуй, и я), часть заклятые лжецы.

По поводу лживости Геббельса сходятся все исследователи. Но подобные признания и самокритичность позже не найдут себе места в дневнике.

14 июля 1924. Обо всем позабыть. Ни о чем не думать... Интернационалисты в коммунизме — евреи. Настоящие рабочие в действительности национальны до мозга костей, даже если они ведут себя как интернационалисты. Их беда в том, что евреи так превосходят их умом, что своей болтовней побивают их... Интернационализм противоречит законам природы...

15 июля 1924. Достоевский, «Нетхен Незванов». Доставляет удовольствие. Русская психология так наглядна, поскольку она проста и очевидна. Русский не ищет проблем вне себя, поскольку он носит их в своей груди. Россия, когда ты проснешься? Старый мир жаждет твоего освободительного деяния! Россия, ты надежда умирающего мира! Когда же предет день?

Он снова возвращается к «Неточке Незвановой».

17 июля 1924. Трогательная история девушки... Этому русскому трудно подражать. Психология у Достоевского всегда блестящая. Но в остальном по сравнению с большими романами «Нетхен» — приложение. Многое в ней слишком мелко для этого великого, великого русского. Может, ему были нужны деньги. Или он хотел расслабиться после большого романа... Я так малодушен перед повседневной жизнью. За что ни берусь, все не удается... Будто мои крылья подрезаны. Это делает меня хилым, апатичным. До сих пор у меня все еще нет верной цели в жизни. Иногда утром мне страшно подниматься. Ничто не ждет меня — ни радость, ни страдание, нет ни долга, ни задачи... Я снова спрашиваю себя: что мне делать? С чего начать? Вечное сомнение, вечный вопрос. Как иссохла моя душа... **Горю и не могу зажечь!** У меня нет денег, меня это подавляет. Я проклят... На что нужны эти газеты! От них становишься только глупее и тупее. Политика меня погубит.

19 июля 1924. Да, монархия Старого Фрица[1] — это было наилучшее государственное устройство. Но где взять великого Фрица?

---

[1] Так называют в Германии Фридриха Великого.

«ЭРОС МОЯ МУКА»

23 июля 1924. Кто теперь назовет Манна чисто расовым писателем? У этого Манна нет расы, есть только цивилизация... За это вас хвалят только ваши еврейские приятели, хвалят ради политики, а не из эстетических соображений... Эльзе мила и добра. Как жена и возлюбленная. Кошечка? О нет, нечто большее... Но жизнь так вульгарна. Я часто стыжусь самого себя. Если б я мог на тебе жениться, Эльзе, было бы много легче... Мы тянем друг друга в грязь. Мы думаем и смеемся иногда так вульгарно. О, этот избыток низменного и стыда! Бедная Эльзе! Я действительно твой соблазнитель. Мы утрачиваем нашу любовь. Почему так должно быть? Почему **эрос моя мука**, почему он не должен быть для меня радостью и силой?.. Надо иметь работу и профессию. Борьба между деньгами и нацией... Я жду Эльзе, и мое сердце колотится, готовое разорваться. Эрос! Эрос! Эрос!

«КТО Я?.. Я ПОКА — НИЧТО»

24 июля 1924. Вечный вопрос о собственном предназначении. **Кто я**, зачем, в чем моя миссия и мой смысл? Могу ли я верить в себя? Почему другие в меня не верят? Лентяй я или избранный, ждущий гласа божьего? От глубочайшего отчаяния спасет меня все тот же сияющий свет: вера в собственную чистоту и в то, что мой великий час должен прийти... Я вышел из Вагнера.

29 июля 1924. Нужно отказаться от всего, что называешь собственным мнением, гражданской отвагой, личностью, характером, чтобы стать какой-то величиной в этом мире протекции и карьеры. **Я пока — ничто.** Большой нуль... Прежние друзья избегают меня как чумы.

Кто-то из них посоветовал ему сначала самому научиться думать. Он поражен таким умалением его и яростно судит теперь обо всех прежних друзьях: «Наша золотая молодежь. Академическое юношество. Будущие вожди народа. Отпрыски буржуазии. Неудивительно, что коммунисты ненавидят буржуазию как чуму... Мой эрос болен. Я не могу даже об этом думать... Я договорюсь до отчаяния».

Истерия отчаяния возникает почти в каждой записи. Как, где и к чему приложить себя, чтобы выделиться? «Я заболеваю... Я ничего не могу предпринять для своего будущего». Культивируя отчаяние, он обволакивает себя им, оно в то же время — опора позы и самомнения.

Еще в 1919 году он начал писать роман, надеялся пробиться, стать писателем. «Я пишу кровью сердца свою собственную историю — «Михаэль». Рассказываю все наши

страдания без прикрас, так, как я это вижу... У меня расстроены нервы, я в отчаянии».

«Вперед! Вперед! Я хочу быть героем!» — восклицает Михаэль-Геббельс. «Я живу надеждой, что мой «Михаэль» получит приз кёльнской газеты. В Италию! О Боже! В Италию!» (15.7.1924).

Но печальный итог: «Я посылаю Михаэля от одного издателя к другому. Никто не берет... Это все мировая история, в которой мы живем. Что скажут внуки о нашем времени? Молчи и надейся!»

Роман не оценен, Геббельс относит это за счет пороков времени, которому еще предстоит отчитаться за это перед потомками.

Спустя годы, став видным нацистом, Геббельс, переработав рукопись, выпустил «Михаэля» в нацистском же издательстве. К старому мюнхенскому изданию «Майн кампф», которым я располагаю сейчас, приложен рекламный список вышедших книг, где под рубрикой «Художественная литература» значится также и «Михаэль. Одна немецкая судьба, страницы дневника. Роман д-ра Йозефа Геббельса».

Его проза была совершенно антихудожественна, пишет известный современный немецкий писатель Рольф Хоххут, патетична, как передовица, неостроумна, скучна. Публицист Хайнц Поль писал в 1931 году в «Вельтбюне» о «Михаэле», что это, в сущности, манифест коричневорубашечников о том, что они называли «немецким духом и немецкой душой». Ни в языке, ни в стиле, пишет Поль, он не обнаружил ничего немецкого, ни в одной фразе. «Но что я нашел — и каждое третье слово тому подтверждение — это абсолютно не немецкое, насквозь патологическое бесстыдство, с которым закипает в его *(Геббельса)* душе и наконец изливается наружу графоманская мерзость».

Тогда Геббельс потерпел сокрушительную неудачу — «Михаэль» был его главной ставкой. Он — несостоявшийся писатель, и интересы его все больше смещаются в сторону политики: «Если бы сегодня разразилась революция, я был бы способен выйти с пистолетом на баррикады. Творческие проблемы меня не трогают» (30.7.1924). Однако на другой день он записывает: «Тоска, пустота, утрата мужества, отчаяние, ни веры, ни надежды. Я вчера читал, что Вагнер в течение пяти лет не сочинил ни строчки. Разве здесь нет сходства?» Мания сопоставления себя с великими: с Шиллером, Прометеем, Вагнером. Список пополняется: «Как близок я Шпенглеру».

30 июля 1924. Я вполне разделяю мысли о России и ее отношении к нам. Свет с Востока. В духовной жизни, государственной, деловой, политической. Западные власти коррумпированы... С Востока идет идея новой государственности, индивидуальной связи и ответственной дисциплины перед государством... Национальная общность — единственная возможность социального равенства... В России разрешение европейского вопроса.

«Господа дипломаты, читайте Шпенглера и Достоевского»,— восклицает он. В эти годы Германия зачитывалась романами Достоевского. Книга О. Шпенглера «Закат Европы» была очень популярна.

2 августа 1924. Кто знает зачем? Но нужно всегда быть наготове. В Лондоне вновь торгуют Европой. ...Проклятый эрос. Эльзе, вернись. Киппен приносит мне газеты: еврейский вопрос. Я не могу больше об этом читать, я умираю от злости.

Геббельс чуток к обострившемуся в Германии, в атмосфере поражения, социального напряжения, антисемитизму. И переимчив[1].

7 августа 1924. Мне снилось: на меня с ножом набросился болгарин. Он задел острием мне голову. Хлынула кровь. Силы покинули меня. Страх. Холод. Я почувствовал приближение смерти. И тут я проснулся. Этого человека звали Болгораков... Боже, покарай Англию.

11 августа 1924. Неистовые мысли об Эльзе. Когда она вернется? Я тоскую по ее белому телу... Постоянные уколы совести из-за беспричинно потерянного времени. Так можно отчаяться в собственном демоне...

12 августа 1924. Нужно сломать систему плутократии=демократии *(знак равенства у Геббельса)*.

13 августа 1924. Вчера вечером Фриц Пранг. Пришел, слегка обругал евреев, выкурил пару сигарет, предложил несоразмерные, совершенно невыполнимые планы организации, сунул мне в руку пачку газет и удалился... Я недостаточно тверд и упорен. Потому я ни к чему не пришел в жизни... Страх обязательств. Мой идеал: уметь писать и этим жить. Но никто не платит мне хоть сколько-нибудь за мой помет. Мужество, мой мальчик! Ты должен работать для текущего дня. После нас хоть потоп! Это ты должен еще усвоить. Ответственность?! Такое только в романах из прошлых столетий. Учись брать жизнь, какова она есть. Это наполнит денежный мешок и набьет брюхо. Идеалами сыт не будешь... Но ты голодный пастор и им останешься...

---

[1] К тому же: «В большинстве публицисты, которыми он восхищался,— это те, которые, во-первых, блестяще пишут, во-вторых, отклоняют его сотрудничество и, в-третьих, нередко были евреями» (Р. Хохгут).

Так, в декламации о жалких своих итогах, в унынии и безнадежности, с разбитыми надеждами на «Михаэля», без работы, профессии и заработка, он вплотную подошел к порогу, за которым его ждали разительные перемены в жизни. **«Что мне делать?», «С чего начать?»** Выбор неожиданно явился сам.

«ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?»

Этот приятель Геббельса, Фриц Пранг, которого он иронически называет в дневнике «идеолог», склоняет пока еще беспартийного Геббельса поехать на конгресс националистических партий в Веймар.

15 августа 1924. У меня нет никакой охоты ехать вслед за ним. Сейчас я снова переместился по другую сторону. Я полагаю, такой партийный конгресс — это что-то ужасное. Огромные толпы людей, которые все разом рвутся произносить речь. При этом сплошь радостный образ мыслей. Ой-ей! Хоть бы Эльзе была здесь.

Однако Пранг снабдил его деньгами на поездку, и он отправляется. В Веймаре, городе Гете и Шиллера, очаге великой немецкой культуры, состоялся смотр националистических сил. «Веймар!.. Хайль! Хайль! Город — шкатулка драгоценностей... Веймар — это Гете. Место драгоценной культуры лучших времен». На террасе Национального театра перед скульптурами Гете и Шиллера расположились лидеры партийного конгресса. И первый из них — прославленный генерал Людендорф[1]. Его присутствие воспалило Геббельса.

19 августа 1924. О, наша блаженная юность! Мы вдохновенные фанатики! Гори, святое пламя!.. *(И знак свастики появляется на страницах дневника.)* Я впервые вижу Людендорфа. Это для меня потрясение... Людендорф национал-социалист (он сам так представился), фон Грэфе подлинный народник. Правее правого... Как человек симпатичнее всех Штрассер, как вождь — Людендорф, как явление культуры — Грэфе. Людендорф устранил во мне многие скептические возражения. Он дал мне последнюю крепкую веру... Мы находимся рядом с признанной элитой Германии. Элитой честных и верных! Это так приятно, вну-

[1] Людендорф Эрих (1865—1937) — в первую мировую войну нач. штаба Вост. фронта. Фактически руководил военными действиями на Вост. фронте, а с 1916-го —всеми вооруж. силами Германии. Вместе с Гитлером был во главе фашистского путча в Мюнхене в 1923-м. В Музее немецкой истории на Унтер-ден-Линден, еще отделенной от Запада стеной, в постоянной экспозиции я видела подлинную каску генерала Людендорфа и штандарт с черно-желтым драконом.

шает уверенность и радость. Всеобщее братство. Во имя народа. На улицах нас приветствуют тысячи людей. Незнакомцы. И все же знакомые. Бойцы единого фронта. Под знаком свастики... Идут баварцы. С черно-бело-красным. Гвардия Гитлера. Сердце ликует в моей груди. Прекрасные юноши. Будущее. Надежда.

Герои «Трех товарищей» Ремарка, попав на подобное сборище, говорят между собой:

«—...теперь я знаю, чего хотят эти люди. Вовсе им не нужна политика. Им нужно что-то вместо религии.

— Конечно. Они хотят снова поверить. Все равно во что. Потому-то они так фанатичны».

Геббельсу же, помимо веры, в которой он априорно готов утвердиться от одного только присутствия здесь в лидерах Людендорфа, нужно — и в первую очередь — место под солнцем. И Геббельс, впервые оказавшись на партийном мероприятии, присматривается к лидерам, уже с ходу отождествляя себя с ними. Вот Штрейхер, один из основателей нацистской партии, издатель грязной антисемитской газеты «Дер штюрмер», «Ядовитый пошляк» — назовет его на Нюрнбергском процессе обвинитель от США[1].

Выступает Штрейхер. «Юлиус Штрейхер. Он тут же заговорил напрямую об антисемитизме. Фанатик с поджатыми губами. Берсеркер[2]. Пожалуй, немного патологичен. Но таким-то он и хорош. Такие нам и нужны, чтобы увлечь массы. Должен же Гитлер что-то с этого иметь...»

Геббельс узнал себя — он свой среди этих людей. И с ходу прикидывает: «нам нужны». Он почувствовал здесь свою востребованность и не промахнулся. Глазами будущего пропагандиста он оценивает со всем цинизмом, как эффективен для овладения толпой антисемитизм. Антисемитизм станет его главным пропагандистским инструментом[3].

Так определилось в Веймаре, «что мне делать», «чем заняться», «с чего начать».

«Все громче, националистичнее» на этом сборе. «Мне немного стыдно за шум в Веймаре, когда я думаю о Гете».

«Страна высоких помышлений! — писал о Германии в эпилоге своей юношеской поэмы Гоголь.— Воздушных призраков страна! О, как тобой душа полна! Тебя обняв, как некий Гений, великий Гете бережет».

---

[1] Ю. Штрейхер за разжигание расовой ненависти казнен в Нюрнберге.

[2] Берсеркер — в войсках норманнов исступленный боец. Безоглядный, беспощадный воин.

[3] В это же время, находясь в тюрьме, Гитлер описывает в «Майн кампф», как он избрал антисемитизм своим политическим оружием.

Но в ряду новых помышлений Геббельса не посетит стыд перед памятью величайшего немца, когда уже в ранге нацистского министра пропаганды, просвещения, культуры он вместе с элитой «честных и верных», близостью к которым так упоен на этом смотре националистических сил, позаботится об учреждении как раз рядом с Веймаром, в лесу, где тропы излюбленных прогулок Гете, концлагеря Бухенвальд («Буковый лес»). Гарь и пепел печей Бухенвальда оседали на старой ратуше Веймара, на доме художника Лукаса Кранаха, на черепичной кровле, под которой жил, творил и умирал Шиллер, на «casa santa» — «священном доме» Гете — в городе «драгоценной культуры лучших времен».

«С ЧЕГО НАЧАТЬ?»

В «Майн кампф» Гитлер пишет о массовом экстазе толпы, захватывающем новичков. Он настаивает: «Массовые собрания необходимы». Человек начинает чувствовать, что он «член и боец всеохватывающей корпорации». На массовом собрании пришедший впервые человек «захвачен мощным воздействием внушающего гула и воодушевления трех-четырех тысяч других людей... Он сам подпадает под колдовское влияние того, что мы обозначаем словом «самовнушение»... Человек, пришедший на такое собрание сомневаясь и колеблясь, покидает его внутренне укрепленным: он стал членом сообщества»[1]. Именно такое происходит с Геббельсом. Подвергшийся этому эксперименту, он оказался идеальным подопытным. Одиночка «легко поддается страху», а «картина большого сообщества оказывает стимулирующее и ободряющее воздействие». Он отправился в Веймар растерянным, мятущимся, без всякой опоры в жизни и с предубеждением к подобным сборам. А возвращается из Веймара окрыленным. «Сердце полно незабываемых впечатлений. Я снова обрел мужество» (19.8.24).

21 августа 1924. Моя деточка *(Эльзе)* пишет из Швейцарии... Во вторник мы увидимся в Кёльне. Я очень радуюсь этому. Авось удастся достать денег, чтобы мы могли остаться до среды. Что за беспутная ночь будет! Мои заметки готовы. «Либерализм и государственный социализм»... «Народный дух в борьбе с интернациональным»... Отец обеспокоен, что он потеряет свое место. В настоящее время это худшее, что могло бы с нами случиться. Куда я должен тогда деваться? Но быть мо-

[1] Hitler A. Mein Kampf. München, 1934, S. 535.

жет, это было бы хорошо для меня. Я буду тогда вынужден встать на собственные ноги. И должен выстоять перед опасностью превратиться в мещанина.

В это время Гитлер в тюрьме, в Лансберге, писал в «Майн кампф», как, оставшись без родителей, он направился в Вену, надеясь оседлать судьбу: «Я хотел «чем-либо» стать», «разумеется, ни при каких обстоятельствах — служащим». Так и Геббельс, еще не читавший этих строк, тоже не желает стать служащим и, значит, быть как все, «омещаниться». И на 28-м году жизни, терпя некоторые моральные протори, он предпочтет сидеть на шее отца, и без того надрывно обремененного.

«Я в поисках денег,— продолжает он запись.— Сколько треволнений причинили мне в жизни проклятые деньги... Антисемитизм многих людей — только негативный семитизм. Они бьются с еврейством, как коммунисты с капиталом, чтобы самим стать респектабельными капиталистами».

22 августа 1924. В Вюрцбурге выступал яростный и фанатичный Юлиус Ш. *(Штрейхер).* За четыре часа он так взвинтил своей страстностью толпу, что она спонтанно запела германский гимн. После второй строфы на сцену явился старый профессор в длинном черном фраке и, подняв руки, попросил тишины. Затем этот старый, седой как лунь человек забрался на стул и своим масленым голосом пропел последнюю строфу... Самый трагикомический момент был, когда старикан посреди пения свалился со стула... Вот так вынуждены мы, апостолы новой идеи, пробуждать народ...

«Фриц Пранг говорит, что я прирожденный оратор» — этой похвалой после первого же выступления решилось для Геббельса — с чего начать.

Выступать перед аудиторией, завладевать ее вниманием — как это много значило для недавнего скромного служащего Кёльнского банка.

КАКАЯ ДОРОГА ВЕДЕТ К БОГУ?

Не прошло месяца, как Геббельс восклицал: «Мы должны искать Бога, для того мы являемся на свет». Но это до Веймара. Теперь, когда он предпринимает первые практические шаги, участвует в организации полулегальной местной нацистской группы на оккупированной территории, он снова припадает к вере. Но уже по-иному.

«Мы должны быть берсеркерами нашей страсти и нашей

веры,— провозглашает он в дневнике.— Только тогда мы можем победить.— И корит возможного оппонента, сомневающегося в этой вере, а точнее самого себя: — Ты не веришь в свое дело? Стыдись быть человеком. Та дорога ведет к Богу, в которую мы верим, что она ведет к Богу... Потребность XX века — социальный вопрос. Он может быть разрешен лишь духом, а не рассудком» (21.8.1924).

Этой блудливой риторикой будет наполняться дневник.

Разум отменяется. Чтобы победить, нужно быть безоглядным, жестким в вере. А вера — это то, с чем ты повязан. Нет нужды испрашивать у Бога ни веры, ни пути. Дорога к Богу — не поиск всей жизни, а прагматический выбор. Та дорога, на которую стал, ту и полагай ведущей к Богу. Как все становится элементарно, достижимо. Первые практические шаги Геббельса — и первое же отступничество от Бога. Религией становится политика.

«ДЕНЬГИ И ЭРОС — ДВИЖУЩАЯ СИЛА МИРА»

23 августа 1924. До вторника, когда Ты приедешь, еще три дня. Мои часы — это лишь ожидания Тебя. Все во мне жаждет твоей сладостной благосклонности. Ты славная, любимая женщина!.. Политика — сплошное отчаяние Либерализм, кажется, снова побеждает... С отцом у меня ожесточенная борьба. Он предпочел бы, чтобы наступило спокойствие и порядок, безразлично какой ценой. Мы, молодые, не желаем состояния трусливого рабства. Оставьте себе ваш кладбищенский покой. Мы хотим истинной свободы. Я изворачиваюсь насчет денег ко вторнику. По одной марке собираю я денег на дорогу *(для встречи с Эльзе)*. Надеюсь, соберутся нужные 20 м. Эта душевная тоска ожидания огромных счастливых часов. Всеми мыслями владеет одно чувство: вновь увидеть, обрести. Каждый удар пульса о Тебе. Часы ползут как недели. Вечером, когда я ложусь в постель, я высчитываю, сколько ночей я еще буду в одиночестве. Днем я считаю часы, которые еще разлучают меня с Тобой... Маленький, любимый мышонок! — *Завершается эта любовная декламация перепадом в другую тональность.*— Я так мало приучил ее к хорошему, что любая радость возносит ее до небес. Я люблю женщин больше на расстоянии, чем когда они возле меня. Идеал и действительность!

29 августа 1924. День с Эльзе в Кёльне... В послеобеденное время — наедине с ней в номере отеля... Ликующий крик. Пробуждается зверь. Пыл любви и страсти... Я люблю ее из всей глубины моего сердца... Эрос пробуждает во мне бога и дьявола. **Деньги и эрос — движущая сила мира...** Любимая, милая девочка. Ты маленький, жизнерадостный черт... Политика на острие ножа. Сегодня рейхстаг решает принять или

отвергнуть лондонскую сделку об учреждении американской рабской колонии. *(Речь, как видно, об иностранных инвестициях.)*

30 августа 1924. Мы еще не созрели для власти. Мы должны иметь терпение и ждать... Пусть немецкая нужда усиливается, чтобы она действовала целительнее и ускореннее... Чем глубже Германия погрязнет сегодня в позоре, тем выше мы потом поднимемся.

«Я ХОЧУ БЫТЬ МОЛОТОМ!»

31 августа 1924. Мышоночек... Ты милое дитя. Ты же самое любимое, что у меня есть. План газеты готов.

1 сентября 1924. «Мы ничто. Германия все!» — так кончается моя заметка.

Человек для государства, а не государство для человека. Избитая формула. «Deutschland über alles» — «Германия превыше всего».

5 сентября 1924. Какое количество ненависти и злобы каждый день в этих тюках газет. Можно растеряться. Одна злобствует против другой. Куда это ведет, всюду зависть... Яд повсюду. И я содействую этому!

Если не из лицемерия он возмущается, то из минутной близорукости, но вскоре уяснится: злоба и ненависть — решающий союзник национал-социалистов, готовящих переворот. Геббельс станет разжигать эти темные страсти, провоцировать, насаждать и поддерживать беспорядки, уличные схватки, насилие, вплоть до политических убийств. Фашистам нужна сдвинутость, когда затемнено понятие о добре и зле и стерта грань между ними и беспрепятственнее входят в человека темные страсти. Массам людей, впавшим в ненависть, злобу, растерянность и страх перед жизнью, легче стать добычей фашизма, оказаться столкнутыми в бездну расового безумия.

Гитлер позже закрепит это в выступлении, приведенном Геббельсом в дневнике: «Бог дал нам огромную милость в нашей борьбе. И лучший его дар — ненависть наших врагов, которых мы так же ненавидим от всего сердца». «Прирожденный разжигатель»,— восхитится им тут же Геббельс. О, бедный несостоявшийся пастырь! Превозносит устами Гитлера ненависть как дар Господний.

5 сентября 1924. Я хочу быть молотом!.. Я снова должен искать оплачиваемое место. Так дальше не пойдет. Я едва могу глядеть в глаза отцу. Нахлебник. Жалкая роль, которую я играю!!!

Германия все еще под игом проигранной войны, стеснения диктатом победителей. В Рейнской области, где родной город Геббельса,— демилитаризованная зона, в Рурскую область вошли оккупационные французские войска, и жжет постоянно от этой униженности. Выход этому болезненному комплексу Геббельс дает отчасти в возрастающем в нем антисемитизме. Найден универсальный виновник всему, что происходит с Германией, в том числе и с прозябанием Геббельса. На этой стадии для Геббельса слово «еврей» — синоним капиталиста, либерала, демократа, интернационалиста; евреи для него также сами страны-победительницы, которых представляет то Лондон, то Париж.

«Заварилась мало-помалу каша на почве антисемитизма, от которой пахнет бойней,— писал Чехов 6 февраля 1898 года Суворину в связи с делом Дрейфуса.— Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: «Это француз гадит, это жиды, это Вильгельм...» Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство! Они, конечно, дурной знак. Раз французы заговорили о жидах, о синдикате, то это значит... что в них завелся червь, что они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить свою взбаламученную совесть... Первыми должны были поднять тревогу лучшие люди, идущие впереди нации,— так и случилось...»

Так оно было на грани веков.

«ВЖИВАНИЕ — ЭТО ВСЕ»

Эйфория прошла. Надежды самомнения то рушатся, то снова захватывают. Предстоящее двухлетие историк Эльке Фрёлих называет «инкубационным периодом» становления Геббельса-нациста.

8 сентября 1924. Политика делает меня бесплодным. У меня больше нет позитивных мыслей. Все вызывает во мне отвращение. Если б я только мог выбраться из этого кавардака... В меня вполз враг. Враг моей веры. Если я теперь еще и веру потеряю, тогда я потеряю надежду.

Это не помешает ему спустя неделю сказать обратное: «Политика радует меня». Написанная им статья «доставила удовольствие». «Мы откроем в себе новую духовность», «Сердце живет», «Огонь распространяется».

Геббельс на похоронах

20 сентября 1924. Вживание — это все. Надо вжиться в идею.
22 сентября 1924. На верном ли я пути? Я иногда сомневаюсь. Найду ли я крепкую, непоколебимую веру!!!

Казалось бы, с его органикой и его пластичностью ему не составит особого труда «вжиться», но пока еще не удалось. Он еще рефлектирующий, мечущийся человек. К тому же он по-прежнему нищ.

«Отец строг: на предприятии кризис. А я живу на его счет. Ужасное чувство! Куда я должен деваться? Скепсис и крайнее отчаяние. И вот снова приходит газета. Итак, снова монотонная работа. Растопчет твой дух...» Но зато: «Говорят, я блестяще выступал». Хвала самому себе будет постоянно присутствовать в записях.

27 сентября 1924. Я сам сотворю свою славу... Моя слава как оратора и политико-культурного писателя распространяется в рядах национал-социалистов всей Рейнской области... Хайль!

Эльзе печатает его прозу на машинке, но «это ее не радует. Я должен объяснить ей. Для наших современников хороший немецкий стиль прозы не имеет смысла. Мы привычны к экспрессионистской напыщенности. У нас дверь должна быть тотчас взломана. Великое всегда просто, ему не нужно бить на эффект».

Геббельс участвует в руководстве местной нацистской группы в Эльберфельде.

1 октября 1924. Немецкий национал и антисемит. А они не хотят признать это новым социализмом.— *Это он о членах немецко-национальной партии, с которыми состоит тут в распрях.*— Но молодежь научит вас приличию! Берегитесь! Поверх ваших седых, почтенных голов мы построим новое государство... Мы мало-помалу продвигаемся. Но нам основательно приходится бороться против врага в нашем собственном лагере. Боже, до чего же ужасающе мелко большинство людей.

3 октября 1924. Теперь я ответственный редактор «Народной свободы». Я победил по всем линиям. Газета целиком под моим влиянием... Трамплин наверх... О, эта работа дает удовлетворение и радость. Со вчерашнего дня я стал совсем другим. И дома тоже смотрят на меня совсем другими глазами. Здесь действует только зримый успех. Это первая ступень — вперед и выше. У меня есть рупор... Я пробьюсь еще выше. В этом я даю здесь обет совершенно серьезно. Вперед! К звездам!

Это вырвавшееся признание — ключ к пониманию его натуры и его честолюбивых помыслов. Доминанта — карьера. На этот раз это высказано без обиняков. Обычно «карьера» является под псевдонимом «миссии» или «веры». И поскольку с такой верой долго не ладится — до ощутимых успехов нацистов,— то теперь все чаще еще один псевдоним: «немецкий пролетарий»: «Народ, трудящиеся — это лучшее, что у нас есть» (23.9.1924). Но уже через день: «90% людей канальи. 10% сносны. Эти десять процентов должны править 90%, чтобы стояло государство. Тайна диктатуры». И это устойчиво у Геббельса: «90% немецкого пролетариата дерьмо. Зачем я борюсь? Из сострадания? Нет, потому что я должен повиноваться своему демону!» (4.4.1925). Его демон честолюбие. Все прочие обеты и заверения, что были и будут,— пустая декламация. Но не этот обет: продвигаться наверх по ступеням карьеры. Ему он будет верен буквально до последнего часа в подземелье имперской канцелярии, когда демон ненасытного честолюбия уже примется пожирать детей Геббельса, обреченных отцом на гибель. А следом и его самого.

Но до этого часа еще многое случится.

Я имела возможность убедиться в трагические для Германии дни неминуемого поражения, что комиссару обороны Берлина Геббельсу вместе с Гитлером не было никакого дела до народа и его непереносимых страданий. Это подтвердилось в последних записях его дневника в апреле

1945-го. Название «Национал-социалистическая немецкая рабочая (!) партия», как и банальная политическая демагогия о защите интересов трудящихся, было для нацистов и лично для Геббельса лишь средством для осуществления честолюбивых помыслов — захвата власти.

4 октября 1924. Сегодня впервые моя собственная газета пришла в дом. Какую радость она мне доставила. Наконец-то я устроен.

И в эти окрылившие его дни он снова припомнил то, от чего успел уже отступиться: «Мы должны искать Бога. Для этого мы приходим в мир!» (7.10.24). Но это медь звенящая... Он нашел для себя суррогат Бога в Гитлере.

6 октября 1924. Видны успехи. Я продолжаю сражаться. Эльзе мой лучший товарищ.

На этом записи в дневнике обрываются и восстанавливаются с середины марта 1925 года. За это время состоялось знакомство с досрочно выпущенным из тюрьмы Гитлером. Но оно осталось за пределами дневника.

«По указанию мюнхенских властей я охранял Гитлера в тюрьме в Лансберге, как цветок в оранжерее,— читаю в рукописи бывшего полицейского Раттенхубера.— Баварское правительство было заинтересовано сохранить Гитлера для подавления революционного движения. Я получил приказ не раздражать арестованного полицейскими мерами охраны и предоставить ему свободно гулять по крепостному саду. Его единомышленники беспрепятственно допускались к нему, и комната Гитлера напоминала салон политического деятеля. В его распоряжение отдана пишущая машинка, на которой он с помощью Гесса написал книгу «Майн кампф». По окончании ее Гитлера выпустили на свободу, причем начальник крепости дал ему очень похвальную аттестацию».

«У МЕНЯ ХОТЯТ ОТНЯТЬ ВЕРУ»

18 марта 1925. Работать, писать. Телефонировать и телеграфировать. И при этом денег лишь на самую скудную жизнь. Есть от чего впасть в отчаяние... Завтра мои именины. Я поеду домой... Безысходность, отчаяние повсеместно во всех сердцах. Выше голову. Работать! Я свирепствую как бык... Завтра в Рейдте у Эльзляйн[1]. Ура! Как я радуюсь! Я пишу ежедневно дюжину писем. Жуть! Из меня можно сделать фонограф! Что вы хотите от меня, вы, мелкие душонки? Ведь я человек!

20 марта 1925. Счастливые часы с Эльзе. Она подарила мне «Братьев

[1] Уменьшительное от Else, Эльзенька.

Карамазовых» в чудесном красном холщовом переплете. И белую сирень, благоухающую в моей комнате.

23 марта 1925. Гитлер уже в полном порядке... Гитлер написал дюжину листовок, мастерски. Это человек с размахом... Что гонит меня наверх? Честолюбие, гордость, идеализм? Я не знаю. Человек так мало знает себя. Крупная промышленность — грех. Мы избавим от нее людей... Я устал. Я хочу спать. Спокойной ночи, мой любимый дневник, мой заботливый исповедник. Тебе я говорю все. Все!

Но записи в «мой любимый дневник» — не исповедь, скорее — это сброс негодования, раздражения, досады на запретителей, а чаще и яростнее на оппонентов и всех тех, кто не ценит его и обрекает на нужду. Нередко это площадка для патетических заклинаний, жестикуляций.

Одномерность, агрессивность нацизма обгладывает Геббельса. Он растеривает то, что имел,— тягу к чтению, не по-школярски беспорядочному, импульсивному. Брожение подхваченных, заимствованных, но теребящих мыслей. Только с Эльзе его по-прежнему связывает живое чувство.

26 марта 1925. Гитлера заставляют замолкнуть. Нам изо всех сил затыкают рты. Это доказательство нашей правоты,— *вторит он Гитлеру.*— Сегодня идти в Дуйсбург через французскую *(т. е. Рейнскую)* область. Врагу в глотку. Вигерсхаузен *(народник)* называет меня подстрекателем. Благодарю за комплимент. Поскольку вы не поняли идею наступающей революции... У меня нет денег. Начинается голод. Я не знаю, чем я 1 апреля расплачусь за жилье. Это горе. Нас содержат как шелудивых собак... «Этот человек для нас опасен»,— сказал обо мне Рипке *(гауляйтер)*... Эти жалкие умельцы жить! Я не хочу овладевать искусством жить. Я довольствуюсь жизнью в мучениях! Это ужаснейшая мука! Но надо терпеть и быть пламенем... Деньги — дерьмо! Я хочу — жизнь! Всю жизнь!

28 марта 1925. Нам не хватает духа Гитлера. Вы связали человека, но не мысль!

Досрочно выйдя из тюрьмы, Гитлер пообещал баварскому правительству полную лояльность. Но тотчас выступил в ставшей знаменитой пивной «Бюргербройкеллер», где в 1923-м разыгрался «пивной путч».

Я побывала недавно в этой пивной, поднявшейся из руин после войны со всем уничтоженным бомбами Мюнхеном. В гигантском зале, вмещавшем тысячи посетителей, современные немцы, сидя на скамьях за простыми длинными столами, пили пиво, заедая присоленными кренделя-

ми, раскачивались в едином ритме, слаженно подхватывая песню, оглашая всю непомерную утробу зала могучим мужским хором. Было даже слегка жутковато.

А тогда, впервые по выходе из тюрьмы выступив здесь, Гитлер нарушил слово, призвав к борьбе не на жизнь, а на смерть: «Либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его!» Последовало запрещение Гитлеру выступать. На это и негодует Геббельс.

30 марта 1925. Я хочу борьбы, потому что я не в состоянии больше выдерживать... Нет денег. Вылетает в трубу воодушевление...

Снова предстоит ему ехать домой попрошайничать денег. «Никто не питается воздухом и росой. И словом господним тоже... Я не могу так больше! Меня разобьет отчаяние. **У меня хотят отнять веру!»** Нет денег, и он не может откликнуться на готовность Эльзе приехать к нему на два дня в Эльберфельд. «У меня сердце обливается кровью, но это не получится».

2 апреля 1925. Теперь я сижу и жду чуда. И если оно не произойдет, я буду искать работу. Что-нибудь да попадется. Тогда я и решу, как приспособиться к жизни, и сделаю последний вывод, который означает: работа ради хлеба.

Но угроза подумать о работе-заработке не осуществится. Снова привычное: обращение за деньгами к отцу. И 150 марок, переведенных ему телеграфом, и проклятия попрошайничеству, и «Я этого больше не выдержу!», и опять все сначала.

«О БЕДНОЕ... ПЛЕБЕЙСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ!»

4 апреля 1925. В политике... Мы в отчаянии. Немецкий народ систематически зреет для гибели. *(?!)* А пролетариат? Где же его борьба? Он терпит все, все и рад-радешенек, когда б только голод миновал.

7 апреля 1925. Вечером в пивной серьезный спор с Рипке в связи с нашей нац.-соц. программой. Мы должны отдать рабочим в собственность производство, но максимум 49%, говорит Рипке. Я называю это реформированным капитализмом, но я ненавижу капитализм в любой форме, как чуму... Я радуюсь Пасхе. Имей я деньги, я бы с Эльзляйн вылетел бы в далекий мир. **О бедное, скудное, ограниченное, плебейское существование!**

9 апреля 1925. Моя вера готова меня оставить! Завтра Страстная пятница! Я воскликну вместе с умирающим Спасителем: «Боже, Боже, зачем ты меня оставил?»... Я тоскую по приятной Эльзенькиной болтовне.

18 апреля 1925. Есть только два типа людей. Имеющие внутреннего демона и не имеющие его.

20 апреля 1925. Почему вообще светит солнце в нашем бедном, несчастном мире? Почему мы не отчаиваемся? Что дает нам мужество продолжать жить? Что за Бог или дьявол терзает нас до крови? Люди ли мы, если мы становимся так безгранично одиноки в наших раздумьях? Почему мы не соединяемся в наших страданиях и не несем их сообща? О, ты великая, ужасная загадка мира! О, море боли в этом мире! Отчаяние и гибель! А на улице золотое сияние солнца. Как понять мне это!

Это характерный образчик риторики Геббельса. Пусто, безответственно, пошло и лживо. Стеная о разобщенности мира, он уже денно и нощно работает на отторжение немецкого народа от всего общечеловеческого. Потому в его публичных выступлениях идет в дело: германофобия, злокозненные замыслы «малого народа», масонов, коммунистов и социал-демократов. Немецкий народ должен почувствовать себя в осаде и призвать спасителей, а они-то уже на подхвате.

За пределами этой «концепции» у Геббельса нет своих устойчивых взглядов, все зыбко, его мотает от одних утверждений к противоположным, и он истерически жаждет вождя-идеолога. А пока что со своим скудным, но доходчивым и достаточным пропагандистским багажом он, хромающий, с неописуемой энергией носится по городам и весям края. Его рьяность, захватничество в местной организации вызывают опасения даже у его сотоварищей: «подстрекатель»,«опасный человек», «Рипке ненавидит меня как чуму». От него хотят избавиться. Но он цепок. Однако при всей рьяности Геббельса социальное положение его остается без изменений, по-прежнему он люмпен. И свое негодование он обращает против немецкого народа: «Немецкий народ едва ли может рассчитывать на спасение. Он марает грязью подаренных ему судьбой вождей или обрекает их голодать. Для кого я жертвую? Для этого человечества? Для этих мелких душ? Я должен слушаться лишь внутренней необходимости» (22.4.1925). «Отвратительный народ немцы. Празднуют свое рабство» (22.5.1925).

«Я — НЕСОМНЕННО ПЛАМЕНЬ!»

27 апреля 1925. Я произношу блестящую речь. Эльзе сидит в первом ряду. Все совершенно вдохновляюще... Несколько сладостных взглядов. Она очень любит меня. О, какая радость!

Город празднует избрание Гинденбурга президентом. «Бесконечное ликование масс... Слава Гинденбургу!»

Здесь, в Эльберфельде, где Геббельс начинал свою карьеру в партии, он вскоре обретает врага в лице Рипке — гауляйтера Рейнланд-Норд. «Я начинаю ненавидеть Акселя Рипке. Кажется, он тоже меня ненавидит. Здесь столкнулись два человека и два мировоззрения: буржуазная реформа и социалистическая революция». «Рипке негодяй», «Рипке или я должен пасть». Он находит в гау[1] тех, кому Рипке неугоден, и избирает тактику: «Выжидать!» Выжидать, когда можно будет скинуть Рипке.

Это чрезвычайно характерное для Геббельса поведение — интригана, завистника. Он так же шлет в дневнике проклятия и окружению Гитлера в Мюнхене, мешающему Геббельсу пробиться поближе к «шефу». В сколько-нибудь заметном нацисте он видит соперника или возможного оппонента: сколачивает блок против него. При этом обычны для него незамедлительные переходы от восторженного отношения к человеку до отталкивания, клубящейся злобы, ультиматумов. Недруги и союзники варьируются, меняются местами. Однако без врагов он так или иначе не остается.

«Он снова вызывает во мне энергию брожения. Пробуждается старый демон. Благодарю тебя, господи, что ты снова пробудил меня из мертвых». Это сказано в связи с Рипке, но Геббельс постоянно алчет импульсирующего его врага. Без врага он — мертв.

Эти проявления во внутрипартийной борьбе будут нарастать в нем и все активнее сказываться в больших масштабах, когда он окажется уже на других, более высоких этажах партийной, а потом и государственной власти. Но и вся среда, в которой действует Геббельс, и каждый в отдельности, как и сам он, стоят друг друга.

8 мая 1925. Тяжкая, бессмысленная жизнь.

22 мая 1925. Мы делаем из национал-социализма партию классовой борьбы. Именно так. Капитализм должен быть назван своим именем.

Северо-западные округа нацистской партии, объединенные под руководством Грегора Штрассера, положили в основу своей программы классовую борьбу. «Мы победили по всем статьям... Завтра приедет Эльзе. Я радуюсь, как школьник».

---

[1] Гау — округ *(нем.)*.

27 мая 1925. Национал-социализм только немецкое дело или мировая проблема? По-моему, он выходит далеко за пределы Германии. Что думает Гитлер?

Но Гитлер определенно высказался в «Майн кампф»: национал-социалистическая идея, как и церковь, «не ограничена отдельными государственными областями нашего отечества», а намерена «определять и заново организовывать жизнь народа и потому должна самой себе присвоить право переходить через границы, установленные тем развитием дел, которое мы не признаем»[1]. Здесь уже наметки эскалации и господства национал-социализма.

28 мая 1925. Нам не нужны политики, нам нужны фанатики и берсеркеры. Гитлер на пути к классовой борьбе... Сохрани мой жар, Господи! **Я — несомненно пламень!**

«ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ!»

4 июня 1925. Я люблю тебя, Эльзе, милую, красивую!.. Утро прекрасное. С Эльзе — купаться. Красивая женщина! Как я люблю тебя!.. Отчаянные поиски денег.

8 июня 1925. Я при деньгах... Я держал речь. Ночью страшная драка с коммунистами. 120 коммунистов задержаны, 2 полицейских ранено... Обе партии, как берсеркеры, набросились друг на друга... Эльзляйн люблю... Она добрая и красивая. Я бы очень хотел, чтоб она стала моей женой, если бы она не была полукровкой... Пакт о безопасности! Проклятый Штреземан[2]. *(В это время обсуждается гарантийный пакт, закрепляющий существующие границы.)*

12 августа 1925. Я умер и давно погребен! Спать, спать! Когда обрету я покой?!

14 августа 1925. Деньги, деньги, деньги! Я опять в нужде. Сил нет... Нужно удержать веру.

«ЧЕЛОВЕК БЫЛ И ОСТАЕТСЯ ЖИВОТНЫМ»

15 августа 1925. Я вынужден телеграфировать домой о деньгах.— *Это постоянный рефрен в записях Геббельса, стоящего уже на пороге своего 29-летия.*— Смогут ли они мне помочь?

16 августа 1925. Из дома пришла телеграмма со 150 марками. Хорошие. Всегда помогают в нужде... Я вижу слишком много недостатков. **Чело-**

---

[1] «Mein Kampf», S. 648.

[2] Штреземан Густав — министр иностранных дел в Веймарской республике, лауреат Нобелевской премии мира.

век был и остается животным. С низкими или высокими инстинктами! С любовью и ненавистью! Но животным он остается всегда.

Это настойчивое утверждение: человек — животное, человек — каналья — отличная самоподготовка к любым манипуляциям над таким ничтожеством, как человек.

21 августа 1925. Штрассер рассказывает много печального о Мюнхене... *(где обосновался Гитлер со своим штабом).* Гитлер окружен фальшивыми людьми... Мы со Штрассером теперь организационно охватываем весь запад... Мы добьемся у Гитлера признания. Штрассер с инициативой. С ним можно работать.

29 августа 1925. Замечательная книга Гитлера. Так много политического инстинкта. Я вполне воодушевлен. За моим столом сидит преподаватель высшей школы, так называемый интеллигент. Я с пылом и страстью стараюсь ему доказать, что он жалкий обыватель, слизняк.

Тем сладострастнее он это делает, что начитался «Майн кампф»: «Малообразованный научно, но здоровый телом человек более ценен для народного общества, чем богатый духом слабак». Хотя трудновато Геббельсу благоприятно соотнести себя с этой формулировкой, проще заклеймить: «Интеллигенция — самое худшее», как и поучает Гитлер.

«Мы покончили с 1789»,— запишет вскоре Геббельс. Очевиден смысл фразы: национал-социализм отверг и поносит идею французской революции о нации как согражданстве всех людей, объединенных общей государственностью. Носителем этой идеи была и остается интеллигенция. Гитлер с его прославленным соратниками «инстинктом», а за ним и Геббельс чутко сознают несовместимость подлинной интеллигенции с нацизмом, ее органичное противостояние ему. Так было и так осталось и на новые времена. Чтобы поладить с любым нацизмом, отдаться ему под любым конформистским, псевдопатриотическим или иным предлогом, интеллигенции придется предать самое себя, свой нерушимый, неписаный устав, свою гуманитарную миссию.

«Я НА ГРАНИ ОТЧАЯНИЯ»

3 сентября 1925. Эльзе здесь... Она добра ко мне и доставляет мне радость... Я смотрю на нее и болезненно сознаю, что мы бесконечно далеки друг от друга. Почему? Почему я должен погибнуть *(?!)*, а Эльзе не может жертвовать вместе со мной? Какая ужасная трагедия!

«Великая любовь — это значит: я хочу положить на нее всю мою жизнь». Это в поучение Эльзе. К себе же эти догмы Геббельс не обращает. Он не только не женится на своей

уже четырехлетней «невесте и возлюбленной», но готовит ей и ее сородичам гибель. А ведь записи его полны их любовными встречами, красотой Эльзе, прелестью ее радостного отношения к жизни, страстным ожиданием ее и болью от временного расставания. Она единственный человек, с которым ему хорошо, надежно, тепло, с ней входит в дом естественность, которой он лишен.

4 сентября 1925. Эльзе уехала. Дождь и серость... Безутешное одиночество. **Я на грани отчаяния.** Работы сверх головы... Я в безвыходном положении. Я слишком устал. И снова заботы о деньгах. Я больше не выдержу!

Он, перемогаясь от боли в ноге, как заведенный — «Вчера в Мюльхайме. Сегодня в Эльберфельде. Завтра в Ганновере. А послезавтра — в Гёттинген». Выступает, вербует новых членов партии и каждый раз пишет в дневнике самыми возвышенными словами о своем успехе у аудитории и все время нуждается в новых инъекциях успеха. Если раньше были смутные попытки найти себя в себе, то теперь он ищет и находит себя в толпе, которую разжигает и от нее же возгорается сам. Но нацизм непитателен, опустошителен, и Геббельс, сознает он это или нет, скудеет и нервно истощается. Пугается — туда ли попал. Тем более при нескончаемых материальных невзгодах. Иногда вдруг проблеск — трезвеет: «Сегодня вечером на машине в Хаммерталь. Снова молоть вздор». Позже он так не скажет.

5 сентября 1925. Финансовая служба выслала мне чек на 150 марок. О, святая простота. Я болен. Душа ранена. Изнемог. Мне бы на год в горы!.. Я хочу спать! Заснуть и не проснуться.

Предстоит совещание с целью основания северо-западного объединения нацистских округов, в котором у Геббельса не последняя роль.

7 сентября 1925. Движение делает первые маленькие шаги к успеху. Зимой нам предстоит тяжелая борьба. Но и успехи.— *И все же:* — Иногда мне становится тошно. И хочется зашвырнуть весь этот хлам в угол.

Гибель, жертва, смерть и отчаяние — тут и игра, и доля искренности, и поза, и форма существования. И все же — еще бьется рефлектирование, болезненность переживаний. Потом наступит другое время — другие черты натуры заострятся.

«НАЦИОНАЛЬНОЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ»

11 сентября 1925. У нас был сильный спор. **Национальное и социалистическое!** Что сперва и что следует потом? У нас на западе этот вопрос

решен. Сперва социалистическое освобождение, затем как буря грядет освобождение национальное. Проф. Вален иного мнения. Сперва национализировать рабочих. Но вопрос! Как? Гитлер колеблется между двумя точками зрения. Но он намеревается склониться в нашу сторону. Так как он молод и умеет жертвовать. Все лишь вопрос поколений. Стар или молод! Эволюция или революция! Социальная или социалистическая! Для нас выбор не труден.

14 сентября 1925. «Золотой петушок», русский балет. Прекрасные танцы и народные песни. Песня о Волге.

23 сентября 1925. Эльзе в понедельник, зайчик, чок, чок. О, твоя любимая рука. Ты, милая! Блаженная любовь... Эльзе так мила, ласкова. Делает бутерброды ногтечисткой. Ах ты, чудесная богема. Расставание! Прощай, ты милое дитя!.. Моральная депрессия!.. У меня несколько дней нервный упадок. У меня потребность в Эльзе. О, ты милая, сладостная женщина!

26 сентября 1925. В Мюнхене склока в движении. Мюнхенцы стоят мне поперек горла.

2 октября 1925. Мы теперь полностью едины со Штрассером. Я и по-человечески тоже очень с ним сблизился... Штрассер далеко не так буржуазен, как я думал поначалу... Все же в Мюнхене, по-моему, большой свинарник... Я работаю над статьей «Национал-социализм или большевизм»... Штреземан едет в Локарно продавать Германию капитализму западных стран. Жирная, сытая свинья! Северинг[1] запретил Гитлеру выступать в Пруссии... Называет его «иностранцем»...[2] И это республиканская свобода совести!

6 октября 1925. Отец все тот же. Хороший, благомыслящий обыватель. Порядочный мещанин.

9 октября 1925. Дюссельдорф: большой красный плакат на афишном столбе. Ленин или Гитлер! Всё коммунисты. Хотят помешать.

«ГИТЛЕР МНЕ НЕ ДОВЕРЯЕТ»

12 октября 1925. Вчера и позавчера Эльзляйн здесь. Прекрасные и мучительные часы мы здесь пережили. Внутренний конфликт между нами заостряется. Мы должны будем скоро расстаться. Мое сердце обливается кровью! Как скоро я окажусь совсем одинок... Письмо от Штрассера. **Гитлер мне не доверяет.** Он поносит меня. Какую боль это причиняет мне. Если он в Хамме 25 октября будет меня упрекать, я уйду. Я не могу выносить еще и это. Всем пожертвовать, и еще упреки от самого Гитлера. В Мюнхене действуют негодяи. Болваны, которые не потерпят рядом с собой человека с головой. Потому что они в его при-

---

[1] К. Северинг — министр внутренних дел Пруссии.
[2] Гитлер не имеет германского подданства.

сутствии будут с легкостью распознаны как болваны. Потому — борьба против Штрассера и меня. Штрассер пишет в совершенном отчаянии.
14 октября 1925. Я дочитал книгу Гитлера до конца. С восторгом! Кто этот человек? Полуплебей, полубог! В самом деле, Христос или только Иоанн?.. Хочу домой... Я научился... бесконечному презрению к каналье-человеку. Тошно! Тьфу, черт!

«ЛУЧШЕ ГИБЕЛЬ ЗАОДНО С БОЛЬШЕВИЗМОМ»

16 октября 1925. Локарно[1]. Старое надувательство. Германия уступает и продается западному капитализму. Ужасное зрелище: сыны Германии как наемники будут проливать кровь на полях Европы на службе этому капитализму. Должно быть, в «священной войне против Москвы»!.. Я теряю веру в людей!! Зачем этим народам дано христианство? Ради издевательства!
21 октября 1925. Долгая болтовня о большевизме... Я хотел бы как-нибудь съездить на пару недель в Россию для изучения. Можно бы однажды как-нибудь это обтяпать... С 1 октября 1924 по 1 октября 1925 я выступал 189 раз. Можно уже износиться.
23 октября 1925. Локарно и пакт безопасности. Одно ясно: деньги правят миром... Нас превратят в наемников капитализма в войне против России... Мы проданы. И если дело идет к концу, **лучше гибель заодно с большевизмом**, чем вечное рабство заодно с капитализмом.
26 октября 1925. Битва на улицах с распаленной красной сволочью. У нас 49 раненых!.. Битком набитый зал. Говорит Штрейхер. Свински. Но тем не менее устанавливается тишина. На улице бешеные схватки. Льется кровь... В Хамм Гитлер не приедет. Возвращен с прусской границы. Зеверинг, эта свинья, хочет распорядиться его арестовать... Один штурмовик провозгласил: «Мы клянемся в кровавой мести!» Стычки с полицией.
28 октября 1925. Сладостная ночь. Она так мила и добра ко мне. Я иногда причиняю ей страдания. Эта бурная, цветущая ночь. Я любим! Почему я жалуюсь! Эльзе моя добрая, красивая возлюбленная!
29 октября 1925. Я старею. Я заметил это с содроганием. Выпадают волосы, будет лысина. Но в душе я вечно останусь молодым!

Он никогда не будет ни молодым, ни зрелым. Он навсегда останется в подростковом состоянии с его нетерпимостью, тягой к насилию.

---

[1] В Локарно в октябре 1925 г. на конференции западных стран было заключено общеевропейское соглашение — гарантийный пакт о неприкосновенности германо-французской и германо-бельгийской границ и сохранении демилитаризации Рейнской зоны.

«ВОСХОДЯЩИЙ ДИКТАТОР»

6 ноября 1925. *(Слушая речь Гитлера.)* Прирожденный оратор. **Восходящий диктатор.** Поздно вечером я его жду перед его квартирой. Рукопожатие.

10 ноября 1925. Я в ужасно пессимистическом настроении. Вера во внутренние силы немецкого народа иногда колеблется. И это страшные часы моей жизни... Молчи, мое сердце!

14 ноября 1925. Я выступал перед 200. Как примитивно, я мог бы сказать, как глупо.— *Это, кажется, единственная в дневнике фраза такого рода. Позже он никогда так критично о себе не скажет.*— Я устал, устал...

23 ноября 1925. Выступал перед 2000 коммунистов. Спокойный, деловой разговор. В конце собрания яростная перебранка. 1000 пивных кружек разбито. 150 ранено, 30 тяжело, 2 убитых... Меня травят в еврейской прессе... Я прибыл к месту сбора в Плауэн. Гитлер здесь. Моя радость велика... Как я люблю его! Какой парень!.. Небольшое собрание. По его желанию я должен выступать первым. Затем говорит он. Как ничтожен я! — *с усладой уничижения восклицает Геббельс.*— Он вручает мне свой портрет. С приветом Рейнской земле. Хайль Гитлер!.. Его портрет на моем столе. Если б пришлось усомниться в этом человеке, я не смог бы этого пережить.— *Но переживет, не раз впадая в сомнение.*

28 ноября 1925. Выступает Клара Цеткин. Остро, резко, ясно, пионерша большевизма, в жуткой ненависти... Ранним утром поднимаюсь. В поезде. Идет снег. Стенания во мне. В какого же цыгана я превратился!.. Благодарение богу! Завтра приедет Эльзе. Как я радуюсь этому! Ах, если бы у меня не было тебя при всех моих лишениях! От славы к успеху иду я навстречу гибели. Как тяжела эта жизнь!.. О, жестокий, безжалостный мир!

Он примеряет на себя маски то «модерниста», то «юного романтика», то «нового человека». И не чувствовал бы себя вровень с «модернистами», если бы, отдаваясь успеху, он не упирался всякий раз в «гибель», в «отчаяние», «самоубийство», «рок».

5 декабря 1925. Вечер одного из величайших моих успехов. Так я говорил редко. Перед 2000. Как проповедник нового будущего... Я устал как загнанная лань.

«ЖИЗНЬ ДЕРЬМО! СТРАШНОЕ ЗНАНИЕ!»

14 декабря 1925. Радио! Радио! Радио в доме! Немец забудет для радио профессию и отчизну. Радио! Новый способ обуржуазивания! Все есть дома! Идеал обывателей.

Но пройдет совсем немного времени, и эта техника будет находкой для нацистской пропаганды.

В Германии после войны я видела так называемый «народный приемник» «Volksempfänger», он был повсеместно. Его получали немцы взамен своих приемников, которые обязаны были во время войны сдать. Это была· акция по пресечению слушания иностранного радио. Примитивный, небольшой, полукруглый, с зияющей впадиной, будто с распахнутым. говорящим ртом, «народный приемник» был прозван немцами «Goebbelsschnauze» — «морда Геббельса».

16 декабря 1925. Эльзе пишет мне отчаянное письмо-прощание. Она чувствует себя совершенно покинутой.· Что я должен делать?.. Почему женщина не может всецело идти с нами? Можно ли ее воспитать? Или она вообще неполноценна? Женщины могут быть героинями только в исключительных случаях! Эльзе много думает о себе... Ах, мое сердце, успокойся! **Жизнь дерьмо! Страшное знание!**

21 декабря 1925. Я говорил. Меня качали... Эльзе приехала. Полна мечты и печали. Мы хотим расстаться. Она плачет и молит... Пока мы снова не обрели друг друга... На мне и женщинах лежит проклятие. Горе тем, кто тебя любит! Какая ужасная мысль! — *Какой же дешевый позер!*

23 декабря 1925. Я работаю весь день над всеохватывающей программой национал-социализма. И впервые замечаю теперь, как все это трудно... Я так устал. Я боюсь, что я болен... Я нервен до крайности.

24 декабря 1925. Вчера до глубокой ночи работал над докладом «Ленин или Гитлер». Это доставляет мне адское удовольствие.

29 декабря 1925. Ссора с отцом. Из-за пустяков... Рождественский привет от Гитлера. Его книга в кожаном переплете с дарственной надписью. Я радуюсь!

2 января 1926. Печальное вступление в Новый год. Незадолго до полуночи у Кауфмана *(сотрудника гау)* начался его страшный нервный припадок. Мы стояли вокруг него на темной лестнице, борясь с ним и шумя, он кричал как одержимый и хотел сброситься, в это время пробило 12 часов. С Новым годом! Затем мы доставили его в автомобиле... Что мы должны пережить. Я готов заплакать, но нет слез. Мы становимся старыми и закоснелыми... Судьба делает из нас мужчин.— *У Гитлера об этом же сказано иначе: «Кулак судьбы открыл мне глаза».*— Хозяйственный кризис, безработица, страх перед будущим, пришибленное судьбой поколение. С Новым годом! В эти часы все мерзко во мне и вокруг меня. Снаружи шлепает дождь по оконному стеклу. Вокруг меня страшная, зловещая тишина. Мы идем навстречу краху. С Новым 1926 годом!

4 января 1926. Письмо от Штрассера. Он тоже болен. Очень болен. Мы

Встреча «Союза рабочих Северо-Запада», 1926 год. Второй слева Грегор Штрассер

пожираемы изнутри. Демоном! Это ужасно. И мы неразрывно прикованы к нему. Это еще ужаснее. Работаем, чтобы забыться!

У Геббельса с его внесоциальным существованием люмпена, заигрыванием с «гибелью», «отчаянием» или тягой «к блаженному или ужасному концу», неприткнутостью долгое время ни к чему, проявляется особая пристальность к сдвинутости, смещенности психики ли, сознания. Наблюдая за выступавшим в Веймаре Штрейхером, он отмечает: «Пожалуй, немного патологичен.— И мгновенно схватывает: — Таким-то он и хорош. Такие нам и нужны, чтобы увлечь массы». А это уже нечто вроде установки. Говоря о своем приятеле Фрице Пранге, вовлекшем его в нацистское движение, он в числе его положительных черт называет: «патологичен». И друг Кауфман подвержен тяжелым психическим припадкам. И Грегор Штрассер, как и он, Геббельс, пожираем демоном — «тоже болен. Очень болен». Это смещенное состояние культивируется. Но и в самом деле с Геббельсом происходит нечто схожее с тем, что наблюдают врачи у людей с поврежденной психикой, страдающих маниакально-депрессивными психозами, когда состояние эйфории, ликующего подъема, неуемной энергии чередуется со срывами в отчаяние, депрессию.

Геббельс-оратор в «период борьбы»

«Я ХОЧУ БЫТЬ АПОСТОЛОМ И ПРОПОВЕДНИКОМ»

20 января 1926. Я долго думал о внешней политике. Нельзя обойти Россию. Россия альфа и омега любой целенаправленной внешней политики.

31 января 1926. Во вторник в Оснабрюке. Мещанское дерьмо. Греют ноги о мой радикализм... Восточная политика, Россия. Кто разберется в этом. По-моему, ужасно, что коммунисты и мы разбиваем друг другу головы... Где мы можем встретиться с вождями коммунистов?

6 февраля 1926. На моем столе ряд новых портретов Гитлера. Восхитительно!.. Тоска по сладостной женщине! О, ужасная мука. И это жизнь? Я ненавижу Берлин!

11 февраля 1926. Выступил перед 2000. Меня грозили убить. А потом бурно аплодировали... Во всех городах льется кровь за нашу идею. Мы не можем проиграть. Мы не можем погибнуть. **Я хочу быть апостолом и проповедником.** Я снова начинаю верить!

12 февраля 1926. Сегодня после обеда я жду Эльзе и радуюсь этому... Мы хотим натравливать и разжигать... Гитлер произнес прекрасные слова: «Мы подстрекатели правды».

«О, ПРЕКРАСНЫЙ ВЕЙМАР!»

Для нацистского «апостола и проповедника», подстрекателя, то шаткого в вере «за нашу идею», то вновь укрепившегося в ней оттого, что в немецких городах «льется кровь», неминуем сброс всех незыблемых, непреложных ценностей.

«Гете — воплощение божественного в человеке» — это 25 мая 1924-го. «**О, прекрасный Веймар!** Не потерял ли я чего-то, занявшись политикой? Мне так грустно! — подавленно сообщает Геббельс 27 марта 1926-го. Но тут же одергивает себя: — Гете — это еще не все». Гете уже не тот «божественный», всеобъемлющий. Превыше Гете — национал-социализм, в который Гете не встроить и которому не поглотить его. И от подавленности, как это обычно у Геббельса,— быстрый переход в агрессивность: «Негодяй, кто пишет сейчас стихи и забывает о своем гибнущем народе».

Эту деградацию, эту готовность предать самого себя ради химеры (а в случае с Геббельсом еще и ради личного преуспевания, ради власти) пророчески прозревал немецкий гений и патриарх, так ясно видевший опасность того, что зарождалось в Германии еще в начале прошлого столетия и предопределило развитие немецкого национализма и идеи «фюрерства». Гете писал, что судьба неизбежно покарает немецкий народ, «потому что он предал самого себя и не хотел оставаться тем, что он есть. Грустно, что он не знает прелести истины, что ему так дороги туман, дым и отвратительная неумеренность, достойно сожаления, что он искренне подчиняется любому безумному негодяю, который обращается к его низменным инстинктам, который поощряет его пороки и поучает его понимать национализм как разобщение и жестокость».

«Все эти художники совершенно политически бесхарактерные. От Гете до Штрауса. Прочь!» — вскричал Геббельс, уже дорвавшийся до власти над судьбами деятелей культуры, искусства в нацистской Германии, изгоняя из страны композитора Штрауса. «Рихард Штраус написал исключительно низкое письмо еврею Стефану Цвейгу. Стапо (гестапо) поймало его. Письмо наглое и глупое. Теперь и Штраусу придется убираться» (5.6.1935). Теперь Геббельс

дозрел до того, чтобы изгнать и Гете, будь тот у него под рукой.

А я помню, как в войну нас, слушателей военных курсов переводчиков, Гете спасал от ненависти к немцам. Я давно писала об этом. Наш преподаватель, отбывая на фронт, на последнем занятии, прощаясь, прочитал нам:

Кто жил, в ничто не обратится!
Повсюду вечность шевелится.
Причастный бытию — блажен!

Я прошу вас, геноссен, помнить, что автор этого стихотворения немец.

Удивительно возвышали эти строки над бедой, над мраком, над насилием войны.

«Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ БЕСПРЕДЕЛЬНО ВЕРИТЬ В ГИТЛЕРА»

В марте 1925-го Гитлер объявил о воссоздании своей партии, распущенной после путча. В феврале 1926-го он созвал на конференцию в Бамберг партийный актив. Как обычно, Геббельс записывает то, что происходило накануне.

15 февраля 1926. Гитлер выступает. Два часа. Я пришиблен. Что Гитлер? Реакционер? Удивительно неточно и неуверенно. Русский вопрос: абсолютно неудачно. Италия и Англия — наши естественные союзники! Ужасно! Наша задача уничтожение большевизма. Большевизм — еврейская сила! Мы унаследуем Россию! 180 миллионов!!! Компенсация императорскому дому! Право должно оставаться правом! Так же и для властителей. Частную собственность не подрывать (sic!) *(этот знак ставит Геббельс)*. Ужас! Хватит программ! Довольно этого. Федер кивает. Лей кивает. Штрейхер кивает. Эссер кивает... Короткая дискуссия. Говорит Штрассер. Заикаясь, дрожа, неумело, славный, честный Штрассер, ах, Господи, как мало мы соответствуем этим свиньям! Полчаса дискуссии после четырехчасовой речи. Бессмыслица, ты победила! Я не могу произнести ни слова. Меня словно по голове стукнули. На машине — на вокзал. Так болит сердце!.. Я хочу плакать!.. Ужасная ночь! Величайшее разочарование моей жизни. **Я не могу больше беспредельно верить в Гитлера.**

Только что казалось, «северо-западный блок» Штрассера, в котором стремится выделиться Геббельс, будет триумфатором в движении: «Мы победили по всем линиям». И программа блока, в которой социальное предшествует национальному, встретит одобрение Гитлера. Но пришел Гитлер. Выступил. И все разлетелось в прах. Все, что изрек

Гитлер,— в полном противоречии с политическими прикидками «северо-западного блока». Все наоборот. Чьим же апостолом быть Геббельсу? Что проповедовать? Полная ошарашенность.

Состоялся обмен мнениями руководителей партийных групп земли Рейнской. «Мы социалисты. Мы не хотим быть ими напрасно». Но и спешные телеграммы с мест: «Никакой опрометчивости». Наконец, предложение: «Кауфман, Штрассер и я идем к Гитлеру, чтобы настоятельно с ним поговорить. Он не должен опускаться до этих негодяев. Итак, завтра снова на вокзал. В бой! Я отчаиваюсь! Спать! Спать! Спать!»

Но буря в стакане воды улеглась. Демарш не состоялся. Гитлер остался в стороне. Все разрешилось лишь склоками между национал-социалистами, жалобами, науськиванием.

22 февраля 1926. Штрейхер болтал. Меня назвал опасным... Бутман ругал меня. Я-де еврей и иезуит... Письмо Гитлеру! Жалоба на Штрейхера. Письмо Штрейхеру.

24 февраля 1926. Заметка против бесстыдных демократов, которые нападают на уничтожителя масонства Муссолини. Из Мюнхена ничего нового. Гитлер еще не ответил на мое письмо против Штрейхера. Тамошняя камарилья уж будет прилежно науськивать. Сегодня допрашивали в полиции. Меня снова захотели схватить.

27 февраля 1926. Вчера в Эссене. Перестрелка, драки, 200 полицейских, 4 тяжелораненых. Я смертельно устал.

«ВЕРНОСТЬ И ПИВО»

13 марта 1926. Шеф! Он снова развеял некоторые мои сомнения.

21 марта 1926. В Нюрнберг... Там на авто в кафе. Юлиус Штрейхер ждет меня. Долгий разговор. Примирение.

27 марта 1926. Меня ругали. Оклеветан! Черт знает что за сволочь! Дерьмо! Берегитесь, собаки. Если мой дьявол будет спущен с цепи, вы его больше не удержите.

29 марта 1926. Сегодня утром письмо от Гитлера. Я должен выступать в Мюнхене. Хорошо!

31 марта 1926. Выступал в четверг в Мюнхене. Один день у Гитлера.

6 апреля 1926. Бедная Эльзляйн! Выше голову, дитя. Мы все несем вину отцов! Несем без жалоб!

13 апреля 1926. Вечером прибытие в Мюнхен. Автомобиль Гитлера тут. К отелю. Какой знатный прием... В 8-м вечера на автомобиле в «Бюргерброй» *(пивную)*. Гитлер уже здесь. Мое сердце стучит, готовое разорваться. В зале. Неистовое приветствие. Человек на человеке. Голова на голове. Штрейхер открывает. И затем я говорю $2^1/_2$ часа. Я выдаю все. Неистовствуют и шумят. В конце меня обнимает Гитлер. Слезы стоят

в глазах. Я так счастлив... Гитлер поджидает меня в отеле. Затем мы вместе едим... Пфеффер и Кауфман упрекают меня. Моя речь нехороша.— *Ведь Геббельс переметнулся на сторону Гитлера.*— Где твое жало, смерть? Почему меня затем изругали? И потом целая неразбериха обвинений... Каждое опрометчивое слово будет раздуто. О боже, эти свиньи!.. В завершение следует единение. Гитлер велик. Он всем нам сердечно подает руку. Оставим это!.. После обеда продолжение... Приходит Гитлер. Принципиальные вопросы: восточная политика. Социальные вопросы... Он говорит 3 часа. Блестяще. Может свести с ума. Италия и Англия наши союзники. Россия готова нас сожрать. Все это есть в его брошюре и во втором томе его «Кампф»... Мы спрашиваем. Он отвечает блестяще. Я люблю его. Социальный вопрос. Совсем новое представление. Он все продумал. Его идеал: смесь коллективизма и индивидуализма. Земля целиком народу. Производство индивидуальное. Концерны, тресты, крупные производства, транспорт и т. п. социализировать... Он все это продумал. Я совершенно им успокоен. Он — человек, он воспринимает все во всем. Такая голова может быть моим вождем.

Те же положения, высказанные Гитлером, два месяца назад ошарашили Геббельса, теперь они не только безоговорочно принимаются им, но с ликованием, с восторгом и восхищением. Все дело в том, что надо «вжиться» в новую идею, внушал он себе ранее, когда только примкнул к национал-социалистам. К этому же способу самовнушения успешно прибегнул он и на этот раз, и, конечно же, в страхе отторгнутости и потери веры в вождя, в жажде отдаться во власть Гитлера над собой. «Я преклоняюсь перед бо́льшим меня, перед политическим гением» — насущная для него формула. Лишь опираясь на нее, видя перед собой сильного человека, фюрера, он может внутренне собраться, преодолеть расхристанность, страх перед жизнью, преследующее чувство отчаяния — комплекс неполноценности.

В заключение этого вечера Геббельс едет с Гиммлером в какой-то город. «Там я выступаю. Перед порядочными парнями. Это Бавария. Верность и пиво».

«НИКАКОЙ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ»

К событиям в пореволюционной России у Геббельса повышенный интерес. Похоже — к универсальности идеи, хотя он так не формулирует. Он то поругивает большевиков, то восклицает: «Я — немецкий большевик!», видимо, потому, что считает себя поборником классовой борьбы. Россия тоже пострадавшая страна и к Версальскому дого-

вору никакого отношения не имеет. И в выборе, с кем смыкаться, Геббельс явно тяготеет к России. Против Англии.

Ранее, когда он еще не обслуживал формирующуюся национал-социалистическую политику, он мог записать с сентиментальным чувством нечто схожее с тем, что в это время курсирует в либеральной немецкой прессе, гадающей о судьбах России: «Россия найдет новую христианскую веру со всем юношеским пылом и всей детской верой, с религиозной скорбью и фанатизмом». А Гитлер выделил в «Майн кампф»: **«Никакой сентиментальности во внешней политике»**. Это о завоевании Lebensraum (жизненного пространства) для немцев на Востоке. И теперь, выступая, со всей брутальностью заявил: Против России. В Союзе с Англией и Италией. «Россия готова нас сожрать». Мы сами присвоим ее.

Через три дня после выступления Гитлера Геббельс завозит ему цветы. За этим — невысказанное в дневнике признание Гитлера победителем в противостоянии Гитлер — Штрассер, в их соперничестве за влияние в партии. Он выслушивает соображения Гитлера о восточной и западной политике. Записывает: «Его доказательства вынужденные. Мне кажется, он не до конца осознает проблему России. Но и я должен кое-что продумать». Последнее сказано с преувеличением. Не продумать — всего лишь принять сказанное. И это не просто — подчинение. Это культ повиновения своему демону честолюбия в его новой отныне ипостаси — Гитлеру. Тут и надежда: Гитлер отблагодарит. «Я думаю, он полюбил меня, как никого другого».

В угоду Гитлеру он будет еще и еще отступаться от всего, что считал «своим», пока оно не иссякнет за ненадобностью и он не останется лишь эхом Гитлера в дневнике и рупором его во внешней среде.

«Потрясающая духовная личность. Никогда не знаешь, что ждать от его своенравия». Не одному лишь Геббельсу импонирует своенравие Гитлера, оно тоже входит в набор представлений его окружения о диктаторе, который должен быть непознаваем. «Как оратор — удивительное триединство жеста, мимики и слова. Прирожденный разжигатель. С ним можно завоевать мир. Дать ему волю, и он разрушит коррумпированную республику... Он знает все, гений... Такой малый может переделать мир».

Что касается отношения к России, то Геббельс отступится, но в дневнике еще будут слышны арьергардные вздохи: «Дочитал «Распутина». Вечная загадка Россия. Сможем ли мы в Европе когда-нибудь понять ее и сориентироваться?

Вряд ли». «Сегодня вечером буду смотреть большевистский фильм «Броненосец «Потемкин». Кауфман считает его блестящим».

«ЧЕРЕЗ МЕНЯ ПЕРЕСТУПЯТ»

«Каков путь наверх! За два года! Я родился под доброй звездой».

С того дня, когда Геббельс попал в Веймар на смотр националистических сил, он пристал к Штрассеру, одному из самых влиятельных лидеров национал-социалистического движения. Он восхищался им, стал его помощником, сотрудничал в его изданиях и — это было огромным успехом по его первоначальным меркам — стал редактором еженедельной газеты в Эльберфельде.

Стремясь выделиться — «Я сам сотворю свою славу»,— он до изнеможения носится по городам с агитационными выступлениями. За год «я выступал 189 раз», «Я вешу 100 фунтов»,— так поиздержался он. Пишет статьи, заметки в партийную прессу.

Но на политической сцене, где со своим мюнхенским окружением Гитлер, где ярый Штрейхер по одну сторону от них, Штрассер по другую, где маячат Геринг, Гесс, Лей и другие заметные персонажи, Геббельс при всех своих стараниях пока что на второстепенных ролях, тогда как метит уже в «первые любовники».

При содействии Штрассера он протиснулся к Гитлеру и от малейшей благосклонности того, как и от собственных успехов («каков путь наверх!»), готов воспарить, но так же готов и истерически сникнуть от несоответствия представлений о своем «жертвенном» вкладе в движение и реальном своем положении в партийной иерархии. Его положение недостаточно закреплено организационно, и вовсе скудно поддерживается он материально. Решив: «Гитлер полюбил меня, как никого другого», он спустя три дня уже оплакивает себя: «**Через меня переступят** и пойдут дальше. Одним трупом больше на поле битвы веков».

«ЛЮМПЕН-ПРОЛЕТАРИАТ... НАДО СИЛОЙ СДЕЛАТЬ СЧАСТЛИВЫМ»

19 апреля 1926. Гитлер еще говорит. В экстазе. Гром одобрения.

24 апреля 1926. Шлюхи стоят у дверей и зазывают. Полураздетые. Ужасно!.. Торговля телом! Я готов заплакать! Неужто мужчина пойдет?

За деньги! Страсть превратилась в бесстыдство. Вот оно общество!.. На улицах блондинки обнимают ухмыляющихся китайцев! Полиция смеется. Вот буржуазное государство! Все — лишь страсть или гешефт.

1 мая 1926. На улице демонстрируют красные.

8 мая 1926. Жизнь — большой обезьяний театр. И человек участвует в нем как обезьяна. Пусть так! Почему мы не говорим правду! Человек! Каналья!

15 мая 1926. Мы должны победить: тем самым мы станем непобедимы!

24 мая 1926. Вечером боевое мероприятие в Фейербахе.

Рабочие не поддержали его и в конце собрания запели «Интернационал». И Геббельс со всей решимостью заносит в дневник: **«Люмпен-пролетариат не хочет быть обращенным. Его надо силой сделать счастливым».**

Похоже, массы, которыми национал-социализм (как и любой тоталитаризм) намерен овладеть, берясь насильно сделать их счастливыми, для взбудораженного Геббельса, увлеченного Раскольниковым, эти массы нечто вроде «старухи-процентщицы».

«ВСЕ КАНАЛЬИ, ВКЛЮЧАЯ МЕНЯ»

«О Господи, дай мне в друзья Кауфмана. Он для меня все, и я для него все», «Он укрепляет меня в моей вере и радикализме» и т. д. Однако похоже, что именно «мой добрый друг», «замечательный парень» намечен на вакантный пост гауляйтера в Эльберфельде. И тут уж он подвергается разносу на все корки. Да к тому же он прислал Геббельсу «бессовестное письмо»: «Тебе не хватает необходимой стойкости». Это после того, как Геббельс, выступив на конференции партийных руководителей, предав договоренность отстаивать программу «северо-западного блока», подыграл Гитлеру.

30 мая 1926. С Кауфманом много спорил. О гауляйтерстве. Так не пойдет. Один должен быть королем.

А это уже проецируется им на руководителя округа гитлеровская идея фюрерства. Гитлер объявлял себя единовластным руководителем движения. По такому же образцу собирались осуществлять свое руководство гауляйтеры в пределах своего гау, разумеется, соблюдая полную подчиненность Гитлеру.

7 июня 1926. Вчера дебаты вокруг вопроса о новом гауляйтере... Обо мне речи вообще нет. Будто я ничего не сделал. Вот такова благодарность.

Весь этот эльберфельдский период его задачей было — поосновательнее войти в структуру партии. Упущен шанс. Но Геббельс не бездействует и обойдет своих соперников и недругов. «Штрассер подозревает, что я пойду на компромисс с Мюнхеном. Я разубеждаю его в этих глупых выдумках... Д-р Штрассер эмоциональный, симпатичный человек. Пока еще наполовину марксист. Но фанатик. Это уже кое-что... Добродушный, нуждающийся в поддержке... Я его порой очень люблю»,— это 10 июня 1926. А уже 12 июня: «Я хотел бы уже, чтобы Гитлер призвал меня в Мюнхен... **Все канальи, включая меня.** Спать, спать! Если б больше и не просыпаться!»

«ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!»

17 июня 1926. Вчера с Гитлером в Кёльне... Он знает все, он гений.
21 июня 1926. Мы говорили о Вагнере. Он очень любит Вагнера.
6 июля 1926. Гитлер говорит о политике, идее и организации. Глубоко и мистично. Почти как Евангелие. 15 000 СА[1] *(штурмовиков)* маршируют мимо нас. Начинается третий рейх. Грудь полна верой. Германия пробуждается.
12 июля 1926. Теперь я ищу тебя, красивая черная Дама!
15 июля 1926. Красивая дама неприступна, а я глупый осел. Бегаю кругами, как мальчишка. Эрос напоминает о себе, как только останавливается моя бешеная гонка. Жизнь моя неестественна. Работа, борьба, неистовство. Все это теперь сказывается.
20 июля 1926. Одиночество для меня тяжелее, чем для всех тех людей, кого я узнал в последние месяцы.— *Но как сказано им раньше: стоит ему побыть с кем-либо три дня, как человек становится ему ненавистен. Как всегда полно неувязок в Геббельсе самом и в его заявлениях о себе, болтливо заполняющих дневник.* — В конце концов привыкаешь к хорошей порции презрения к человечеству,— *завершает он запись.*
23 июля 1926. Этому человеку можно служить. Так выглядит творец третьего рейха.
24 июля 1926. Шеф говорит о расовых проблемах. Ему невозможно возразить. Это бьет в самую точку. Он гений. Очевидно: он творящее орудие божественной судьбы. Я потрясен им... После ужина мы еще долго сидели в саду, и он проповедовал о новом государстве и как мы его завоюем.

---

[1] Сокращенно от Sturmabteilungen; штурмовые отряды.

Геббельс на втором съезде нацистской партии в Веймаре (июль 1926).

Это звучало как пророчество. Там в небе сиял свет, какой не даст ни одна звезда. Знак судьбы?.. Я еще долго не мог заснуть!.. Блондинка не подает никакого знака!

25 июля 1926. Шеф продувная бестия... Он балует меня как ребенка. Добрый друг и наставник!.. Вечером: он говорит о будущей архитектурной картине страны совершенно как архитектор. Он рисует картину новой немецкой конституции — совершенно как художник,— творец государства. До свидания, мой Оберзальцберг[1]. Эти дни указали мне путь! Из глубокой тьмы воссияла звезда! Я связан с ним до конца. Исчезли последние сомнения. Германия будет жить! **Хайль Гитлер!**

3 августа 1926. Дождь цветов на Гитлера и на меня.

20 августа 1926. В М. Гладбахе выступал. Хорошо. После того в Рейдте стычка с несколькими еврейскими мальчишками.

21 августа 1926. Я подозреваю, что приятель Грегор Штрассер завидует мне. Этого недоставало. Если между нами начнется ссора, то все прахом.— *Ссора началась. Перешла в смертельную вражду, закончившуюся уничтожением Штрассера в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934-го, в ночь кровавой резни.*— Я сегодня так подавлен... Сколько я потерял — и что на что выменял?!

25 августа 1926. Борьба для меня что для рыбы вода.

---

[1] Селение в баварских Альпах, рядом возникнет резиденция Гитлера — Берхтесгаден.

Реальным соперником Гитлера за верховенство в партии был Грегор Штрассер. Пока Гитлер содержался в тюрьме, Штрассер локализовал распад партии, запрещенной в связи с путчем 1923 года, насаждая вопреки запрету местные партийные группы, стянул под свое начало округа, находившиеся также на полулегальном положении, блокировался с другими националистическими организациями. В качестве видного политического лидера Штрассер и предстал перед глазами Геббельса на смотре националистических сил в Веймаре. И Геббельс устремился к нему. И обрел его поддержку.

К моменту выхода Гитлера из тюрьмы Штрассер был влиятельнейшей фигурой в партии, в придачу — депутатом рейхстага. Химик по специальности, защитивший диссертацию, материально обеспеченный, семейный человек, Штрассер по сравнению с Гитлером был, можно сказать, респектабельным, да и более определенным, более просматривающимся и рациональным. Но эти названные последними черты, как мне видится, отнюдь не давали Штрассеру преимуществ. Толпа, которую завоевывали национал-социалисты, жаждала веры — это подмечали герои Ремарка, о вере стенает Геббельс в дневнике. Толпа жаждет внушения, а не ясности, чего-то иррационального, мистического, фатального и в то же время решительного. Самое время явиться харизматическому лидеру. Инфернальный, впадающий в экстаз, экспансивный игрок Гитлер при сходных призывах и обещаниях больше чем Штрассер отвечал запросам толпы, овладевал ею. «Как женщина, которая... из-за иррациональной, чисто эмоциональной тоски по дополняющей ее силе охотнее склонится перед сильным, чем будет господствовать над слабым, так и масса предпочитает господина, а не просителя»[1]. К этой массе принадлежит и Геббельс.

Вспоминается рассказанное мне директором берлинского городского архива Шмидтом. Он был подростком в гитлеровское время. Ему запомнилось впечатление, которое производил голос Гитлера. Он говорил со странным акцентом, словно пришелец с баварских гор. И эта окраска голоса сообщала какую-то горнюю отдаленность фюрера от привычного, обыденного, словно он обращался из какого-то иного мира, внушала нечто мистическое. «Так поддаться немцы могли только человеку из Ниоткуда» — пишет Голо Манн, историк, сын Томаса Манна. Я подумала: и нам есть

---

[1] «Mein Kampf», S. 27.

что вспомнить о произношении нашего горца, усиливавшем дистанцию непознаваемого, которая нужна диктатору.

Что касается Геббельса, то он предал своего покровителя Штрассера, смекнув, что за Гитлером бóльшая политическая сила, и переметнулся к нему. Гитлер, стремясь ослабить влияние Штрассера в партии, переманивал его сторонников. Он приметил Геббельса из команды Штрассера, обласкал его, заинтересованный перетянуть его на свою сторону. Так Геббельс, сначала близостью к Штрассеру, а потом предательством его, обеспечил себе продвижение в партии.

«Я УМЕР И ДАВНО ПОГРЕБЕН»

3 сентября 1926. Вчера посреди дня внезапно явилась Эльзе. Я так был рад этому. Румяная и загорелая, она выглядела такой свежей и здоровой. Мы пережили прекрасные, а порой и болезненные часы. Каждый несет свой крест. Вечером она уехала. Расставание далось мне тяжело. Ведь она милое, радостное дитя.

Геббельс активизировался, полиция то запрещает его выступления, то учиняет ему допрос в связи с нарушением общественного порядка им самим и толпой, которую он взвинчивал своим выступлением. И снова 8 сентября полиция запретила ему выступать. «Такая подлость».

23 сентября 1926. Воскресенье. В Кёльне с Эльзе. В ссоре разлетелись. Я очень рассержен. В зале ожидания встретил юного фанатика... Германия не умрет!.. В понедельник вечером речь в Штутгарте. ...Во вторник выступал в Ульме. Блестяще!
25 сентября 1926. Вчера вечером в Эльберфельд. Я говорил хорошо и успешно. Сейчас в Рейдт. Эльзе написала прощальное письмо. С богом!
27 сентября 1926. Я распрощался с жизнью других! Сердце разорвалось!

Это — о разрыве с Эльзе. При обычной выспренности Геббельса в этих словах еще можно различить и что-то человеческое. Похоже, в последний раз.

Он не раскрывает, что произошло. Может, не так уж бесчувственна Эльзе к его антисемитизму. Или разумная Эльзе, пусть и заплаканная, как он описывает, решилась опередить события, ведь их отношения обречены, и Геббельс подталкивал к разрыву. Для него, возлюбившего превыше всего карьеру, славу, женитьба на ней, полукровке, катастрофична. И уже дан ему сигнал: на Берлин! Так что как раз и подоспело с разрывом.

Почти пять лет Эльзе была возлюбленной, невестой. Ее присутствием или ожиданием ее прошиты чуть ли не все записи этих лет. Как ни безвкусно, порой до пошлости, пишет он о себе и Эльзе, но все же пробиваются модуляции чувства. Ее легкость, нетребовательность, отзывчивость на его призыв, их встречи и расставания на перронах разных городов, ссоры и любовные примирения, ее жизнелюбие, естественность своей живительностью вторгались в его выморочное, придуманное, надрывное существование. «Рука в руке спускаемся вниз к Рейну. Нет денег на обед. И все же как безгранично я счастлив и рад. Ты милая, любимая! Спасибо тебе!.. Милая хорошая Эльзе! Я люблю тебя!» (11.1.1926).

Теперь с этим покончено.

На следующий день после состоявшегося разрыва он записывает: «**Я умер и давно погребен.** Как тяжело на сердце».

Он останется в своей органике: во внутрипартийной сваре, кознях, подсиживании, соперничестве — в этом он «как рыба в воде».

«Эльбрехтер в Веймаре всех натравливает против меня... Разоблачительный материал против Эльбрехтера». «Я получил уничтожающий материал на Эльбрехтера. Конец света. Преступник в маске порядочного». «Эльбрехтер негодяй. Вон!»

Останется накал пропагандистских выступлений: мелькание городов, массовые собрания. «Вчера в Бохуме... После обеда в Бланкештейн. Вечером Гёттинген». Предстоит: «Лейпциг, Дрезден, Лимбах, Берлин, Потсдам, Бреслау...» «Гигантский успех... Меня несли на руках». Нелишне напомнить: он весит всего 100 фунтов. «Сегодня вечером в Гёттинген... бить социал-демократов!»

«Сегодня Ганновер... послезавтра Брауншвейг. Много, много работы. Я иногда думаю об Эльзе!»

Тетрадь подходит к концу. Встречаются строки, не поддающиеся прочтению — неразборчивы, небрежны. Клочья фраз, многоточия, указывающие на выпадение текста,— облик сохранившихся страниц будто доносит всклокоченность самого автора.

Но вот: «1 ноября состоится окончательно — в Берлин (*гауляйтером*)... Берлин ведь — Центр. И для нас. Мировой город» (18.10.1926).

И последняя в тетради запись:

«Письмо от Гитлера, Берлин окончательно. Урра! Теперь через неделю в имперскую столицу. Прощай, Эльбер-

фельд!.. Мой день рождения... полно поздравительных цветов. От Эльзе ни слова... Жизнь так мрачна!» (30.10.1926).

На этом тетрадь обрывается — провал — дальнейшие последовательные записи не обнаружены. Мы встретимся вновь с автором дневника только через полтора года, и это будет уже другой Геббельс, в его новой фазе.

Глава вторая

«ЗАБВЕНЬЯ НЕ ДАЛ БОГ»

Воспользуемся полуторагодичной паузой, остановившей поток записей, из которых я старалась вычленить наиболее характерное, и задумаемся, что же собой представляет автор дневника?

В выступлении британского обвинителя на Нюрнбергском процессе звучат в адрес Гитлера и его ближайших сообщников-преступников, каким был Геббельс, слова — безумец, безумный, психопатическая личность.

На этот счет у В. Ходасевича есть интересное заключение о том, что вообще для Истории сумасшедший персонаж, пусть и носитель наивысшей власти, неинтересен. Для нее «он — ничто, нуль. История считается лишь с последствиями его безумных действий; с ним самим ей делать нечего. Она не предает его память забвению лишь потому, что ей, как лермонтовскому Демону, «**забвенья не дал Бог**».

Хотя наплывы психической ущербности в дневнике налицо, применительно к Геббельсу речь не идет о том виде сумасшествия, когда и спросить не с кого. Он-то вменяем. На нем лишь ставится клеймо Истории.

Но Геббельс как раз тот случай, когда вообще-то о личности говорить не приходится. Геббельс — «ничто, нуль». Кажется, ведь тем самым упрощается представление о нем. Но не так. Сложнее обрести его. Не за что зацепиться — фантом. Но Геббельс и все, что с ним связано,— это еще не сдано на поруки Истории, все еще слишком живо для нас, актуально и угрожающе.

При социальных, психологических и экономических невзгодах Германии молодая, незрелая, неукрепившаяся демократия — Веймарская республика — «нежный росток без глубоких корней» (У. Авнери)[1] — не выстояла против

[1] Авнери Ури — публицист, переживший мальчишкой свержение республики в Германии.

вызревшего внутри нее фашизма. От этого исторического прецедента нельзя отмахнуться нашей стране, делающей первые шаги к демократии. К тому же имея за спиной у себя тоталитарный строй, устоявшийся в толще народной жизни.

К тем наблюдениям, которые возникали по ходу чтения дневника, пожалуй, не так уж много есть что добавить о его авторе. Да и в ранних записях было все же шевеление неблагополучия, эмоциональные всплески. Когда же завершилось окончательно становление д-ра Геббельса-нациста, он уплощается, превращается в типично нацистского функционера. Выхолощен, циничен. Он становится одной из самых зловещих фигур гитлеровского времени.

Как уже сказано, нет личности, нет ее подлинного наполнения. Он — пуст. И может, одно из самых угнетающих представлений, вынесенных из знакомства с дневником,— это то, как успешно Геббельс втягивал в свою агрессивную, зловещую пустоту миллионы немцев.

И еще одно существенное и печальное наблюдение в связи с Геббельсом: высшее образование, даже гуманитарное, не дает иммунитета к фашизму. Оно может быть использовано и на службе у него.

Впрочем, сколько-нибудь серьезной образованности, которая может дать устойчивость человеку, в Геббельсе не обнаруживается. Он успешно сдавал экзамены, но не усердствовал в годы учения, в чем признается в дневнике. Поверхностная нахватанность, элементарный минимум обязательной классики, модные книги и те, что на злобу дня, оснащавшие его переимчивость декадентскими ужимками.

СПУСТЯ ПОЛТОРА ГОДА

1928 год. Уже продолжительное время Геббельс возглавляет национал-социалистическую организацию Берлина. Гауляйтер Берлина. Ключевой, номенклатурный пост. Его — и при наличии в дальнейшем других высоких должностей — Геббельс не уступит до самого конца.

14 апреля 1928. Вчера в переполненном зале заново основана партия. Великий праздничный миг. Организация начинается заново. *(После периода запрета НСДАП*[1] *вновь разрешена.)* Все чувствовали величие исторического момента. Потом мы видели, как в длинной процессии маршировали по городу наши коричневые парни.

---

[1] НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

Но капитан Штеннес, возглавляющий в округе военизированные штурмовые отряды, и его «коричневые парни» «доставляют нам серьезные заботы,— записывает следом Геббельс.— Эти парни, которые еще не пользуются у нас доверием, слишком вмешиваются во внутренние дела политического руководства, пытаются воздействовать на списки кандидатов *(в рейхстаг)* и более того. Но я возьму верх над этим». Таков наказ ему Гитлера.

16 апреля 1928. Нам непременно нужно еще 3000 марок для выборов. Я позабочусь. Кроме этого все до мелочей подготовлено.

21 апреля 1928. Сейчас придет Тамара! Я нежусь... Как прекрасно светит солнце! Оно ложится широким лучом на этот лист! Как прекрасна жизнь, когда борешься за нее!

22 апреля 1928. Я написал вчера вечером еще три передовицы. Так и текло с пера... Завтра я выступаю в Кёльне, послезавтра в Висбадене, в среду в Фриденау. Бешеная магия предвыборной кампании... в Бельциг. Сквозь угрожающую красную толпу. Там говорил... Я ехал в поезде с красивой русской.

25 апреля 1928. Берлин! Работа! Темп! Бешеная энергия! Служба! Сегодня вечером я выступаю в Фриденау!

26 апреля 1928. Вечером еще целый ряд нападений. В Мюнхене наши парни сорвали собрание Штреземана. Героический штрих.

28 апреля 1928. Вчера вечером дважды выступал в переполненных залах... При отъезде на улице черные массы людей. Долой! Хайль! Красный бежал за нашим экипажем и кричал из глубины души: «Ты дерьмо!» — и плевал в нас. За это получил хороший удар кнутом по лицу.

Президент берлинской полиции д-р Бернгардт Вайс возбудил процесс против газеты Геббельса «Ангрифф»[1]. «Я предстал перед германскими судьями. Смехотворный фарс... Против всякой логики мы оба получили 3 недели тюрьмы...» Но Геббельс, рьяно действующий в дни предвыборной кампании, рассчитывает стать депутатом рейхстага и тем самым получить статус неприкосновенности.

5 мая 1928. Наша предвыборная пропаганда действует замечательно.

12 мая 1928. В центре предвыборной борьбы. Служебное помещение переполнено листовками и пропагандистским материалом. Работа кипит.

Полная легализация партии национал-социалистов предоставила ей возможность вступить в борьбу за депутат-

---

[1] Angriff *(нем.)* — наступление, атака, нападение.

ские места в рейхстаге, развернуться в предвыборной пропагандистской кампании, когда возрастает политическая активность в народе. И Геббельс непрерывно выступает на массовых сборищах, на улицах и в помещении, на предприятиях и в кабаках — вербует сторонников партии, завоевывает и сам определенную популярность. Совершает со «своими» — берлинскими — вооруженными отрядами штурмовиков «триумфальные» марши, призванные демонстрировать силу и победительность национал-социализма. «Господство над улицей — ключ к власти в государстве».

17 мая 1928. Вчера вечером замечательное собрание в Нойкёльне. Я был в великолепной форме и, полагаю, очень хорошо выступал... Сегодня... я еду со штурмовыми отрядами по стране... Великолепный марш! Все улицы заполнены красными. Уши глохнут от крика и свиста, но наши люди без замешательства, не отступая, маршируют. С этими парнями мы когда-нибудь завоюем мир.

А между тем: «Господа военные причиняют мне много беспокойства, более всех Штеннес (имеется в виду руководство военизированными штурмовыми отрядами). Солдат должен оставаться вне практической политики... Я полагаю, Гитлер с его темпераментом дал себя увлечь. Я это все скажу ему завтра в Мюнхене. Военные должны точить меч. Когда пустить его в ход, решать политикам». «Вечные ссоры с военной партией. Я стараюсь избежать конфликта. Но надо следить, чтобы наше движение не превратилось в военный союз... Политика первична, армия лишь рука политики» (май 1928).

Геббельс теперь другой. Карьера в партии осуществляется. Прозябая, он апеллировал к чуду, что вызволит его из кромешной нужды и ему не придется искать работы для заработка и тем самым стать как все, что было бы для него нестерпимым. Чудо свершилось. Он призван был Гитлером возглавить столичную организацию национал-социалистов. Партия содержит его материально. Геббельс упрочился. Его не узнать. Нет прежней лихорадочности, какой в особенности отмечен затянувшийся «инкубационный период», когда эйфория продуманного риска соседствовала с подавленностью, страхом перед жизнью. Отошло и заигрывание со смертью. И такое непременное прежде в записях слово — «отчаяние» исчезло. Иная теперь психологическая окраска. Поубавилось патологичности, или она отчасти камуфлирована энергичностью, внешней деятельностью, успехами.

Если сообщает: «устал», «нервы», то это, так сказать,

рабочая усталость, а не причитания по самому себе, как было прежде. Национал-социализм вменяет теперь своим функционерам и приверженцам: натиск и успех в борьбе.

В Берлине 1945-го среди руин еще можно было кое-где встретить распространенное издавна напутствие Гитлера: «Надежные нервы и железное упорство суть лучшие гарантии успеха на этом свете». А Геббельс, как мы уже знаем, быстро «вживается» в требования и установки Гитлера. Он набирается самоуверенности, нагловатости, довольства собой. Расширяет сферы своего внимания и вмешательства. Он спешит осадить командование военизированными отрядами, указать военным их место в схеме: политика — военные. Бдительность и репрессивность будут также рычагом его влияния. Он готов поучать даже Гитлера. Словом, он компенсирован. Окончательно сложившийся нацист, Геббельс теперь лишь функционален. Нет больше «вечного сомнения, вечного вопроса» (1924), нет своего внутреннего мира. Его энергия больше не отягощена болезненными комплексами, ущербностью.

Прежняя склонность Геббельса к рассуждениям, пусть реминисцентным, притупляется, а те, что встречаются,— это, как правило, рассуждения политического прагматика. Смутные воспоминания об университетской филологии и вовсе атрофируются за ненадобностью, поскольку Гитлер поучает: «Чем скромнее ее (*пропаганды*) научный балласт, чем исключительнее она принимает во внимание только чувства массы, тем полнее успех...» А Геббельсу надо слиться с партийной элитой, не обремененной никакими гуманитарными познаниями, мерехлюндиями, к которым Геббельс и сам уже давно питает воинственное отвращение. Отпущенный ему интеллект он извел в служении Гитлеру.

Еще в 1925-м он записал: «Интеллигенция: самое худшее... Когда я встречаю «старого друга студенческих лет», меня бросает в жар и холод». Ненависть к интеллигенции, несовместимость с ней будут только возрастать.

«ИТАК, Я ДЕПУТАТ РЕЙХСТАГА»

22 мая 1928. Итак, я депутат рейхстага. Неприкосновенность — это главное.

23 мая 1928. Телеграмма от Гитлера: он желает счастья.

11 июня 1928. Послезавтра открывается рейхстаг. Ну, посмотрим! — *вызывающе настраивается Геббельс.*

Геббельс (2) на заседании рейхстага

Газета Геббельса «Ангрифф» провозгласила: «Как волк приходит в овечье стадо, так приходим мы. Мы вступаем в рейхстаг, чтобы в оружейном арсенале демократии обеспечить себя ее собственным оружием». В просторечии же это фразерство сводится к более узкой задаче. Геббельс исправно является на сессию рейхстага, чтобы улюлюкать, «затопывать», как он пишет в дневнике, «отважно усаживать выкриками» неугодных ораторов, срывать заседания. «Что нам за дело до рейхстага,— цинично пишет он в своей газете спустя месяц.— Мы не хотим ничего общего иметь с парламентом... Я вовсе не член рейхстага. Я лишь обладатель иммунитета, я обладатель бесплатного проездного билета, я тот, который поносит «систему» и получает за это благодарность республики в виде 750 марок ежемесячно»[1].

15 июня 1928. Выборы президиума. Бесконечное, нервозное ожидание. Вот что такое парламент! Оплаченное безделье! Все это занятие низменно, но так сладко и увлекательно, что лишь немногие могут перед ним устоять.

До ареста Гитлер признавал в политической борьбе только завоевание улицы, массовость организации, насильствен-

[1] «Angriff», 22.4.1928; 28.5.1928.

ный захват власти. Он решился на путч в 1923 году — в год самых тяжелых невзгод и потрясений в Германии. К моменту его выхода из тюрьмы обстановка в стране заметно менялась. С участием крупнейшего немецкого финансиста Яльмара Шахта была остановлена и преодолена инфляция, марка укреплялась. Но еще многое надо было преодолеть, чтобы улучшить экономическое положение разрушенной страны. Республиканское правительство добилось существенных успехов. Получены иностранные займы. Объем промышленной продукции превзошел довоенный. В 1923 году он упал до 55 процентов от уровня 1913 года, а к 1927 году поднялся до 122 процентов. Улучшилось международное положение Германии. Она была принята в Лигу наций.

В эти годы Берлин был очень притягателен для людей искусства, литераторов, журналистов своей яркой художественной и интеллектуальной жизнью.

Путч не удался, и по выходе из тюрьмы Гитлер изменил тактику: не военным переворотом достичь власти, а легальным путем. «Мы проникнем в рейхстаг и там развернем борьбу с католическими и марксистскими депутатами,— наставлял он сообщников.— Конечно, перестрелять противников быстрее, чем победить на выборах, зато гарантом нашей власти станет их же конституция».

Но пока на выборах в рейхстаг 1928 года нацисты получили всего с десяток мандатов, укрепившаяся влиятельная социал-демократическая партия — 153.

Стабилизация, экономический подъем, рост уровня жизни в стране — смертоносно для партии Гитлера.

Но в этот все еще трудный для Германии период легко подстрекать против правительства и нелегко правительству быть стойким, не балансировать между теми и другими оппонентами, избегать ошибок. Но при всех своих слабостях рейхстаг стоит на пути национал-социалистов к власти. Дезорганизовать работу рейхстага, дискредитировать его — с этими намерениями и принимается за дело Геббельс, как и вся нацистская фракция рейхстага.

Тактика нацистов в борьбе с веймарскими партиями не ограничивается рейхстагом. Борьба ведется и внепарламентскими методами. Шествия штурмовиков, массовые сборища, крикливые лозунги, угрозы, стычки, нередко кровавые — улица призвана оказывать давление на работу рейхстага, устрашать, расслаивать депутатов, раскачивать, дестабилизировать обстановку, постоянно требовать отставки правительства и новых выборов, всякий раз открывающих нацистской пропаганде широкий простор.

В этот период у НСДАП пока что всего несколько газет. Но помимо них с травлей Веймарской республики, ее правительства выступает постоянно популярная, массовая пресса немецко-национальной народной партии, родственной национал-социалистической. И хотя Гитлер то порывал с ней, то вновь блокировался с этой партией, то обрушивался против нее, именно ее националистическая профашистская печать, в которой выделялась газета «Таг» («День»), «подготовила крушение веймарского строя и расчистила нацистам путь к власти» (И. Биск, историк).

21 июня 1928. Поздно вечером у Кролль-опер... Факельное шествие. Наши мальчики играют и веселятся. Эти юноши всюду пройдут. Они подлинные завоеватели жизни.

Эти мальчики предназначены для кровавых схваток на улицах и на собраниях, куда их будет посылать д-р Геббельс, гауляйтер Берлина. Теперь, когда нацистская партия разрешена, а он сам пользуется депутатским иммунитетом, для него безопасно призывать к любым крайностям.

19 июня 1928. Теперь я неприкосновенен и могу говорить в открытую, так что будет весело.

«УБИЙСТВО!.. СЕМЯ КРОВИ, ИЗ КОТОРОГО ВЗОЙДЕТ НОВЫЙ РЕЙХ»

Еще издалека Геббельс призывал хаос, крах — после чего якобы начнется новый отсчет времени, угодный «нам, юным», нам, «соли земли». Теперь он уже по-деловому, не покладая рук, участвует в раскачивании стабильности, подталкивании страны к краху. Прилагает все усилия, чтобы возбудить недовольство масс. Главное лишь — внушать! — как и наставляет Гитлер в «Майн кампф»: учиться даже у враждебной ему католической церкви влиять на людей... понимая, что имеет значение все — и обстановка, и ритуал, «даже время дня, в которое произносится речь». Предпочтительнее вечер, поскольку утром человек бодрее, энергичнее, а «речь идет об ослаблении свободной воли людей», которых нужно подчинить «властительной силе сильнейшей воли».

Но скажем проще: каждое время выдвигает тех, а не иных площадных ораторов, которые способны возбуждать толпу и без этих витиеватых заготовок. Геббельс был одним из них. Немецкий национал-социализм имел в его лице своего глашатая-растлителя.

«Воистину все демоны, гнездящиеся в больном челове-

ческом подсознании, вырываются на свободу, когда господствует «дух толпы» — писал протоиерей Александр Мень, зверски убитый вскоре.— Толпе чужды диалог, анализ, даже полемика. Она склонна к раболепству и насилию, капризна и инфантильна. «Исступление масс» топит в примитивных мифах человеческий разум и совесть, взрывает вековые этические устои».

Нацистам же именно и нужно безрассудство толпы, взрывающей «вековые этические устои». «Кровь, насилие» — эта формула, оглашена она или нет, колотится в каждом активном приспешнике Гитлера.

Сливаясь с толпой, человек сбрасывает всякие моральные путы и связи, он — пуст, налегке. Взамен тому — сцеплен с этой массой и, множась ею, ярится общей с ней яростью, разрушительной волей и безнаказанностью. Вместе с толпой он способен натворить то, на что его не подвигнуть, будь он предоставлен самому себе.

К сказанному могу прибавить свои фронтовые наблюдения: несоединимо представление о массе — армии врага — и отдельном, отторгнутом от нее человеке. На фронте я с щемящим недоумением оказывалась лицом к лицу с захваченным только что в бою немецким солдатом. Вот он, твой смертельный враг. Ему холодно, страшно, в глазах немой вопрос: что с ним будет. Обыкновенный человек, не защищенный от беды. И было странно, болезненно воспринимать его несходство с злодейской общностью и силой, которым он еще только что принадлежал.

«Кто спасет Германию?» — тестирует Геббельс своего собеседника. «Только Гитлер».— «Что произойдет после общего краха?» — «Основание нового рейха». Геббельс возбужден этим предсказанием: «Здесь господствуют силы духа, которые мы еще не знаем», хотя это всего лишь плоды его пропаганды. Он посещает отбывающего уже семь лет тюремное заключение убийцу министра иностранных дел Ратенау, восхищен им, называет его «победителем Ратенау». «Мы с ним получили возможность общаться более двух часов». И можно не сомневаться, что это общение с убийцей питало страсть Геббельса к насилию. «Всего наилучшего, мой дорогой!»

Другого убийцу Геббельс поспешил встретить, когда тот выходил из тюрьмы. «Я взял с собой политического убийцу... после четырех лет его мучений».

«Лишь духом, а не рассудком» побеждать, утверждал

Геббельс. А «дух» нацизма все больше облекается плотью насилия.

1 октября 1928. 15 000 человек. Музыка и речи... На улице драка с коммунистами. 23 ранено, 3 тяжело,— *ликует Геббельс.*— Летят камни. Любовь и ненависть... Все на нашей стороне, кто не еврей.

4 ноября 1928. Днем СА маршируют в красных кварталах. Прольется кровь,— *предвкушает он.*— Я буду там.— *Ему дан Гитлером наказ: завоевать «красный» Берлин в пользу национал-социалистов.*

Причастность Геббельса к беспорядкам, кровопролитию вызывает протест в рейхстаге. «Рейхстаг хочет лишить меня иммунитета. Еще чего!»

10 ноября 1928. Мы этих пролетов *(пролетариев)* раздавим,— *записывает он, в связи с выпущенной одним из бывших гауляйтеров брошюрой против нацистов «Долой маски».*

Насилие нарастает с обеих сторон. Все чаще кровавые столкновения.

17 ноября 1928. Как я счастлив! Я боюсь зависти богов. За работу! Великолепная суббота. Наш Кютемейер был ночью избит марксистами и брошен в канаву. Там он захлебнулся. Мы все в глубоком трауре по верному товарищу,— *бодро сообщает он.*

Провоцируемые нацистами жертвы необходимы им для сплочения движения негодованием и местью. «Движение растет из жертв, которые приносит каждый из нас. Мы стоим на заре нового времени». Но вот:

«Ужасное сообщение: в Шлезвиг-Гольштейне два СА зарезаны коммунистами. **Убийство! Первый признак бури! Семя крови, из которого взойдет новый рейх!»**

«ТОЛЬКО БЫ ЖЕНЩИНУ!»

Комплекс неполноценности существования, ущербности. Честолюбие. Жажда раствориться в подчинении вождю, обретая тем уверенность и власть. И топтать безвластных. Такая вот четырехступенчатость — это классика нациста — наглядно предстает в авторе дневника.

Подавленность, растерянность прошлых лет копила в нем тягу к насилию. Насилие повязано с ненавистью. Теперь к этому прибавились садистические ухватки — дочерний комплекс насилия.

«Большинство людей свиньи. Лишь немногие — люди. Гофманн все еще сидит в либералистской скорлупе. Его идеал — человечество, счастье, довольство. **Я разрушу его идеал беспощадно»** (4.10.1928).

Эти ухватки откровенно проступают в его отношениях с женщинами. «Ксени должна склониться или сломаться». «Наконец она капитулировала».

У гауляйтера появились условия для сексуальных утех. Запестрели женские имена и то и дело встревают без заминки, без паузы в гущу деловой информации о прожитом дне. Если приглянулась девушка, а это случается постоянно, то, не расходуясь на разнообразие характеристик, он метит подряд: «это дитя», «невинное дитя», «милое дитя», «она доверчива как ребенок», «милая крошка». Ведь: «Мы, немцы, чувствительно-сентиментальны»,— давно ссылался он на этот расхожий домысел. Впрочем: «Цинизм сродни сентиментальности» (Честертон). Это как раз тот случай. Геббельс же и в отношениях с женщинами устойчиво циничен, пошл, со склонностью к жестокости, объясняя свою грубость и жестокость с женщиной: «Я всегда уступаю демону». Ох уж этот демон! Условия для него — наибольшего благоприятствия. Не ютится ли он в неблагополучной ноге? Другой давно бы превозмог и отринул чувство ущербности. Но такой победы духа Геббельсу не дано. Не тот состав натуры. Да и недруги, свои же коллеги по партии, изыскивают возможность напомнить ему о ноге, не говоря уже о политических противниках.

Так что каждый шаг по земле должен тиранить его жаждой компенсаций, жертвоприношений ему.

Подчинить себе очередную «подругу на час» и самому же с хладнокровной грубостью отринуть: «Короткий разговор. Я не могу ее больше любить. Она слишком забывается, в этом ее несчастье. У меня больше нет для нее сострадания». Или другой вариант. «Я позвонил Анжелике Хегерт. Цыганочка. Она робко пришла... Я не могу жениться, потому что я люблю слишком многих женщин»,— доложил он очередной подруге. Он тасует девиц, сталкивает их в ревности. «Бедная, милая Ютта. Ксени теперь прочно держит первое место». Вызвать страдание или, по крайней мере, полагать, что вызвал,— это ли не садистская отрада самоутверждения.

Возрождается из прошлого все тот же нарциссизм подросткового свойства, когда он увидел в портрете Шиллера полное сходство с собой. В легкую теперь для него доступность женщин он глядится, словно в свое привлекательное отражение в воде. И возникает прежняя стилистика интимных сцен, как это было, когда еще студентом он пускался в неизведанное. Теперь же ему уже 31—32. «Вечером пришла красивая подруга. Ее зовут Йоганна. Я задрожал всем те-

лом. Мы смотрели фотографии. Потом я ее поцеловал. Она только посмотрела на меня большими удивленными серо-синими глазами. Во мне все запело. Женщина! Милая женщина!» Но это только однажды. Вообще же его интимная жизнь безэмоциональна, бесцветна. «Слава или любовь? Надо выбирать» (8. 10. 1928). Он уже давно сделал выбор в пользу славы. Но нерасторжимы его отношения с эросом, хоть и сублимирующимся в политическую активность, но не оставляющим его в покое. Сообщая, что отправляется в кварталы красных, охотно предвкушая, что там прольется кровь в схватке СА с коммунистами, он без всякой видимой связи занят мыслями об одном гомосексуалисте и записывает: «Эрос наносит нам самые глупые удары» (4.11. 1928).

Его тешит успех, смена девиц. Тешит их одновременное присутствие в зале на его выступлении. А успех его как оратора вербует ему новых поклонниц. Между тем: «Я так часто страдаю от женщин и тем не менее не нахожу наполнения». Но он всегда полон любви к своим страданиям. Из материальной нужды и страданий он извлекал риторическое преимущество и ощущение избранности. Теперь это повод резонерствовать и возвышаться, тем более когда многое состоялось и «мне только недостает красивой женщины». «И сколько женщин страдает из-за меня,— красуется он.— Счастье чаще всего проходит мимо носа. Так и должно быть, чтобы у меня выработался великий характер. Счастье делает низким и робким. Только несчастье и горе воспитывают величие».

Нет недостатка в непродолжительных связях, как и в бахвальстве на этот счет: «Шарлотта чрезмерно любит меня», «Ксени счастлива как ребенок», «Анка любит меня больше, чем прежде». Хватает и самообольщений, иногда курьезных: «Ханна Шнайдер. Она сильно занимает меня. Но она еще совсем невинный ребенок!» «В 6 часов пришла Ханна... Внезапно час, полный блаженства.— Такого всплеска в дневнике не было со времен Эльзе.— Как мило это дитя! Я поцеловал ее полный красный ротик.— Но, увы.— Под конец она призналась, что любит другого. Ко мне пришла, потому что я одинок. Ужасное признание. С тысячи небес пал я в тысячу преисподних».

«Тоска по женщине!», «Мечтаю о красивой женщине» — рефрен его записей, его сексомания.

«Женщины нужны мне как хлеб.— Но почему-то этот хлеб не дает ему насыщения.— Они — вечно действующий мотор нашей жизни и работы». Однако этот перпетуум-

мобиле бездействует. И даже бурная встреча и вновь возникший роман с женщиной его мечты — Анкой, его первой любовью, оставившей его в свое время, ничего не меняет. Все так же: «Я жажду женщину», или того пуще: «Я алчу женщину!» «Я так устал от напрасной тоски. Женщина запустит мотор моей жизни». «Только бы женщину!»

Сексуальный дискомфорт, ненасыщаемость, склонность к садизму — и насилие в политической борьбе. Есть к чему присмотреться психоаналитикам, не игнорирующим Фрейда.

Когда события складываются так, что сфера применения его агрессивной энергии сужается, Геббельс сникает, хиреет. Это предстоит еще наблюдать в дневнике. Да и в этот период он на спаде.

«МИФ ГИТЛЕРА ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ НЕКОЛЕБИМЫМ, КАК БРОНЗА»

7 июня 1928. Муссолини уже устойчивее, чем Гитлер,— *сетует Геббельс.*— То есть он уже государственный деятель, а Гитлер еще революционер. Муссолини не любит сниматься с улыбкой. Почему? Политику нужны инстинкт, осмотрительность, дар организатора и оратора. **Политик — художник. Народ — его материал.**— *Это вновь повторенная без ссылки на Гитлера его установка в «Майн кампф».*— 9 ноября (*день мюнхенского путча*) было днем нашей судьбы. Из мелкобуржуазного пивного бунта явилась подлинная немецкая революция. Гитлер с этим не согласен. Он еще держится за свою тогдашнюю политическую величину.

Гитлер желает считать «пивной путч» революцией, и Геббельс иронизирует: «Шеф крупный путчист».

Существует стереотип: Геббельс, мол, неизменно боготворил Гитлера. Так это представлялось и мне. Но дневник передает отношение Геббельса к Гитлеру несколько разнообразнее. Для него Гитлер пока что «шеф», как он его называет в дневнике. «Фюрером» он станет для Геббельса лишь тогда, когда будет олицетворять собой всю власть в Германии. Геббельс всячески стремится приблизить этот момент, ни на минуту не оставляя при этом своих притязаний на место рядом с Гитлером и не спуская глаз со своих врагов и соперников в партии.

Прежде всего разгорается его борьба со Штрассером, бывшим покровителем и еще недавно так почитаемым им Шрассером, которого он предал. И тут он больший гитлеровец, чем сам Гитлер, не порывающий со своим соперником.

22 июня 1928. Д-р Штрассер должен быть уничтожен, чего бы это ни стоило. Этот человек — сатана всего движения... Теперь Гитлер должен сказать решающее слово.

Склочничает Геббельс и с рутинным в его представлении мюнхенским окружением Гитлера. «Пфеффер рассказывает мне о Мюнхене. Как распределятся мандаты. Подтасовка! Если б не было Гитлера, сожрали бы один другого».

13 июля 1928. Я люблю его (*Гитлера*), как отца. Он универсален. Он прекрасно рассказывает.— *И тем больше любит Гитлера, чем определеннее тот настроен против Штрассера.*

24 августа 1928. Я преклоняюсь перед шефом. Иногда даже против своего убеждения... Но я должен так поступать, чтобы спасти партию... У меня много врагов в Мюнхене. Это доказывает, что я кое-что могу. Гитлер всецело на моей стороне.

Эта коленопреклоненная поза со временем будет стабильной, это фигура его веры. Он и сейчас готов не подыматься с колен, но сам Гитлер мешает этому, вызывая время от времени досаду то своей нерешительностью, то своими склонностями.

На отрезке 1928—1929—1930 годов образ Гитлера как фюрера снижен в дневнике. Но это не меняет дела. Позади остались годы, когда Геббельс смятенно ждал явления сильной личности, «вождя», которому может отдаться и тем укрепиться в своей расшатанной жизни, обрести устойчивость. Склоняясь признать вождем Гитлера, он болезненно воспринимал те или иные несоответствия Гитлера предназначенности на роль «фюрера», какой она виделась Геббельсу. И страшился разочарования. Теперь же его реакция в подобных случаях иная.

Он по-прежнему восхищен, когда, выступая, Гитлер имеет бурный успех, тем более если Геббельс сам отвечает за подготовку такой встречи с ним, как в Берлине, и удача поднимает его акции.

17 ноября 1928. В 8 часов Спорт-палас огражден полицейскими. 16 000 человек. Переполнено. В 8.20 появляется Гитлер. Бесконечный восторг. Музыка. Вступают знамена. Затем говорит Гитлер. $1^1/_2$ часа. Потрясающая речь. Все время прерывается аплодисментами. Под конец ураган. Все встают. «Германия превыше всего»... Величайший успех за все время моей работы... Как я счастлив! Я боюсь зависти богов!

Но вступают и другие интонации. Это и терпимость по отношению к тем, кто критикует Гитлера, вялое отстаивание его: «Пфеффер считает, что шеф лично принимает слишком ответственные решения. Возможно, он прав, но

для Гитлера это единственная возможность удержать буянящих вожаков».

И несокрушенность, когда поступают компрометирующие сведения о Гитлере: «Пришел Кауфман. Он рассказывает нелепые вещи о Гитлере. Он и его племянница Гели и Морис (*шофер Гитлера*). Женщина — это трагедия. Надо ли отчаиваться? Почему мы все должны так страдать от женщины,— уговаривает он себя.— Я понимаю все. Правду и неправду» (18.10.1928). Это глухо обронено в записи что-то связанное с ревностью Гитлера к Морису. О романе Гитлера с его юной племянницей Гели Раубал было известно в узком кругу нацистской элиты. Через три года Гели покончит жизнь самоубийством.

Геббельс, однако, подточен, ему явно «отсвечивает» Муссолини, Гитлер не выдерживает сопоставления с ним: тот уже шесть лет диктатор, в то время как Гитлер не может навести порядок в своей партии. «У нас слишком много обывателей в партии. Мюнхенский курс иногда непереносим. Я не готов участвовать в гнилом компромиссе. Я иногда отчаиваюсь в Гитлере. Почему он молчит?» (5.4.1929).

Но это отчаяние локально. Геббельс в отличие от прежних лет не драматизирует нерешительность Гитлера и другие его непригодные качества. Не обескуражен. Дело уже в значительной степени сделано. Под оглушающей, непрерывной пропагандой мифа о Гитлере, мессии, ниспосланном вожде и спасителе нации, неприкаянные массы, духовно люмпенизированные, все в большем числе прельщены Гитлером, воспламенены надеждой на него. Надо удерживать и развивать этот успех, в который внес свою немалую лепту Геббельс. «Я сам сотворю свою славу»,— поручался он. Творя славу Гитлера, он творил и свою подле него.

«Сколько дурного слышал я о Гитлере. Но я верю в него... Я всегда спорю с такими слухами и буду впредь. **Миф Гитлера должен остаться неколебимым, как бронза**».

Люди хотят слышать только хорошее о Гитлере. Это и важно. Ведь вколочен заявочный столб: «Гитлер — будущее Германии», «Гитлер — это национал-социализм».

(Пропаганда внушала: Гитлер анахорет, живет только мыслями о благе народа, отказывая себе в личной жизни, во всех житейских благах. Этот миф, упорно насаждаемый, прочно умостился в народном сознании и был живуч. Сужу об этом из общения с немцами в дни поражения Германии.)

Геббельс вполне прагматично, неуклонно отстаивает Гитлера. Если будет нанесен урон мифу — зашатается Гитлер, рухнет все.

«НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ ДОЛЖЕН СТАТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИЕЙ НЕМЦЕВ»

Как бы там ни было — ни о каком другом фюрере не может быть речи. Гитлер остается знаменем партии, гарантом ее победы. И, мешая досаду с признанием, Геббельс встраивается во взгляды Гитлера. Вполне беспринципно. И в малом и в большом.

Вот он с братом Конрадом смотрел фильм «Верден»: «Фильм без тенденции. Ни военный, ни пацифистский. Ни за французов, ни за немцев. Хочет всех оправдать и ко всем несправедлив. Слишком много шума. Слишком много гранат. Все это утомительно».

Дней через десять он снова смотрит этот фильм, но уже с Гитлером, и тому фильм весьма понравился. «Вечером с шефом. «Верден» в кино. Смотрел его во второй раз и все же потрясен. Великий военный фильм». Такой вот примитивный оборотень.

Но речь идет и о коренных установках.

1 сентября 1928. Шеф говорил два часа. О невозможности осложнять движение религиозными вопросами.

И в развитие его установок Геббельс начинает подкоп под религию.

16 сентября 1928. Лютер сегодня нам мало что дает. А если мерить полной мерой, он половинчат. Ему следовало или вообще не приходить, или прийти революционером. А так предстает перед нами малый, который ничего иного после себя не оставил, как только разделенный религиозно народ. Так мне думается, что католицизм и протестантизм одинаково ленивы. Лютер был первый религиозный либерал.— *А «либерал» — это худшее ругательство у Геббельса.*

Он давно не пускался в рассуждения о религии и вере. Это первый шаг в заданном антирелигиозном направлении. Оттачивание красноречия, «домашние заготовки», чтобы в тот момент, когда окажется возможным, «не осложняя движение», приступить к «религиозным вопросам», быть наготове. Геббельс быстр и всегда на подхвате, чтобы подтверждать, опережая других, свой приоритет в пропаганде — изготавливать формулировки на заданную тему. Это старт. А ровно через месяц, день в день, он с новым кодексом уже выходит на прямую.

16 октября 1928. Что такое для нас христианство? Национал-социализм — это религия. Нам не хватает только религиозного гения, который отверг бы старые, изжитые формулы и построил бы новые. Нам не хватает ритуала. **Национал-социализм должен стать государственной религией немцев...** Моя партия — моя церковь.

«Политический вождь должен быть выше религиозных учений своего народа». Это еще один виток национал-социализма. Среди всего, что намерен Гитлер, придя к власти, узурпировать, важное место отводится религии. Начнется гонение на церковь, преследование священнослужителей, а само понятие «христианство» будет за ненадобностью отброшено. Мы-то это все сами проходили.

Но куда же вот так безо всякого торможения и следа разом подевались заклинания, мольбы Геббельса к Богу на всем пути к гауляйтерству? Геббельс — полый. И все установки Гитлера входят в него без порога. «Помоги мне, Господи, силы мои на исходе», «Мы должны искать Бога. Для этого мы приходим в мир!» — все это являлось из пустоты и в пустоту кануло. «Быть истинными христианами! Как это трудно, как безумно трудно!» — вот и пришло облегчение: Гитлер скинул груз христианства.

«НОВОСТИ ВКРАТЦЕ»

Так обозначает иной раз Геббельс свои записи.

31 мая 1928. Вечером я встретил господина Шт. из русских эмигрантов вместе с казачьим полковником, который до войны руководил русским шпионажем. Что я узнал! Мы все еще очень беззаботны. Управление полиции всеми средствами работает против нас. Мы должны изощреннее действовать. В каждой немецкой партии и в органах власти у большевиков есть шпионы. Они сторожат нас, как черт грешную душу. Вместе с полицией они устроили настоящую охоту на НСДАП. Надо быть настороже... Русские будут держать меня в курсе дел, но надо следить, чтобы они не облапошили.

22 июня 1928. Я узнал, что Кох[1] тогда написал против меня бесстыдную статью, я всегда чувствовал это моим верным инстинктом, все его вонючее, лживое... (*неразб.*) С такими людьми мы стоим в одних рядах. Я б бросил все...

С этой записью связан эпизод, который Геббельс не раскрывает. Кох, в то время гауляйтер Восточной Пруссии, опубликовал в газете «Национал-социалист» памфлет под

[1] Кох Эрих — гауляйтер Восточной Пруссии. С 1941 г.— рейхскомиссар Украины.

названием «Последствия расового смешения». И хотя герой памфлета назван не был, партийная верхушка легко узнала в нем Геббельса: «Физическая гармония нарушена... уродливыми, неуклюжими отдельными частями тела. Я хотел бы в этой связи сослаться на нижнесаксонскую поговорку: «Остерегайся меченого!»

Геббельс грозил отставкой. Прибегнув к поддержке Гитлера, выдвигал обвинения против подозреваемого им в авторстве Коха. Но памфлет был анонимным, и Геббельс, ничего не добившись, выступил с унизительным опровержением. Ведь не было ничего сокрушительнее для карьеры, чем прослыть расово неполноценным, плодом смешанного брака. Он объяснял, вероятно, измышляя, как считают его биографы, что неблагополучна его нога не от рождения, а от несчастного случая, когда ему было 13—14 лет. «Так что с расовой позиции никоим образом не могут быть обусловлены неблагоприятные заключения,— писал он.— В противном же случае *(т. е. будь он калекой от рождения)* на это имелось бы право».

Такие вот жалкие, к тому же и страшные слова. Геббельс следует фашистской расовой догме и только ищет в ней лазейку для себя. И в свою очередь желает подцепить продвинувшегося в партии Лея, будущего фюрера «трудового фронта». Пусть тот не увечный, можно поискать и что-либо другое: «Д-р Лей странный тип. Может, он перекрасившийся Леви?» (10.8.1928).

Легко представить себе, уже зная об этом, как пришедший к власти нацизм обрушится для начала на саму Германию расовой идеологией. Растопчет человеческое достоинство, наделит одних чувством неполноценности, страхом перед угрозой жизни. Других растлит чувством расового превосходства по составу своей крови. Из расового же высокомерия и культа «белокурой бестии» спишет физические и иные изъяны у немца на гены «расового смешения» с вытекающими для испытуемого последствиями.

«Так же, как я различаю народы на основе их расовой принадлежности, так же различаются и отдельные люди внутри народа». И внутри «избранного народа» — немцев надлежит провести проверку на сортность и племенную пригодность. «Есть одно только священное человоческое право, оно же священнейшая обязанность: позаботиться, чтобы кровь сохранялась чистой». «Выделить внутри народа наиболее расово ценные элементы и особо позаботиться об их умножении». Планируется жесткая селекция среди немцев. Человек нездоровый или подозреваемый в недостаточ-

но физически надежной наследственности «должен быть объявлен негодным для спаривания, и это должно быть осуществлено на практике». Это «Майн кампф» — 1924 год (1-я часть) и 1925-й (2-я часть)[1]. В те времена да и позднее это ничем иным не могло показаться, как только бредом. Но все это осуществилось в Германии, вплоть до принудительной стерилизации тех, кому не положено было «спариваться». Геббельсу даже пришлось вызволять из беды сотрудника своего министерства, приговоренного, как он посчитал, зазря к этой операции.

Мне встретилась на дороге войны зимой 1945-го немка. Она росла в детдоме, а когда пришел срок ей покинуть детдом, встать на свои ноги, ее подвергли тестированию. На вопросы о родителях Гитлера она сбилась, неправильно ответила. Была переэкзаменовка. От волнения она снова что-то напутала, и ее сочли неполноценной, обрекли на стерилизацию. Мужчина до 45 лет не имел права на ней жениться. Пришибленность, позор, одиночество и нищета вытолкнули эту несчастную женщину на панель. Война подобрала ее и определила в публичный дом в Бромберге — перевалочном пункте солдат-отпускников, едущих с фронта на родину.

Все, что казалось невероятным, воплощалось на практике в нацистской Германии. Начало было положено в клиниках в Бухе, на северо-востоке Берлина. Здесь подверглись унизительнейшему, зловещему обследованию поголовно все жители района. В картотеке результатов обследования было заложено право человека на профессию, на карьеру, на брак, службу в армии и в конечном счете — на жизнь. У меня сохранилась брошюра с инструкциями этой «медицинской службы». На расовой шкале в самом низу — цыгане, строчкой выше — евреи, следом — русские и другие славянские народы.

История распорядилась так: наша 3-я ударная армия вошла в Берлин с северо-восточной окраины, и сюда, в Бух, где разместились отделы штаба армии, в уцелевший корпус клиники были доставлены обгорелые трупы Гитлера и Геббельса, и специально назначенная комиссия 1-го Белорусского фронта подвергла судебно-медицинскому исследованию на этот раз самих главарей нацизма. Возглавлял эту комиссию главный судебно-медицинский эксперт фронта подполковник Шкаравский. Его имя — Фауст. Гитлера и Геббельса анатомировал доктор Фауст!

---

[1] «Mein Kampf», S. 492, 444, 493, 452.

«СА ПОЛУЧИЛИ СЛИШКОМ МНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ»

21 июня 1928. Вояки готовы испоганить партию. У меня есть что сказать Гитлеру... Я тоскую по благосклонной женщине.

30 июня 1928. Вечером смотрели «Потемкина». Надо сказать, замечательно сделано. Прекрасные массовки. Пейзажные и технические съемки точного воздействия. Лозунги сформулированы так точно, что не найдешься возразить. В этом опасность фильма. Хорошо бы у нас был такой. Слушали русский концерт.

17 июля 1928. Вечером в аквариуме. Есть на что посмотреть. Я долго стоял перед ящиком. Морской петушок старался сожрать мелкую рыбешку. Вот природа! Немилосердна!

24 июля 1928. Еврейская сатирическая газета уже нарисовала карикатуру на меня в Боркуме. Оно и видно, они и здесь меня не забывают!

27 июля 1928. Вчера курортники устроили собрание с требованием предоставить зал, чтобы я произнес речь.

7 августа 1928. Гитлерюгенд присоединяется, так же и студенческий союз, с фюрером которого, фон Ширахом, я вчера долго беседовал. Отличный человек. Дворянин. Умный, способный. Сегодня опять весь день конференция. К тому же сильная тоска по женщине.

8 августа 1928. Я потратил весь день, объясняя солдатам из СА, что марш на Берлин уже в августе, безумие... **СА получили слишком много самостоятельности,** а когда вояки начинают делать политику, выходит глупость. Пора дать им по рукам.

4 сентября 1928. В воскресенье окончание конференции. В заключение выступает шеф. Как всегда феноменально... Берлин, Берлин! Tempo! Tempo! Слышу от Марии *(сестры)*, что отец очень болен.— *Это известие, уже не впервые тщетно призывающее его в Рейдт, где в родительском доме он до самых последних лет скрывался от нужды и одиночества в тепле и заботах о нем любящих близких.*

8 октября 1928. Люди хотят видеть в фюрере идеал. Уже хорошо!

14 октября 1928. Партсъезд состоится 3, 4 и 5 августа в Нюрнберге или Мюнхене. Будет большой исторический праздник. Это будет единый аккорд ликования... В 6 часов пришла Ханна... Я поцеловал ее полный красный ротик.

16 октября 1928. «Граф Цеппелин» приземлился после 112-часового перелета. Удивительное достижение немцев. Можно гордиться принадлежностью к этому народу... Вновь безграничное уважение к немецкому прилежанию и гениальности. Этот народ, так рабски сейчас приниженный, все же первый и самый творческий на земном шаре... Как примитивны против нас Россия и эти новые маленькие наглые государствишки.

В тот же день, расправившись в дневнике с христианством, подменяя его новым «вероучением» — национал-социализмом, он направляется, однако, в церковь: «Я крест-

ный маленького Фолькнера Хартманна... он должен стать настоящим немцем». Зачастили приглашения на крестины, они теперь входят в его обиход. «Крестины. Я крестный. Ужасный китч. Церкви отжили. Есть вероисповедание, но нет религии. Все крутится вокруг чаевых... Ганс Ульрих *(новорожденный)* вопит как лудильщик. Мы все сделаем из него настоящего человека» (5. 7. 1929).

Его крестников, этих новорожденных «гансов», к тому времени шестнадцатилетних, я видела в дни штурма Берлина злодейски брошенными комиссаром обороны столицы, Геббельсом, вместе со школьниками (вплоть до 12-летних) сражаться на улицах в смертельном пекле проигранной войны и погибать, чтобы на час-другой оттянуть смерть обреченных Геббельса и Гитлера.

В берлинском государственном архиве я читала свидетельства этих подростков: вернувшись в мае 1945-го в школы, они писали сочинения о том, что пережили. «Ужасно затравленные бомбардировщиками, штурмовой авиацией и артиллерией, без еды и питья и без всяких указаний, мы отступали. В Эберсвальде мы тут же попали «в действие» — в команду, которая состояла из ребят 12—17 лет. Плохое вооружение и приказ «непоколебимо держаться».— Это пишет 14-летний Герберт Нейбер.— Снова ад бомб, гранат, ружейных пуль... бегущие офицеры, которые перед своим бегством заставили повесить как «изменников отечества» рассуждающих солдат, стонущие раненые, которым никто не оказывает помощи. Потом в последний момент отступление на грузовиках. Но уже через три километра нас снова стащил вниз капитан — он орал и размахивал пистолетом. Но скоро опять сдали и эту позицию и опять отступали, затравленные криком ужаса: «Русские идут!»

«ГИТЛЕР НАД ГЕРМАНИЕЙ!»

22 октября 1928. Сегодня шеф испробует во Дворце спорта громкоговоритель.

Ранее Геббельс сетовал, что радио войдет в каждый дом и окончательно превратит немцев в обывателей. Но вот оказалось, что «апробированная» новая техника эффективно служит небывалой по массированности пропаганде фашистов, обрушенной на немцев. И если прочие нацистские главари в наземном транспорте мотались по всей Германии и среди них самый энергичный пропагандист — Геббельс, то для Гитлера был приспособлен еще и самолет, что и вовсе

было в диковинку, ошеломляло. Стремительные перемещения Гитлера по воздуху, с внезапным или объявленным появлением то тут, то там на митингах и собраниях в разных частях Германии, способствовали его популярности. **«Гитлер над Германией!»** — кликушествовал Геббельс.

«ВСЕЙ НАШЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕ ХВАТАЕТ ДЕМОНА»

29 октября 1928. ...день рождения... Я не прошу богатства, счастья, жратвы. Только чтобы **жить для славы** и действовать, чтобы оставить пример потомству... Вчера был дома. Посещение какой-то истерической особы. Слишком неуклюжа, чтобы меня соблазнило... **Всей нашей творческой деятельности не хватает демона.**

Но сам-то Геббельс накоротке с демоном и на этом основании выставляет себя революционером. Тут кстати припомнить Честертона. Для него злой дух, демоны и дьявол вместе с ними скучны донельзя. По нему, вся эта бесовщина не романтизм восстания и не черный романтизм разрушения, а всего лишь дорога к посредственности.

30 октября 1928. Я познакомился с безымянным, самоотверженным голландским целителем. Не один из шарлатанов, а высокообразованный блестящий человек, который в первый момент немного отталкивает, но затем очень привлекает... Надо не терять его из виду.

Это начало новой линии в пропаганде Геббельса — привлечение лиц, воздействующих на публику не традиционными методами, а мистическим, гипнотическим внушением и всяческим чудом, в которое сам Геббельс не очень-то верит. Когда предсказания астрологов, ясновидцев в пору второй мировой войны станут неблагоприятными, Геббельс будет преследовать их, загонять в тюрьмы. А покуда он готов поощрять их. И ему поставляют новые интригующие сведения о таких «могучих» лицах. «Разговор с Г. Анакером *(писателем-нацистом)*. У него друг нашел славное средство к освобождению Германии, на сей раз извлеченное из силы земли». «Мы музицировали и заклинали духов. Очень занятно».

13 ноября 1928. Рейхстаг хочет лишить меня иммунитета.

21 ноября 1928. У меня слишком мало возможностей для отдыха. Я едва вижу самого себя. Мое личное «я» блекнет. Все притязают на меня, только я не могу ни на кого притязать. Вершины одиноки! Ужасно познавать правду этих слов, пусть в меньшем масштабе, уже в столь молодом

возрасте... Другие живут и любят, они удивляются и обожествляют мою силу и ясность, а я живу только из самого себя, не находя даже эрзаца той энергии, которая мне нужна. Я должен давать и ничего не могу взять. От этого я медленно сгораю.

Это рецидив плача по себе, но с неуемным теперь самовосхвалением. Прежде раздирала невостребованность: «Я пока — ничто». Точила в душевном подполье мания величия. Теперь-то, похоже, с ней все в порядке.

23 ноября 1928. Дело Кютемейера: мы вышли на след убийц и надеемся их скоро поймать. Полиция преступно безразлична. В эту ночь я осматривал место преступления. Ужасно! Боже, избави меня от смерти от руки соотечественника!

9 декабря 1928. Этот номер «А» (*«Ангрифф»*) прекрасен. Но его, наверно, арестуют (*из-за профанации религии*). Мы снова использовали картину с Христом.

16 декабря 1928. Разговор с казачьим полковником. Они хотят помощи в борьбе с большевизмом. Хорошо. Но я не слишком связываюсь с эмигрантами. Они распущенны и ждут Deus ex machina[1]. Каждый день у них новые планы, а сами ничего не делают.

3 января 1929. Прекрасный фильм, борьба любви и долга. Стенька Разин закалывает возлюбленную, чтоб остаться мужчиной и вождем. Этический пыл, который действует потрясающе. Русская музыка, моя старая незабываемая привязанность.

В начале войны против Советского Союза министр пропаганды Геббельс издал приказ, запрещающий исполнение классической и современной русской музыки. В развитие этого приказа было спущено в действующие немецкие войска указание (цитирую по сохранившемуся в моем архиве трофейному документу): «В развитие приказа № 121 от 2.8.1941 запрещается петь русские песни: «Катюша», «Полюшко», «Три танкиста» и другие». Но «Катюшу» немецкие солдаты все же пели.

«Я подумываю купить себе собственную квартиру,— делится с дневником Геббельс,— но денег не хватает».

11 января 1929. На улице сибирская зима. 19 градусов ниже нуля.

12 января 1929. Эти Борджиа были настоящие молодцы. Великие грешники, но все же великие. Если б у нас в республике были хотя бы такие люди. Но все ничтожны и в добре и в зле.

14 января 1929. Вчера утром был в Национальной галерее... Мы сегодня видим совсем иначе. Более сжато, социалистично во всем. Мы больше не видим части, только целое. Этим XX век отличается от XIX.

16 января 1929. Ряд фильмов времен войны. Это была Германия! Как низко мы пали.

---

[1] Бог из машины *(лат.)*.

«ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ОТ ЛУКАВОГО»

19 января 1929. Небывалая кампания в прессе против нас.
20 января 1929. Воскресенье утром. Конференция руководства... Тема: парламент, ближайшие задачи.— *Стоит вопрос о том, что гауляйтер не должен быть одновременно депутатом рейхстага, одним в двух лицах.*— Я резко выступаю против. Для Берлина это было бы катастрофой. Гитлер настойчиво опроверг меня, но добавил, что в отношении Берлина я прав. «С вас я никогда не сниму ношу Берлина. Я никогда не смогу никого другого представить себе руководителем Берлина!» Сильное признание из его уст моей работы в Берлине... После обеда борьба против Преффера[1]. Высшие штабы СА должны быть устранены. Все гауляйтеры в этом категоричны...

Это загодя ведется борьба с руководстом СА, чтобы военизированные боевики, обеспечивающие нацистам приход к власти, не превратились в самостоятельную, не управляемую партийным центром силу. В этой записи предстает, можно сказать, биография этой борьбы, окончившаяся резней в «Ночь длинных ножей».

20 января 1929 (*продолжение*). Я говорю конструктивно и притом, полагаю, эффективно. СА не должны существовать сами по себе. Это звено партии (*подчиненное гауляйтеру*). **Вся эта децентрализация от лукавого.** Пфеффер жестко осажен. Иной раз несправедливо. Но он защищается неумело, резко. Тем самым доводит до белого каления всех и самого Гитлера. Поскольку он намеками прибегает к угрозе мятежа, он проигрывает последнюю карту. Гитлер затем подытоживает. Приговор произнесен. Опасности для партии не существует. **Где Гитлер, там победа,** даже во внутренних столкновениях. Теперь мы ждем решения. Пфеффер сам себя похоронил. Утром Гитлер очертил еще следующие задачи. Предупредительность в отношении органов власти. Умная тактика, но всегда не сводя глаз с цели. Правильно. Мы внутренне так сильны и прочны, что можем объединиться хоть с чертом, даже и с баварской народной партией. Конец. Хайль, до свидания, Адольф Гитлер.

«Где Гитлер, там победа» — станет расхожим лозунгом, гипнотически действовавшим в дни военных побед. Но в дни штурма Берлина я слышала по немецкому радио, как плачевно звучал этот лозунг геббельсовской пропаганды. А Гитлер, и без того самовнушаемый, самовозгорающийся, давно уверившийся, что это именно так: где он, там победа,— перенес ставку в Берлин, еще надеясь на первых порах своим присутствием сдержать катастрофу.

---

[1] Преффер в это время возглавляет штаб СА.

«ЕДИНСТВО ПАРТИИ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО»

21 января 1929. Результат вчерашнего: СА будет твердо включена в систему политического руководства. Другие вспомогательные организации тоже должны быть строже централизованы. **Единство партии превыше всего.** Предупредительность по отношении к органам власти. **Легальность — это козырь...** (Заметь себе это, Берлин!) Политическое положение для нас благоприятнее, чем когда-либо. Потому — спокойствие и беречь нервы... Партия действует. С кризисом в СА в две недели покончено. Оружие заточить! Вперед на врага!

Все это дела «партийного строительства». В партии обостряется борьба против посягательств на централизацию, борьба за незыблемость структуры партии, неукоснительность подчиненности центру. Это ставится теперь во главу угла также в связи с тем, что партия вышла из полулегального состояния, сдерживавшего бескрайность ее пропагандистского размаха. Теперь препон нет. Идет приток новых членов в партию. Но надо предусмотреть и меры против размывания структур.

Появляется и совсем новая установка Гитлера. «Умная тактика»,— отмечает Геббельс. Осмотрительно, аккуратно вести себя по отношению к правящим веймарским партиям, чтобы вновь не навлечь на нацистскую партию запрет. «Легальность — это козырь». Не задираться. Партии насилия вменено под натиском «небывалой кампании в прессе против нас» присмиреть, сказаться лояльной. А пока что — заточить оружие, изготовиться к прыжку на врага.

Политическое чутье и предприимчивость национал-социалистов, маскирующихся и маневрирующих на тех или иных этапах борьбы за власть, оказались сильнее, чем у их противников.

«ФАРС»?

От немцев, переживших в Германии 20-е годы, я не раз слышала: Гитлер с его командой, сборища национал-социалистов, их лозунги, их политические оргии, факельные шествия, их ряженые — коричневорубашечники — все это воспринималось как фарс. Именно этим словом «фарс», будто сговорившись, определяют свое — до поры — отношение к нараставшим тогда непонятным событиям люди разного социального и образовательного уровня.

Еще в конце 30-х годов английский публицист сказал: «Возможно, решающее преимущество Гитлера было в том, что никто не верил в реальность его целей».

В просвещенной Германии люди, из тех, что покуда не лишились рассудка в угаре шовинизма, не впали в нацио-

налистическую истерию, не могли тогда вообразить, что взбалмошные, бредовые наставления Гитлера в «Майн кампф», весь этот абсурд станет для них повседневными подробностями жизни. Страна не устоит перед племенным психозом (пользуясь обозначением Гасана Гусейнова). И начнется катастрофический процесс приобщения.

«АВОСЬ МЫ СКОРО ПЕРЕЙДЕМ К ДЕЙСТВИЮ»

Хотя все еще не была преодолена безработица, но в Германии второй половины 20-х годов росло промышленное производство, оживала торговля, шло бурное строительство. Успехи немцев в науке и технике получали признание в мире. Расцветала театральная жизнь.

Но наступил 1929 год. Грянул мировой кризис, он катастрофически приближался к Германии.

22 января 1929. Какое преступление перед будущим Германии, что Лютер стал на сторону князей. Если бы крестьяне восстали и создали немецкий народ и национальное государство, **Германия сейчас правила бы миром.**

У немцев были трудности с понятием «власть», они были склонны путать власть и жажду господства (Л. Феррарис). Гитлер упростил эту проблему в пользу «господства».

1 февраля 1929. В рейхстаге коалиционные переговоры. Не сформировывается никакое правительство. Никто не хочет нести ответственность.

2 февраля 1929. Кризис усиливается. Господа парламентарии не видят выхода. Это хорошо. Надо только поджарить их на их собственном жире.

6 февраля 1929. Вчера в рейхстаге дебаты о безработных. Соци (*пренебрежительное от социал-демократы*) худшие мерзавцы, каких я когда-либо видел. Коммунисты нанесли им тяжелый удар.

9 февраля 1929. Гигантский крах с безработными. Сумасшедший театр! Когда выходишь из этого здания, то будто побывал в мертвецкой... Собачий холод. 18° ниже нуля. В политике — полная растерянность. Мы стоим с приткнутой к ноге винтовкой.

10 февраля 1929. Политическое положение отчаянное. **Авось мы скоро перейдем к действию.**

23 февраля 1929. В рейхе откровенный кризис власти. Нужно либо распускать рейхстаг, либо вводить диктатуру. Нам этот театр на пользу. Так или иначе, мы — наследники.

«МАЙН КАМПФ»

С чем же собирается прийти к власти национал-социализм? Тут уж приходится обратиться к «Майн кампф» и во

взвинченном, сумбурном потоке слов в 750 убористых страниц постараться вычленить кое-что существенное для уяснения взглядов, предписаний, тактических приемов Гитлера и общей стратегии с ее ближними и дальними целями.

Итак: мир разделен на расы, и каждая раса «четко определена наружно и внутренне соответственно своей природе». «Лиса — всегда лиса, гусь — гусь, тигр — тигр». И сильный пожирает слабого: «Нет лисы, которая по внутреннему убеждению решила бы быть гуманнее с гусями». Это же проецируется на расы людей. Человек низведен. Будто не ему, единственному в животворном мире, дана одухотворенность. Будто не по образу и подобию Божию сотворен...

«Каждое животное спаривается только с товарищем по виду. Синица идет к синице, зяблик к зяблику, аист к аисту, полевая мышь к полевой, домашняя к домашней, волк к волчице».

Люди уподобляются Гитлером животным и должны также пребывать в рамках, строго отведенных природой. Выход человека за эти рамки — тягчайший, наказуемый грех. Кровь и раса превыше всего. «Грех против крови и расы — наследственный грех этого мира и конец предающегося ему человечества».

«Франция же добровольно обнегривается (смешивается с неграми) назло немцам». Такие вот искрометные мысли.

Воспитание немца с ранних лет «должно быть направлено на то, чтобы внушить ему убеждение в неизменном превосходстве над другими».

«Основатели и носители культуры — только арийцы». Все достижения «науки и искусства, техники и открытий» принадлежат только арийцам.

Государство, которое намерен основать национал-социализм, «должно позаботиться, чтобы наконец была написана мировая история, в которой расовый вопрос будет поднят на доминирующую высоту». «Брак должен быть превращен в институт, призванный явить образцы господ, а не помесь человека с обезьяной».

Путь к созданию национал-социалистического государства проложит массовость организации, исповедующей соответственно единое мировоззрение. «Все люди должны быть обучены новому мировоззрению, а позже, если будет необходимо, и принуждены к нему».

«Широкие массы покоряются только мощи речи», только «колдовской силе устного слова». И талант оратора, пишет Гитлер, он обнаружил у себя еще в школьные годы. В дни молодости, слоняясь по Вене в поисках заработка, пристав к

строительным рабочим, он ввязывался на городских митингах в дискуссии, попытался держать речь против социал-демократов, но рабочие пригрозили сбросить его со строительных лесов, прогнали со стройки, рассказывает он. Не поддались, выходит, его ораторскому дару. Так было. Но теперь иначе.

Само время со своей социальной и политической окраской, время отчаяния, страха, кровавых уличных междоусобиц, стачек, ненависти, недоверия к власти и жажды надежд, могло породить — я уже писала об этом — угодных массе ораторов и героев крайнего толка. Гитлер становится самым популярным оратором в Германии.

До сих пор западные ученые и публицисты обсуждают феномен массового психоза, в который впадала слушающая Гитлера многотысячная аудитория. «Магнетизм», «животный магнетизм», «массовый оргазм» и «оргиастическое чувство общности», «экстатическое объединение» и прочее, о чем пишут в связи с Гитлером,— все больше из области иррационального. В «Майн кампф» же Гитлер все время кругами возвращается к методике завоевания политической власти путем завоевания власти над толпой. Это вполне прагматическое руководство. Пишется оно с определенной проницательностью в психологию масс и с цинизмом, с упором на «примитивность восприятия широкой массы». «Масса предпочитает господина, а не просителя и в глубине души охотнее принимает учение, которое не терпит рядом с собой никакое другое, чем дозволенность либеральной свободы, с которой она не знает, что делать, и легко теряется. Бесстыдство такого духовного террора масса так же мало сознает, как и возмутительное нарушение своих человеческих свобод... Она чувствует только безоглядную силу и брутальность целеустремленных высказываний и в конце концов непременно склоняется перед ними». И проникается внушенной ей нетерпимостью, фанатизмом.

Но достигается этот успех только при наличии самой действенной силы — врага. И тут на сцену вызывается «еврейский вопрос».

«Еврейский вопрос» — это вопрос всех вопросов»,— записывает в дневнике уже зрелый нацист Геббельс (15. 2.29).

В Вене, куда, осиротев, Гитлер отправился из провинциального Линца — «оседлать судьбу», он проваливается на экзамене в Академию художеств, не попадает и в архитектурное училище. Постоянную работу он не ищет, учиться, овладевать какой-либо специальностью не намерен;

физический труд пролетария для него унизителен, к повседневным обязанностям служащего он испытывает непримиримое отвращение еще с той поры, как подростком услышал от отца, что тот желает, чтобы Адольф стал служащим. В Вене он перебивался, как он пишет, работой «поденщика, потом скромного художника» — продавал свои рисунки. «Несчастнейшим временем» неизменно называет он годы, прожитые в нищете в Вене.

Когда Гитлер, голодный завсегдатай столовых для бедных, постоялец ночлежки, безотрадно колготился в Вене в годы цветения в австрийской столице антисемитизма, он впервые увидел еврея. Тот, как пишет Гитлер в «Майн кампф», ему не понравился. «Еврей — не немец» — было для него отрадным, ключевым открытием. Однако евреи активно присутствуют в культурной жизни, в прессе, что стало весьма задевать его. «Я принялся тщательно проверять имена», вести подсчет евреев в этих областях деятельности. Картина была неутешительной, тем паче что евреи составляли незначительный процент населения страны. И вообще многонациональная Вена и славянский ее элемент были нестерпимы для него. «Мне становилось дурно, когда я вспоминал об этом расовом Вавилоне». Во время русско-японской войны он был на стороне японцев, «видя в поражении России и поражение австрийского славянства».

В своей ксенофобии Гитлер, как он пишет, покуда что шел «скучным путем к антисемитизму». С анемичными, расплывчатыми формулировками: «еврей не обладает никакой культурно-созидательной силой», «его интеллект никогда не будет созидателен». Так что нелегко стерпеть ту несообразность, что среди снискавших Германии мировое признание нобелевских лауреатов немало лиц еврейского происхождения.

Ксенофобия Гитлера могла остаться его личным уделом. Но тут: «Кулак судьбы открыл мне глаза», и его осенило: «Я решил стать политиком». («Билет члена НСДАП № 7»,— сообщает он.) В своей клокочущей ненависти к социал-демократии он связал их учение с «существованием некого народа». «Разочарованный» антисемитскими брошюрами из-за «поверхностной и крайне ненаучной аргументации их утверждений», он берется за дело серьезнее и круче в свете своего собственного «научного» озарения: «Искусство действительно великого народного вождя во все времена состоит в первую очередь в том, чтобы не распылять внимание

народа, но постоянно концентрировать его на единственном противнике».

«Единственным противником» на постоянной, так сказать, основе, олицетворяющим все противостоящие фашизму силы, провозглашаются Гитлером евреи. «Гениальность великого вождя должна даже противоположных друг другу врагов представлять только как принадлежащих к одной категории...— писал он в «Майн кампф». — В сознании наших приверженцев борьба должна вестись только против одного врага. Это усиливает веру в собственную правоту и озлобленность против тех, кто на нее покушается». Кто бы ни был и на сей раз врагом, он должен иметь единый псевдоним — еврей. Пружиной этого выбора мог быть зоологический антисемитизм Гитлера, при уверенности, что антисемитизм — эффективное средство для завоевания масс. «Еврейский вопрос», сообщает Гитлер, надо было «превратить в движущий мотив» всего немецкого националистического движения. «Антисемитизм,— сказал Генрих Манн,— оказался в конечном счете единственной, да, единственной идейной основой попытки мирового господства».

Без врага наши ряды не могут быть сплоченными — этот постулат подтвердит, исходя уже из практики, Геббельс.

Но евреи в Германии за столетия прижились и заметно ассимилировались благодаря законам, уравнявшим их в правах с немцами. Уже в конце прошлого столетия в Берлине более трети евреев вступали в брак с немцами (по Брокгаузу). Надо было разрушить сближение, национальную терпимость, отторгнуть немцев от евреев. Разжигаются темные страсти, страх перед мистическим противником растравляется призраком повсеместной германофобии как средством, призванным сплотить осажденную страхом и ненавистью нацию, а покуда — толпу и улицу. И начинается беспредел. «Еврей сегодня величайший подстрекатель полного уничтожения Германии». Неважно, что это написано в 1925 году (во 2-й книге «Майн кампф»), когда немецкие евреи отождествляли себя с немцами. Чем абсурднее, тем убойнее и не нуждается в доказательствах. «Евреи хотят уничтожения Японии» (!) до «установления собственной диктатуры» (!). «Еврейская мировая опасность».

И наконец: евреи посягают «на мировое господство», на «создание тысячелетнего рейха» — это рвется из подкорки тот самый бред, который Гитлер провозгласит своей

целью, ради которого бросит Германию в кровавую бойню второй мировой войны.

«Земля и почва — цель нашей внешней политики». «Отточенным мечом и кровавой борьбой» вернуть территории. Но «границы 1914-го для будущего немецкой нации —ничто». Ее будущее «будет основано победоносным мечом господствующего народа, ставящего весь мир на службу своей культуре» («Майн кампф»). Иными словами, борьба за возвращение Германией территорий, утраченных ею в результате поражения в первой мировой войне,— слишком незначительная задача. Германии предстоят сражения, которые приведут ее к победе над всем миром. «Землю на будущее и тем самым жизнь нашему народу обеспечит не милость народов, а победоносный меч». **«Когда мы сегодня говорим о новой земле и почве в Европе, мы можем в первую очередь думать только о России и о подчиненных ей окраинных государствах».**

Так издалека — с 1924 года — Гитлер начал поход против России, никогда не теряя из виду свою цель, главное направление своей внешней политики. Только овладев Россией, обеспечив немцам огромное «жизненное пространство» (без чего Гитлер маниакально не мыслил существования великой нации), он во главе Германии сможет стать хозяином мира.

Глава третья

«ВРЕМЯ РАБОТАЕТ НА НАС И МЫ НА НЕГО»

13 марта 1929. Политика: бесплодно. Но мы продвигаемся.

15 марта 1929. Долгий разговор со студентом Хорстом Весселем о реакции, революции и тактике... **Время работает на нас и мы на него.**

21 марта 1929. Вечером читал Троцкого «Действительное положение в России». Очень интересная книга, тем более поучительная, что здесь отставленный тщеславный еврей говорит истину намеками... Проблема Ленин — Троцкий мне еще не совсем ясна. Полагаю, что Ленин держал этого еврея, поскольку у него не было другого. Троцкий недавно сказал журналистам: «Сталин национален, я интернационален». В этом суть.

3 апреля 1929. Я не могу согласиться с Гитлером в вопросе о Троцком. Он не верит в противостояние Сталин — Троцкий и считает, что это все еврейский заговор, чтобы перетащить Троцкого в Германию и поставить во главе КПГ.[1]

---

[1] Коммунистическая партия Германии.

По-прежнему интерес Геббельса тяготеет к коммунистической России, он заинтригован ее внутренней политической жизнью, порой даже зачарован. В то же время он разжигает все более ожесточенные, кровавые столкновения нацистов с немецкими коммунистами.

16 апреля 1929. Вчера вечером смотрел... «Фройляйн Эльзе». Милое еврейское дитя! Ого!.. *(Конец записи отсутствует,— отмечает составитель.) — Возможно, фильм навеял воспоминания об Эльзе.*

19 апреля 1929. В Пирмасенсе наши мальчики напали на коммунистическую демонстрацию и отколотили Макса Хольца[1]. Так и должно быть. Народ просыпается.

«ЭТО ПОЛЗУЧАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»

24 апреля 1929. Макс Хольц избит нашими людьми в Карлсруэ. Тяжело ранен. Хорошо! Не давать роздыху этим свиньям!

26 апреля 1929. Гибель республики, возможно, ближе, чем все мы думаем.

30 апреля 1929. Завтра Первомай. Будут ли убитые? КПГ слишком разевает глотку.

1 мая 1929. Без кровопролития не обойдется. **Это ползучая гражданская война.**

2 мая 1929. 1 мая было спокойнее, чем думалось,— *сожалеет Геббельс. Но:* — Еще ночью произошли кровавые события. Баррикады в Веддинге и Нойкёльне. 9 убитых, 100 тяжелораненых, 1000 арестованных. Уличная битва, открытая гражданская война... В рейхстаге сильное смятение. КПГ требует обсуждения этих событий... В конце коммунисты запели «Интернационал»... В Веддинге снова начались уличные столкновения. Вот их укрепленная республика... Лучше не будет, пока этой сволочи не покажут зубы. Когда придет наш день?

«Мы должны доказать марксизму, что будущий господин улицы — национал-социализм и точно так же он однажды станет господином государства» («Майн кампф»).

Но перевес сил оказался на стороне красных, и национал-социалисты вступают в сговор с полицией. «Я должен прекратить борьбу против полиции... нам обещана полицейская защита» (20.9.1929). Знаменательная запись. Полицей-президент Берлина д-р Вайс, поносимый в нацистской прессе тем рьянее, что он к тому же еврей, гарантирует нацистам защиту в обмен на прекращение ими борьбы против полиции. Сговор на этом этапе состоялся.

---

[1] Макс Хольц — организатор советской республики в Фолькштайне (Саксония).

Оратор в «период захвата власти»

«Да, пролилась кровь»,— с удовлетворением отмечает Геббельс, когда под защитой полиции стало возможно безнаказанно орудовать в «красных» кварталах (23.9.1929). «Полиция очень расположена к нам, особенно офицеры» (29.9. 1929).

28 августа 1929. Дьявольский план Юнга. Дискуссия с коммунистами. 5 раненых.

29 августа 1929. Принимаются военные меры против коммунистов. Теперь мы можем демонстрировать... Особенно в красных кварталах.

27 июня 1929. Бурная сцена с Герингом, который все более склоняется к фракционности. Глуп как солома, ленив как крот. Со всеми обращается как каналья, пытался и со мной. Не на того напал.

23 июня 1929. Беречь нервы! Ждать. Растить наши плоды. Не сорвать их слишком рано.

29 июня 1929. Выступал Штрейхер. По моим понятиям, разрушительно. Этот голый антисемитизм слишком примитивен. Он упускает почти все проблемы. Еврей не во всем виноват. Мы тоже несем вину, и, если мы это не признаем, мы не найдем никакого пути. Но Штрейхер все же молодец.

21 июля 1929. Читал «На Западном фронте без перемен». Ничего особенного. Воспоминания мобилизованного о войне. Вот и все. Через два года о книге никто и не вспомнит. Но она повлияла на миллионы сердец. Книга хорошо сделана. Поэтому так опасна.

Очень выразительная оценка книги будущим министром культуры.

2 августа 1929. Партийный съезд. Все единодушны, потому что никто не решается говорить. Суматоха и ликование. Гели Раубал. Красивое дитя. Провели вечер с ней, ее матерью и шефом. Мы много смеялись.

Гитлер появлялся повсюду, даже на столь торжественном партийном мероприятии, в обществе своей племянницы, что вызывало скрытый ропот в партийных верхах.

3 августа 1929. ...великий день Нюрнберга. Вчера: в 11 ч. утра праздничное открытие съезда... Штрассер открывает. Слишком длинно, слишком примитивно, слишком демагогически. Штрейхер приветствует. Хорошо и кратко. Вагнер оглашает манифест Гитлера... Блестяще написано. Только одна идея чрезмерна. Затем обеденный перерыв. По городу. Коричневые рубашки доминируют повсюду... Вечером фейерверк на стадионе и массовый концерт. 40 000 человек. Исключительное впечатление... Вечером разговор с Б. Он открыл комплот. Д-р Штрассер... и компания против Гитлера... Теперь я проник в суть... Я остаюсь на своем месте. При Гитлере. Мы этой змее голову растопчем.

В Нюрнберг прибывают поезда с манифестантами из Берлина и других округов.

4 августа 1929. После обеда специальный поезд из Пфальца. ***(Округ земли Рейнланд-Пфальц, оккупированный французами.)*** Юноши прибыли в белых рубашках, французы запретили коричневые. Гитлер крикнул им навстречу: «Придет день, и мы сорвем с французов их мундиры!» ... На улице уже гремят барабаны. Факельное шествие. Бесконечно долго.

6 августа 1929. **Надо готовиться** духовно, душевно, организационно и, главное, физически. Тогда мы победим.

Но имеются помехи:

10 августа 1929. Есть с чего отчаяться. Женщины! Женщины почти во всем виноваты.

И добавит через несколько дней: «Женщины причиняют много страданий», «Надо кончать эту историю с женщинами. Постараюсь найти эквивалент в работе».

11 августа 1929. У Бранденбургских ворот отвратительный памятник «Всем жертвам мировой войны». Надо бы добавить: за исключением немцев!

Стремление Веймарской Германии быть частью мира, воля к примирению, выраженные в этой надписи, ненавистны нацистам.

«Я НЕ СТАЛИН, Я ИМ СТАНУ»

6 октября. Муссолини. Эти итальяшки не заслуживают великого человека.— *Со слов Геринга, знавшего Муссолини в Риме, Геббельс записывает: «Римлянин масштаба Цезаря. Он зачинает историю».*

«Ксени подарила мне хороший портрет Муссолини».

7 октября 1929. Мужчины обабились. Мы, немногие мужчины, можем поэтому принести немало пользы.

Гитлер в представлении Геббельса выпал из числа надежных мужчин. «Иногда я отчаиваюсь в Гитлере. Почему он молчит?» «Жизнь трудна, подчас непереносима. Но надо идти вперед и не оглядываться».

И снова: «Вперед. Беречь нервы. Только не оглядываться назад!» Это фашизм в нем настойчиво обрывает память, связь с прошлым.

5 ноября 1929. Штеннес говорит, чо я Сталин движения, который оберегает чистоту идеи. **Я не Сталин, я им стану.** Идея должна быть чиста и бескомпромиссна.

Геббельс — тайный поклонник Сталина. А в этой вырвавшейся у него формулировке корчится еще и несогласие с курсом Гитлера, снова сближающегося с национал-народной партией спустя несколько лет после состоявшегося разрыва, за который так ратовал Геббельс, поборник социализма. «Многие не могут отделаться от мысли: социализм — отнимание собственности. Какое заблуждение!»

«Немецкая национал-народная партия нам больше не нужна — долой ее. Мы стоим на собственных ногах». Но об этом несогласии Геббельс мог поведать скорее всего

лишь дневнику, как и о досаде на Гитлера, впрочем, отступающей всякий раз, как только Гитлер проявит к нему благосклонность.

Но Гитлер преимущественно держит его на отдалении. Геббельс лишен активного участия в политической жизни, центр которой в Мюнхене, в штабе Гитлера. Это питает его досаду, претензии к Гитлеру, его сосредоточенность на своих врагах в партии, на главном из них — Штрассере.

9 ноября 1929. До поздней ночи сидел с «террористом». Он заслуживает памятника, а не тюрьмы... Будем учиться ненавидеть вплоть до свершения.

14 ноября 1929. Я так часто слышу среди наших ужасное выражение — «реальная политика». Оно мне ненавистно.

Политика — искусство невозможного, будет впоследствии щеголять Геббельс этой установкой Гитлера, в противовес высказыванию Бисмарка о политике как искусстве возможного. Нацистская политика нагло взламывает все установленные преграды, уложения, все традиции.

«НАШ ДЕНЬ ВСЕ БЛИЖЕ»

18 ноября 1929. Убедительная победа на выборах, особенно в Берлине. С 39 000 в мае 1928 мы поднялись до 130 000.

19 ноября 1929. Особенный прирост у нас в пролетарских районах. Отняли у марксизма 50 000 голосов.

20 декабря 1929. Посетил русскую семью Потемпа. Старая госпожа пожертвовала нам 5000 марок.

7 декабря 1929. Я получил известие из дому, что отец умер сегодня в 6 утра... Прощай! Как тяжела была ему смерть! Один без детей ушел он в пустоту нирваны...— *И со всей напыщенностью превознося умершего отца, воздает себе:*

10 декабря 1929. То, что было в тебе бессмертно, твой ум, прилежность, ответственность и верность долгу, любовь к людям, особенно к родным, преданность тому, что ты любил, бережливость, строгость, спартанский образ жизни и прусская прямота — все это остается жить во мне... так что след твоего земного бытия не потеряется в веках.— *Тем самым настаивает он на безмерности своей славы.*

Панегирический поток неостановим. Тот, кого он костил «мещанином», «мелким скудным человеком», этот бедный отец вознесен на прусский престол.

11 декабря 1929. Похороны... Он был настоящий человек!.. Если бы он занимал трон Пруссии, его бы ставили рядом с Фридрихом Вильгельмом I.

Но неожиданно после похорон он встретил Эльзе Янке и Альму (ее сестру) и переключился в более натуральный тон, чему обычно способствовала природная естественность Эльзе: «Эльзе попеременно то багровеет, то бледнеет как мел. Потом она спрашивает, думаю ли я еще иногда о ней. Что я должен на это ответить бедному дитяти? Я говорю «да» и лгу при этом изрядно. Она совсем не изменилась. Все так же красива и приятна, как тогда. Свыше трех лет мы не виделись».

В рождественские праздники он побывал у матери. «Сегодня отбываю. Эльзе Янке пишет еще одно грустное письмо... Прощай, прощай! Всю дорогу читал».

В дальнейшем на протяжении бесконечных страниц дневника еще только раз встречается упоминание Эльзе: «У матери... Я уладил с мамой проблему Эльзе». Что за этим — глухо, неизвестно. Но дата записи 27 июня 1933— уже полгода нацисты у власти. Не за горами нюрнбергские законы, отсекающие Эльзе и ее сестер от Германии, а там и желтая звезда — изобретение Геббельса,— которую должны будут Эльзе и ее сестры надеть на грудь, чтобы уже издали отличаться от немцев.

След Эльзе с этим подарком жениха на груди затерялся.

15 декабря 1929. В рейхстаге над моей головой собираются тучи. Требуют лишить иммунитета из-за госизмены.

17 декабря 1929. Берлин не может расплатиться с долгами. Отказались от американского займа. Рост налогов. Очень хорошо,— *ликует Геббельс.*— Наш день все ближе. У меня был странный сон: я был в школе и бежал длинными коридорами от множества остгалицийских раввинов. Они гнались за мной с криком «ненависть», я бежал чуть впереди и отвечал им тем же криком. Это длилось часами, но они меня не поймали. Я все время опережал на несколько шагов. Хорошее ли это предзнаменование?

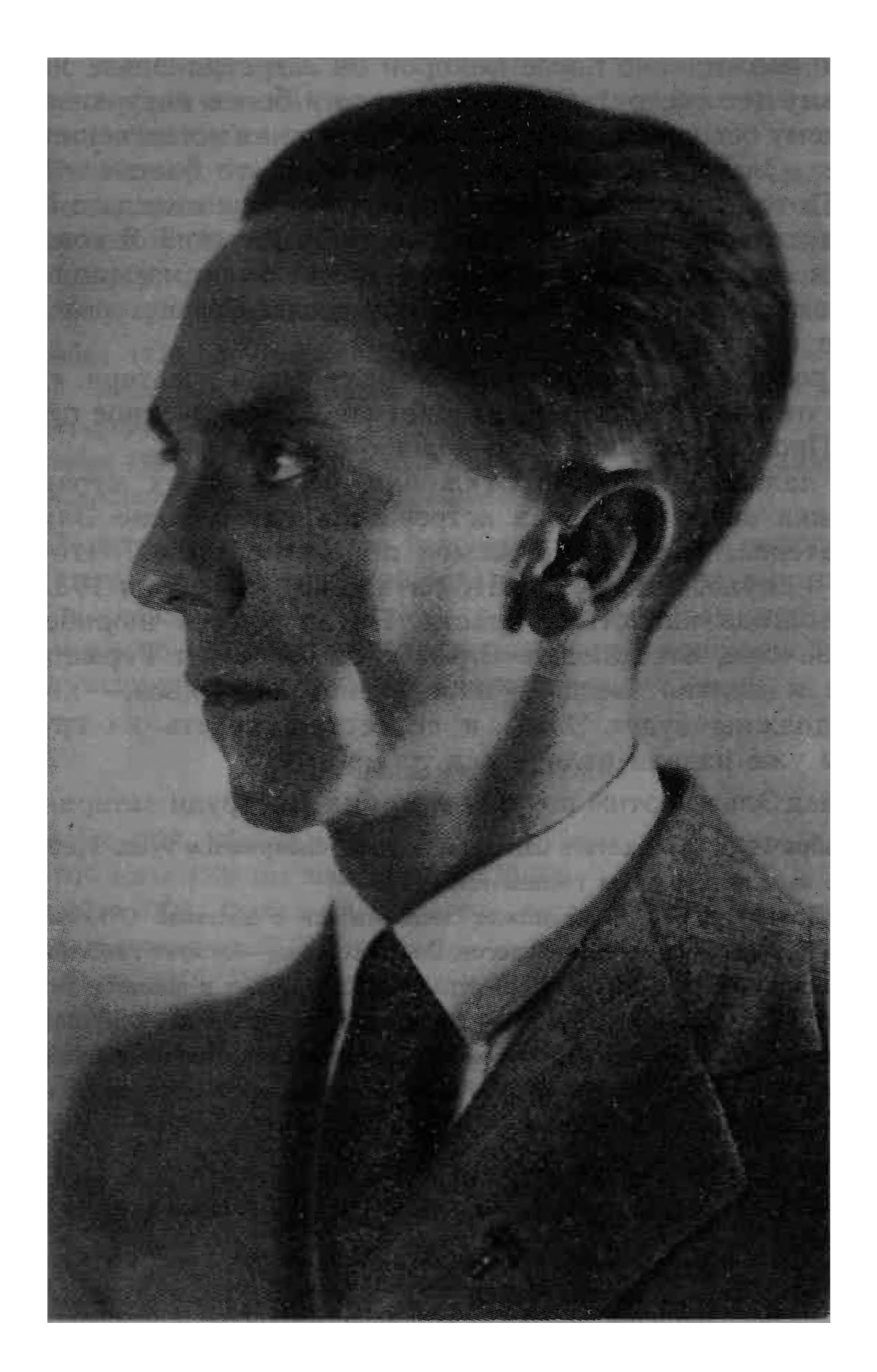
Этот сон не отзвук ли на похороны и встречу с Эльзе? И ее и отца он затоптал. «Только не оглядываться назад. Вперед!»

«НАМ ПОРА ПРИЙТИ. ИНАЧЕ ВОСПОЛЬЗУЮТСЯ ДРУГИЕ»

4 января 1930. Скандал с Гинденбургом... Мы его намылим. Старому козлу пора убираться: не вечно же стоять на дороге у молодежи. Коммунист, подстреленный нашими людьми, умер. Это снова вызовет много шума.

6 января 1930. Был в Кюнстлер-театре. Палленберг. Замечательный артист. Но еврей. Может, именно поэтому.

15 января 1930. Коммунисты напали на нашего штурмфюрера Хорста Весселя в его квартире. Он тяжело ранен. Так продолжаться не может. Близка последняя битва.

Йозеф Геббельс в возрасте 32-х лет

Молодой штурмовик Хорст Вессель ушел из благонравного родительского дома к «падшей женщине». До сих пор остаются две версии: по одной Хорст убит сутенером, по другой — коммунистом.

16 января 1930. Во всем рейхе волнения безработных. Много убитых и раненых. Так и должно быть.

17 января 1930. Юриспруденция — продажная девка политики,— *варьирует Геббельс высказывания Гитлера о ненавистных юристах.*

19 января 1930. Мать Хорста Весселя рассказала мне всю его жизнь. Словно из романа Достоевского Идиот: рабочие, падшая женщина, буржуазная семья, вечные укоры совести, вечная мука. Вот жизнь этого 22-летнего мечтателя... Красные газеты поносят этого чистого юношу как сутенера. Убийца его — вот кто сутенер. Что можно сказать? Собирать силы? Смолоть в порошок? Беседа с фрл. Видеманн по поводу шпионажа. Я думаю, мы это одолеем... Слушал омерзительное радио (негритянство, искусство недочеловеков).

ГИТЛЕР «БОЛЬШЕ НЕ ФЮРЕРСТВУЕТ»

20 января 1930. Госпожа Потемпа дает и дает на газету. К тому же у нее парочка прелестных внучек. Геринг очень ругает Мюнхен. И Гитлера ругает, кое в чем справедливо. Он мало работает. И женщины, женщины! Но зато масса способностей и достоинств...

В предвоенные годы в западной прессе за пределами Германии появлялись высказывания о том, что Гитлер настойчиво появляется в публичных местах в обществе женщин, чтобы противостоять муссировавшимся слухам о его мужской несостоятельности. Акт анатомирования Гитлера зафиксировал имевшуюся патологию[1], не дающую основания для этого утверждения, но не безразличную для психоаналитиков. «Будем радоваться тому, что он у нас есть,— продолжает запись Геббельс,— и примиримся с его слабостями». Но на таком самовнушении он не удерживается.

21 января 1930. Надо работать, работать, не терять ни часа. Нам пора прийти. Иначе воспользуются другие.

29 января 1930. Как всегда от Гитлера никакого решения. Терпения на него не напасешься!.. У него нет мужества принять решение. Он больше не фюрерствует.

30 января 1930. Меня вызывают в Мюнхен. Шеф снова хочет со мной поговорить. Надоело!

31 января 1930. Гитлер заверяет меня в своей лояльности и благосклон-

[1] Ее медицинское наименование — моноорхизм (крипторхизм).

ности, думаю, что этому можно верить. Он не выносит Штрассера и произносит тяжелый приговор салонному социализму.— *На этом можно бы Геббельсу утешиться, но не удастся.*

2 февраля 1930. Я организую отдел шпионажа.— *Склонность Геббельса к внутренним службам шпионажа не ослабевает до конца.*— Мы должны знать, что происходит у других. Но наши люди неохотно склоняются к шпионажу. Надо привлечь женщин.— *Геббельсу уже удалось одну фройляйн привлечь.*

3 февраля 1930. Муссолини мне ближе, чем все наши сегодняшние.— *Но это в пику Гитлеру и до первых неудач Муссолини.*

4 февраля 1930. Если б у немцев раньше было бы столько же политической воли, сколько культуры, **мы были бы сегодня господами Европы, а то и мира.**— *Все та же неустанная, нацистская страсть к господству над миром.*

16 февраля 1930. Анархия в партии. Вся вина на Гитлере, который не использует свой авторитет. Смотрел «Битву за землю» *(«Старое и новое»)*. Советский фильм Эйзенштейна. Хорошо сделано, но утрировано и потому неприятно... И тон уже с сильным уклоном в пользу «прогресса и цивилизации». Вечные вчерашние, пусть и в большевистских одеждах. Но фильм опасный, и мы должны на этом учиться. Если б у нас были деньги, я бы сделал нац-соц. фильм.

19 февраля 1930. Вчера наши партайгеноссен сбросили саксонское правительство. Браво! Так должно быть с предателями юнговцами. Мы их сбросим с коней.

22 февраля 1930. Гитлер исполнен знаков любви ко мне — признак того, что у него нечиста совесть. Штрейхер поддерживает меня и ненавидит Штрассера. Он вообще не настолько... *(пропуск в тексте)*, как обычно считают. Только вот его еврейская мания. Гитлер меня тревожит, он много обещает и мало делает. Но все же он очень мил, много шарма. Героический человек! Он очень расположен ко мне.

Но недолго он тешится расположением Гитлера. Снова все тот же камень преткновения — Штрассер.

2 марта 1930. Гитлер открыто капитулировал перед этим мелким и хитрым нижнебаварцем... Я настроен скептически: он как всегда вывернется, но я на все решился — не на борьбу с ним, но на уход. Пусть поищет себе других марионеток.

Это всего лишь защитная жестикуляция слабого, несамостоятельного Геббельса. «Я свободен и остаюсь свободным» (3.10.1924.) — давнее его заблуждение на свой счет. Но и тогда, как и сейчас, он всего лишь фразер. Человек клетки, он не только не нуждался в свободе, он страшился ее, был угнетен ею, независимо от того, сознавал он это или нет. Оказаться в разомкнутом пространстве свободы и сейчас катастрофично для него. И те прежние стенания о

жажде веры, поиски Бога и поиски сильной личности, что по сути смыкаются для него,— это поиски чужой воли над собой, спасения от свободы.

«НАШЕ ВРЕМЯ БЛИЗКО»

4 марта 1930. Гитлер хочет теперь все перевернуть и выставить меня козлом отпущения. Это ему не удастся. Я не позволю себя одурачить.
5 марта 1930. Гитлер обозлен моим ультиматумом. Перед Липпертом разыгрывал дуче, страшные угрозы против Штрассера, меня выставлял мелким гауляйтером, затем Герингу хвалил мои способности, словом, шеф, каким он бывает, когда перед ним неприятное, но необходимое дело... Гитлер ревнив... Политическое положение отчаянное. Кабинет при последнем издыхании. Завтра сессия рейхстага. Траурное заседание? КПГ вновь планирует революцию? **Наше время близко.** Если б у нас было целенаправленное, строгое руководство! А так? Бедный Гитлер!

В дневнике унылое препирательство за глаза с Гитлером, поношение его как негодного фюрера. Преследование Геббельсом Штрассера. Интриги, доносы, подсиживание. Пауки в банке. Но и пострашнее. «Штрассер злой дух партии». Геббельс бьется не просто за изгнание Штрассера — за его голову. И не отступится, пока тот не будет убит в «Ночь длинных ножей».

12 марта 1930. Как много у нас уже приверженцев в шупо![1]
13 марта 1930. Гинденбург подписал план Юнга[2]. Судьба Германии решена. Мы будем беспощадно продолжать борьбу, теперь перед нами новый враг: Гинденбург.
16 марта 1930. Мюнхен, включая шефа, потерял мое доверие. Я больше ни в чем им не верю... Гитлер колеблется, он не принимает решения, он больше не фюрерствует. Я был лоялен до конца. Но пусть не рассчитывает, что я позволю украсть мой гау для Штрассера,— *жалкие угрозы Геббельса.*
24 марта 1930. Фрау Вессель отдала мне политический дневник Хорста. И как он пишет обо мне, сколько юношеского воодушевления. Мы опубликуем его в «Ангриффе».

Восхвалением Геббельса в своем дневнике Хорст Вессель закрепил посмертно свое имя. Геббельс принялся пропагандировать дневник Хорста Весселя, насаждать его имя в нацистской мифологии. Куплеты песни Хорста, написанные

---

[1] Сокращенное от Schutzpolizei — полиция *(нем.)*.
[2] По плану американского банкира О. Юнга изменялся порядок уплаты Германией репараций. Освобождались от уплаты промышленность и банки. Репарационные платежи взимались с доходов железных дорог и с госбюджета.

им для штурмовых отрядов, стали нацистским гимном «Хорст Вессель».

28 марта 1930. Гитлер 4 раза нарушал свое слово. Я ему больше совершенно не верю. Он не решается идти против Штрассера. Как же будет, когда он станет диктатором в Германии?

5 апреля 1930. Кабинет еле держится... Возможно, дойдет до роспуска парламента. Дай-то Бог! Наверное, меня тут же арестуют, но это нам на пользу. **Беспокойство, натиск, принуждение и преследование — от этого мы расцветаем.**

6 апреля 1930. Муссолини, кажется, еще не распознал еврейский вопрос. И в Италии не все то золото, что блестит. Но там есть фюрер, а у фюрера есть власть.

13 апреля 1930. Гитлер должен очистить партию, иначе рано или поздно кончится расколом... Гитлер это понимает, но от понимания до дела у него всегда далеко.

Бессильные демарши Геббельса: «Если Гитлер ничего не предпримет, я откажусь от гау. Тогда они увидят, что произойдет, когда меня не будет».

28 апреля 1930. Я крепко поспорил с Р., который утверждает, что мы должны в открытую проводить борьбу мнений. Это же безумие.

«НАША НОВАЯ МАШИНА — ПРОСТО ПОЭМА»

28 апреля 1930. Гитлер снова фюрерствует!.. Для меня настоящее благодеяние. После своей речи Гитлер еще раз поднялся и в бездыханной тишине объявил мое назначение шефом пропаганды... Штрассер бледен как мел! Мы победили по всем линиям. Оппозиция в осколках. Штрассер уничтожен, и все его трусливые креатуры толпятся теперь вокруг меня. Да, таков человек... Вечером еще совещание с моим новым секретарем Гиммлером. Мы очень быстро объединились. Он не чересчур умен, но усерден и честен... Замечательный день!.. Триумф Геббельса!.. Я достаточно долго этого ждал... Самое существенное — Гитлер снова берет поводья в свои руки.

И благодать изливается на Геббельса.

30 апреля 1930. Мы ведем переговоры с Мюнхеном о новом автомобиле. Возможно, мы получим новехонький с иголочки «мерседес». Гитлер постарается. Вот будет радость. Геринг очень помогает. Звонили: куплен «мерседес»... Вот он уже стоит у ворот. Прекрасное, породистое животное. Семиместный! Замечательно сделан, элегантные линии и формы. Тут же пришел шеф и все мюнхенцы. Он радуется как ребенок. Я полон счастья и благодарности. Он славный малый!

2 мая 1930. Наша новая машина просто замечательна... Будут ли все эти свиньи мне верны? Главное, не заноситься.— *Еще бы, «мерседес» да с шофером — это привилегия берлинских богачей.*— Наша новая машина — просто поэма».

Но эйфория проходит, а ревность, задетость Геббельса, сдвинутого на периферию от Гитлера, остается. Никакие импульсы не доходят. Ни к чему существенному не приложим. Хотел было взбодрить нацистское женское движение, оно «должно стать самым современным в Германии», но вскоре взмолился: «Фрау Кютемейер (вдова погибшего нациста) занимается там с Орденом женщин ерундой. Всю эту женскую чепуху нужно отправить туда, где ей место. Ради Бога, уберите женщин из политики». И теперь-то уж окончательно: «Мы должны так или иначе покончить с этой кутерьмой». И еще: женщины «не могут логически мыслить».

26 июня 1930. Гитлер хочет, чтобы я тут воевал по мелочи, а сам никак не займется крупным. Типичный Гитлер. Гитлер хотел, чтобы я приехал, но это бесполезно, он обещает и не держит слова.

29 июня 1930. Во всем виноват Гитлер с его нерешительностью, а вину сваливает на меня, называет вероломным фразером.

16 июля 1930. Штрассер получил министерство в Саксонии, внутренних дел и труда. Вот Гитлер. Он делает это из страха. Он даже в мелочах не свободен принять решение.

Упрочься Штрассер подле Гитлера или, более того, возобладай он в руководстве партией — это приговор Геббельсу. Они смертельные враги. И Геббельс неустанно отслеживает каждый шаг Штрассера, интригует, пугает им Гитлера, толкает на разрыв со Штрассером и обвиняет Гитлера в нерешительности. Но другие действующие лица из партийной верхушки, оставившие мемуарные страницы, в том числе те, что написаны уже в заключении, характеризуют поведение Гитлера, похоже, проницательнее. По их словам, «нерешительность» — прикрытие тактики Гитлера, предпочитавшего обычно оставаться не разгаданным в своих намерениях, ускользающего. На деле же Гитлер был заинтересован в этих распрях, сам разжигал их и правил в партии, переключая благосклонность с одной враждующей группы на другую, растравляя ревность, конкуренцию, непримиримость между ними, не давая им сомкнуться и тем контролируя обстановку в партии, пресекая возможность сговора.

Возможно также, что, лавируя, Гитлер долго не шел на разрыв со Штрассером, чтобы не нажить активных недругов среди немалого числа приверженцев Штрассера, второго человека в партии. Когда надо было создавать массовую партию, бороться с социал-демократами, с коммунистами,

Гитлер и Штрассер, казалось, были едины и даже дружны. Так было на поверхности, подспудно же шла борьба за влияние в партии и в конечном счете — за власть.

«ЕЩЕ ДВА ГОДА — И МЫ НАВЕРХУ!»

23 июня 1930. Успех на выборах. **Еще два года — и мы наверху!**
11 июля 1930. Состояние сельского хозяйства ужасно. Зимой будет катастрофа.
15 июля 1930. Поля, поля, колосья стоят высоко. Благословенный урожай! И вымирающее крестьянство.
18 июля 1930. Рейхстаг распущен. Ура... Коммунисты поют «Интернационал».

«Свобода и хлеб»

Мировой кризис достиг Германии, навалился на страну. Сокрушена экономика, оправившаяся было от последствий войны и поражения. Жестокая, неудержимо растущая безработица. Беспросветность, страх будущего.

Немецкий народ, одаренный великим трудолюбием, ничем нельзя уязвить больше, чем лишением работы. Эти неизменные черты устойчивости, постоянства и насущную в них потребность я наблюдала в другой период сотрясения германской истории, другого ее слома — вслед за поражением во второй мировой войне. Сошлюсь на свои наблюдения.

До тех пор я видела немцев только в военной форме и только в пейзаже войны. В той или иной степени такой немец был знаком, понятен. Но в Германии, сразу же за пределами войны, ее «мирный» народ был совсем незнакомым и в своих проявлениях, в своем быту, складе —

непознаваем. С тех пор эти первые впечатления стерлись, прибавилось понимания, сближения, но тогда они были острыми. Так, меня очень удивило, когда в самые первые дни падения Берлина (а в городе еще догорали пожары, рушились выгоревшие дома, повсюду завалы, смятые танками баррикады, на улицах — все еще сдача оружия, сдача в плен берлинского гарнизона) хозяин квартиры, где мы заночевали, спросил меня, сможет ли он пройти на такую-то улицу к зубному врачу. Я посочувствовала ему, страдающему зубной болью. Оказалось, что нет, не страдает, но условился более двух недель назад (то есть до начала штурма Берлина) прийти в этот день на прием.

И вот так же, на каждом шагу, я видела, с какой неукоснительностью немцы в этих чудовищных обстоятельствах выполняют свои обязательства, казавшиеся мне «незначительными», сметенными катастрофичностью событий.

И уже немного позже, в другом городе. Как ни сурова, скудна и тревожна была жизнь, люди не сникали, стойко соблюдали свой привычный уклад. Вели свои дела, посиживали в кафе, прогуливались вечерами на бульваре, отправлялись в воскресенье на пляж. Мне порой казалось даже кощунственным, что все это так происходит, ведь страна переживает крах, бесчисленны жертвы, разрушения и солдаты уведены в плен, расплачиваясь за поражение. Как же не изойти всем миром в общем несчастье! А уж если стойкость при таких-то обстоятельствах, так ради общего дела, а не себялюбивых, житейских, нам казалось — «мещанских» интересов.

Они — д р у г и е, чуждые.

Примерно так я записала тогда. Не удавалось воспринять это противостояние бедствиям, которое начинается с обязательств перед самим собой — телесным, перед всем житейским, не испаряющимся в духовном изживании катастрофы. Эту непременность в осуществлении своих нужд, в поддержании повседневных навыков, привычек, чтобы не поддаться хаосу, выстоять. Только со временем, с расстояния я смогла оценить этот властный инстинкт самосохранения. Этот труд другой культуры.

Но еще я поняла, что в своей массе немецкий народ, тот, каким он был тогда, скорее готов подпасть под насилие, чем выносить хаос или угрозу его[1].

---

[1] Сейчас читаю в подтверждение этому: «Фундамент, на котором Гитлер воздвиг свою власть, был наш глубоко спрятанный страх перед любым беспорядком»,— считает известный немецкий юрист и политик Клаус фон Донани.

Недаром же в дневнике Геббельс печется о политической дестабилизации, об упадке экономики, о развале в стране — о хаосе, который должен сделать страну добычей нацизма. Нацизм, рвущийся к власти,— это апология хаоса.

9 сентября 1930. Вся избирательная кампания в Берлине нацелена против меня. Восхитительно знать, что тебя ненавидят...

СА выходят из-под контроля, грозят стать неуправляемыми. Их берлинский предводитель Штеннес восстает против Геббельса. Одна из причин — требование участия в политических органах, чему решительно противостоит Геббельс. «Они потребуют у нас мандатов и, если не получат, уйдут. Деньги, политическая власть. Беспримерная наглость. Штеннес приставил мне пистолет к груди. Я позвонил в Мюнхен: притворно уступить. Отомстим 15 сентября *(день выборов)*».

Командный состав штурмовиков ждет кровавая расправа Гитлера после его прихода к власти. Но покуда именно эти численно возросшие военизированные отряды, наводящие страх на население, но и импонирующие своей наглой силой,— решающая опора нацистов.

После совместного успешного выступления с Гитлером Геббельс записывает:

11 сентября 1930. Люди снова обезумели. Из этого фанатизма возродится народ.

Гитлер вызывал и использовал оргиастическое чувство общности толпы, уже податливо внимавшей ему.

С каждым новым витком безработицы растет влияние нацистов, все легче их лидерам возбуждать до неистовства против правительства измученную недовольством толпу. А толпа, которую разжигают яростью националистических темных страстей, в свою очередь развращает тех, кто развратил ее, делая их заложниками ее неуправляемых инстинктов.

15 сентября 1930. У нас уже 103 мандата. В Берлине 360 000 голосов. Такого я не ожидал!

В 1928-м на майских выборах нацистская партия получила всего лишь с десяток мандатов. Теперь этот рост голосов уже не только за счет мелкой буржуазии, которую принято было считать опорой национал-социалистов. Теперь обида за униженность, загнанность безработицей толкает и рабочего искать моральные компенсации и прибежище в угаре шовинистических посулов нацистов, хвататься за химеру расовой исключительности.

«ВОЛЯ К ВЛАСТИ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПУТЬ К ПИРОГУ»

А в эту же пору жестоких бедствий народа партия национал-социалистов и те, кто в ее руководстве, обогащаются. В баварских горах у Гитлера теперь собственная вилла, в Мюнхене — роскошные апартаменты.

«Гитлер планирует построить в Мюнхене новое партийное здание в 700 тыс. марок»,— записывает Геббельс 24 мая 1930-го.

Геббельс поднимает уровень своих материальных притязаний, настаивает, чтобы были изысканы средства на покрытие его возросших расходов, в том числе на «мерседес» и шофера, на 100 марок в месяц его овдовевшей любящей матери, на приемы и прочее.

Он покупает квартиру. И хотя бюджет его гау в критическом состоянии — крупные долги из-за упавшей подписки на органы печати округа,— он покупает новый «мерседес» на партийные деньги, получает от Гитлера крупную сумму на «обзаведение» и с ходу коррумпируется на почве устройства своей квартиры: художник, обратившийся к нему с предложением издавать газету по искусству, «обещал обустроить мою квартиру, что меня очень радует. Будет настоящая бонбоньерочка». Он полон сладких мыслей о «замечательной мебели» и тут же ханжески «дискутирует» в кафе с неким В. и тремя дамами «об экономии и готовности нации к жертвам».

9 октября 1930. Гитлер показал мне новое здание... Оно будет красивым и величественным. Гитлер отвел мне самую красивую комнату и подыскал роскошный письменный стол. Он очень расположен ко мне... Гитлер развивает фантастические идеи о новой архитектуре. Он молодец!

13 октября 1930. ...вступление в рейхстаг 107 коричневых рубашек.

14 октября 1930. Полные страха часы до 3 ч. Дикие, тревожные слухи. *(Он едет в рейхстаг.)* Зал переполнен. Снаружи неистовствуют массы. Заседание фракции. Фрик — лидер фракции. Штрассер и Геринг заместители. Я сохраняю свое влияние и пилюли для усмирения Штрассера.

15 октября 1930. Боюсь, как бы жирный Грегор *(Штрассер)* и жирный Геринг не стакнулись.

17 октября 1930. На заседании фракции невыносимые поиски компромисса. Надо восстать против этого. **Воля к власти превращается в путь к пирогу.**

Он мог бы это сказать применительно к себе самому. Когда же Геббельс дорвется до власти, он, обогащаясь,

приохотится к «красивой» жизни буржуа, при этом представая апологетом классовой борьбы. А впереди — большие ожидания. Верные соратники фюрера готовятся делить заманчивую Россию, которую Гитлер без обиняков так и назовет — «огромным пирогом».

Формулу «воля к власти» Геббельс заимствовал у Ницше, не ссылаясь на него. Корыстолюбием власти овладевал на собственной практике.

«МЫ УЖЕ ВПЛОТНУЮ ПОДСТУПАЕМ К ВЛАСТИ»

16 октября 1930. Первый успех умной политики Геринга с господами... из банкирского мира.

22 ноября 1930. Удивительно, как ясно некоторые предприниматели в противоположность правительству видят положение... Гитлер был в Дортмунде и говорил с угольными баронами.

«— Когда вас заинтересовало сотрудничество с Гитлером? — был спрошен на Нюрнбергском процессе подсудимый — знаменитый немецкий банкир Яльмар Шахт.

— Я бы сказал — с 1931, 1932».

Точнее было бы назвать 1930-й, когда окрепшую экономику Германии сотряс жесточайший мировой кризис. Веймарская республика, расшатываемая экстремистскими силами справа и слева, не имея достаточной поддержки в стране, не знавшая и в лучшие годы сочувствия и ощутимой поддержки во внешнем мире, была на грани хаоса, не могла гарантировать банкирам и промышленникам стабильность и надежность. Уже пройдя и переступив искушение демократией, они склоняются к «альтернативному» варианту — к «сильной власти», хотя еще недавно часть из них прихода к власти диктатора опасалась.

«— Вы видели, что Гитлер возглавляет массовое движение, которое может прийти к власти?

— Да, это движение безостановочно росло».

Его активно финансировали промышленные круги, где у Геринга имелись прочные связи. Без этих средств невозможно было бы осуществлять все то, что способствовало росту движения, укреплению партии — эти дорогостоящие предвыборные кампании, содержание военизированных отрядов, технически вооруженная пропаганда, «коричневый дом» в Мюнхене, загородная резиденция Гитлера в горах в Берхтесгадене, щедрая поддержка Гитлером партийных функционеров и т. д. Не преуспел бы в своем возраставшем благосостоянии и Геббельс.

Талантливый финансист Шахт, признанный и в стране, и за границей, открыто выступивший на стороне Гитлера, поставив на службу ему свой авторитет и свои кредиты, позвал за собой держателей капитала и промышленников. Их мощное материальное обеспечение гитлеровской партии было одним из решающих условий ее прихода к власти.

2 декабря 1930. Мы уже вплотную подступаем к власти. Но потом? Трудный вопрос.

«НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН»

5 декабря должна была состояться премьера американского фильма по роману Ремарка **«На Западном фронте без перемен»**, по всемирно известному роману о «потерянном поколении», о тех, чьи молодые годы прошли в окопах первой мировой войны.

На следующий день Геббельс, как обычно, записывает в дневнике события предыдущего дня.

6 декабря 1930. В рейхстаге вчера было очень вяло... Вечером в кино. Уже через 10 минут начинается сумасшедший дом. Полиция бессильна. Разъяренные толпы накидываются на евреев. Первый взрыв на западе. «Евреи, прочь!», «Гитлер у ворот!» Полиция симпатизирует нам. Евреи маленькие и безобразные. Снаружи атакуют кассы. Звенят оконные стекла. Тысячи людей наслаждаются этим спектаклем. Демонстрация фильма отменена и следующая тоже. Мы выиграли... Нация на нашей стороне. Итак: победа! В рейхстаге после обеда состоится решение. *(Ждут назначения правительства.)*

8 декабря 1930. Вчера: обсуждал с фрау Штерн обстановку квартиры. Квартира сама не устроится. Был у Ниманнсов на чае, слушал хорошую музыку. На Ноллендорфплац большая демонстрация против фильма Ремарка. Сегодня вечером все снова начнется. Мы не допустим слабости.

Это проба сил. Или, скорее, демонстрация силы.

Пока Геббельс — в значительной мере дирижер событий — лакомится в гостях слушанием музыки, на улице наращивается нацистское наступление на демократию.

9 декабря 1930. Сегодня в 9 ч. вечера демонстрация. С быстротой молнии весть о ней распространилась по городу... Я выезжаю в половине девятого. Под большой охраной. Площадь Ноллендорф перекрыта. Пароль: площадь Виттенберг. 20—30 000 стоят в упорном ожидании. Внушительно. Машина с громкоговорителем гремит: «Поднять знамя!» Кавалерийскую атаку полиции переждали в полном спокойствии. Я выступаю. Площадь Виттенберг сплошь черная от людей. Перед 20 000. Со всех улиц без конца стекаются колонны демонстрантов. Затем формируется шествие протеста. Бесконечное... Более часа. Рядами по

шесть. Фантастично! Такое берлинский запад еще не видывал. И воодушевление! Вперед, вперед!.. Выступаю в последний раз перед тысячами. Завтра вечером продолжение... В 2 часа ночи возвращение домой. Ноллендорфплац все еще перекрыта шупо. Шупо планирует обширные заграждения. Своей тонкой тактикой мы их сломим. Посмотрим, у кого хватит выдержки? Речь идет о престиже: Зеверинг или я? Я буду сдерживать нервы.

10 декабря 1930. ...в 9 ч. я должен быть на площади Виттенберг. Наконец! Толпы запрудили площадь. Необозримо, голова к голове... Я выступаю. Поразительное воодушевление. Затем марш. В заключение ужасные полицейские дубинки. Шупо беснуется как одержимая. Но о нашу гранитную дисциплину разбиваются все провокации. Наши люди побелели от ярости. Это начало революции... Сегодня утром запрет на демонстрацию фильма. Завтра фильм падет. Если так, то мы достигли победы, о грандиозности которой можно только мечтать. Нац-соц. улица диктует правительству его действия. Это было испытанием нервов. Но мы его выдержали. Сегодня затишье.

Срыв демонстрации фильма по книге Ремарка «На Западном фронте без перемен» — это не очередной эпизод подстрекания нацистами толпы к насилию. Это чрезвычайное событие — целенаправленный разгул насилия, наступление на демократию.

Проба сил. Кто — кого? И хотя в ход будут пущены полицейские дубинки, оцепления, слабое веймарское правительство не выстоит перед напором массового нацистского уличного выступления, отступится, запретит фильм.

11 декабря 1930. В рейхстаге мы террором и угрозой принудили тотчас освободить Фабрициуса *(сотрудника министерства пропаганды).*

12 декабря 1930. Вчера в рейхстаге большое волнение. Меня подпалили. Наши люди как одержимые. В 4 ч. поступил запрет фильма за «искажение облика немцев перед миром». Это наш триумф. Сыпятся поздравления со всех сторон.

Роковая для демократии победа нацистов. Такой мне видится эта веха, за которой отсчет и ускорение дальнейших событий. Хотя и последуют те или иные ограничения, препятствия деятельности нацистов. Но это скорее уже имитация изъявлений государственной республиканской власти, чем ее действенность. Что-то коренное произошло. Слом. Сама формулировка запрета фильма уж очень близка по духу и смыслу национал-социалистам.

13 декабря 1930. Фильм за ночь стал мировой сенсацией. Большое возбуждение в мировой прессе. Мы снова в эпицентре общественного внимания.

14 декабря 1930. Республика беснуется из-за нашей победы над фильмом. В Берлине сильно протестует рейхсбаннер[1]. Им это нужно! Но это бесполезно. Мы в глазах общественности — сила.

Ночная пресса доставляет известие: Конрад, брат Йозефа Геббельса, арестован в Рейдте. «Кем-то из его группы застрелен коммунист».

17 декабря 1930. Конрад все еще сидит... Мать в большом страхе... Я нашел замечательное определение социализации, Гитлер восхищен. «Социализация означает превосходство народной идеи над индивидуальной». Это войдет в программу... Мой авторитет в Мюнхене, в связи с делом Ремарка, сильно возрос.

1931

Сложная, напряженная политическая жизнь в Германии. В широких либеральных слоях общества в последние годы произошло наконец осознание фашистской угрозы. Так же и среди элитарной интеллигенции, художественной, научной, не без высокомерия до поры отстранявшейся от вникания в происходивший в стране процесс формирования нацистских сил.

«Мы недооценили Гитлера, приняв его при первом появлении за смехотворного и закомплексованного недоучку,— пишет Симон Визенталь, узник концлагерей третьего рейха.— ...Мир не принимал Гитлера всерьез, мир рассказывал о нем анекдоты. Мы были так влюблены в прогресс нашего столетия, в гуманность общества, в растущее согласие в мире, что не распознали вовремя опасность. Наше поколение дорого заплатило за свой оптимизм...»

Эти слова и для нас, россиян, предупреждение. Беспечность и попустительство темным силам равно подстрекательству.

В вышедшем в 1930 году в СССР очередном томе БСЭ сказано с причудливой дальновидностью: «Национал-социалистическое движение... пошло сильно на убыль... Гитлер перестал играть заметную роль». Московская печать тогда же выступила против немецких социал-демократов, называя их «социал-предателями». Москва потребовала, чтобы немецкие коммунисты не объединялись с ними на выборах, сделав этим лучший из возможных подарок Гитлеру.

---

[1] Боевая организация социалистов Веймарской республики.

Дневник Геббельса все больше оскудевает. Читать изнурительно: пусто, мелочно, плоско.

Если в давние годы в риторику Геббельса врывались вопрощающие возгласы, оглядка на незнание чего-то простертого в вечности, на таинственное назначение человека, то теперь этого нет и в помине. Все и так ясно. Уже давно нет нужды в Достоевском, Толстом, «божественном Гете». Этот старый мир он отринул бесследно. Все прежние клятвы, заявки отшелушились, не выболев. Зато он полон энергии. «Энергия тотального упрощения человека и жизни — самый доступный вид энергии» (И. Дедков). Это энергия фашизма в его немецком варианте — нацизме.

Геббельс удручающе самоуверен, самовлюблен, выхолощен, утрирован. Утрированность в самой природе фашизма, как, впрочем, и любой тоталитарной системы.

Хотя Геббельсу пошел четвертый десяток, устойчива подростковая незрелость, так пошло, надругательски замахнувшаяся на мир, осудивший и отвергший в эти же годы агрессивные войны.

Напомню, что первые четыре тома дневников, которые здесь рассматриваются, содержат более 4000 рукописных страниц. Вынужденно краткие извлечения из них невольно придают, как мне кажется, больше живости записям. На самом деле записи рыхлые, однообразные, ни фразы, ни находчивости, прежде иногда попадавшихся. Ни искорки самоиронии, без которой не расшевелиться самопознанию; Геббельсу оно решительно ни к чему. Он живет обманом и самообманом. Но есть сколок информации в преломлении автора дневника, и это немало, поскольку автор занимает одну из самых ключевых позиций в нацистской партии, и его возраставшая с годами близость к Гитлеру, их беседы тоже отразятся в записях. И если отдельные записи дневника далеко не всегда захватывающе интересны, сенсационны, то зато дневник дает редчайшую возможность проследить, как в человеке накапливается фашизм и маниакальные идеи «искажают человеческую природу» (Бердяев). Это же накопление национал-социализма просматривается по дневнику и в отношении самой Германии, приведшее к захвату нацистами власти со всеми обусловленными роковыми последствиями для страны и мира.

1931 — еще один год, приближающий историческую катастрофу. Существенные тому знаки тонут в обычном многословии Геббельса, проеденном политическим и житейским мещанством и неизменной клоакой внутрипартийных дрязг: «Утверждают, что я сказал: в Берлине голова, а в Мюнхене задница движения. Неправда, я этого не говорил». «В Мюнхене все против меня. Это безумие, потому что я всегда буду верен Гитлеру». «И тут я вступаю в действие. Я подпалил предателей так, что только затрещало». «Меня хотят сбросить силой. Но я удержу пост, чего бы это ни стоило». «Я чищу канализацию партии. Дерьмовая работа!» «Они все завидуют мне. Никто меня не любит. Почему?»

Геринг, направленный Гитлером в Берлин осуществлять контакты с влиятельными монополистами, поначалу вполне ладил с гауляйтером, ввел его в берлинские салоны, возил гостить к родственникам жены в Швецию, оказывал ему разного рода услуги («мерседес» и прочее). Но, поняв, что полномочия Геринга означают: Гитлер не считается с ним как с политиком и он нужен ему лишь как пропагандист, Геббельс ополчился против Геринга: «Подставил мне ножку, чтобы захватить генеральные полномочия. Этого я Герингу не забуду... Человек просто куча замерзшего дерьма». Геринг, опора Гитлера, постоянно возбуждающий в Геббельсе ревность, становится объектом смачного поношения в дневнике: «У Геринга мания величия. Последствия морфинизма. Ему уже мерещится, что он рейхсканцлер. Сперва его надо вылечить». «Геринг постоянно интригует против меня. Все из болезненной зависти. Он готов заползти в задницу Гитлеру. Будь он не так толст, ему бы это удалось».

«Партия на переломе. Социалисты должны держать ухо востро. Мы же не зря назвались социалистами. Повсюду скепсис. Гитлер совершенно не чувствует настроения масс», «скрытый кризис в СА из-за социализма».

Социальное начало в партии, «классовое противостояние» — это то, за что Геббельс еще цепляется. В остальном только и поспевай поворачиваться за неожиданными кренами Гитлера в сторону ли армии, промышленников или церкви.

18 января 1931. Мы готовы к борьбе: к маршу в третий рейх. Мы должны привлечь на свою сторону армию. Промышленники: мы все больше сбли-

жаемся. Они приходят к нам от отчаяния. Они должны лишить эту систему кредита.

Но одобрительный запал обрывается:

28 января 1931. Так называемым промышленникам можно понравиться, только стукнув их кулаком промеж глаз. Они меня ненавидят, потому что я был и остаюсь социалистом.

И «социалист» диктует церкви: «Церковь должна выйти из спячки и стать знаменосцем борьбы против марксизма». Но: «Епископы выступают против нас. Сильные нападки из Рима. Предстоит тяжелейшая борьба».

Свойственная Геббельсу неустойчивость, непоследовательность отражает и специфику гитлеровской программы действий. Ее отличает выгодная Гитлеру «безразмерность», беспринципность и эластичность, когда с легкостью и с лестью обещано всем сестрам по серьгам. Рабочим — антикапитализм: «Вы — аристократия третьей империи». Крестьянам — многие льготы: «Вы являетесь основой народа». Финансовым и промышленным предпринимателям за закрытыми дверьми совещаний: «Вы доказали свою более высокую расу, вы имеете право быть вождями». («Фюрерами немецкой экономики» — стали называть их в третьей империи.)

Так он вербовал сторонников и голоса.

«Я БЕЗМЕРНО СЧАСТЛИВ»—

этими словами Геббельс начал этот 1931 год. Можно его понять. Он провел ночь в собственной кровати, в собственной квартире. «Это начало Нового года. Пусть дальше идет так же, тогда я возблагодарю Бога». Дальше пойдет еще лучше.

15 февраля 1931. Вечером пришла Магда Квандт, сидела очень долго, цвела сводящей с ума белокурой красой. Будешь ли ты моей королевой? Прекрасная, прекрасная женщина! Я очень полюблю ее. Сегодня я хожу, как во сне. Пресыщенный счастьем. Как замечательно любить красивую женщину и быть ею любимым. Ездили с Тонаком *(шофером)* в зоопарк. Отвратительные обезьяны! Какой путь от этих животных до нордического человека!.. А львы, а царственный тигр... Мы мелки по сравнению с этими фюрерами.

«Мне только недостает красивой женщины»,— записал он давно. Теперь все в порядке. Красивая богатая Магда с сыном-подростком, разведена, свободна. Все сошлось в ней для Геббельса.

Молоденькой девушкой она вышла замуж за крупного промышленника Гюнтера Квандта, вдовца с двумя сыновьями. Квандт был старше ее на двадцать лет. Брак не заладился, и родившийся сын не скрепил его. Любовная связь Магды с юным студентом, демонстративное появление с ним на людях подвели черту под девятилетним браком. Сын остался с Магдой. Квандт выделил ей весьма большую сумму и назначил ежемесячное содержание. Магда Квандт обосновалась в фешенебельной квартире в Берлине на Рейхсканцляйплац и зажила беспечной жизнью молодой, богатой и свободной женщины. Далекая от политики, она как-то со скуки забрела во Дворец спорта на митинг НСДАП и услышала выступление Геббельса.

Известно, что Гитлер сказал: из всех своих партайгеноссен он может только речь Геббельса слушать не засыпая — так высоко оценил он его как оратора.

Молодой женщине, слушавшей впервые Геббельса, уж и вовсе было не до сна — она была захвачена его ораторским пылом.

Говорят, на другой же день она записалась в члены НСДАП. Вот пример, и не такой уж заурядный, как вслед за Гитлером Геббельс-оратор завоевывал слушателей и слушательниц.

В поисках применения себя, нового члена партии, Магда Квандт явилась в гау и попросила работы на общественных началах. Столь элегантные женщины сюда не заглядывали, и ей охотно пошли навстречу. Цепкий глаз гауляйтера не мог не приметить эту новую помощницу, и ей вскоре было предложено заняться его личным архивом и, значит, часто оставаться наедине с Геббельсом. Для Геббельса, выросшего в «невзрачном маленьком домике» в провинции, эта дама света была пленительным существом из другого мира.

С Магдой он посещает автомобильную выставку, она присматривает себе новую машину. И он тоже не прочь. Он полюбил красивые машины. Завел большого дога.

10 марта 1931. Дурные вести: мой «оппель» вчера украли. Вот жизнь! Собачья жизнь!

И Магда перестала звонить.

12 апреля 1931. Магда наконец позвонила. Человек, которого она любила до меня, тяжело ранил ее пулей, в ее квартире. Теперь ей совсем плохо. По ее голосу я понял, что, наверное, потеряю ее. Я впал в глубочайшее отчаяние. Поэтому я понял, как глубоко люблю Магду... Возможно, эта потеря нужна, чтобы вновь вернуть меня к делу. Кто знает! Неиспо-

ведимы пути судьбы... Что такое наша жалкая жизнь! И эта горсть дерьма называется человеком!

История с покушением, может быть и мнимым, в духе тех мелодрам, какие украшали его юношеские романы. Но через день состоялось «примирение с Магдой».

18 мая 1931. Магда рассказала мне загадочную историю о незнакомце, который остерегал ее выходить за меня замуж, потому что я — еврей. Он предъявил мое подлинное письмо директору Конену, который, стало быть, мой еврейский предок... Лопнуть можно со смеху.

Конен, приятель родителей, помогал бедному студенту — об этом уже упоминалось — в «счастливейшее время моей жизни», время первой юношеской любви. «Анка, тысячу раз Анка... Блаженные дни. Только любовь»,— вспоминал Геббельс. И — «я плачу от отчаяния из-за своей нужды». Он шлет «безнадежное письмо домой». И одновременно — «письмо дяде Конену». Незамедлительно получает в ответ от Конена «Geldtelegramm» — телеграфный денежный перевод, спасительный. В его студенческо-богемной безденежной жизни за словом «Geldsorgen» («материальные заботы») следует нередко в записи: «Дядя Конен прислал 200 марок». Так он и обращался к нему в компрометирующих его теперь письмах: Onkel — дядя.

Вспоминая, как это все было, «лопнуть можно со смеху» — и Магде тоже. Ей от рождения уготована была скромная участь дочери незамужней прислуги. Но на ее матери женился богатый коммерсант-еврей, и она росла в прекрасных условиях, в уютном доме, как ребенок состоятельных родителей. Отчим не жалел средств на ее обучение в дорогих пансионах. Она носила его фамилию — Фридлендер — вплоть до 19 лет, когда, в связи с предстоящим замужеством, ей понадобилось отказаться от этой еврейской фамилии и смыть в документах пятно внебрачного рождения. И тут появился некто инженер Оскар Ритчел, подавший заявление, что он якобы отец Магды, и удалось задним числом удостоверить ее появление на свет законнорожденной. Что касается матери, Августы Фридлендер, она еще многие годы носила фамилию мужа, пока, уже в третьем рейхе, по настоянию зятя-гауляйтера, не избавилась от этой опасной фамилии, вернув себе свою девичью арийскую.

14 июня 1931. Магда добра ко мне. Я взял ее сына Харальда на выучку. Я сделаю из него стоящего паренька.

27 июля 1931. Я ужасно страдаю из-за Магды. Мое доверие к ней

В квартире сельского старосты. Геббельс и Магда Квандт во время акта гражданского бракосочетания. Свидетель — Гитлер.

поколебалось. Она слишком много любила, а мне рассказывает об этом лишь отрывочно, и теперь я лежу до рассвета и меня терзает бич ревности. Так продолжаться не может! Я буду этим сожран. Одно хорошо: я нахожу утешение в работе... 300 печатных страниц всего за 2 недели.

Гюнтер Квандт, бывший муж Магды, продолжавший принимать в ней участие, ее мать и самозваный отец ополчились против вступления Магды в брак, считая Геббельса «безобразным». Но Магда была несокрушима. Эта решительность в характере проявится в самые жуткие, заключительные, смертные часы ее семейной жизни.

«Мы обручились: когда мы получим рейх, мы станем мужем и женой». Но беременность Магды вынудила их сочетаться браком в декорациях Веймарской республики.

Регистрация брака совершалась на дому у сельского старосты. Затем небольшая процессия двинулась к церкви. Как описывали тогда, впереди шли Геббельс в темном костюме и скромно одетая новобрачная с десятилетним сыном в форме юношеской организации НСДАП. За ними — свидетели бракосочетания Гитлер и видный нацист фон Эпп, мать Магды и несколько приятелей.

Новобрачные направляются к церкви после регистрации у сельского старосты. Справа Харальд Квандт. Позади свидетель бракосочетания — Гитлер

Процессия прошествовала к украшенной флагами со свастикой церкви, где предстояло венчание по церковному обряду, чтобы освятить союз новобрачных перед Богом, от которого Геббельс уже успел отречься.

Свадьбу справляли в имении Гюнтера Квандта. Газеты не оставили без внимания женитьбу Геббельса. Его противники из социалистической немецкой партии писали, что, если слухи о неарийском происхождении Магды (очевидно, кивали на отчима) развеиваются при виде ее светлых волос и голубых глаз, то этого, мол, не скажешь о Геббельсе. Газеты называли его не Йозефом, а еврейским именем — Исидор. В своей прессе этим именем Геббельс наделил д-ра Вайса, полицей-президента Берлина. Теперь это имя противники возвращали ему самому. На таком вот уровне сводились политические счеты.

Геббельс переселился из своей тесной квартирки в шикарные апартаменты жены и погрузился в предоставленный ему комфорт.

Женитьба на Магде заметно подняла положение Геббельса в среде нацистской элиты. Миловидная, гостеприимная, предупредительная хозяйка усердно обхаживала Гитлера, способствуя сближению фюрера с Геббельсом и

Препровожденный служащими уголовной полиции

Обвиняемый Геббельс (Моабит, 28 апреля 1931)

его семьей. И квартира на Рейхсканцляйплац, наряду с отелем «Кайзергоф», резиденцией Гитлера в Берлине, стала, можно сказать, тоже штаб-квартирой фюрера.

«РАНЬШЕ, ЧЕМ ДУМАЕМ, МЫ УЖЕ ОКАЖЕМСЯ У ВЛАСТИ»

29 марта 1931. Собрания запрещены, плакаты и листовки подцензурны. Закон об оружии... Мы совершили много ошибок. Особенно в том, что слишком распустили врага, и сегодня он нас обводит. Надо записать это на счет Геринга. Мы должны были оставаться угрожающим злом, загадочным сфинксом. Теперь мы демаскированы. Оказывается, и мы всего лишь люди. Полный поворот руля! Вновь в глухую оппозицию.

Геббельс периодически лишается иммунитета, по суду подлежит штрафу за правонарушения и другие агрессивные действия. Полицей-президент запретил ему выступать.

28 апреля 1931. Партия должна быть более прусской, более активной и социалистической. Он *(Гитлер)* понимает меня, но все время думает о тактике... *(Сидели в ресторане.)* Тут меня арестовали трое полицейских. В поезде в Берлин. Ужасная ситуация. У моей постели всю ночь полицейский, это они называют неприкосновенностью... Я должен оставить свои вещи и под смех воров и надсмотрщиков идти в камеру.

Наутро суд освободил его.

10 мая 1931. *(Читая «Майн кампф».)* ...Стиль часто непрезентабельный. Надо быть очень великодушным, чтобы это принять. Он пишет, как рассказывает. Это действует непосредственно, но часто выглядит беспомощно.

Оценки Геббельса варьируются в зависимости от того, каковы в данный момент отношения с Гитлером.

Гитлер выступает в Берлине перед «политической элитой» — неудачно, не без удовлетворения записывает Геббельс. «Перекричал самого себя... Он слишком редко выезжает в Берлин. Это должно было ему отомстить. Адью, дорогой Гитлер... В 12 ночи на часок к Магде, она очень любит меня. Бесконечно разочарована в Гитлере».

12 июня 1931. Политика на мази. **Раньше, чем мы думаем, мы уже окажемся у власти.**

13 июня 1931. Брюнинг *(рейхсканцлер)* сражается за свое место. Когда Брюнинг падет, мы у цели. Катастрофа у дверей.

16 июня 1931. Двухмесячный план выполнен на 50%. В Берлине теперь больше 20 000 членов.

28 июня 1931. Народный праздник с фейерверком... Толкотня, которая

не доставляет мне удовольствия. Но народ хочет на что-то поглазеть. Народ так примитивен.

30 июня 1931. Я напал на след большого заговора. СС *(Гиммлер)* держит здесь в Берлине бюро шпионажа, которое следит за мной. Оно запускает в свет дикие выдумки. В четверг в Мюнхене я разоблачу эту клоаку. Или я располагаю доверием Гитлера, или нет. Так я работать не стану. Гиммлер меня ненавидит. Это льстивое животное должно исчезнуть. В этом и Геринг со мной заодно. Рем очень дружелюбен. Но кто этому поверит?

Может, именно потому, что крепнет надежда на скорый захват власти и предстоит дележ постов, в этой своре авантюристов обостряются взаимная ненависть, преследования, неверные союзы и неизменное предательство друг друга.

С конца августа дневник обрывается до конца года.

1932—1933

Рукопись дневника за эти годы сохранилась лишь частично. Пробел восполняет опубликованный Геббельсом в 1934 году дневник этого же периода под названием «От «Кайзергофа» до рейхсканцелярии». «Кайзергоф» — название отеля, в котором, приезжая в Берлин, обычно останавливался Гитлер. Отель находился метрах в ста от имперской канцелярии. «От «Кайзергофа» до рейхсканцелярии» — это сквозной сюжет книги-дневника. Из своей берлинской штаб-квартиры Гитлер переходит хозяином в имперскую канцелярию — рейхсканцелярию — имперским канцлером, рейхсканцлером.

Книжный вариант дневника издатель публикует полностью. И параллельно под теми же датами — рукописный текст в отрывках, в том объеме, каким располагает. До последнего времени эти рукописные фрагменты не были известны, и тексты «Кайзергофа» (как в дальнейшем называет сокращенно издатель эту книгу) воспринимались как дословные, поденные записи в дневнике. Сейчас, сопоставляя оба варианта (книжный и рукописный оригинал из найденных нами тетрадей), видишь, что это не так. Геббельс перерабатывал дневник, пользуясь его материалом, уже в обстановке 1934-го, когда власть у нацистов. И в хронике, трактовке событий, в акцентах усилен наступательный, торжествующий, наглый тон. Появилось лицемерное восхваление нацистских деятелей, чтобы партия предстала в глазах публики монолитной, в «благородном

товариществе», с образцовыми, надежными лидерами. Здесь Геббельс впервые называет преклоненно Гитлера «фюрером». В рукописных записях Гитлер по-прежнему «шеф» и не избегнул колкостей на свой счет. Так, застав Гитлера в кафе в компании с неким В. и его дочерью, Геббельс записывает: «Это и есть страсть Гитлера. Дурной вкус. Некрасивая девчонка. Влажные руки. Бр-р» (5.10.1932). В книжном варианте подобное, разумеется, опущено. Поносимому в оригинале Герингу в книжном изложении воздано как борцу, не сломленному ни на час даже смертью горячо любимой жены, не замешкавшемуся в обстоятельствах, решавших успех дела. Чтоб не уступить все же в мужестве Герингу, преодолевавшему личное горе во имя интересов партии, Геббельс пытается представить себя в сколько-то схожей ситуации. Если в рукописном дневнике о заболевшей жене сказано: «Магде гораздо лучше», то в «Кайзергофе» под той же датой — «Если потребуется операция, положение безнадежно». И на следующий день в рукописном уверенно повторено: «Магде гораздо лучше». А в «Кайзергофе»: «Сохраняется серьезная опасность для жизни». Таких передергиваний немало.

Когда книга вышла, партийная верхушка (кроме Гитлера) отнеслась к ней враждебно, усмотрев в книге лишь повод для самовосхвалений автора. Но книга имела большой успех у читателей, приобщенных к святая святых — к «политической кухне».

С теми или иными поправками этот пропагандистский вариант дневника дает представление о том, как на практике осуществлялись нацистами меры по захвату власти в той сложной обстановке в стране, в те месяцы и даже дни, что были решающими для судьбы Германии. Как утверждалось господство национал-социализма в стране.

«БЕДНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

Неотступна задача нацистов — не давать правительству справиться с политическим кризисом, возбуждать массы против правительства, сбрасывать один за другим неустойчивый кабинет, добиваться роспуска ослабленного рейхстага, наращивать голоса в предвыборной кампании. Разваливать республиканскую политическую систему.

10 января 1932. Кнопка у нас в руках. Фюрер добьется роспуска парламента... Народ должен выбрать. Мы уверены в победе.

12 января 1932. Эта система понимает только, когда ее бьют кулаком в нос.

13 января 1932. Господин фон Бонин бесстыдно обругал Гитлера в «8-часовом листке». Парой сфабрикованных телефонных звонков...

Подручные Геббельса угрозами, шантажом довели его до того, что он дал опровержение своим высказываниям.

14 января 1932. Весь Берлин смеется над Дон Кихотом фон Бониным, к тому же некоторые люди теперь знают, как у нас из героев делают клоунов.— *А скоро будут делать покойников из тех, кто осмелится критиковать.*

22 января 1932. Обсуждали с фюрером... министерство народного образования, в котором соединяется кино, радио, новые центры образования, искусство, культура и пропаганда. Революционная должность, которая будет централизована *(в лице Геббельса)*... Великий проект, в мире не было еще ничего подобного.... Берлинская пресса невыносима. Теперь она марает в грязи нашу семейную жизнь... В Хемнице почти вся полиция националистична. **Бедное правительство**, на каких слабых ногах оно стоит!

3 февраля 1932. В часы досуга фюрер занимается проектами нового здания партии и планом грандиозной перестройки столицы рейха.

8 февраля 1932. Вечером я говорил в отеле «Принц Альберт» перед избранным кругом... Они там не понимают... что мы в самом деле стремимся к **тоталитарности государства** и должны иметь всю власть.

10 февраля 1932. СА было и остается элитой партии. Они стоят надо всем. Неколебимы в верности фюреру и движению... Полицей-президент Гжешинский в речи, произнесенной в Лейпциге; требовал кнутом изгнать фюрера из Германии. Это они называют рыцарской борьбой... Увидим, кого погонят кнутом из Германии!

«ВНЕШТАТНЫЙ ПРОФЕССОР»

Подошел к концу срок полномочий президента Гинденбурга. Гитлер решил выставить свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах.

В дни падения Берлина в опустевшем бункере Гитлера оставалось немало бумаг, в основном они относились именно к этому периоду 1932 года, когда Гитлер готовился потягаться с Гинденбургом за власть. Я перевела их. Среди бумаг мне попалась директива о проведении собраний, на которых выступит с речью Гитлер. Директива из мюнхенской «частной канцелярии Адольфа Гитлера» рассылалась по стране руководителям местных нацистских групп. Было строго регламентировано все: церемониал встречи Гитлера, поведение председательствующего, размер платы за входные билеты и прочее. «Адольф Гитлер не говорит с кафедры. Кафедра поэтому убирается...», «во время речи держать

наготове лед, который в случае нужды Адольф Гитлер употребляет для охлаждения рук»,— это предписание живо передает, как истерически накалялся фюрер, взвинчивая зал, заражая его истерией. Председательствующему вменялось не сопровождать своим заключительным словом вечер, так как любые слова после окончания речи Адольфа Гитлера только ослабляют ее. Вменялось также пресечь попытку присутствующих затянуть по окончании речи песню «Германия» или другую, потому что обычно большинство присутствующих не знает текста песни. Председательствующий должен крикнуть «хайль!» и, прервав пение, прекратить собрание.

Но была тут и особая папка. Материалы, в ней собранные, отражают подготовку Гитлера к предстоящим выборам и меры, предпринятые им на последующих, уже последних этапах борьбы за власть. Каждый лист в этой папке помечен: «Личный документ фюрера».

К этим материалам у Гитлера, по-видимому, было какое-то особое пристрастие. Он хранил их и до последнего держал при себе.

Открывает папку выписка из «Ежемесячного вестника», издаваемого в Вене геральдическо-генеалогическим обществом «Адлер», 1932 год. Именно в этом году, когда так активизировался Гитлер, общество публикует «строго объективное исследование о предках Гитлера», предпринятое «в связи с разнообразными сведениями о его происхождении» и установившее, что гитлеровская родословная состоит «исключительно из немецких элементов». Гитлеру в политических целях позарез нужно было отсечь свое австрийское происхождение, предстать «чистокровным» немцем.

Следующий в папке «личный документ фюрера» — его письмо сестре от 13 февраля 1932 года: «Я посылаю к тебе своего личного секретаря Гесса» с заданием раздобыть «через какое-либо компетентное австрийское правительственное учреждение» документ, отводящий от Гитлера обвинение в дезертирстве из австрийской армии.

Но было препятствие, не преодолев которое Гитлер и вообще-то никак не мог баллотироваться. Он не имел штаатсбюргершафт — гражданства. Это улаживается, как пишет Геббельс, фиктивным назначением Гитлера «внештатным профессором в Брауншвейге».

А покуда что курсируют разные предсказания о шансах соперников.

16 февраля 1932. Я говорил с одним известным немецким националом. У него дикие идеи об исходе выборов. Дает Тельману больше шансов, чем Гинденбургу. *(Кандидаты на президентский пост: Гинденбург, Гитлер, Тельман.)*

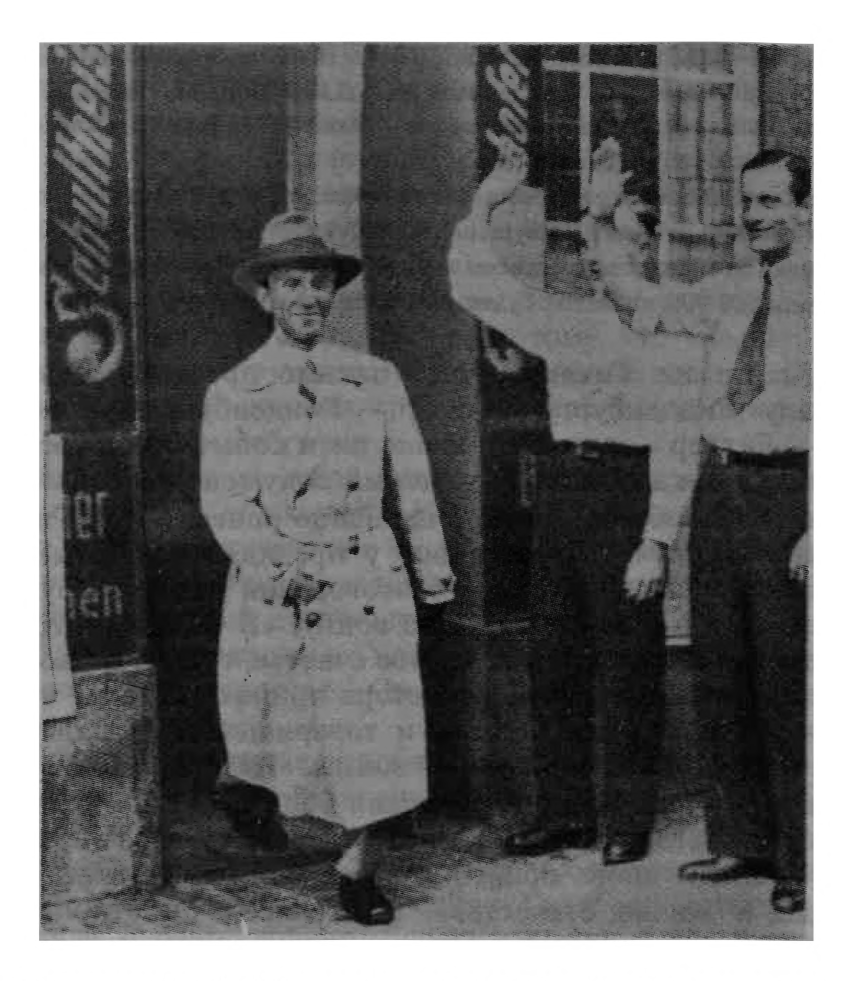
29 февраля 1932. Избирательная война будет вестись в основном плакатами и речами... Будет выпущено 50 000 экземпляров граммофонных пластинок. Эта пластинка так мала, что ее можно послать в обычном конверте... 500 000 плакатов будет распространено по стране.

В марте же Гитлер пишет письмо президенту-фельдмаршалу Гинденбургу. Гитлер — Гинденбург и Гинденбург — Гитлер — это важнейшие нити событий. В заветной папке, где каждый лист — «личный документ фюрера», два письма Гинденбургу. Первое написано ранее, когда Гитлер стремился получить аудиенцию у президента, и отмечено изъявлением преданности и благоговения перед заслугами Гинденбурга в первую мировую войну. «В то время, господин генерал-фельдмаршал, на мое счастье, судьба дозволила мне в качестве простого мушкетера принять участие в сражении в строю моих братьев и товарищей...» И дальше в послании — апология большой войны. «Независимо от того, как бы ни закончилась героическая борьба Германии, великая война всегда сообщит нашему народу чувство гордости и он однажды снова принесет неисчислимые жертвы ради свободы и жизни отечества». Так заявил он откровенно о своих милитаристских устремлениях.

Аудиенция у Гинденбурга 13 августа ничего хорошего не принесла Гитлеру. Его притязания на пост канцлера и полноту власти были отвергнуты президентом, не рискнувшим тогда отдать власть партии, которая, по его высказыванию, «нетерпима, криклива и недисциплинированна». В официальном коммюнике сообщалось: «Президент решительно потребовал, чтобы национал-социалистическая оппозиция вела бы себя по-рыцарски». Это требование «рыцарского» поведения было демагогически подхвачено и пущено в ход нацистскими главарями по обратному адресу.

Второе письмо написано в марте 1932-го — сопернику на выборах. В папке три черновика со множеством помарок. Тут и лесть, и жалобы, и угрозы.

«Социал-демократическая партия, которая в своем партийном воззвании от 27 февраля выставляет Вас, господин имперский президент, кандидатом, пишет в своей прокламации следующее: «Гитлер вместо Гинденбурга — это означает хаос в Германии и во всей Европе... величайшую опасность и кровавый раскол как в среде собствен-

Проголосовавший. (Предположительно: второй тур президентских выборов, 10 апреля 1932)

ного народа, так и конфликт с заграницей». Господин президент, я с негодованием отклоняю попытку вызвать реакцию других государств с помощью подобных методов и ссылок на Ваше имя...» «В том же воззвании, в котором Вы, господин президент, выставляетесь социал-демократической партией в качестве ее кандидата, имеется следующее место: «Гитлер вместо Гинденбурга — это означает уничтожение всех гражданских свобод в государстве...

Разве это по-рыцарски, господин генерал-фельдмаршал, дать возможность наложить запрет на мою печать человеку, который сам тягчайшим образом оскорбил честь Вашего соперника по кандидатуре? Помимо того, что господин Гжешинский в своем публичном, полном оскорблений выступлении выражал изумление, что меня еще не выгнали кнутом из Германии, этот господин распространял обо мне

клевету, будто я был когда-то австрийским дезертиром и в силу этого лишился подданства. Я пересылаю Вам при этом, господин имперский президент, копию выданного по моей просьбе официального удостоверения компетентнейшего австрийского военного учреждения, земского бюро учета областного города Линца...» К письму приложена доставленная ему Гессом справка.

13 марта 1932. Пришел решительный день *(выборы президента)*... Все настроены победно. Я скептичен... В 10 часов получил обзор. Мы побиты, ужасное ощущение. Мы просчитались не столько в оценке наших голосов, сколько в оценке шансов противников. Им не хватило только 100 000 голосов до полного большинства. КПГ совершенно провалилась. С сентября 1930 мы прибавили 86%, но что толку? Наша партия в депрессии и утратила мужество.— *Второй тур выборов состоится 10 апреля.*
18 марта 1932. Решающая новость: фюрер использует для ближайшей предвыборной кампании самолет и будет выступать по три-четыре раза в день, по возможности на открытых площадках, на стадионах. Так он сможет, несмотря на краткость оставшегося времени, охватить около 11 миллионов человек.
29 марта 1932. Фюрер развивает совсем новые мысли о нашем отношении к женщине. Для предстоящих выборов это чрезвычайно важно... Мужчина организатор жизни, женщина его помощница и исполнительный орган. *(?!)* Эта точка зрения современна и поднимает нас высоко над сентиментализмом немецких народников.
5 апреля 1932. Вся наша жизнь теперь — гонка за успехом и властью.

Но и действующие покуда власти принимают кое-какие пресекающие меры. Запрещены военные организации нацистов — СА и СС.

Старый Гинденбург прошел со второго тура, удержал свой пост.

«НАДО ИСКАТЬ ДРУГИЕ ПУТИ»

26 мая 1932. Пленум ландтага. Один из нас был обвинен коммунистами в убийстве. Вождь фракции большевиков Пик бесконечно провоцирует с трибуны. Кто-то из коммунистов ударил по лицу одного партайгеноссе. Это сигнал к расчету. Расправа коротка, но суматошная, дерутся стульями и чернильницами. Мы поем «Хорст Вессель». 8 тяжелораненых из разных партий. Это пример и предупреждение. Только так можно добиться уважения к себе.
30 мая 1932. Бомба взорвалась. В 12 часов Брюннинг объявил пре-

зиденту об отставке своего кабинета. Система разваливается. Рейхспрезидент принял отставку.— *В этот же день Гинденбург принял Гитлера.*— Разговор с рейхспрезидентом прошел хорошо. Отменяется запрет СА. Униформы снова разрешены. Рейхстаг будет распущен. Это главное.

Перманентность выборов — предстояли четвертые за полугодие 1932-го — наращивала нацистам голоса. Беспорядки — это то, чего так страшились и «простые» люди, и весомые промышленники, что взывало любой ценой к «сильной власти». Крупные промышленники и те из них, которые еще недавно не готовы были принять диктаторскую власть, теперь, в условиях, когда Германия падала в углубляющийся экономический кризис, грозивший беспорядками, бунтами, разрушением, склонялись предпочесть «партию порядка», какой себя объявила гитлеровская партия, передать ей власть в Германии. Это определило итог выборов.

Эти вновь состоявшиеся 31 июля 1932-го выборы в рейхстаг были чрезвычайно успешны для национал-социалистов. Но при всем значительном приросте поданных за нее голосов партия не обеспечила себе в рейхстаге абсолютного большинства, чтобы прийти к власти. И Геббельс скептически фиксирует в рукописном дневнике: «Абсолютного большинства мы не получим. **Надо искать другие пути».** (1.8.1932). «Другие» — это все те же пути и средства, испытанные нацистами на всем протяжении борьбы за власть: всячески препятствовать укреплению республиканской власти и стабилизации в расшатанной экономическим кризисом, безработицей, отчаянием стране. Провоцировать беспорядки, уличные схватки, насилие, политические убийства тем легче, что военизированные отряды штурмовиков — СА, еще недавно запрещенные, вновь разрешены и активно действуют.

2 августа 1932. *(В рукописном дневнике.)* Двое из КПГ убито. Пошло дело. Может быть весело.— *В «Кайзергофе» это же подается на публику с обратным знаком, как зверское убийство коммунистами нациста.*

5 августа 1932. Что-то наконец должно произойти. Террор на терроре. Рейху угрожает развал.

В связи с успехом Гитлера на выборах с ним вступают в переговоры. Гитлер требует пост канцлера и президент-министра Пруссии. Штрассеру — имперское и прусское министерство внутренних дел. Геббельсу — вновь образуемое министерство воспитания и пропаганды. Шахту — госбанк... «Если рейхстаг отклонит требования фюрера, его надо распустить по домам. Когда власть будет у нас, мы

ее не отдадим, пусть нас трупами вынесут из наших кабинетов».

8 августа 1932. Мы рассуждали с фюрером до зари. Обсуждались проблемы получения власти. Мы должны быть теперь умны, как змеи... Подробно рассмотрели и новый план народного образования. Речь идет о том, чтобы сосредоточить в одних руках все средства духовного воздействия на нацию... Это работа для меня... Фюрер мастер упрощения, сложнейшие проблемы он видит в их лапидарной примитивности.

«НАМ НАДО К ВЛАСТИ!..»

8 августа 1932. Важнейшее решение фюрера: все партайгеноссен, вступающие на государственную службу, должны сохранять связь со своей партийной должностью. Он сам, разумеется, сохранит в своих руках руководство партии и государства. **Государство и партия должны перейти одно в другое** и образовать нечто третье, на чем будет отпечаток нашей сущности.

13 августа 1932. Днем фюрер был у Шлейхера и Папена. Его уговаривали удовольствоваться постом вице-канцлера. Это попытка использовать его и партию. Невозможно. Если фюрер на это пойдет, он погиб. Он наотрез отказался... Противная сторона объявила, что теперь она передаст решение рейхспрезиденту... «Господин рейхспрезидент хочет сперва с ним поговорить»... Фюрер едет с д-ром Фриком и шефом штаба Ремом на разговор с рейхспрезидентом... Через полчаса он возвращается. Неудача. Все отклонено. Папен остается канцлером. Фюрера пытаются удовлетворить вице-канцлерством. Решение, которое ни к чему не ведет. Предложение даже не может рассматриваться. Ничего не оставалось, как отказаться. Фюрер сделал это немедленно... Правительственные сообщения о решающем разговоре лживо утверждают, будто фюрер потребовал всю власть. На самом деле он всего лишь — и с полным правом — требовал поста канцлера. Раз ему отказали, мы снова уходим в оппозицию.

22 августа 1932. В Беутене несколько человек из СА присуждены к смертной казни за то, что они ухлопали польского инсургента.

23 августа 1932. По всей стране буря протеста против смертных приговоров в Беутене... Я написал острую статью под заголовком «Виноваты евреи!».— *Всегда под рукой этот универсальный виновник, что бы ни случилось, как и наставлял Гитлер в «Майн кампф».*

24 августа 1932. Нам надо к власти!.. Нужна всеобщая стачка, саботаж, восстание.

Тогда их призовут отвести угрозу бунта, разрушений, установить сильную власть, навести порядок в стране.

4 сентября 1932. Если мы хотим сохранить партию в целости, **мы должны теперь обратиться к примитивным инстинктам масс.**

В эти дни в рукописном дневнике он жалуется: «Магда плачет, потому что меня раздражает младенец».

Геббельс выступает во Дворце спорта (начало тридцатых годов)

20 сентября 1932. Мы должны быть готовы к тому, что позже или раньше, может быть, за ночь, мы придем к власти.

28 сентября 1932. Во всем рейхе вспыхивают частичные забастовки, правительство против этого совершенно бессильно.

30 сентября 1932. В столице будет распространен миллион листовок против буржуазной прессы.

2 октября 1932. Потсдам!.. Шесть часов подряд марширует перед фюрером немецкая молодежь. Это наша гордость и наше счастье. Это все те же юноши, с одними и теми же лицами. Движение уже сформировало свой собственный тип. Он проявляется не только в мыслях и поступках, но и в лице и в фигуре.

Какое торжество нивелировки! А ведь в неблагополучные годы своей молодости Геббельс, считая себя покуда что «нулем», бунтовал в дневнике против того, чтобы ради карьеры «стать какой-то величиной» ценой отказа от своей индивидуальности (1924). С тех пор каток нацистской нивелировки прошелся по нему. Теперь он пламенеет от восторга при виде этой унифицированной массы молодежи с «одними и теми же лицами», от ее единения в фашистской обезличенности.

9 октября 1932. Мы уже готовы составить список новых сотрудников радио, если мы за ночь придем к власти.

10 октября 1932. Редактор бульварного листка постыднейшим образом задел честь моей жены. Человек из СС явился к нему и бил его плетью, пока тот, обливаясь кровью, не рухнул на пол.
11 октября 1932. Правительство должно подавлять нас так, чтобы это было видно и маленькому человеку, тем скорее и лучше нам удастся объяснить народу наши глубочайшие разногласия с правительством.

ВЫБОРЫ В НОЯБРЕ 1932

6 ноября 1932. Против всех ожиданий очень высокая активность в этих выборах... День проходит в неслыханном напряжении... Каждое новое сообщение означает новое поражение. В результате мы потеряли тридцать четыре мандата. «Центр» также понес некоторые потери, несколько прибавили немецкие националы, немного потеряли социал-демократы... КПГ сильно прибавила, этого следовало ожидать.

Это были пятые по счету выборы в рейхстаг в тот лихорадящий, роковой год, решавший судьбу Германии и всего мира. Миллионы листовок, самолет для стремительного пропагандистского курсирования Гитлера; демонстрация силы — многотысячные марши штурмовиков и нацистской молодежи; невиданная по массированности пропаганда, «лучшие в мире пропагандисты» — все на этот раз не смогло сдержать начавшийся спад популярности нацистов. НСДАП потерпела ощутимое поражение — потеряла 2 миллиона голосов, 34 места в рейхстаге. Коммунисты получили дополнительно 200 тысяч голосов избирателей, а всего — около 6 миллионов.

После выборов в рукописном дневнике за 8 ноября: «Вчера в округе скверное настроение. Я собираюсь с силами после падения... Призыв Гитлера: борьба продолжается. Долой Папена!.. Изучал прессу. Повсюду наше поражение. Только без самообольщений!»

Но и на местных выборах поражение.

Через шесть дней после неудачи на выборах, которую газеты дружно называют поражением, Гитлер получает от влиятельнейшего банкира Шахта ободряющее письмо: «Я не сомневаюсь в том, что настоящее развитие событий может привести только к назначению вас канцлером... По всей вероятности, наши попытки собрать для этой цели целый ряд подписей со стороны промышленных кругов не оказались бесплодными». Этот документ был предъявлен на Нюрнбергском процессе американским обвинителем.

Подписанное Шахтом, Шредером, Круппом и другими послание было направлено президенту Гинденбургу, чтобы оказать на него давление в пользу Гитлера.

Шахт возглавил экономику третьего рейха и отдался со всем своим талантом, знаниями, ловкостью финансированию создания вооруженных сил Германии. И преуспел в этом. Впоследствии он отошел от Гитлера, сблизился с оппозицией. В заговоре 20 июля 1944-го (покушение на Гитлера) он не участвовал, но был арестован, заключен в концлагерь. Освобожден был, как и Гальдер, бывший начальник генштаба, англо-американскими войсками.

В заветной папке Гитлера, где собраны документы, свидетельства его неотложных дел и последних шагов на пути к власти, один лист не помечен, как прочие: «Личный документ фюрера». Вместо этой пометки крупно, размашисто, чернилами: «Конфиденциально». Это копия письма Гитлера от 14 ноября 1932-го фон Папену, еще номинально канцлеру, но уже зашатавшемуся и, по словам Шахта, не оказывавшему уже никакого влияния на дела. Но он близок к Гинденбургу и пользуется его доверием. В эти дни, поддержанный многими из тех, кто вместе с Шахтом представлял реальную власть в расшатанной безвластной республике, Гитлер в ультимативной форме отвечает Папену на его предложение обсудить ситуацию в стране: «Я соглашусь начать такой письменный обмен мнениями о положении Германии и об устранении наших нужд только в том случае, если Вы, господин рейхсканцлер, будете готовы сначала безусловно принять на себя исключительную ответственность за будущее». Угрожающе дает понять, что он-то готов принять ее на себя. Крикливость, самоуверенность Гитлера подавляла таких его противников, как Папен, внушала ощущение силы, стоящей за ним, вербовала. Заявляя, что его искажают, «будто бы я в свое время потребовал всю полноту власти, между тем как я претендовал только на руководство», Гитлер — конфиденциально — бросает фон Папену нить сговора: «Вы сами, как предполагалось, заняли бы в новом кабинете пост министра иностранных дел...» И понятливый Папен внял письму.

Предстоит встреча Гитлера с Гинденбургом.

18 ноября 1932. Его разговор с президентом может иметь решающее значение. Когда эти двое протянут друг другу руки, немецкая революция обеспечена.

Но покуда этого не происходит, Гинденбург не поддается давлению, хотя фон Папен со своим кабинетом пал.

2 декабря 1932. Канцлером объявлен генерал Шлейхер... Когда он падет, придет наша очередь.

8 декабря дневник взрывается возгласами: «Измена! Измена! Измена!» Новый канцлер Шлейхер вступил в переговоры со Штрассером, предложил ему пост вице-канцлера. Об этом Штрассер сообщил письмом Гитлеру. Это предложение означало, что Шлейхер при помощи Штрассера намеревается осуществить раскол национал-социалистической партии и создать большинство в рейхстаге. Гитлер отреагировал припадком истерии, катался по полу, в неистовстве кусал ковер. Геббельс об этом не пишет, но это широко разошлось, как и приписываемая очевидцу этой сцены Герингу фраза: «Что фюрер вегетарианец, мы знали, но вот что он употребляет в пищу ковер...» Кое-кто из противников Гитлера назвал его тогда в прессе «пожирателм ковра». Чарли Чаплин в роли диктатора в исступлении кусает ковер.

«Штрассер пытается расколоть партию в свою пользу,— пишет дальше Геббельс.— Гитлер: «Если партия расколется, я застрелюсь в три минуты».

По свидетельству очевидцев, в воскресенье 29 января, накануне рокового события, сто тысяч рабочих собрались в центре Берлина, протестуя против назначения Гитлера.

В 1920 году, в дни капповского путча, рабочие, объявив всеобщую забастовку, защитили республику. На этот раз никто не прибегнул к поддержке рабочих.

Подошел к концу 1932 год с вакханалией перманентных выборов в рейхстаг, с камнепадом канцлеров, кабинетов, с нерешительностью ослабленной власти, с серией уступок президента Гитлеру — ему с его массовой партией и сотнями тысяч штурмовиков.

Однако продолжается падение популярности национал-социалистов на местных выборах. Парад СА в память Хорста Весселя не поднял настроения, а несносность его матери, фрау Вессель, и вовсе отрава для Гитлера, да и Геббельса тоже.

Среди нацистов брожение, чреватое расколом партии. «Надо выжечь пораженцев из партии. Больше нет пощады. Фюрер превыше всего! И без компромиссов к власти!» — записывает Геббельс 15 января 1933-го. Все те же боевые призывы, но в партии общая депрессия, усугубленная еще и истощившейся кассой. Жгучая борьба Гитлера против соперника в партии Грегора Штрассера.

А главное — нависшая угроза Гитлера в этих провальных обстоятельствах покончить с собой.

Такая вот выморочная ситуация с парадоксальным завершением.

Еще 27 января Геббельс записал, что не исключено: Папен снова станет канцлером. Но еще спустя два дня:

29 января 1933. Завтра фюрер получит пост канцлера. Одна из главных наших задач — роспуск рейхстага; с его нынешним составом фюрер работать не может.

Парадокс и в том, что президент Веймарской республики ставит во главе правительства человека, который открыто заявлял, что его цель — уничтожение этой республики.

«ТЕПЕРЬ ПОЙДЕТ ВРУКОПАШНУЮ»

У нас бытует ошибочное представление, будто Гитлер в результате победы на всенародных выборах 30 января 1933 года стал канцлером. Это не так. Он был главой самой массовой партии, получившей преимущественное по сравнению с другими партиями число голосов, но это не означало, что тем самым он становится канцлером. Он получил этот пост из рук Гинденбурга в критический момент, когда выявились спад популярности его партии и кризис внутри нее.

Из кризиса НСДАП Гитлера вызволяют усилия сплотившихся крупных промышленников, аграриев, военных и приближенных к престарелому президенту политиков, озабоченных этой ситуацией и посчитавших, что нельзя больше медлить с передачей Гитлеру власти, и оказавших решающее давление на Гинденбурга. Активно содействовал Гитлеру и фон Папен. Лишившись поста канцлера, он оставался в близком к Гинденбургу окружении. «30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала»,— заявил он в своей речи.

Гитлер, как уже приводилось, писал Гинденбургу откровенно о своей устремленности к войне: «Как бы ни закончились героические круги Германии, великая война всегда сообщит нашему народу чувство гордости...»

Гинденбург отдал Гитлеру власть, и чем это закончилось — известно. Гитлер привел Германию к вожделенной б о л ь ш о й войне, а немецкий народ к неисчислимым жертвам и страданиям.

30 января не было очередной сменой рейхсканцлера. Хотя не все тогда отчетливо сознавали, но назначение на этот пост Гитлера было началом государственного переворота, установления фашистской диктатуры. Процесс этот имел этапы, ускоренно чередовавшиеся. Ни книга-дневник Геббельса, ни рукописный подлинник дневника не отражают

В канцелярии партийного округа (1933)

в достаточной мере того явного, скрытного и закулисного натиска, который мгновенно был предпринят Гитлером и его сообщниками для достижения поставленной цели. Но основные факты, хронику событий, их чередование «Кайзергоф» последовательно фиксирует.

Вслед за 30 января тотчас последовали со стороны Гитлера меры по ликвидации парламентской структуры Веймарской республики.

31 января 1933. Вместе с рейхстагом будет распущено большинство земельных и городских самоуправлений.

Это первый шаг. Гитлеру необходимо было добиться от Гинденбурга согласия на роспуск рейхстага. В этом его составе нацистская партия не имела большинства голосов и не могла в парламентском режиме осуществлять свою политику.

1 февраля 1933. Мы должны еще вести очень интенсивную борьбу. Положение в стране еще не настолько определилось, чтобы говорить об абсолютной прочности нашего положения. Вчера у нас четверо погибших за день... У фюрера уже на руках мандат на роспуск рейхстага. Новые выборы состоятся 5 марта. Удар на этот раз будет определенно направлен против марксизма с различными его оттенками... Мы слышали по радио обращение фюрера к немецкому народу. Лозунг: «Против ноября 1918».

2 февраля 1933. Подготовка к выборам идет хорошо. **Теперь пойдет врукопашную.** Мы не дадим пощады и будем прорываться всеми средствами...

В рукописном дневнике за этот же день: «Магда очень несчастлива. Так как я не продвинулся. *(Он не введен в состав правительства.)* Меня обошли ледяным бойкотом. Культуру получает Руст... Поздно — домой. Магда все еще беспрерывно плачет. Она так добра ко мне».

3 февраля 1933. Я подробно обсудил с фюрером начинающуюся предвыборную кампанию. Теперь легко вести борьбу, поскольку все средства государства в нашем распоряжении. Радио и пресса подчиняются нам... Радио меня немного тревожит. На всех решающих постах по-прежнему сидят бонзы старой системы. Надо их как можно скорее выкурить, во всяком случае, до 5 марта, чтобы они не мешали концу нашей предвыборной борьбы.

5 февраля 1933. *(Рукописный дневник.)* Дома Функ. Хочет стать госсекретарем по прессе и пропаганде. Этого еще недоставало. Я должен ему помогать. А Руст будет министром культуры. Вот так-то. Я очень угнетен... Меня размазывают по стенке. Гитлер мне почти не помогает. Я потерял мужество. Реакция диктует. Третий рейх!

«НАЦИЯ ОТДАСТСЯ НАМ ПОЧТИ БЕЗ БОРЬБЫ»

10 февраля 1933. Я произношу по передатчику двадцатиминутное вводное слово из Дворца спорта... Фюрер был принят неистовой овацией. Он произнес изумительную речь с резкими нападками на марксизм. В конце он впал в редкий, неправдоподобный ораторский пафос и закончил словом «аминь»!.. Эта речь воодушевила всю Германию. **Нация отдастся нам почти без борьбы.** Массы во Дворце спорта впали в безумное упоение.— *Гитлер вызывал оргиастическое чувство общности у тех, кто податливо слушал его.*— Только теперь начинается немецкая революция... Громкоговоритель — инструмент массовой пропаганды, который сегодня еще не вполне оценен в своем действии. Наши противники совершенно его не используют.

14 февраля 1933. *(Рукописный дневник.)* Ханке доложил, что денег на выборы ждать неоткуда. Придется толстому Герингу обойтись без икры.

15 февраля 1933. Был на автомобильной выставке, какие замечательные машины! Новый «мерседес»! Хотел бы я иметь такой.

Будет, будет ему новый «мерседес», а толстому Герингу — икра. Тот сам об этом позаботится. Сохранился и был предъявлен в Нюрнберге протокол совещания банкиров и промышленников (Шахт, Крупп, Шницлер, Фоглер и другие), где Геринг призывал их обеспечить материально предвыборную борьбу Гитлера, чтобы соотношение полити-

ческих сил в рейхстаге дало бы Гитлеру полновластие. «Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении ста лет»,— то есть Геринг заверял, что с парламентской демократией будет покончено и наступит диктатура сильной власти. С ее милитаристской программой собравшихся ознакомили. Националистические побуждения и надежда на то, что их интересы будут обеспечены этой властью, обусловили сотрудничество с ней магнатов промышленности. В кассу нацистов полились деньги.

«ТЕПЕРЬ МЫ ГОСПОДА СТРАНЫ»

Следующий за роспуском рейхстага акт: органы коммунистической и социал-демократической прессы, «которые доставляли нам столько неприятностей, одним ударом сметены с берлинских улиц. Это успокаивает и проливает бальзам на душу» (15.2.1933).

Годом ранее Гитлер в приведенном мной письме жаловался Гинденбургу, что президент берлинской полиции запретил на первый период предвыборной кампании одну из газет его партии (геббельсовский «Ангрифф»), называя этот запрет «опасным, с одной стороны, и, по моему убеждению, противозаконным, с другой», и призывал Гинденбурга противостоять нарушению демократических норм проведения выборов. Но вот прошел всего год. И Гитлер, теперь уже рейхсканцлер, в связи с предстоящими выборами в рейхстаг обращается с публичным воззванием к национал-социалистам (машинописный текст воззвания, правленный карандашом и подписанный Гитлером 22 февраля 1933 года, сохранился все в той же заветной папке фюрера): «Враг, который 5 марта должен быть низвержен,— это марксизм! На нем должна сосредоточиться вся наша пропаганда и вся наша предвыборная борьба.

Если «Центр»[1] в этой борьбе своими нападками на наше движение будет поддерживать марксизм, тогда я лично сам при случае расправлюсь с «Центром», отражу его и положу ему конец».

Как разителен язык обоих документов. В них запечатлен путь, пройденный между двумя точками. Прямая — от борьбы за власть к захвату ее. «Теперь дует другой ветер,

---

[1] «Центр» — католическая партия.

раньше нас били дубинками, **теперь мы господа страны**»,— записывает Геббельс 23 февраля.

Листая историю германского фашизма, со всей печальной наглядностью и тревогой убеждаешься, что воинственный антикоммунизм, антимарксизм нисколько не страхует общество от заблуждений, от нетерпимости, фанатизма, не уберегает от возможного возникновения тоталитарных структур, режимов. Быть может, нечто подобное имел в виду Томас Манн, сказавший: «Антикоммунизм — главная глупость нашей эпохи».

«РЕЙХСТАГ ГОРИТ!» «ТЕПЕРЬ МЫ МОЖЕМ ПОЙТИ НА ВСЕ»

27 февраля 1933. В 9 часов фюрер приехал к нам на ужин. Мы предавались слушанью музыки и разговорам. Внезапно звонок: **«Рейхстаг горит!..»** Поджог! Я тут же сообщил фюреру, и мы на 100-км скорости помчались по Шарлоттенбургшоссе к рейхстагу... Все здание в огне. Поверх толстой пожарной кишки мы попали в портал... Навстречу нам вышел Геринг, а вскоре приехал и фон Папен. Уже во многих местах установили поджог... Теперь надо действовать. Геринг немедленно запрещает всю коммунистическую и социал-демократическую прессу. Коммунистические функционеры будут ночью арестованы. СА будут подняты по тревоге... Поджигатель уже схвачен, молодой голландский коммунист по имени ван дер Люббе[1]. Посреди ночи появляется обер-регирунгсрат Дильс (начальник прусского гестапо) и сообщает мне о принятых мерах. **Аресты прошли без помех. Вся коммунистическая и социал-демократическая пресса уже запрещена.** Если окажут сопротивление, открыт путь для СА. **Теперь мы можем пойти на все.**

Поджог рейхстага — зловещая провокация, подавшая сигнал к развязанному за неделю до выборов террору, преследованию нацистами своих противников и инакомыслящих.

Буквально на следующий день после поджога Гинденбург (по настоянию Гитлера) подписал указ: «Для борьбы с антигосударственными и антинародными действиями, начало которых положил поджог рейхстага 27 февраля 1933 года, временно отменить гражданские гарантии Веймарской конституции, включая свободу личности...»

У. Ширер, автор известной книги «Взлет и падение третьего рейха», с 1926 по 1941 г. корреспондент американской газеты в Берлине, присутствовавший на заседаниях Военного трибунала в Нюрнберге, считает, что, хотя и не вынесено окончательное суждение, «можно почти не сомневаться, что идея поджога принадлежит Геббельсу и Герингу».

Но отмененные «временно» гражданские гарантии были возвращены немцам только после падения фашистского режима.

28 февраля 1933. Во всем рейхе больше не выходят марксистские газеты. Геринг начал в Пруссии большой поход против красных партий, он кончится их полным уничтожением. Кабинет принял очень суровое постановление против КПГ. Это постановление предусматривает смертную казнь. Это необходимо. Народ теперь желает этого. Аресты следуют за арестами... Сопротивления нет нигде. Противники поражены нашим внезапным и сильным контрударом... Теперь работа пойдет сама собой... Мы сможем отпраздновать наш великий триумф еще парадней. Жизнь снова радует.

4 марта 1933. СА маршируют длинными колоннами по Берлину. Последние приготовления к выборам... Борьба достигает кульминации... В Гамбурге все на острие ножа. После выборов надо будет принять там решительные меры.

В день выборов стали поступать благоприятные для нацистов сведения.

5 марта 1933. Первые результаты... Но что значат теперь цифры. **Мы господа в рейхе и в Пруссии**, все остальные разбиты и пали наземь... Это тем более приятно, что у нас теперь есть возможность **выступить против сепаратистского федерализма.**

«ВРАГИ РАЗБИТЫ И ПОВЕРГНУТЫ НАЗЕМЬ»

Геббельс отстоял свое монопольное положение от всех поползновений делить с ним власть в министерстве. «Министерство должно объединить в одну широкомасштабную организацию прессу, радио, кино, театр и пропаганду».

В отведенном под министерство здании «я быстренько взял несколько строителей из СА и велел за ночь сбить весь гипс и деревянную отделку, древние газеты и акты, которые сохранились в шкафах с незапамятных времен, были с грохотом выброшены на лестницу.— Это первый жест министра просвещения и культуры. Новая власть порывает с историей, памятью, культурой.— Когда достойные господа — я их выгоню в ближайшие дни — явились на следующее утро, они были страшно потрясены. Один всплеснул руками над головой и пробормотал с ужасом: «Господин министр, знаете ли, ведь вы можете за это попасть в тюрьму?» Извини подвинься, мой дорогой старичок! И если ты до сих пор об этом не слышал, то позволь тебе сообщить, что в Германии революция и эта революция не пощадит ваши акты»,— браво осаживал старичка новый

министр культуры и образования, агрессивно демонстрируя бескультурье, попрание архивов — исторической памяти.

7 марта 1933. Ситуация в Баварии созрела. В Гамбург уже в вечер выборов направлен рейхскомиссар. Почему нельзя сделать это повсюду теперь, когда **враги разбиты и повергнуты наземь?** Мы должны действовать решительно и пользоваться ситуацией. Следующей землей будет Баден-на-Рейне.

8 марта 1933. Вечером мы все у фюрера, там решено, что теперь очередь Баварии.

9 марта 1933. В Баварии все решено. Генерал Эпп принял власть как комиссар рейхсправительства... Клерикальная федералистская клика пыталась еще сопротивляться, но была сметена силой событий.

11 марта 1933. Днем я был у фюрера. Рейхспрезидент только что подписал указ, по которому черно-бело-красный флаг и свастика превращаются в знамя рейха. Какой немыслимый триумф! Наш презираемый, обруганный и осмеянный флаг становится символом рейха.

Такого не ожидал даже Геббельс. Все более порабощаемый Гитлером президент страны объявляет партийный флаг нацистов государственным знаменем Германии. Ставя знак равенства: партия равна государству. Но, выходит, и не предполагая на будущее возможности новых выборов, победы иной партии. Вот шаг — один из тех роковых, что укрепляли власть нацистской партии в сознании немцев.

14 марта 1933. Теперь перестройка в министерстве идет с поразительной быстротой, только по углам еще визжит едва внятно вымирающая чиновничья плесень.

17 марта 1933. Кто только не предоставляет теперь себя в распоряжение нового государства!.. Опасны те, кто только сейчас украшает себя свастикой... Радио теперь исключительно в руках государства... Я предпринял уже серию увольнений...

Как ни успешно для национал-социалистов прошли выборы, но их итог —17 миллионов голосов — был недостаточен, чтобы получить в рейхстаге большинство и утвердиться в своем единовластии. Их противники социал-демократы оказались даже популярнее, чем на предшествующих выборах в ноябре 1932-го. Католическая партия «Центр» тоже укрепилась бóльшим, чем прежде, доверием избирателей. И разгромленная компартия — ее активные функционеры были либо расстреляны, либо брошены в тюрьму и в концлагеря, спешно сооруженные Герингом,— удержала за собой около 5 миллионов голосов. По-прежнему Москва запретила немецкой компартии объединяться в предвыборной борьбе с социал-демократами — «социал-предателями».

Опрометчиво заявил Геббельс: «Нация отдастся нам почти без борьбы». Прав он был, когда записал в дневнике: в рейхстаге «абсолютного большинства мы никогда не получим. Надо искать другие пути». Другие пути теперь — это насильственный захват власти Гитлером, чтобы, разгромив все, что стоит на его пути, воплотиться в диктатора. Ближайшей задачей стало: получить чрезвычайные полномочия.

«У нас грандиозный план праздничного открытия нового рейхстага в Потсдаме. Там будет символическое представление нового государства» (16.3.1933). Эта торжественная церемония призвана была укрепить власть Гитлера.

И вот первое после пожара заседание рейхстага — в Потсдаме, в Гарнизонной церкви, где покоится прах Фридриха Вильгельма I и Фридриха Великого. Дата открытия рейхстага 21 марта означала связь этого события с первым канцлером немецкой империи, создателем могущественной Германии — Бисмарком, открывшим первый в истории Германии рейхстаг в этот день в 1871 году. Словом, помпезное мероприятие призвано было демонстрировать преемственность власти Гитлера, наследующего первым величинам немецкой истории.

Торжественность заседания укрепляла фигура старого фельдмаршала Гинденбурга. Еще недавно «враг», «старый козел», который должен убраться с дороги, он теперь, заласканный почестями, стал политической куклой в руках нацистских заправил. «Все встают с мест и радостно приветствуют седого фельдмаршала, который протягивает руку молодому канцлеру. Исторический момент... Гинденбург возлагает лавровые венки на могилы великих прусских королей. Штандарты с нашими орлами высоко вздымаются. Снаружи гремят пушки. Теперь звучат барабаны. Президент поднимается на трибуну с фельдмаршальским жезлом в руке и приветствует рейхсвер, отряды штурмовиков, СС и «Стального шлема»...

Гитлер — «он в замечательной форме» после укрепившего его власть потсдамского торжества — тотчас затребовал чрезвычайных полномочий для правительства. Получить нужный Гитлеру процент голосов в парламенте не составляло теперь большого труда. Ведь декрет, который по настоянию Гитлера подписал Гинденбург на следующий день после поджога рейхстага, отменял гражданские гарантии конституции, включая свободу личности. И можно было расправиться с депутатами от коммунистов, засадив всех их в тюрьмы и концлагеря. И так же обеспечить отсутствие

на заседании рейхстага тех депутатов из фракции социал-демократов, которые были наиболее неугодны Гитлеру.

24 марта 1933. «Центр» и даже государственная партия принимают закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству. Он рассчитан на четыре года и дает правительству полную свободу действий.

Только депутаты социал-демократической партии проголосовали против. Подавляющее большинство депутатов, поддержавших требование Гитлера, сознавая это или нет, по существу согласились на самоуничтожение парламента. И как социал-демократическая партия, так и те партии, что поддержали Гитлера, оказались обречены на самороспуск или терроризировались и подверглись запрету. Их имущество было присвоено нацистами.

В марте же 1933-го, когда запрещена и объявлена вне закона коммунистическая партия и коммунисты брошены в тюрьмы и лагеря, Сталин возобновляет торговлю с Германией.

«Теперь мы конституционно господа рейха»,— пишет Геббельс. Но чтобы быть на деле «господами», им как раз и нужен статус, сводящий конституцию на нет. Покуда что указам Гитлера требовалось формальное принятие их кабинетом министров. Это препятствие к неограниченной власти оказалось достаточно быстро преодолимым: «В кабинете авторитет фюрера теперь полностью признан. Голосование проводиться больше не будет. Решает фюрер. Все идет много быстрее, чем мы отваживались надеяться... Наконец-то мы у власти...»

Рейхстаг утратил свое назначение — законодателя. Не был возвращен в свое мощное, символическое здание, выгоревшее внутри. Оно оставалось невосстановленным. Не было на то нужды у правителей. Рейхстаг стал декоративным органом, его малозначащие заседания проходили в здании Оперы Кролля.

Казалось бы, ведь был еще президент — высшая власть. Но призвавший Гитлера к руководству дряхлеющий, недееспособный 86-летний Гинденбург не был ощутимым препятствием рвущемуся к диктаторской власти Гитлеру. Он был использован нацистами, пока был жив, до его кончины оставался год с небольшим[1].

---

[1] У. Ширер приводит слова Алана Буллока, английского историка: властью в великой стране завладели отбросы общества, хозяевами ее ресурсов стали уличные банды.

Насыщенный событиями март 1933-го еще не исчерпался. В последние дни месяца — первая антисемитская массовая акция нового правительства. Указами Гитлера евреи уже были уволены с государственной службы, из университетов, ущемлены в сфере свободных профессий. Но Гитлеру не терпелось продемонстрировать открытую кампанию преследования евреев. Он поручил проведение ее Геббельсу. И тот включил жанр погрома в свою компетенцию министра просвещения, культуры и искусства — «всего, что относится к вдохновению».

По решению фюрера он призвал население к бойкоту всех предприятий, магазинов, лавчонок, врачебных кабинетов, контор адвокатов, принадлежащих евреям. В тот же день: «Я выступил вечером в «Кайзергофе» перед работниками кино и с большим успехом развил новую программу киноискусства... Вечером я по телефону сообщил фюреру об успехе призыва к бойкоту».

31 марта 1933. Многие приуныли... Они думают, что бойкот приведет к войне.— *Это то, чего все время боится Геббельс, то пряча страх за усиленной наглостью, то проговариваясь.*

Под маркой бойкота прокатились организованные СА и СС бесчинства. Тысячи жертв грабежей, избиений, убийств. Это первый акт расистской партийной программы нацистов в действии. «Лабораторией террора» был назван антисемитский погром. Антисемитизм опасен не только для евреев, он становится угрозой всему растлеваемому им обществу.

1 апреля 1933. Замечательный спектакль! — *цинично восклицает Геббельс.*— Нам еще предстоит трудная борьба против бюрократии, с ней нам придется драться ближайшие два года.

2 апреля 1933. **Нам предстоит духовный захватнический поход** — надо провести его в мире, как мы провели его в Германии. В конце концов мир научится нас понимать.

6 апреля 1933. Вечером в министерстве пропаганды собралась иностранная пресса вместе с дипломатическим корпусом и всем кабинетом. Выступали фюрер и я, мы впервые открыто выступили против представления о так называемой свободе печати... Теперь уже речь идет не о том, чтобы партия встроилась в государство: скорее **партия должна стать государством.**

Превращение республики в тоталитарное государство идет быстрым темпом. Гитлер завоевывает популярность и среди тех, кто еще сравнительно недавно относился к нему если не враждебно, то во всяком случае скептически, иро-

нично, а теперь готов связать с ним надежды на спасение Германии, видеть в нем вождя.

О том, как происходило это преображение в душах — впрочем, чаще вполне механически,— описал на собственном опыте, находясь в плену в Советском Союзе, генерал Раттенхубер. Я уже говорила о том, что мне посчастливилось обнаружить в архиве эту ценную рукопись начальника личной охраны фюрера. Процитирую ее и на этот раз.

Напомню, что Раттенхубер в бытность свою мюнхенским полицейским осуществлял слежку за Гитлером, потом входил в команду охраны тюрьмы, куда после путча был водворен Гитлер. Но теперь, в 1933-м, его вызвал Гиммлер, знавший Раттенхубера по учебе на офицерских курсах в 1918 году и ценивший его опыт работы в полиции, и сделал его своим адъютантом, а вскоре назначил начальником личной охраны Гитлера. «В апреле 1933-го я впервые входил в отель «Кайзергоф», чтобы представиться Гитлеру». Предстояло пикантное свидание бывшего арестанта с бывшим тюремщиком. Но теперь Раттенхубер поджидал не Гитлера, каким знал его, а фюрера, и, конечно же, опасался, «что фюреру будут неприятны те воспоминания, на которые я невольно буду наталкивать его своим присутствием». Но, приветливо поздоровавшись, Гитлер сказал: «Я уверен, что вы теперь будете так же верно служить мне, как раньше служили баварскому правительству».

Гитлер знал, что делал, избрав главным телохранителем не кого-либо из своих «молодцов» — их надо держать в узде, постоянно внушать им восхищение и страх,— а этого полицейского, благонамеренного служаку, всегда преданного власти, отождествляемой им с отечеством.

Пока Раттенхубер взирал на Гитлера глазами прежней власти, он видел в нем демагога, возмутителя спокойствия, опасного политического авантюриста, от которого только и жди беды. Теперь же в «Кайзергоф» входила сама Власть, и мигом отступило все, что могло порочить или умалять ее.

«Беседа была бессодержательной — о новостях берлинской жизни, о театре... Совместный чай был знаком благосклонности и доверия ко мне фюрера. Говорят, он так располагал многих, и, не скрою, расположил и меня». Прежде не вызывавший доверия, Гитлер вызывал теперь у Раттенхубера благоговение. «Гитлер был для меня теперь тем «сверхчеловеком», каким рисовала его нацистская пропаганда... Это был «мой фюрер», и я был горд тем, что он оценил меня и приблизил к себе».

Родительский дом в Рейдте на улице, переименованной в Йозеф-Геббельс-штрассе

Посещение родного Рейдта новым почетным гражданином города рейхсминистром Геббельсом. Слева сотрудник его министерства Карл Ханке (23 апреля 1933)

7 апреля 1933. За шесть часов заседания кабинета был принят ряд решающих законов. Закон о правах чиновников с параграфом об арийстве. В конце 1 мая было официально признано национальным праздником... Можно сказать, что сегодня в Германии история делается заново. **Наша цель — абсолютное единообразие рейха...** В конце этого процесса будет **единый народ в едином рейхе.**

«Ein Volk, ein Reich, ein Führer!» («Один народ, одна империя, один фюрер!») Этот известный фашистский девиз я увидела в Освенциме, в последнем бараке, замыкавшем бесчисленный их ряд. Здесь камеры пыток, отсюда выход к установленной рядом стене расстрела. Так неотвратимо связан этот девиз и этот барак.

«1 мая мы организуем грандиозную демонстрацию народной воли». Смысл этой демонстрации в том, чтобы перекрасить традиционный день международной солидарности трудящихся в сугубо национальные — коричневые цвета, одолеть его интернациональный пафос. На волне этой демонстрации «2 мая будут заняты здания профсоюзов. Унификация и в этом отношении. Возможно, пару дней будет возмущение, но затем они в наших руках. Нельзя больше оглядываться... **Когда профсоюзы будут в наших руках, другие партии уже не смогут долго сопротивляться... Через год вся Германия будет в наших руках»** (17.4.1933).

1 мая 1933. (*Парад молодежи.*) Буря восторга: в машине показались, сидя рядом друг с другом, рейхспрезидент и фюрер... Удивительный символ новой Германии... Харальд протягивает президенту большой букет роз.— *Геббельс и тут поспевает, выдвинув вперед пасынка.*— Завтра мы захватим дома профсоюзов. **Сопротивления ждать неоткуда. Борьба продолжается!**

Полный запрет на критику. «Я с ней покончу. Последний пережиток из демократических времен. Долой его!»

3 мая 1933. Продолжаем подпаливать профсоюзников. Бонзы капитулируют. **Мы господа Германии.**

11 мая 1933. Вчера... Поздно вечером произношу речь на площади Оперы. Перед костром сжигаемых студентами грязных и бульварных книг. Я в наилучшей форме. Гигантская толпа. Домой. Усталым в кровать. На дворе сегодня начинается великолепное лето.

Геббельс — организатор этого зловещего аутодафе, символа торжествующего в Германии фашизма, падения великой страны в варварство.

А немцы пьянели от речей этого «литературного крематора», как назвал его писатель Эрих Кестнер.

Горят по предписанию д-ра Геббельса в этом чудовищном костре книги немецкого классика Лессинга, автора «Натана Мудрого», горят книги Ремарка, Стефана Цвейга, «немецкоязычного» Гейне, любимого поэта дней молодости д-ра Геббельса донацистской поры, Томаса и Генриха Маннов, Альберта Эйнштейна, Джека Лондона, Эмиля Золя, Андре Жида, Зигмунда Фрейда... «Кто сжигает книги, когда-нибудь будет сжигать людей»,— это предвидел Гейне.

«ПУТЬ К ТОТАЛИТАРНОМУ ГОСУДАРСТВУ»

10 июня 1933. Обсуждали запрет на прессу. Мы едины. Скоро будет закон о прессе. Обсуждали с Гитлером реакцию. Как только не станет Старого господина (Гинденбурга), горе интриганам. Реакция прокралась в церковь. Долгий спор с фрау Вессель. Она хочет частное право на песню Хорста Весселя. Я отклонил это. Песня принадлежит нации. Эта мать нестерпима.

20 июня 1933. Мы покидаем Женевскую конференцию. Она стала невыносимой.— *Покидают, тем самым развязывая себе руки для нарушения обязательств по Версальскому договору.*

28 июня 1933. Путь к тоталитарному государству. У нашей революции невероятная динамичность. Мы начинаем благоговеть перед событиями.

1 июля 1930. Хлопоты с церковью. Попы бунтуют, «Центр» (*католическая партия*) будет распущен.

Позже, когда становление национал-социализма в Германии, можно сказать, завершилось, Гитлер снова и снова возвращается к своей программе, изложенной в «Майн кампф», к навязчивой идее завоевания для немцев Lebensraum (жизненного пространства) за счет захвата земель на Востоке, в первую очередь земли России.

«Фюрер предвидит конфликт на Дальнем Востоке. **Япония разгромит Россию. Этот колосс рухнет. Тогда и настанет великий час. Тогда мы запасемся землей на сто лет вперед**».

В Германии воцарялся безудержный, бесконтрольный нацистский режим. Восторжествовавший фашизм — это обреченность Германии на безумие войны.

«Это не просто отрезок немецкой истории, это ужасающий урок, как недооценка крайнего зла может ввести народ в заблуждение и подвести человечество к уничтожению» (Вилли Брандт).

На Нюрнбергском процессе в речи обвинителя от Франции Ф. де Ментона прозвучал анализ навлекшей массовые преступления нацистской доктрины с ее осквернением разума, ее целью «сбросить человечество в состояние варварства», в нечто «демоническое», сознательно конструируемое. Этой чудовищной доктрины с ее абсолютизацией «крови», противопоставлением «высшей» арийской расы немцев и «низших» рас. С непреложностью самой доктрины, не допускающей инакомыслия. С отрицанием самоценности личности. Обвинитель говорил о том, что утверждение примата расы, ее инстинктов, требований и интересов заставило исчезнуть все понятия об общепринятой морали, справедливости и праве, все накопленные в течение веков достояния цивилизации. «Идея братства людей была отвергнута еще более решительно, чем прочие общепризнанные духовные ценности».

Западный мир до сих пор не оправился от потрясения фашизмом. «Можно забыть деяния Гитлера, но плата за это — потеря нравственного самосознания и политического понимания мира» (историк М. Штюрмер). И в последние годы интеллектуалы вновь и вновь обращаются к исследованию этого феномена, отождествляя его в первую очередь с Гитлером. В их исканиях все еще не окаменевшее, все еще разрыхленное месиво — личной памяти и анализа, проницания и заблуждения, зыбких ответов на неисчерпанные вопросы и обретенных постулатов.

В своих работах они обращаются к теории Макса Вебера, предсказавшего (до Гитлера) явление харизматического лидера со всеми особенностями харизматического господства — этого особого вида психосоциального заболевания.

К диагнозу философа Карла Ясперса «Духовной ситуации нашего времени» (1930—1931) — времени, когда стал возможен распад государства, гражданская война, террор и уничтожение, и вместе с надвигающейся гибелью Веймарской республики — крах буржуазно-либеральной системы ценностей, породившей республику, соединявшей ее с прежними эпохами немецкой истории. Повисшее над пустотой время созрело для адского мессии.

Обращаются к анализу Э. Фромма личности Гитлера в свете его некрофилии, страсти к гибели и уничтожению. К убежденности Ницше: будущее принадлежит «политикам-художникам», которые полагаются на интуицию и волю, уверенные, что им принадлежит мир.

Прислушаемся к голосам современных исследователей.

Ури Авнери, израильский публицист: В каждом обществе в любое время существуют бациллы фашизма... Носители их — на обочине. Нормально функционирующая нация может держать эту группу под контролем. Но потом что-то происходит. Экономическая катастрофа, повергающая многих в отчаяние. Национальное несчастье, поражение. Внезапно презираемая группа «обочины» становится значимой. Она мгновенно инфицирует политиков, армию и полицию. Нация сходит с ума... Бесконечные парады, исступленные речи, песнопения, униформы, знамена — всепроникающая истерия... Фашизм — в первую очередь — это политическая техника, механизм захвата и использования власти. При отказе от демократии, либерализма, гуманизма — культ силы и культ мистического коллективного «я», перед которым личность должна пасть ниц; вера во всемогущего вождя. Расовые теории Гитлера и его антисемитизм идеально отвечали его вере в собственное предназначение и настроению в стране.

Маргарет Митшерлих, немецкий психоаналитик: Масса сограждан с увлечением и дрожью восторга принимала участие в захвате фюрером власти, с ним они переживали свои собственные комплексы власти и мести. Так, они экстатически отдались «сверхчеловеку», чтобы создать расу господ. Теперь все — притеснения, убийства и преследования «чужаков» — могло происходить без всякого чувства вины, потому что появились новые законы, новые ценности, новая мораль, которым нужно следовать, чтобы самому не стать чужаком и изгоем.

С легализацией подсознательных побуждений, пишет Митшерлих, «новые ценности» превратились в преступления.

Ури Авнери: Годился любой лозунг, лишь бы он пробуждал фанатическую веру в вождя, растворение личности в «мы», пылающую ненависть к «другим», к чужакам, меньшинству, стремление к насилию, открытую паранойю, безумие, одобряющее любое преступление, совершенное ради него.

Алан Буллок, английский историк: Применение гитлеровской расовой теории простиралось гораздо дальше, чем только на преследование евреев. Сюда относится и стерилизация, истребление (эвтаназия — легкая смерть) биологически менее ценных в самом немецком населении. Порабощение славянского населения в Польше и России в захва-

ченных областях, истребление их образованного слоя и руководящих кадров.

Андре Глуксман, представитель «Новой философии» во Франции: Проблема Гитлера не в том, что он совершил то, чего хотел, а в том, что ему позволили это сделать. Тайну следует искать не в его безумии, а в его современниках, которые наделили его безумие властью. Спрашивать, как был возможен Гитлер, значит спрашивать Европу, как она его допустила,— то есть спрашивать нас самих. В конечном счете приходишь к убеждению, которое не терпит лжи: я — возможность Гитлера, я и есть Гитлер.

Эти строки о нравственной и политической ответственности, начинающейся с себя, принадлежат человеку, которому в год падения гитлеровского рейха было 8 лет от роду. Тем благороднее они звучат.

Конечно, в Германии, в современном обществе есть и совсем другие настроения и намерения: отмести, вынести за скобки истории страны и немецкого народа период фашистского господства со всем чинимым им злом. Подобное встречается и у нас по отношению к прожитому страной семидесятилетию. Но есть у нас и другая крайность: травля собственной истории, с изъятием фактов из контекста времени, из исторического потока, из исторической судьбы, а это неизбежно ведет к иной, но опасной мифологизации. В обоих (нашем и нацистском) тоталитарных режимах наглядно проступают схожие черты и возможные заимствования. И сейчас, когда мы хотим обрести разумное миропонимание, для нас насущно увидеть общность родимых пятен тоталитаризма и тем непреклоннее отторгнуть их.

Но соблазн лишь механического сопоставления — сличения — это наша болезнь упрощенности, это плоско и бесплодно. Германский фашизм — это свой опрокинутый мир. У германского фашизма своя природа, свои истоки, свои задачи и цели. И наконец — свой абсурд.

Глава четвертая

«МЫ САМИ СТАНЕМ ЦЕРКОВЬЮ»

20 июля 1933. Вечером снова скандал с Магдой, из-за ее ведомства мод, которое не знаю уж сколько причинило мне забот. Громкие сцены. Магда должна быть более сдержанной. Так не пойдет. Такое

отношение вызывает у меня только досаду против нее. Рассерженным в постель.

22 июля 1933. (*В гостях у Гитлера.*) Он устанавливает мир между Магдой и мной. Он истинный друг. Признает, что я прав: женщины ничего не обретут в политической публичности.

24 июля 1933. Новая машина. Какая радость. Это в самом деле поэма. Чудо техники.

Запрещена социал-демократическая партия. Предварительно конфисковано все ее имущество. Арестованы партийные функционеры. Преследуются вплоть до ликвидации и другие партии.

7 августа 1933. Против церкви. **Мы сами станем церковью.** С Герингом невозможно иметь дело. Он лопается от тщеславия и жажды власти.

12 августа 1933. Радио — гнездо коррупции. Вычистить навоз!

15 августа 1933. Принц Генрих говорит глупости. И вот такие правили Европой. Я разговаривал с его адъютантом полковником Шмидтом. Вся банда не стоит пригоршни пороха.

23 августа 1933. Пришел Геринг, старый негодяй. Он хочет быть генералом. Почему бы не фельдмаршалом? Опять новая униформа. Действует на нервы.

25 августа 1933. Моя должность: получаю все, что связано с вдохновением.— *Уже и вдохновение узурпируется.*

29 августа 1933. Теперь Геринг наконец генерал. Собственно, сколько же титулов у него? Возможно, потому, что он любит униформы. От этого рвет каждого.

31 августа 1933. Вчера... Нюрнберг. Весь город — море флагов. Всюду безумное воодушевление. Только что прибывает фюрер... Появляется шеф. Парад. Все руководство партии в сборе. Торжественное приветствие...

1 сентября 1933. Я опять переписал свою речь. Смягчил еврейский вопрос. Из внешнеполитических соображений.

2 сентября 1933. Вчера: торжественное открытие съезда.

Под «бешеное одобрение» Гитлер в своем воззвании провозгласил борьбу против сепаратизма и местного самоуправления, угрожая землям, прежде всего Пруссии. «Не сохранять, а ликвидировать» — был его лозунг.

В кратчайшие сроки осуществлен план государственного переворота, утверждается единовластие Гитлера. Отняты демократические гражданские свободы, запрещена вся ненацистская печать, запрещены или обречены на самороспуск все партии, остается только НСДАП — «единственной партией в Германии», как записано в декрете. Сохранение какой-либо иной политической партии или создание новой каралось наказанием тюремным заключением или ка-

торжными работами. Разгромлены профсоюзы, арестованы их руководители; силами СА и СС захвачены здания партий и профсоюзов, присвоено их имущество. И вот еще один важнейший пункт политики централизации и установления диктатуры Гитлера: ослабление или скорее сведение на нет ландтагов (парламентов земель), то, что и провозгласил он на нюрнбергском съезде. Назначенный Гитлером партийный гауляйтер становился одновременно «Reichsstatthalter» — «имперским наместником», подотчетным непосредственно фюреру. Так что если еще совсем недавно, в апреле, Геббельс писал, что партия должна не встроиться в государство, а стать государством, то уже в июле Гитлер заявил: «Партия — стала государством».

Перенимали ли напрямую нацисты опыт большевизма или в природе тоталитарных режимов задана эта резкая схожесть? Или то и другое?

«НОЧЬ ДЛИННЫХ НОЖЕЙ»

1934. Этот год представлен в дневнике редкими и короткими записями со скудным содержанием. Между датами большие разрывы.

Новогодний прием у президента. Присутствует дипломатический корпус. Геббельс «носится», по его словам, от дипломата к дипломату, приветствуя каждого. «Австриец заикается парой фраз о мире и проч. Я совершенно холоден. Наверху торжественный прием. Старый господин полон бодрости... Достоинство и стиль приема...»

Дома: «Магда появляется в Neglige. Сверх того разражается ужасный скандал. Она страшно и непереносимо оскорбляет меня. С этим покончено. Я не участвую больше ни в чем, не иду к Гитлеру, пока она не уступает и не осознает свою неправоту».

В этих семейных сценах Магда Геббельс непохожа на ту покорную, исключительно предупредительную к мужу, непрерывно восхищенную им жену, какой ее рисует в мемуарах верный сотрудник министра пропаганды фон Овен и вторящие ему биографы Геббельса. Она совсем не всегда ищущая сторона в отношениях с Геббельсом. Она строптиво отстаивает себя и исключительно тщеславна. Это следует понять, потому что в последнем страшном акте она играет роль исполнительницы убийства детей.

Записи будничны, пониженный тон, чувствуется спад, и что-то накапливается тревожащее Геббельса, недоговоренное. «Всюду страх реформ в империи». «В коричневом

доме Гесс заседает с имперскими руководителями. Короткие вопросы, особо об опасности попов». И как всегда присутствуют в записях близость к Гитлеру и страсть к приобретению новых автомобилей: «В кафе с Гитлером. Он трогательно мил со мной. Присмотрел новый кузов. Чудо работа. Первый класс!» Беспокоят также и внутрипартийные пересуды: военный министр Бломберг рассказывает ему о честолюбивых помыслах фон Папена: «Тот очень хотел бы на место Гинденбурга, когда Старый господин умрет». Не подлежит обсуждению. Тут надо навести порядок». Или: «Был у Гитлера, поделился с ним беспокойством о Гитлерюгенд. По-моему, они слишком распущенно воспитывают молодежь».

Этот блеклый, если судить по записям, год имеет за пределами дневника свой апогей — «Ночь длинных ножей». Название в духе пошлой нацистской романтизации. (Так, удерживаемый немецкими войсками вблизи Москвы ржевский выступ —1941—1943— назывался в приказах «Меч, занесенный на Москву». А ставка Гитлера этого периода именовалась «Волчье логово»).

«Ночь длинных ножей» — это ночь кровавой резни, расправы над сотнями фюреров СА и рядовыми штурмовиками, обеспечившими Гитлеру приход к власти.

Банды штурмовиков, господствующие на улицах, нападали на прохожих, избивали. Они еще годились для терроризирования населения, приведения его к полному послушанию новой диктаторской власти. Никакой управы над собой (кроме как со стороны шефа СА — Рема) не знали — судьи были деморализованы и насмерть запуганы, даже убийство оставалось для штурмовиков уголовно ненаказуемым. Законодательство атрофировалось, подменялось формулой: фюрер — это и есть закон.

Хаос в политике, в стране нужен был нацистам в период борьбы за власть. Теперь же Гитлеру требовалось установить порядок. Обуздать СА, чья предназначенность — прокладывать террористическими методами путь к власти национал-социалистам — исчерпывалась. Надо было покончить с противопоставлением СА своих двухмиллионных отрядов боевиков малочисленному рейхсверу, третированию ими прусских генералов. И главное — пресечь призывы Рема ко «второй революции», которая выполнит партийную программу — национализирует промышленность и крупный капитал. Но для Гитлера эти программы социализации были лишь пропагандистскими, и проводить их в жизнь он не намеревался. Он опирался на промыш-

ленников и банкиров. Стране нужен был опытный, способный предприниматель, говорил Гитлер, даже если он еще не стал национал-социалистом, а не тот национал-социалист, который пожелает занять его место, ничего не смысля в коммерции. Гитлер пообещал, что пресечет разговоры о «второй революции», предотвратит тем самым хаос, нарушение порядка. Это говорилось на другой день после 30 июня. А до того обстановка становилась напряженной.

Идея «второй революции» была популярной. Геббельс разделял эту идею Рема. Он записал 18 апреля: «Повсюду в народе говорят о второй революции, которая должна бы наступить. Это означает не что иное, как то, что первая революция еще не закончилась. Вскоре мы должны будем схватиться с реакцией. Революция должна быть неостановима».

Между тем подготовка к расправе с СА и план действий держались в сугубой тайне. От дневника также. К этому дню Геббельс идет с нарастающим страхом, распознаваемым и при недоговоренности в дневнике. Тем более что он в двусмысленном положении, как это нередко бывает с ним.

29 июня 1934. Пятница. В среду: положение все время становится серьезнее,— *глухо пишет он.*— Фюрер должен действовать. Иначе реакция накроет нас с головой...— *Что же теперь он имеет в виду под словом «реакция»?* — Ужасные события в Испании. Канун большевизма? — *И среди того или иного, о чем записывает, прорывается:* — Повсюду тревога по поводу р е а к ц и и... Ханке *(сотрудник Геббельса)* приносит новейшее послание попов. Остро против государства. Но теперь будем действовать. Магда очень мила. Четверг: работа в Берлине. Но все больше депрессия. Реакция повсюду трудится... Фюрер в Эссене. Свадьба Тербовена (*гауляйтер Эссена*). Катание на лодке с Магдой и детьми...— *Целая программа дня, маскирующая надвигающиеся события.*

Зная беспринципность Геббельса еще с тех пор, как тот перебежал от Штрассера к нему, Гитлер пренебрег тем, что его шеф пропаганды в своих выступлениях высказывался на стороне Рема, за «вторую революцию», и велел ему прибыть и включиться в операцию по расправе с СА. Уже не в первый раз Геббельс предавал тех, чьи взгляды он разделял. «Сегодня утром звонок фюрера — тотчас лететь в Годесберг. Итак, начинается. С Богом. Все лучше, чем это ужасное ожидание. Я готов»,— последние слова в преддверии кровавой ночи.

На этом — в дневнике обрыв. Исчезновение записей Геббельса о ночи резни и недели кровавого шабаша не поддается покуда что для исследователей разгадке. Неясно, как провел эту ночь и дни д-р Геббельс, соучастник тайно задуманного Гитлером, скрытно подготовленного, внезапно обрушенного беспощадного террора. Вновь записи в дневнике появляются только через две недели. Что же касается Гитлера, то известно, что, прибегнув со всем коварством к провокационной маскировке (нечто подобное, уже позже и в ином масштабе, но сходное по почерку, он станет предпринимать перед глобальными нападениями его армий на мирные страны), он не так давно написал очень дружеское письмо Рему, а теперь для отвода глаз покинул Мюнхен. Оказался сначала в Эссене, затем метнулся в Годесберг, куда и был вызван им Геббельс, и ночью, как только н а ч а л о с ь, ринулся назад в Мюнхен и сам участвовал в нападении на не ведающих ни о чем, спавших его сподвижников, таких как Рем, стоявший у самого корня возникновения НСДАП. Убит был Рем и сотни фюреров СА и штурмовиков. Схвачен и убит Грегор Штрассер, соперник Гитлера по партии. Убит предшественник Гитлера на посту канцлера Шлейхер, ему отомщено за то, что своим предложением Штрассеру стать вице-канцлером он пытался расколоть нацистскую партию. Уничтожены и те бывшие члены баварского правительства, кто в 1923-м помешал Гитлеру осуществить путч. И другие неугодные лица.

Нелепо за тирана обосновывать мотивы его преступных, кровавых действий. Но кое-что уяснить можно. В новых условиях Гитлеру впервые понадобилась стабильность, он провозгласил, что революция закончена. Невероятно разросшиеся ко времени захвата власти военизированные отряды штурмовиков (свыше 2 млн.), вскормленные поощряемым насилием, привыкшие считать себя элитой, не склонны были уступать свои позиции. Под началом воинственного, радикально настроенного в отношении дальнейшего неостановимого хода революции Рема штурмовые отряды, подчинявшиеся ему, представляли собой угрозу для магнатов капитала, промышленности, вызывали тревогу рейхсвера и политиков, близких Гинденбургу. Расправа шла под знаком предотвращения путча. Хотя признаков путча, измены, намерений убрать Гитлера обнаружено не было. Это был кровавый террор, порождавший всеобщий страх, растление. Террор с намерением покончить с любым брожением, оппозиционными настроениями по отношению

Чета Геббельсов на приеме в немецком посольстве в Риме (1934)

к политике Гитлера — и в руководстве государством, и в самой партии, и в любых неискорененных слоях или группах населения республиканской закваски, со всем, что кодируется в дневнике Геббельса словом «реакция».

События «Ночи длинных ножей» не просочились и в дальнейшем в дневник. Прежде часто упоминаемое имя Рема — исчезает. Только через год Геббельс обмолвился, характеризуя чьи-то намерения: это ведь — «Путь Рема против R. W.» (*рейхсвера*). Короткое восклицание. Оно о борьбе Рема с рейхсвером за слияние штурмовых отрядов с армией — фактически за военную власть, за военное руководство, потому что СА поглотили бы малочисленный рейхсвер. Для генералов это было неприемлемо. Убрав с дороги Рема, Гитлер решал в пользу рейхсвера и в расчете на поддержку влиятельного генералитета, когда вскоре предстоит ему бороться за пост президента — старый Гинденбург был плох здоровьем.

Но вот весной 1945-го Гитлер и Геббельс яростно клеймят «предателями», «изменниками» генералов, отступающих со своими войсками под ударами Красной армии.

И, вместе прохаживаясь в искореженном бомбами саду рейхсканцелярии, среди «груды обломков», они с Гитлером предаются сожалению, что был упущен момент, когда разом можно было расправиться с ненавистными генералами, направив удар против них, а не против Рема, не будь тот «гомосексуалистом и анархистом»,— добавляет Геббельс,— «а будь Рем беспорочной и первоклассной личностью», то, вероятно, 30 июня могли быть «расстреляны несколько сот генералов вместо нескольких сотен фюреров СА» (27.3.1945).

Но тогда, в 1934-м, Геббельс, после завершения расправы, победоносен.

13 июля 1934. Берлинские корреспонденты хотят выступить против меня с протестом. Пусть попробуют — я уморю их голодом.

18 июля 1934. Еще раз обсудил с фюрером вопрос об СА, он видит теперь вполне ясно.

Разгромленные СА лишились престижа и прежнего своего назначения, их функции стали второстепенными, вроде несения охраны концлагерей. Теперь на сцену выходят СС[1], возглавляемые Гиммлером. До этого времени они осуществляли охрану Гитлера, входили в состав СА и были подчинены Рему. Теперь СС стали не только самостоятельными, но быстро наращивали мощные террористические функции. В этом же 1934 году была создана тайная государственная полиция — гестапо. 30 июня положило начало нацистскому террору при молчаливом одобрении и Гинденбурга, и генералов.

Вскоре, тем же летом 1934-го, скончался Гинденбург. Гитлер не только фактически, но теперь уже и де-юре становился единоличным властителем Германии и главнокомандующим. Отныне все — и военнослужащие, и любого ранга чиновники на государственной службе — приносили присягу не на верность отечеству, народу, государству, а лично Гитлеру, на верность ему и повиновение: «Я клянусь, что я буду преданным и буду повиноваться фюреру германской империи и германского народа Адольфу Гитлеру и буду выполнять свои обязанности добросовестно и самоотверженно».

---

[1] Сокращенно от Schutzstaffeln — охранные отряды (нем.).

Обычно каждую новую тетрадь дневника Геббельс предваряет каким-либо девизом: «Имей мужество жить в опасности!», «Лишь выше звезд царит мир!» и прочее. Тетрадь 1935 года начата под девизом: «Никогда не уставать!», что выдает подавляемую усталость. Не ту, о которой чуть ли не каждый день он упоминает к ночи, устремляясь в постель. Та — можно сказать, «рабочая усталость» от затраты сил за день. Наутро он снова — заведенный волчок, и крутится, выкладывается со всей своей незаурядной энергией сверх мочи. А тут накатила другого рода усталость. Девиз тетради 1936 г.— «Покой — родитель всех великих мыслей». А девиз следующей за ней в том же году тетради и вовсе переводит Геббельса в другой режим: «Отдых — подготовка к новым трудам».

Пары выпущены. Нет нового запала. Агрессивность — мотор его энергии — не призвана к действию в той мере, как это было, когда рвались к власти. И пропагандистский накал ослабевает. Нет наступательной цели. Без врага его речи бессильны, замечает Эльке Фрёлих. На долю министра пропаганды оставались только гонимые попы и евреи.

Дома он элегически предается прослушиванию пластинок с записями своих речей и восхищается ими. «Особенно моей большой речью во Дворце спорта против Папена в октябре 32-го. Я ею совершенно восхищен. Вот как мы говорили когда-то. Здорово!» «Юноша читает мою статью на смерть Хорста Весселя. Какая статья! Поэма!» «Мою речь фюрер считает классической. Я очень счастлив».

Его сотрудник фон Овен вспоминает, как дома за обеденным столом Геббельс перечитывал вслух и не по одному разу опубликованную статью, и так же, как в министерстве подчиненные, так жена и все присутствующие должны были выражать безмерное восхищение.

Как хроникер Геббельс исправно фиксирует внешнеполитическую ситуацию, и в условиях фактически начавшейся ползучей второй мировой войны — нападением Муссолини на Абиссинию и событиями в Испании — фрагменты его записей представляют определенный интерес.

27 января 1935. У англичан трудности во внутренней политике. Нам это выгодно. Фюрер надеется склонить их к договору: нам преимущество на земле, им на море, в воздухе поровну.

17 апреля 1935. Наше единственное спасение в силе.

19 апреля 1935. Мир против нас. Мы от этого не поседеем.

25 июля 1935. Муссолини, кажется, собирается начать в Абиссинии.
18 августа 1935. Сообщение из Парижа: попытка разоружения кончилась ничем. Теперь война с Абиссинией неизбежна. Фюрер счастлив. Рассказал мне о своих внешнеполитических планах: вечный союз с Англией. Хорошие отношения с Польшей. **Зато расширение на Востоке. Балтика принадлежит нам...** *(пропуск в тексте)*. **Конфликт Италия — Абиссиния — Англия, затем Япония — Россия уже у порога... Тогда придет наш великий исторический час. Мы должны быть готовы.** Грандиозная перспектива. Мы все глубоко захвачены.
23 августа 1935. Читал книгу Торглера... Отвратительное большевистское болото... Торглер уже на свободе.

Торглер вместе с Димитровым проходил по процессу по обвинению в поджоге рейхстага. Оправдан верховным судом[1].

5 октября 1935. Италия без объявления начала войну. Бомбежка и наступление. Ужасное напряжение последних недель разрешилось. Пушки гремят. Муссолини не позавидуешь. Но он мужчина... Наши связи с Японией. У нас так много общего. И япошки так же умны, как и учены.
19 октября 1935. У Муссолини отчаянное положение... Все это **началось на три года раньше, чем нам надо.** Фюрер ясно видит ситуацию. Точно знает, чего он хочет. **Вооружать и готовиться.** Европа вновь в движении. Если мы будем умны, останемся в выигрыше. **Только без сантиментов,**— *вторит он Гитлеру, подавляя страх.*— Придет ли война в Европу? Если да, для нас это слишком рано года на 3—4. Будущее народов не в нейтралитете, а в интервенции.— *Это вариации из высказываний Гитлера.*— Мы должны ждать и, если ничего не изменится, действовать.
9 декабря 1935. Слушал речь Муссолини. Твердая и беспощадная. Никаких компромиссов. Если так, он идет к катастрофе. Но кто знает!
23 декабря 1935. Иден назначен преемником Хора, министра иностранных дел Англии. Для нас неудачно. Иден антифашист и антинемец. Плохая замена. Он, однако, сделал головокружительную карьеру.
29 декабря 1935. Воспоминания Пилсудского. Жизнь бойца! Что за время, в котором живут такие люди! Я прямо горд, что я современник этого великого человека.
1 января 1936. У итальянцев дела очень плохи. Муссолини совершенно утратил разум.

В Абиссинии начался период дождей, и отступающим итальянцам не удается зацепиться, укрепить позиции. Те-

---

[1] В дневнике Геббельса 25.I.1937: «Торглер будет получать от фюрера 800 марок ежемесячно. Он может заниматься научной работой, но не появляться публично».

Из примечаний Э. Фрёлих: Торглер написал (1935) книгу против коммунизма и вскоре был выпущен на свободу. С 1940 г. работал на радиопередатчике Геббельса на Францию.

Обход почетного караула (6 апреля 1935 в Данциге)

перь Геббельс поносит своего недавнего кумира — «у него совсем нет эластичности» — и противопоставляет Муссолини фюрера: «фюрер лучше умеет выбрать подходящий момент».

И неожиданно фюрер посчитал, что наступил подходящий момент нарушить положение Версальского договора.

Версальским договором (1919) была установлена Рейнская демилитаризованная зона. На обоих берегах Рейна, на немецкой территории, граничившей с Францией, Бельгией и Голландией, Германия обязывалась не иметь войска, вооружения. Это обязательство было подтверждено Германией Рейнским пактом, заключенным в Локарно (1925). Гарантами пакта стали Великобритания и Италия.

29 февраля 1936. Проблема ремилитаризации Рейнской области. Еще рано,— *вновь в тревоге Геббельс.*— В Париже обсуждается пакт с Россией... Я против действий в этот момент.

Но в сфере большой политики он не имеет своей доли участия. Да и кто ее имеет? При этом государственном устройстве все решает единолично фюрер. Все прочие — исполнители, соперничающие в своей рьяности, ловящие

одобрение фюрера. И Геббельс подбирает со стола фюрера те или иные суждения и провозглашения, умеряя свои опасения.

К ремилитаризации Рейнской области Гитлер готовится под прикрытием демагогического призыва к обновлению союза народов, пакта о ненападении с Францией. «Этим будет устранена острая опасность, снята наша изоляция, наш суверенитет наконец восстановлен» (4.3.1936). Но при этом «фюрер сидит на раскаленных углях», и у Геббельса нервы на пределе. Еще бы, ведь сильная Франция (она в то время куда сильнее Германии) может ответить на дерзкое нарушение Версальского договора оккупацией Рейнской области. Это было бы для Гитлера страшным поражением.

2 марта 1936. Пришел фюрер. Теперь он твердо решился. Его лицо излучает спокойствие и уверенность. Он представил мне и Папену, который тоже здесь, все основания. Это вновь критический момент, но мы должны действовать,— *подбадривает себя Геббельс.*— Храброму принадлежит мир!.. Вновь делается история! — *Эти последние формулировки, как и утверждения, что будущее за интервенцией,— переложение в дневнике высказываний Гитлера.*

И 7 марта 1936 года войска Гитлера неожиданно вошли на берега Рейна в демилитаризованные зоны. И остались. Сошло. При попустительстве гарантов. Разорван ненавистный немцам Версальский договор — триумф Гитлера. Обещание Гитлера уничтожить Версальский договор являлось большим стимулом для вступления в партию, говорил в своих показаниях Геринг на Нюрнбергском процессе.

«Для немцев «Версаль» означал не столько поражение... сколько запрет армии, запрет на священнодействие, без которого они едва ли представляли себе жизнь,— утверждал немецкий писатель Э. Канетти.— Запретить армию было все равно, что запретить религию». И без армии немцы испытывали страх (Э. Куби).

Возликовавший Геббельс назвал в своей речи Гитлера гениальным.

8 марта 1936. Успех в неожиданности.— *Так опробован впервые этот прием, который не раз будет применен Гитлером при агрессивном вторжении его войск в чужие земли. Первое же попустительство Гитлеру обернулось подстрекательством.*

9 апреля 1936. В Женеве дурацкая суматоха. Англия и Франция вцепились друг другу в волосы. Муссолини пока что колотит Негуса.

2 мая итальянские войска овладели Аддис-Абебой — столицей Абиссинии.

3 мая 1936. Негус бежал в Джибути. Муссолини победил. Что сделает теперь Англия и так называемый Союз наций! Нужна сила, чтобы победить. Все остальное чепуха.

27 мая 1936. Дирксен рассказывает о Японии. Сильное внутриполитическое напряжение. Император очень слаб. Но военная каста удержится. Война с Россией, видимо, неизбежна.

29 мая 1936. Разговор о внешней политике. Фюрер видит совершенно ясно: **Соединенные государства Европы под немецким руководством.** Это выход.

9 июня 1936. Фюрер предвидит конфликт на Дальнем Востоке. **Япония разгромит Россию. Этот колосс рухнет.** Тогда и настанет наш великий час. **Тогда мы запасемся землей на сто лет вперед...** Еще долго с фюрером наедине. Он не любит размалеванных женщин. Высоко ценит Магду за то, что она осталась простой, безыскусной женщиной. Поэтому Эдда Муссолини не произвела на него хорошего впечатления. Такие женщины не подарят нации здоровых детей.

20 июня 1936. Иден объявил о прекращении санкций. Полный триумф Муссолини. Беспримерное поражение Англии... Муссолини блефовал, но и действовал.

4 июля Лига Наций отступилась, отменила санкции против Италии. Но война, начатая в одном очаге, не осталась локальной — в Испании вспыхнул мятеж генерала Франко. Разгоралась гражданская война. «В Испании продолжается путч. Будем надеяться — удастся». Германия и Италия в помощь Франко отправили самолеты, танки вместе с экипажами. 70-тысячное итальянское войско воевало на стороне Франко. «В Испании все решается...» «Франция играет в нейтралитет. А Советская Россия открыто выступает за Испанию» (8.8.1936).

Это было время, когда советская и западная гуманитарная интеллигенция сплотились в готовности противостоять итало-германскому фашизму.

«В Испании националисты делают успехи. Надеюсь, они продержатся. Надо суметь передать им оружие» (11.8.1936). «Россия увеличила свою армию на 500 000 человек. На это мы скоро ответим двухгодичным сроком службы» (13.8.1936). «В Испании националисты делают успехи. Это наши самолеты» (15.8.1936). Германское авиасоединение «Кондор» разбомбило город Гернику, унич-

С дочерью Хельгой (лето 1935)

тожило его мирное население. Потрясенному миру предстал зловещий образ фашизма и грядущей войны.

...Испания. Интернациональные бригады. Испанские дети, вывезенные из очагов войны в Советский Союз. Для нас, школьников старших классов, день начинался с возгласа: как там сегодня в Мадриде?

Когда в 1979 году в Мадриде автобус привез нас, группу туристов, к старинному университету и стал объезжать его городок, я, с волнением всматриваясь, искала здесь следы драматических арьергардных боев республиканцев. А в Толедо меня притянуло к памятнику погибшим фалангистам, с героической стойкостью державшихся вместе с женами в осажденной республиканцами крепости Альказар. То, что существовало для меня в давние годы испанских событий, да и много позже, лишь в одном измерении, представало в двуединстве Испанской трагедии.

21 октября 1936. Фюрер подписал договор с Японией. Союз против большевизма.

22 октября 1936. Мы построим величайший в мире радиопередатчик. Москва задрожит.

Германия направила России резкую ноту против вмешательства в Испании и предприняла ответные меры, запи-

сывает Геббельс. «Франко после жестокой борьбы вошел в Мадрид. Но труднейшее еще предстоит. Наши добрые пожелания и наши самолеты с ним» (9.11.1936).

Но уже на следующий день: «Новые известия из Испании. Они плохо ведут войну. Все время увиливают. Один Франко человек. Русским мало что удастся с переправкой оружия. Наши подлодки на страже» (10.11.1936).

«СОБСТВЕННОСТЬ ОБЯЗЫВАЕТ И КРЕПКО ПРИВЯЗЫВАЕТ»

В этот период живой интерес Геббельса переместился в сферу личной жизни. Умножение и освоение загородных поместий — предмет первоочередных его забот. На гонорар, полученный за книгу «От Кайзергофа до имперской канцелярии», он приобрел дом в Ванзее на полуострове Шваненвердер. Гитлер позаботился, чтобы глава концерна национал-социалистической прессы Макс Аманн выделил Геббельсу деньги «и улучшил мое жалованье». «Получил деньги для Шваненвердера. Аманн как всегда великодушен. Я так благодарен фюреру». «С деньгами все в порядке».

Вскоре Геббельс прикупает еще участок земли в Шваненвердере и отстраивает с размахом дом с кинозалом, с флигелями и проч. «Наконец, прибыли в Шваненвердер. Здесь все очень красиво. Магда прямо перетрудилась».

20 апреля 1936. Фюрер счастлив нашим счастьем, от всего сердца радуется за нас. Надеюсь, мы тоже можем предложить ему маленькое убежище... Он хочет, чтобы все мы, правительство, где-нибудь осели. Это даже необходимо. **Собственность обязывает и крепко привязывает».**

К юбилею —10 лет во главе гау — в 1936 году Геббельс получает «дар города Берлина»: еще один дом, на Богензее,— учтена склонность юбиляра к приобретению домов.

Дома на озерах, шикарные машины, новые модели дорогих яхт. Ненавистник буржуазии, Геббельс входит во вкус буржуазного уклада жизни. (Вспоминается, как он поносил своих партийных коллег: «Воля к власти превращается в путь к пирогу».)

Гитлер теснее сближается с семьей Геббельса. Обменивается с нею рождественскими подарками. «Я подарил фюреру замечательную статую Зевса, которую нашли в 1925 г. Он совешенно восхищен. Замечательные пропорции. Нынешним есть чему учиться. 450 год до Рождества Христова».

В семье все в порядке. «Магда очень мила и хороша». «Хельга *(старшая дочь)* — наше счастье». «Я подолгу дискутирую с Магдой о Боге и о потустороннем. Ее маленькая головка думает здесь очень ясно и последовательно».

«У Хельги высокая температура. Я очень боюсь за нее. Как я люблю этого ребенка». «Я прямо дрожу за это хрупкое существо. Большая любовь приносит большое горе», не удержался от сентенции, а все же, может, любовью к ребенку ткется какая-то душевная ткань, отсутствующая. Но — рвется: «Хорошенько выпорол Хельгу. Она должна прекратить вечное вранье.— *В молодости признавался в дневнике, что сам — лжец.*— Здесь помогут только драконовские меры. Она своевольна и горда, но это не значит, что ей надо все позволять. Она поняла **этот новый метод.** Только быть папиной любимицей — это маловато».

Не в том лишь дело, что выпорол ребенка едва ли пяти лет, а в том, какое довольство собой, какое удовлетворение доставила ему эта порка. Тут уж высунулись уши садиста. И «новый метод» — экзекуции — будет очень скоро испробован им на других полигонах, доставляя садистское удовлетворение властью над жизнью людей.

Тем временем портреты дочери министра появляются на обложках журналов подведомственной ему прессы. Сам министр позирует художникам, ищущим его покровительства.

Третьими родами Магда наконец разрешилась долгожданным мальчиком. «Руки дрожат от радости... Дорогая, любимая... Рядом лежит малютка. У него лицо Геббельса. Я совершенно счастлив. Я готов все разбить от радости. Мальчик! Мальчик!.. Скоро загремят пушки. Рождение и смерть. Сын! Великая, вечная жизнь!» (3.10.1935).

Но бог мой, какая вечная, какая жизнь? Какое продление себя в сыне? Бедные, обреченные дети! «Я рожала их для фюрера и третьей империи»,— скажет Магда Геббельс в бункере в последние дни апреля 1945-го. «Жаль оставлять их для жизни, которая наступит после нас»,— перед тем как умертвить детей, напишет она в прощальном письме Харальду, старшему сыну от первого брака, уцелевшему от смертоносной материнской длани в далеком американском плену.

В «Дополнение к завещанию Адольфа Гитлера» (Берлин, 29 апреля 1945, 5 ч. 30 м.) д-р Геббельс тут же написал: «Моя жена и мои дети присоединяются» к решению до конца остаться в бункере,— заявил он со всей зловещей ложью от имени маленьких обманутых детей, которых до

Семья Геббельса. Дети (справа налево): Хильде, Хельга, Хельмут на руках у матери

последнего часа заверяли, что они с «дядей фюрером» скоро выберутся из бункера и куда-то полетят.

Апофеоз культивированного фашизмом насилия, узурпации власти над жизнью — и вот в ее самом сокровенном обличье — в детях.

«НАДО ПРИСУЖДАТЬ ТОЛЬКО К СМЕРТИ. ТАК ЖЕ ЗА УБЕЖДЕНИЯ»

«Новый спортивный «мерседес». Замечательно! Я так счастлив. 2 сиденья. Прекрасная форма и мотор».

Как ни тешат министра виллы, автомобили, яхты, посыпавшиеся один за другим дети — с 1932 по 1940 год Магда родила шестерых — и широкая реклама его показательной немецкой семьи в подведомственной ему прессе, Геббельсу недостает конфликта, остроты. Призываемый им покой — этот «родитель всех великих мыслей» —

для Геббельса бесплоден: мыслей нет. Гложет внутреннее «я» — утвердившийся в нем маньяк насилия под псевдонимом «мой внутренний демон». И свою долю власти Геббельс не намерен упустить, сама власть — сладчайший пирог. Для Геббельса же власть — прежде всего насилие.

«СА, охрана лагеря. Рассказывают о заключенных. Отбросы! Надо их искоренять. Мы слишком гуманны!»

«Эти древние княжеские семейства, Габсбургов и Бурбонов, надо убивать как крыс».

«Я жалуюсь на слабость приговоров за измену родине. За это надо присуждать только к смерти. Так же за убеждения».

Но приходится повторить вслед за Эльке Фрёлих, что в этот период на долю министра Геббельса вообще-то остались только попы и евреи; гонением на них он и занят.

15 июля 1935. Телеграмма из Берлина. Еврейская демонстрация против антисемитского фильма.

19 июля 1935. Иностранная пресса твердит о «погроме».

21 августа 1935. Керлл получил полномочия в церковной политике. Он поджарит строптивых попов.

«Пастырское послание католического епископа. Очень резкое. Но в конце молитва за правительство. А, они молятся, а мы действуем. Каждому свое».

6 сентября 1935. Во внутренней политике еще много проблем. Вопрос о вероисповедании, о ценах и о евреях... Насчет католицизма фюрер настроен очень серьезно. Неужели уже сейчас начнется борьба? — *тревожится он.*— Надеюсь, что нет. Лучше отложить.

И сам же сетует: «Нерешительное время».

13 сентября 1935. Прокламация фюрера: враги государства — марксисты, клерикалы и реакция. Беспощадная борьба без компромиссов.

25 сентября 1935. Говорит фюрер. Такого я еще не слышал. Почти пророчески. Против новых основателей религий. Ясность в еврейском вопросе. Никакого «снисхождения» к неарийцам. Монументальное представление о внешней политике. На этом человеке благодать.

«Расовая политика» в действии означала произвол по отношению к лицам «негерманской крови». Те из них, кто въехал в страну после 1914 года, были высланы, въезд в Германию допускался теперь только лицам «германской крови».

На партийном нацистском съезде в Нюрнберге принимаются «Judengesetze» («Законы о евреях»), так называемые «Нюрнбергские законы».

15 ноября 1935 *(в рейхстаге)*. Обсуждение Judengesetze. Компромисс, но наилучший из возможных. Четвертьевреи присоединяются к нам, полуевреи — только как исключение. Ради бога, лишь бы наступил покой.

«Мы считали необходимым не допускать существования никакой оппозиции»,— признал на процессе в Нюрнберге Геринг.

Германским фашизмом евреи не ассимилированы, уже тем самым они обречены были считаться врагами — оппозицией, пятой колонной демократии и либерализма. Нацизму нужно было отторгнуть немецкий народ от евреев, природненных Германией, проживших с ней века, давно обретших на немецкой земле свою родину, сражавшихся в рядах ее армий и погибавших ее солдатами, умножавших славу Германии достижениями в науке и культуре.

Вступают в действие 15 сентября 1935 года так называемые Нюрнбергские законы, усиливается преследование евреев в Германии.

«Сбить с памятника погибшим в войну еврейские имена»,— записывает Геббельс в ноябре 1935-го.

Главнокомандующим генерал-полковником фон Фричем была предложена лаконичная программа истребления оппозиции, предусматривающая проведение «трех битв»: «1. Битвы против рабочего класса. 2. Против католической церкви или, точнее говоря, против ультрамонтанизма. 3. Против евреев».

Разгромом профсоюзов, захватом их имущества и фондов, арестами руководителей покончено с организациями, защищающими интересы рабочих. (Еще памятны были баррикады 1918 года восставших против продолжения войны рабочих.) И запрещены любые объединения, сплачивающие рабочих. Так что с битвой № 1 управились, закрепив ее успех учреждением «Немецкого народного фронта» во главе с испытанным нацистом д-ром Леем. И декретом о принципе фюрерства в промышленности. Предприниматель — фюрер.

«Битва» государства против евреев разгоралась. На основании Нюрнбергских законов евреи изгонялись из всех сфер немецкой жизни. Они лишались гражданства, оказывались вне закона.

На очередь встала борьба с еще одной оппозицией — с католической церковью.

Если перед тем евреи шли в связке с социал-демократами, с коммунистами, то теперь, после физического

разгрома политической оппозиции, они предстают совсем в новой связке: католики и евреи.

Поразительный документ: Адольф Эйхман возглавлял всю «исполнительскую власть» по введению в действие и осуществлению государственной политики «расы господ» на всех этапах преследования и уничтожения евреев. А в системе власти, какую Гитлер давал своим активным сообщникам над жизнью людей, для Эйхмана (или Освальда Поля, начальника концлагерей) власть была наиболее безграничной. Эйхман был начальником отдела IV-A-4 в системе гестапо, в главном имперском управлении безопасности. Этот отдел имел всего два подотдела: первый по делам церкви, второй — по еврейскому вопросу. **Такое вот сближение проблем.**

И начинается террористический поход против католической церкви.

29 мая 1936. Большой процесс о безнравственности против католических священников. Все —175 (*175-я статья уголовного кодекса, карающая за гомосексуализм*). Фюрер считает это характерным для всей католической церкви.

В ход пущены самые низменные средства для дискредитации церкви. Втоптать в грязь, добиваться коллективной ненависти, которая тем успешнее становится достоянием каждого в отдельности. Тот же метод, что в антисемитской пропаганде.

4 июля 1936. Суровый приговор католической церкви и ее монастырям по 175-й. Это надо выжечь... В Женеве ничего нового. Только чешский еврей попытался покончить с собой, чтобы привлечь внимание мира к положению евреев в Германии.

11 октября 1936. Католическая церковь — банда педерастов.

И вдруг — процессы приостановлены.

21 октября 1936. Процессы против католической церкви пока прекращены. Может, кончится миром, во всяком случае временным. Для борьбы с большевизмом. Фюрер хочет поговорить с Фаульхабером (*видным католическим проповедником*).

В дневнике раскрывается зловещая провокация Гитлера, циничный шантаж — этот процесс предпринят им с целью заставить церковь примкнуть к нему, действовать с ним заодно, подчиниться.

10 ноября 1936. Фюрер рассказал о разговоре с Фаульхабером. Он крепко взял его в оборот. Или вместе против большевизма, или — война с церковью. Тот совершенно беспомощен. Нес чепуху о догмах и тому подобное. Пусть издохнет со своими догмами.

«НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ НАРОДА ОТДАЕТСЯ В МОИ РУКИ»

Во внутренней политике не все гладко. Геббельса многое тревожит. То фюрер недоволен его культурной политикой. То фюрер же несправедливо потворствует выдвижению старых бонз, как более опытных бюрократов. То Гесс притесняет кое-кого. То жена Геринга «как королева» — чересчур величественна и нарядна, что неприятно фюреру. А «Борман порой невыносим, так важничает!». Однако: «Что делать с искусством? Те, кто что-то умеют, по большей части идут еще в старом фарватере. Наша молодежь еще не созрела. Людей искусства сфабриковать невозможно. Но вечное ожидание в пустыне тоже ужасно. Но сейчас худшее я изгоню». И принимается за выдающегося скульптора, 65-летнего Э. Барлаха, национальную гордость: «Запретил глупую книжку Барлаха. Это уже не искусство, это разрушение, бессмысленная работа. Отвратительно! Этот яд нельзя пускать в народ».

Изгнать из страны, бросить в тюрьму, уничтожить, учинить слежку, перлюстрацию корреспонденции, запретить издание — все это во власти фюрера такого ранга, как Геббельс. Права и полномочия его никакими правовыми нормами не обусловлены, не ограничены. Судья над ним один лишь Гитлер, его общие указания, пожелания, одобрение или порицание. Девиз же новой тетради Геббельса «Чем жестче, тем лучше».

29 августа 1935. Свинья из Н. С. (*национал-социалистического*) культурного общества Херцог грубо оскорбил Магду. В тюрьму!

11 сентября 1935. Собрал против Шахта материал, который фюрер хотел получить.— *По части подноготных дел Геббельс большой дока.*— Материал просто уничтожающий. Председатель рейхсбанка в ночной рубашке!

Еще загодя, до 1933-го, когда в партии делили будущие властные посты, Геббельс обеспечил себя: «Обсуждали с фюрером... министерство народного образования, в котором соединятся кино, радио, новые центры образования, искусство, культура и пропаганда. Революционная должность, которая будет централизована... Великий проект, в таком роде в мире еще ничего не было»... Словом, «**национальное воспитание народа отдается в мои руки. Я с ним справлюсь**»,— с бесцеремонным самодовольством записывал он.

А поскольку фюрер «непоколебим» в отношении любых политически безобидных объединений — в них «он видит опасность 175-го», как, впрочем, и повсюду,— то и Геббельс

«проблему книжной политики» в свете «национального воспитания народа» улаживает с фюрером под тем же углом зрения: «Немного эротики надо оставить, не то у нас все станут 175-ми».

И еще из области национального воспитания: о расовых законах. «Только не надо слишком заорганизовывать,— озабочен Геббельс.— И не строить любовную жизнь по бюрократическим законам». На этот счет у Геббельса имеются на сей день свои персональные резоны. Хотя вообще-то никакого разнообразия человеческой природы не признается. Празднуется стандарт.

Нестерпимы интеллигенты, но без них, без деятелей культуры, в интересах нацистской политики не обойтись. «Иметь дело с людьми искусства — это тоже искусство. Они обращаются с деньгами как с дерьмом». Иные, правда, жалуются на «неприятности с налогами», обирающими их. «Я выступлю против этого».

21 сентября 1935. Трагедия Жени Николаевой. Не арийка. Мать полуеврейка. Она очень плачет. Хотел бы ей помочь. Подам заявление фюреру.

Власть над судьбой жертвы «чистоты расы», власть даровать «арийскость» питает самоутверждение Геббельса:

24 июня 1936. В законном порядке объявил Юго и Люси Энглиш (*известные актеры*) западными, а Гильденбрандт (*артистку*) и полуеврейку Николаеву (*балерину*) нордическими. Нелепость нордического расизма, который смотрит не на убеждения и манеру держаться, а на обесцвеченные перекисью водорода волосы (*т. е. блондин ли?*). Я приму меры. Партайгеноссе 1933 года, который защищает свой расовый идеал.

Как не яриться Геббельсу, когда самому приходится обороняться при несоответствии его внешности требованиям арийского стандарта, хотя он расово безгрешен: мать, как выясняется в его воспоминаниях,— голландка. Оно бы лучше, если б немка, но и голландка — арийка.

Германию покинули и продолжают покидать писатели, артисты, ученые. Но немало деятелей культуры остается — те, кто не в силах разлучиться с родиной, кто надеется и в этих неблагоприятных условиях служить ей своим талантом. И те, кто с взволнованным национальным чувством принял на первых порах национал-социалистическую революцию. Среди оставшихся в нацистской Германии композитор Рихард Штраус, он занял пост президента музыкальной палаты. Но вскоре ушел с этой престижной должности.

«Рихард Штраус написал исключительно низкое письмо еврею Стефану Цвейгу. Стапо (*гестапо*) поймало его. Теперь и Штраусу придется убираться. Тихое прощание. Все эти художники совершенно бесхарактерны политически. От Гёте до Штрауса. Прочь!» Теперь Геббельс созрел до того, чтобы некогда «божественного» Гёте, будь тот у него под рукой, изгнать из Германии. Но готовых сотрудничать, служить новому режиму среди работников культуры достаточно. Особенно среди тех, кто метит в фюреры цеха.

В бункере Гитлера среди прочих бумаг оставались отобранные из потока поздравительные письма ко дню рождения, списки денежных переводов и других подношений. Верноподданнейшие письма, преисполненные благодарности «за Ваши огромные благодеяния, которые мне и моей семье в таком изобилии выпадают»,— это слова главы тогдашнего товарищества художников Бено фон Арента. О «верности и безграничной любви к Вам и благодарности» пишет дирижер Франц Адам.

Лизоблюдов хватает, а в культуре, в искусстве — пустоты. Дело зашло далеко.

13 декабря 1935. Штрейхер написал мне письмо в защиту еврейской оперетты. Бывают же чудеса.

21 января 1936. Фюрер явно недоволен нашей культурной политикой. Я должен предпринять кадровые перестановки. Я не могу терять доверие фюрера из-за пары никчемных людей.

27 февраля 1936. Фюрер и люди искусства у нас дома. До 5 утра. Фюрер замечательно говорил о колебаниях стиля и вкуса в последние 30 лет. Революция во всех областях.

За два года до захвата власти Геббельс уже присматривался, брал на заметку: «Смотрел с Магдой фильм «М» Фрица Ланге. Замечательно! **Против гуманных разглагольствований. За смертную казнь!** Ланге еще будет нашим режиссером».

Но и в кинематографе дело не движется. «Больше современного материала. Время внеполитического кино ушло. Надо поспевать за временем,— требует он от режиссеров.— Это наш единственный шанс».

Что же делать? «Людей искусства сфабриковать невозможно», это он понимает. Выход найден, и вполне по-геббельсовски: заставить критику замолчать.

Итак: **«проблема критики».**

Геббельс на премьере в Немецком театре. Справа Магда Геббельс

26 октября 1936. Фюрер со мной согласен. Совещание о критике. Я совершенно запрещу критику искусства. **Никто в общественной жизни не будет больше критиковаться прессой,** и люди искусства тоже не должны быть добычей прессы,— *что и создаст иллюзию благополучия в этой области.*

29 октября 1936. Штрейхер ругает критику. Не без оснований. Я с ней покончу. Последний пережиток из демократических времен. Долой его!

«БОКС, БОКС»

«В науке народное государство должно видеть вспомогательное средство для развития национальной гордости. Не только мировая история, но и вся культурная история должна изучаться с этой точки зрения». «Учебный материал должен планомерно строиться с этой точки зрения и воспитание систематически вестись так, чтобы из школы выходил не полупацифист, демократ или еще что-то, а настоящий немец». «И это воспитание с точки зрения расы получает завершение на военной службе».

В соответствии с этими установками «Майн кампф» программа школьного обучения менялась, учебники переписывались. Министерство Геббельса следило за тем, чтобы в школах и в высших учебных заведениях насаждалась расовая доктрина Гитлера, вводился курс расовой науки о немцах как высшей расе и о злодеях-евреях.

«Школьная программа: поменьше наук и каждый день физкультура. Бокс, бокс. Зачем все учат язык, который понадобится лишь немногим. Достаточно изучить грамматику, лексику не надо. Общие представления». Общеобразовательные дисциплины в соответствии с этими установками Гитлера вытеснялись физкультурой. Пока армия в Германии не была легализована (до 1935), под видом занятий физкультурой шло тайное военное обучение.

«Дайте немецкой нации шесть миллионов спортивно безупречно тренированных тел, пылающих фанатической любовью к родине и воспитанных в высочайшем духе натиска, и национальное государство, когда будет необходимо, меньше чем в два года сделает из них армию»,— заявляет Гитлер.

Житель Ржева Ф. С. Мазин, подростком переживший вторжение гитлеровской армии в 1941-м, оккупацию города и отход немцев в 1943-м, писал мне:

«Первое время в начале войны вот те немцы, которые тогда шли, были какие-то и ростом выше и сложением лучше, когда я впервые увидел немцев, создавалось впечатление, что как будто бы какое стадо гусей — в общем отборные. А потом уже не то совсем». «Иногда вспоминаешь теперь, какими гусями бросалось человечество, а после войны уже остается не то из мужского поколения».

В 1936 году в Берлине состоялась спортивная олимпиада. Впоследствии на Западе с самоосуждением писали, что олимпиаду следовало игнорировать. Но это впоследствии. А тогда все команды, и гости, и 1200 иностранных журналистов съехались на этот спортивный праздник в нацистскую столицу. Это было чрезвычайно престижно для фашистской Германии, было признанием ее и поддержкой.

Немцам предстояло померяться на спортивных площадках с американцами — это наиболее занимало Геббельса. Он посылает лазутчиков — приглядеться, что да как в том стане.

15 января 1936. Фон Вальдек докладывает о поездке в Америку. Бескультурная страна. Они умеют только одно и делают это со рвением:

технику и кино. Они внутренне совершенно не интересуются Европой. У них 12 миллионов негров и 7 миллионов евреев. Ясно, что они не могут понять наши расовые законы. Им это не нужно.— *А поскольку мерилом культуры для Геббельса служит расовая политика, то он чувствует себя в полном превосходстве перед американцами.*— Пусть себе делают кино и строят машины.

Предстоит предварительная встреча выдающихся боксеров.

20 июня 1936. В 12-м раунде Шмелинг побил негра. Удивительная, драматичная борьба. Шмелинг сражался за Германию и победил. Белый побил черного, и этот белый — немец!

2 августа состоялось открытие олимпиады. Нацистской Германии представилась возможность показать себя миру. Иностранцы были восхищены высоким уровнем организации спортивных игр, праздничностью.

5 августа 1936. Мы, немцы, сегодня получили одну медаль, американцы три, из них две — негры. Это позор. Белое человечество должно стыдиться. Но какое это имеет значение в той бескультурной стране? — *А Франция «обнегривается» назло Германии, как сказано в «Майн кампф».*

Олимпиада взбадривает манию Гитлера — стать во главе Всемирной империи. Он скажет своему любимому архитектору Альберту Шпееру[1], и тот приведет его слова в своих воспоминаниях о том, что спортивные игры олимпиады в последний раз в 1940 году состоятся в Токио. Но в дальнейшем навсегда — только в Берлине. Гитлер видел уже под собой Всемирную империю.

1937, 1938

Нацистская партия годами готовилась к захвату власти, роли были распределены, портфели розданы заранее. Взламывая сложившуюся государственную систему, нацисты действовали быстро, жестоко, безоглядно, обрушиваясь террором на потивников и на заподозренных в несогласии с ними. Все, кто способен был на мужество сопротивления, уничтожались. Всюду введены партийные структуры. Наместники в лишенных самостоятельности землях обеспечивали на местах власть Гитлера.

Захватив власть, новое руководство страны приступило к осуществлению перевооружения. Удалось обуздать безработицу. Четырехлетний план, проведение которого возглав-

---

[1] А. Шпеер — впоследствии министр вооружения.

«Eintopfessen» — густой суп, заменяющий первое и второе блюдо. Призыв довольствоваться таким обедом был брошен геббельсовской пропагандой немцам. (Подобно призыву: «Пушки вместо масла!»). На снимке Гитлер и Геббельс за таким демонстративным обедом из общего котла со служащими рейхсканцелярии

лял Геринг, должен был подчинить всю экономику Германии подготовке к войне. «Пушки вместо масла!» В успешности осуществления в короткий срок сложных задач, при всех других факторах, мне кажется, решающим оказалось то, что нацистам удалось увлечь народ и узурпировать национальный гений трудолюбия, организованности, исполнительности немецкого народа.

«РОССИЯ ТЕРПЕЛИВА»

Такая странность эта магия чисел, дат, совпадений.

Год 1931: Самоубийство племянницы Гитлера, с которой, как считают его биографы, Гитлер состоял в любовной связи. Самоубийство жены Сталина.

Год 1934: В Германии «Ночь длинных ножей», убийство Гитлером старых сотоварищей, среди них Рема, стоявшего у самого корня нацистской партии, и сотен штурмовиков. Смертельная расправа настигла и других людей из числа старых и новых противников Гитлера или подозреваемых им в ненадежности.

Вскоре, в начале июля 1934-го, в Москве на Политбюро зашла речь об этом терроре в Германии. К неожиданности для членов Политбюро, вероятно успевших хором осудить Гитлера, Сталин воскликнул: «Молодец этот Гитлер! Он показал, как надо поступать с политическими противниками!»[1] И еще до конца этого 1934 года, 1 декабря, было совершено убийство С. Кирова — сподвижника Сталина, популярного в партии человека. Это убийство было предвестьем последовавших кровавых расправ.

1937—1938: всеохватная агрессивность. В Германии 1937-й — подготовка к агрессии, 1938-й — аннексия Австрии, оккупация Судетской области и подступ к следующему этапу захвата Чехословакии. В Советском Союзе — большой террор.

Гитлер и Геббельс неотрывно следят за тем, что происходит в Москве. Поначалу в январском процессе они усмотрели некое партнерство Сталина с ними.

25 января 1937. В Москве снова показательные процессы. Снова, очевидно, против евреев. Радек и проч. Сталин прижмет евреев. Военные, должно быть, тоже настроены против евреев. Надо следить и ждать.

С нетерпением они ждут падения и ареста Литвинова. Но возникает недоумение:

26 января 1937. Обвиняемые «сознаются» во всем. Им дали какой-то тайный яд. Или они в гипнозе, иначе это просто невозможно понять... Советы безумствуют. Московский процесс уже никого не обманет. Варварская страна с методами Ивана Грозного. Бломберг (*военный министр*) высоко ценит их армию, но фюрер с ним не согласен.

27 января 1937. В России продолжается показательный процесс... Фюрер описывает неорганизованность и безнадежность России... Там царит безумие. Они воздействуют на обвиняемых ядом или гипнозом. Ясно, что дело неладно.

31 января 1937. 13 смертных приговоров в московском показательном процессе. Это следовало ожидать.

«В отличие от Сталина Гитлер отказался от показательных процессов,— пишет немецкий историк М. Штюрмер.— Но угроза смерти, пыток и концентрационного лагеря была повсюду». Выразителен документ совещания с государственной важности грифом — «весьма секретно» — 23 мая 1939: «По истечении шести лет положение в нашей стране на сегодняшний день следующее: за небольшим

---

[1] Присутствовавший на Политбюро А. Микоян рассказал об этом переводчику Сталина В. Бережкову, приведшему эти слова в интервью советскому телевидению 12.5.1989.

исключением достигнуто национально-политическое единство». Те, кого нельзя полагать состоящими в этом единстве,— уже в концлагерях.

Февраль поставляет новые наблюдения:

3 февраля 1937. В России кризис и вечные аресты. Теперь Сталин примется за Красную армию. Но та, похоже, вооружается. Литвинов в шатком положении.

«В Москве все новые аресты. Сталин расчищает себе место».

В апреле сенсация: «Ягода арестован. За «тяжкие преступления». Он только что был столпом Советского Союза. Революция пожирает своих детей». «Тухачевский арестован. Кажется, в Москве черт вырвался на волю» (6.6.1937). «У Сталина страх перед предателями».

15 июня 1937. Убийства в Москве взволновали весь мир. Говорят о серьезнейшем кризисе большевизма. Ворошилов издал приказ по армии: старая песня — троцкисты. Разве в это еще кто-нибудь верит? Россия терпелива.

И наконец эти два безумца Гитлер и Геббельс сочли, что Сталин пересек «норму», укоренившуюся в их представлении.

10 июля 1937. Сталин психически болен, иначе невозможно объяснить его кровавый режим. Но Россия теперь не хочет знать ничего, кроме большевизма.

В ноябре, декабре все то же: советский посол в Варшаве отозван и арестован. «У Сталина щепки летят». «В Москве продолжают сажать дипломатов». «Пахнет арестом Литвинова», но как раз это событие, так лихорадочно ожидаемое ими, не происходит. «Сталин снова продолжает расстреливать».

22 декабря 1937. Много говорили с фюрером о России. Сталин и ... (*пропуск в тексте*) больны. Сумасшедший! Иначе все это невозможно объяснить.

«Больной. Поврежденный мозг» (28.12.1937).

И в январе 1938-го без изменений.

Но впоследствии, когда его генералы будут проигрывать сражения на Востоке, отступать, Гитлер, горя к ним ненавистью, посчитает их предателями, тогда какие только слова одобрения задним числом не раздадутся в дневнике Геббельса по поводу сталинских процессов и самого Сталина, предусмотрительно истребившего своих генералов, заменивших их молодыми, народного происхождения полководцами.

Так они учатся друг у друга.

«НАМ НЕ НУЖНЫ ЭТИ НАРОДЫ, НАМ НУЖНЫ ИХ ЗЕМЛИ»

В 1936 году, как выясняется из записи от 22 октября, уже упоминавшийся глава концерна прессы Аманн покупает у Геббельса дневники.

«Я продал Аманну свои дневники. Опубликовать через 20 лет после моей смерти. 250 000 марок сейчас и 100 000 каждый год. Магда и я счастливы». Это была крупная денежная сделка. Геббельс еще усерднее ведет дневник, политический, выхолащивая его почти от всего привходящего. «Эти записи — мое прибежище»,— предваряет он девизом очередную тетрадь 7 ноября 1937-го. Но это совсем не так. Он не ищет укромности в дневнике. И раньше Геббельсу нужен был если не непосредственно тотчас читатель, то во всяком случае подразумеваемая им в дальнейшем некая внемлющая его дневнику аудитория. Теперь, когда дневники так счастливо пристроены, определилась на будущее их судьба, Геббельс ощущает себя посмертно закрепленным в истории и с оглядкой на нее корректирует записи и себя в них. Язык записей топорен, без оттенков. Учащаются языковые погрешности. Исследователи сходятся в том, что в статьях и особенно в устных речах язык Геббельса точнее и выразительнее.

Находясь часто подле Гитлера, наблюдая его, Геббельс подвержен нередко тревоге, когда тот решается предпринять дерзкие акции. Но с первыми наглядными успехами опасения отступают, победительность фюрера пленяет, завоевывает его, освобождая от страха. Он становится все более пламенным трибуном, неустанным творцом мифа о Гитлере.

6 марта 1937. Шесть зарубежных немецких поэтов пришли ко мне. Я обсуждал с ними проблему зарубежных немцев. Вопрос власти. Молчать и вооружаться!

15 марта 1937. Австрия и Чехословакия. Мы должны получить их, чтобы округлить свою территорию. И мы их получим. У этих маленьких государств какая-то примитивная мания величия.

На пути к развязке — отторжению Судетской области от Чехословакии и дальше, к захвату Чехословакии,— в дневнике раздаются выкрики, подобные этим:

29 января 1938. Чехия просто куча дерьма. Возбуждать против нее ненависть со всех сторон — в наших интересах.

Пикантно, что как раз в это время он состоит в длящемся уже два года жгучем тайном романе именно с чешкой.

Повторяется в какой-то мере ситуация, когда его возлюбленной, нареченной невестой более четырех лет была полуеврейка Эльзе. Но это уже материал для психоаналитиков.

«Хорти *(диктатор Венгрии)* полон дикой ненависти к чехам» — с удовлетворением отметит он. Венгрия притязала на часть территории Чехословакии.

4 июня 1938. С этим дерьмовым государством надо покончить. Чем раньше, тем лучше.

И если невзначай Геббельс задумается: «Ненависть между немцами и чехами непреодолима. Сложная проблема, что делать в будущем с чехами?» (30.7.1938) или, отметив «прекрасную организованность» чешской социал-демократической партии, снова задается вопросом: «Что произойдет с 6 млн. чехов, когда мы возьмём страну? Сложный, почти неразрешимый вопрос» — сам же на него по-гитлеровски ответит: «Мы не хотим вскармливать эти народы, чехов и прочий сброд, напротив, мы их однажды изгоним. **Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли»** (22.8.1938).

«МЫ ДОЛЖНЫ СОГНУТЬ ЦЕРКОВЬ И ПРЕВРАТИТЬ ЕЕ В НАШЕГО СЛУГУ»

Гитлер, ускользающий, неожиданный, заботящийся о том, чтобы оставаться не познаваемым и своими политическими приспешниками, обычно предпочитающий проводить досуг в непритязательном обществе обслуживающего персонала: слуг, секретарш, диетической поварихи и скрываемой от посторонних глаз своей подруги Евы Браун,— это все тоже Гитлер.

«Гитлер был виртуоз власти...— пишет М. Штюрмер.— Он умел сочетать ледяное отчуждение и экстатическое объединение. Эта двойственность была инструментом его власти. Он сохранял дистанцию со всеми: с собственной партией, с традицией, с политикой, с армией, с церковью и промышленностью. Никто из помощников и сообщников не знал, как он его встретит завтра: ни старые товарищи, ни черные паладины, ни дамы из общества, ни генералы. Но неотступна была угроза мучительной гибели в гестаповских застенках, как и соблазн власти, жестокости и алчности».

20 февраля 1938-го в рейхстаге, подводя итоги пятилетнего правления нацистов, Гитлер сказал: «Нет учреждения в этом государстве, которое не являлось бы сейчас национал-социалистическим... Никто из занимающих ответственные посты в этом государстве не сомневается, что я — облеченный властью лидер империи».

На вопрос о ближайших сотрудниках Гитлера Геринг в

Нюрнберге ответил: «Ближайшим сотрудником был в первую очередь я. Затем ближайшим сотрудником — это слово не совсем правильно — был доктор Геббельс; Гитлер просто больше говорил с ним, чем с другими».

Тяготение фюрера к разговорам с ним и потом записи Геббельса в дневнике о состоявшемся общении, перекладывание в тетрадь высказанных фюрером намерений тренируют прилежного Геббельса в еще большем прилежании к начинаниям фюрера, к предугадыванию их. К тому же он — посвященный.

23 января 1937. Тайное соглашение о заключении германо-японского договора. Я тоже в этом участвую. Теперь будем зондировать и в других странах.

28 января 1937. Собрание у фюрера: он объясняет напряженность, указывает на силу России, рассматривает наши возможности... надеется, что у нас будет еще 6 лет, но, если подвернется очень хороший случай, мы его не упустим. Россия изо всех сил стремится к мировой революции. Это значит, что мы с каждым годом становимся сильнее. Ее истерические вопли склоняют к нам новых союзников.

Но: «У Парижа нет собственной линии. Диктует Сталин».

Антибольшевизм был постоянным демагогическим прикрытием нацизма, политической игрой на страхе буржуазно-демократических стран перед экспансией большевизма и извлечением выгод из этого страха.

Самый рьяный создатель мифа Гитлера, всегда на страже его непоколебимости, целостности, постоянно выступая и вызывая энтузиазм («Как хорошо выступать перед легко воспламеняемой публикой!»), Геббельс сам попадает в это заряженное, наэлектризованное им же поле. Утверждая культ фюрера, воспламеняясь от воспламенных им слушателей, он сам все очевиднее становится добровольным пленником мифа фюрера.

Если прежде, трезвея — от личной ли досады или от невысказанных вслух сомнений, несогласий с «шефом»,— он бывал критичен в дневнике, то теперь критика почти изгнана. Геббельс во власти самовнушений. В эту пору нарастающих решительных активных действий Гитлера ослепленность, восторженность умеряют тревогу Геббельса, страх, укрепляют уверенность в могуществе Гитлера.

«Арабы чтут фюрера, как святого». Посетив могилу родителей Гитлера в Линце, полон трепета: «Потрясающее чувство оттого, что здесь покоятся родители столь великого исторического гения». И как лестно быть вблизи божест-

Торжественное слово накануне дня рождения фюрера (19 апреля 1939).

ва. Но помеха величию Гитлера — конкурирующая католическая церковь.

5 января 1937. Католические епископы вновь выпустили против нас пастырское послание. Боги ослепляют того, кого хотят погубить.— *Но погубить их желает лично Гитлер, и Геббельс как всегда на подхвате.*— Фюрер считает, что христианство созрело для гибели.

6 февраля 1937. Фюрер мощно обрушился на церковь. Он прав! Они испортили нашу мораль и обычаи. Прежде всего обратили смерть в отвратительный ужас. В античности этого не было.

23 февраля 1937. Не партия против христианства, а объявить себя единственно подлинными христианами,— *примеривается Геббельс к формуле борьбы.*— И затем всей мощью партии против саботажа.

Но Геббельс попадает впросак. Гитлер идет куда дальше, он отрекается от христианства, пусть до поры не демонстративно. Христианство фашизму обременительно, враждебно, противопоказано. Культ фюрера — это идолопоклонство. Фашизм отступает в варварство, там ищет опору, культивируя варварство первобытных германцев в противовес христианству с его цивилизацией. Религией стал миф о расе, миф о фюрере. «Антисемитизм

Гитлера был еще и плохо скрытой формой «разрыва с христианством» (Норман Бирнбаум[1]).

11 марта 1937. Католики всегда противники государственной власти. Они должны ими быть в силу своей религии. Но почему же Ватикан так открыто блокируется с большевизмом? Загадка? Нет, тут тот же корень.

Возмутившись преследованием церкви, министр Эльц вышел из партии, из кабинета. «Все просто поражены этой бестактностью. У этих людей есть авторитет выше авторитета Родины: единоблаженная церковь». Добавлю, что фон Эльц отказался принять наивысшую награду — золотой значок нацистской партии — жест и вовсе немыслимый.

Наконец Ватикан издает энциклику против большевизма, то, чего добивался Гитлер.

27 марта 1937. Наконец-то они поступили решительно. Наглость высочайших, высоких и малых святош совершенно невыносима... Скоро мы с ними покончим.

2 апреля 1937. Звонок фюрера: он идет в атаку на Ватикан. Теперь начнутся процессы в Кобленце. Как пролог — ужасное убийство мальчика на сексуальной почве в бельгийском монастыре.

11 апреля 1937. Процесс Россента (*капеллана*) открыл наконец связь КПГ с католицизмом. Тем хуже для церкви. Мы без оглядки пойдем на все.

12 мая 1937. Долгий разговор с фюрером о проблеме церкви. Он приветствует радикальный поворот процесса против священников. Он не собирается превращать партию в церковь. И сам не собирается возноситься до Бога. Об этом серьезные разногласия с Гиммлером. **Мы должны согнуть церковь и превратить ее в нашего слугу.** Целибат отменить. Экспроприировать церковное имущество. Запретить изучать теологию до 24 лет. Этим мы отнимем у них лучшую смену. Монастыри распустить, воспитание у церкви изъять... Тогда они будут есть у нас из рук. Но первоочередное — процессы. Они идут по плану и вызывают огромное внимание. Все как мы хотели.

3 июля 1937. Пастор Нимёллер (*евангелический священник берлинской церкви*) наконец посажен. Получит такой приговор, что у него в глазах потемнеет. Больше он не выйдет... Только так можно его угомонить. Только без сантиментов,— *варьирует он эту установку Гитлера из «Майн кампф»*.

Мартин Нимёллер вместе с большинством протестантского духовенства поддерживал нацистов и приветствовал

---

[1] Н. Бирнбаум — американский социолог и историк права.

вступление Гитлера на пост рейхсканцлера. Но вскоре разочаровался в Гитлере, отказался признать духовную власть нацизма. Он возглавил часть разделившейся протестантской церкви — «исповедальную церковь», осудил антихристианскую суть режима, антисемитизм. Сотни пасторов «исповедальной церкви» и приверженных к ней мирян подверглись гонению, арестам. Только в 1937-м их было арестовано 807 человек. В этот же год Нимёллер стал узником Моабита. Из тюрьмы пастор Нимёллер был доставлен в концлагерь Заксенхаузен и позже переведен в Дахау. В последний раз в дневнике упоминается Нимёллер 22 декабря 1940: «Нимёллер просит о помиловании. Не может быть и речи». Он был освобожден из концлагеря англо-американскими войсками. Имя Нимёллера прозвучало на Нюрнбергском процессе в обвинительном заключении.

«Папство открыто высказалось против расового манифеста фашистов (*в Италии*). Это замечательно. Теперь и в этой области итальянцы наши союзники. Но как наглы эти попы». И наконец, дождавшись, записывает, торжествуя: «Муссолини издал новые расовые законы. Против евреев. Ага, он тоже отведал крови».

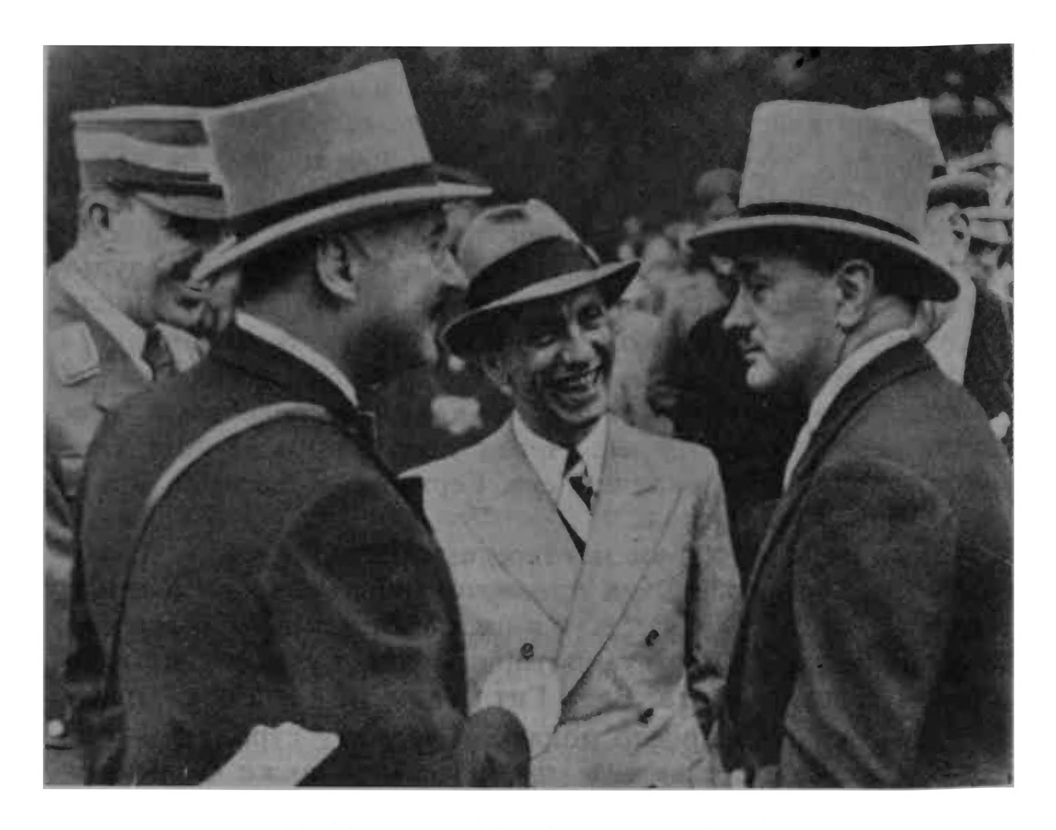
Глава пятая

«НАСТАЛ ЧЕРЕД АВСТРИИ»

Через год после ремилитаризации Рейнской зоны **«настал черед Австрии»**, как сказал на совещании Гитлер. Перевооружение армии и создание офицерских кадров фактически закончено.

«В Австрии фюрер однажды начнет с чистого листа» — так уведомил свой дневник Геббельс еще 3 августа 1937-го.

Гитлер заверял Австрию, что ни на что не притязает. И чтобы скрыть свои намерения, готовясь к «молниеносному» на нее нападению, заключил в 1936 году соглашение о ненападении, признавая независимость Австрии. Вечером 11 марта 1938 года Гитлер подписал приказ о вторжении. Военные угрозы, ультиматумы предшествовали этому дню. 12 марта 1938 года гитлеровские войска вторглись в Австрию, преодолев пограничные пункты с применением вооруженной силы. На другой день Гитлер триум-

Геббельс с послом Франции (слева)

фально въехал в Вену. Австрия была присоединена к Германии.

Солдаты-австрийцы, воевавшие в составе гитлеровской армии, во всяком случае те из них, с кем мне доводилось говорить, не признавали себя германскоподданными и отделяли себя от немцев.

Записей, хронологически совпадающих с событиями аншлюса, нет в дневнике — пробел. Выпали записи и со 2 сентября до 18 октября 1938 года — те полтора месяца, в которые состоялось Мюнхенское соглашение (29—30 сентября 1938): Англия и Франция умиротворяли Гитлера за счет Чехословакии, потребовав от нее согласиться с уступкой Судетской области. Но попустительство агрессору снова обернулось подстрекательством его к дальнейшим захватам: Гитлер не удовлетворился Судетами. Еще годом ранее протокол секретного совещания (5.11.1937) зафиксировал его высказывание: «Лично фюрер считает, что, по всей вероятности, Англия и, возможно, Франция молча уже отказались от Чехословакии и что они уже привыкли к мысли о том, что в один прекрасный день этот вопрос будет разрешен Германией».

Но как следует из другого сугубо секретного протокола, совещание Гитлера с Кейтелем вынесло заключение, что стратегическая неожиданность нападения на Чехословакию, под которое публично не подведено основания, чревато критической ситуацией, может вызвать остро враждебную реакцию мирового общественного мнения. На этот раз «молниеносные действия» должны начаться «в результате инцидента (как, например, убийство германского посла в связи с антигерманской демонстрацией)». В этом предусмотренном «инциденте» — характерный почерк Гитлера, не останавливающегося ни перед какими средствами для достижения своих целей. Через полгода после Мюнхенского соглашения, нарушив его, Германия захватила Чехословакию.

Когда впоследствии на заседании Трибунала в Нюрнберге на допросе Шахта прозвучит обвинение в том, что он «производил расчистку в экономическом отношении захваченных Гитлером территорий», Шахт воскликнет: «Но простите, пожалуйста. Ведь Гитлер же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну».

Захват Чехословакии в марте 1939-го также «отмечен» в дневнике выпадением страниц[1].

«Я СЧИТАЮ, ПРИ РАЗВОДЕ ИЛИ ИЗМЕНЕ ПРОКУРОРУ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО»

«Стало известно, что Геббельс встречается с чешской киноактрисой Лидой Бааровой не только в киногородке, но и в загородной вилле. Потом в окружении Гитлера стали усиленно поговаривать о том, что Геббельс разводится со своей женой и женится на этой киноактрисе,— читаю в неопубликованных воспоминаниях генерала Рат-

---

[1] Думается, несложно понять, почему отсутствуют в дневнике страницы с записями с конца мая и до 9 октября 1939 г.— период сближения СССР с Германией, заключения договоров между ними, начало второй мировой войны нападением Германии на Польшу и последующие действия со стороны Советского Союза. Скорее всего, это службы, подготавливавшие копии дневников для передачи их ГДР, изъяли компрометирующие Советский Союз страницы.

Труднее ответить, почему выпали целые куски, хронологически связанные с существеннейшими событиями нацистского правления, такие как «Ночь длинных ножей» (30 июня 1934), упомянутые аншлюс и захват Чехословакии, «Хрустальная ночь». Их выпадение — это уже наш отечественный детектив. Хорошо, если за долгую тайную архивную жизнь они не оказались кем-то «приватизированы», а все еще ждут своего часа выйти из архивных потемок.

Лида Баарова и Густав Фрелих беседуют с Геббельсом

тенхубера.— Гитлера это поразило: Геббельс, ярый поборник арийской расы, был на грани падения, так как, вступив в брак со славянкой, он, по его же словам, должен был бесповоротно «испортить свою кровь». Можно представить, какой это вызвало бы резонанс в среде, которая следовала этим заветам. Гитлер оборвал эту романтическую историю решительно».

Являясь начальником личной охраны Гитлера, Раттенхубер одновременно возглавлял имперскую службу безопасности и знал об окружении фюрера и явное, и тайное.

Геббельса прозвали в народе «бабельсбергским бычком» за шашни с киноактрисами. (В городке Бабельсберг, близ Берлина, киностудия.) Но любовная связь с Лидой Бааровой совсем не из этого ряда. Это — влечение, рвавшее со всеми регламентациями. И все, что он строил с таким тщанием,— все под угрозой.

Может, в последний раз что-то человеческое взметнулось над поддельностью его жизни, движимой и подчиненной безмерной страсти тщеславия и властолюбия. Телесную любовь не приручить, не сдержать даже т а к о м у государству, где все под его сетью.

И для детей Геббельса тоже лазеек в сети нет. Как бы Геббельс ни ликовал при их появлении, как ни умилялся

Хельга с отцом и «дядей фюрером»

бы, это не бескорыстие отцовства или не оно одно. Не только в уготовленной им гибели, но уже и от рождения у этих детей функциональная предназначенность — встроиться в показательную, нацистскую, рекламируемую им многодетную семью, умножая популярность Геббельса, врачуя его застарелые комплексы самоутверждения. Имена всех детей — в честь Гитлера: Хельмут, Хильда, Хельга[1]... Возрастающая численно семья министра пропаганды — дети и жена — создают труппу статистов в политическом театре одного актера — Геббельса, в гротесковом спектакле с ужасным финалом.

Те из детей, что едва подросли, уже вытолкнуты на подмостки светской политической жизни. Во время визита Муссолини в Германию: «Дети побывали у Муссолини.

---

[1] В соответствии с немецким H, буквой, на которую начинается его фамилия (Hitler).

Он приласкал их и поцеловал. Они очень гордятся. Хельга (*старшая, ей лет пять*) говорит: «Второй фюрер тоже очень милый»... Обед у Гесса. Нет стиля. Убранство ужасное. Еда отвратительная» (30.9.1937).

Состоя уже год в пылком романе с чешской актрисой, Геббельс записывает: «Говорил по телефону с Магдой. К сожалению, она ждет не близнецов». Магда не так молода, и они спешат рожать детей. Но «Магда должна себя щадить. Врач мне велел: теперь Магда в течение двух лет не должна иметь ребенка. Она должна как следует отдохнуть и подлечиться. Я позабочусь об этом» (25.2.1937). Но уже в следующем году, 1938-м, Магда снова рожает. И это не предел, в 1940-м — снова, в последний раз. Но пока что в доме мир. «Мы много болтали (*с Магдой*). О наших милых приятелях. Иногда чувствуешь себя среди людей так, словно попал в зоопарк».

В дневнике имя актрисы упоминается только нейтрально — в перечислении лиц, присутствовавших на студии, занятых в фильмах. Ни звука более.

Лида Баарова недавно выступала в Германии по телевидению. Рассказывала, что ей по молодости нравилось ездить в шикарных машинах министра. Вероятно, всевластность шефа кино тоже была по душе ей, актрисе. Она увлеклась им. Полюбила его,— открыто говорит она.

3 февраля 1937. Обсуждали с фюрером реформу закона о разводе. Он мыслит современно и великодушно. Чего бог не соединял, то человек может разъединить. В партии вспыхнула эпидемия разводов. Тоже плохо.

Истинные, интимные мысли дневнику не доверяются, только пристальность к вопросу о разводе.

20 февраля 1937. Такой праздник! Все веселятся. Пришел новый человек. Счастье и благословение на всю жизнь,— *отметил он рождение еще одной дочки и политические новости:* — Блюм попал в тиски. У радикал-социалистов лопается терпение... Еврей, марксист, сионист! Этим все сказано. В Испании подстрелено 14 красных самолетов. Франко продвигается. Будем надеяться.

Затем вскоре он снова о том же:

22 февраля 1937. Фюрер рассказывает о д-ре Дитрихе и его неудачном браке. Эта женщина просто невозможна. Теперь она хочет, чтобы фюрер принудил ее мужа сохранить брак. Фюрер ответил: «Не я их женил, не мне их удерживать в браке».

Совершенно правильная позиция, одобряет Геббельс. Но грядет день, и фюрер вмешается в личную жизнь Геббельса, правда, он был на их свадьбе свидетелем — «женил» их.

10 марта 1937. Эти законы *(о разводах)* для молодого, а не для старого поколения.— *Но Геббельс в свои 40 упорно причисляет себя к молодежи.*— Я считаю, при разводе или измене прокурору делать нечего.

Тем временем роман набирает силу.

29 января 1938. Шрейхер предлагает смертную казнь за расовый разврат *(т. е. связь с евреями)* ...Он прав.

Но и Геббельс не так уж далеко отстоит от расплаты, хоть и не столь суровой.

27 июля 1938. Вопрос: что будет с арийками... которые имели портящие расу сношения с евреями? Фюрер решил: ничего. Только мужчина должен в каждом случае нести тяжелейшую ответственность.

Великодушен в отношении женщин фюрер. Но это не облегчает перспективы Геббельса.

ГЕББЕЛЬС ЛИ ЭТО?

Лида Баарова, молоденькая чешская актриса, снималась в Германии. Известность принес ей фильм «Баркарола», в котором она играла вместе с киноактером Густавом Фрёлихом. Они были партнерами в кино, а в жизни — влюбленной парой. Фрёлих приобрел в Шваненвердере, по соседству с Геббельсом, виллу, принадлежавшую не так-то уж давно опереточной певице, еврейке, вынужденно уехавшей из Германии. Здесь он и поселился с Лидой Бааровой. Соседство с шефом кино оказалось роковым для Фрёлиха. Поначалу их вдвоем принимали в доме Геббельсов, но очень скоро увлеченность Йозефа Геббельса Лидой стала слишком очевидной. Его покровительство не знало границ: главные роли в фильмах, превозносившая ее пресса, торжественные просмотры картин с ее участием неустанно организовывались министром пропаганды. Магда, отчасти притерпевшаяся к легкомысленному поведению мужа, время от времени взрывалась, и о домашних «ссорах», не раскрывая их повода, и о том, что «Магда отдалилась», не раз говорится в дневнике. Но и сама Магда была небезгрешной,— настаивают биографы Геббельса,— случалось, нарушала супружескую верность.

Согласие в семье было показным, подчиненным заботе о неустанном рекламировании образцовой, многодетной, немецкой семьи министра пропаганды. Но этот случай с Бааровой выходил за пределы всего, что бывало до сих пор. И как ни старалась Магда считать его обычным любовным похождением, это не удавалось.

Молва доносила, что во время съемок очередного филь-

ма между Геббельсом и Густавом Фрёлихом произошло столкновение, и Фрёлих якобы нанес пощечину своему сопернику. Сомнительно. Но так или иначе Фрёлих был отстранен от роли, партнером Лиды Бааровой в этом фильме был назначен другой актер. Фрёлих продал виллу в Шваненвердере, с Лидой они расстались.

Семья Геббельса тем временем пополнилась еще одним ребенком — девочкой. А роман разгорался. Геббельс часто проводил с Бааровой вечера и ночи на вилле в Ланке. Их связь становилась явной. Геббельс появлялся с киноактрисой в обществе, невзирая на все пересуды. Он был очарован ею и горд своей победой, ну а то, что Баарова в новой роли восхитила Гитлера, привело Геббельса в неописуемый восторг.

«Великая любовь — это значит, я хочу положить на нее всю мою жизнь». Но такую любовь он спрашивал с Эльзе, сам же, задаваясь тогда вопросом «Слава или любовь?», избрал для себя однозначно славу.

А что же теперь? Похоже, что он зашел далеко и был готов на многое. Он был пленен Лидой, не знал ни удержу, ни страха, ни оглядки на то, к какому оглушительному краху его политической карьеры все это может привести. Да Геббельс ли это? Правда, в то же самое время, когда он грубо нарушал расовую политику, он, демонстрируя свою приверженность ей, успевал еще усиленнее преследовать евреев в угоду Гитлеру.

2 июля 1938-го Геббельс записывает в дневнике, что провел лучшие в своей жизни дни отпуска — это дни с Лидой Бааровой в Ланке. Но дома напряжение в отношениях с Магдой нарастало, и у него созрел план действий. Он поручил своей возлюбленной поговорить с его женой, подготовить Магду к принятому им решению. Можно только гадать, как справилась актриса со своей нелегкой задачей, как нашла она подход к Магде, разрешившейся всего лишь три месяца назад пятым ребенком, снова девочкой. Но после их общения Геббельсу в продолжительном разговоре с женой удалось склонить ее к новому варианту супружества — жизни втроем. Магда согласилась на эти условия. Они могли быть восприняты ею как ультиматум — несогласие чревато разводом. Но, уладив щепетильное дело, Геббельс и Лида Баарова и вовсе перестали считаться с Магдой, бесцеремонно вели себя при ней и в присутствии гостей как влюбленная парочка. Не вытерпев, вконец оскорбленная Магда обратилась к Гитлеру.

В самом ли деле Геббельс примеривался к разводу, дневник молчит. Два года длится роман. Но к разрыву с Лидой Бааровой Геббельс не был готов, когда дома разразился скандал, неизвестно, чем бы все кончилось, не вмешайся фюрер, вызванный Магдой.

Гитлер, выслушавший Магду, был вне себя. Он долго разговаривал с ней, настоял на том, что она со своей стороны ни в коем случае не должна порывать с мужем и их семья в интересах партии по-прежнему должна оставаться для народа показательной нацистской семьей.

16 августа 1938. Вечером в Берлин приехал фюрер. Магда говорила с ним. Потом у меня был с ним очень долгий и серьезный разговор. Он потряс меня до глубины души. Я совершенно покорен им. Фюрер мне как отец. Я ему так благодарен. **В этот тяжкий час** я могу на это опереться. Я принял очень трудное решение. Но оно окончательное. Я целый час ездил в автомобиле, далеко и без всякой цели. Я был почти во сне. Жизнь так мрачна и жестока. Где мне начать, где мне кончить? Но долг стоит надо всем. Его должен слушаться человек в самые тяжелые часы. Вне него все шатко. Я тоже склоняюсь перед ним. Совершенно без жалоб. Потом у меня был очень долгий и очень печальный телефонный разговор. Но я останусь тверд, хоть сердце грозит разорваться. Теперь начинается новая жизнь. Жестокая, мрачная, подчиненная лишь долгу. Молодость прошла.

Гитлер не пожелал выслушать никаких доводов Геббельса. Ни о каких его чувствах, ни о каких предполагаемых им шагах и решениях не могло быть речи. Фюрер сказал, что он сам принес в жертву свою личную жизнь, подчинив ее долгу. И призвал также Геббельса к служению долгу, потребовав отсечь эту любовную связь.

Гитлер не намерен был расставаться со своим главным пропагандистом. Хотел он также избежать еще одного громкого супружеского скандала в рейхе после истории с военным министром Бломбергом. Бломберг, вдовец, женился на своей секретарше, а вскоре всплыло (или было фальсифицировано), что его новая жена не в столь отдаленные годы снималась голой для непотребных открыток. Но Бломберг не пожелал расстаться с ней и должен был выйти в отставку.

На следующий день, 17 августа, Геббельс записывает, что побывал у фюрера и снова был долгий разговор с ним... «У меня нет больше почти никакого выхода».

За столиком в саду рейхсканцелярии Гитлер, Магда и Йозеф Геббельс

18 августа 1938. Вечером еще долгое объяснение с Магдой, для меня сплошное унижение. Этого я ей никогда не забуду. Она так сурова и жестока... Никто мне не поможет. Я и не хочу, чтобы мне помогали. Надо одному вынести боль. Ни от чего не отступать трусливо. Я переживаю сейчас тяжелейшее время моей жизни.

«Я чувствую себя так одиноко, что совершенно не выдерживаю» (19.8.1938).

Он ездит к матери и сестре Марии, находит у них сочувствие, тепло и поддержку.

Лида Баарова тщетно пыталась найти какие-либо пути связаться с Геббельсом. Она была в этой истории сурово потерпевшей стороной. Ее карьера катастрофически оборвалась. Новые роли у нее были отобраны, а показ прежних фильмов с ее участием запрещен. Не был выпущен на экраны и отснятый фильм с Лидой Бааровой в главной роли. Он пролежал под запретом многие годы и только в 1950-м был показан. Он назывался теперь «Легенда о любви».

Как сообщает биограф Геббельса Ральф Ройт, до сведения Лиды Бааровой было доведено, что Гитлер запрещает ей выезд из страны. Чтобы погасить скандал, Гитлер

желал, чтобы о ней забыли. Оказавшись за пределами Германии, она могла привлечь к себе внимание заграницы, и скандал разгорелся бы.

И дальше Ройт приводит в своей книге сведения о судьбе Лиды Бааровой. За ней следило гестапо, ее притесняли полицейскими мерами. Ей было отказано во всякой публичности. Ее попытки связаться вновь с Голливудом были неосуществимы. Все же Лиде Бааровой удалось бежать в Чехословакию, где ничего хорошего не ждало ее. Нацистскими оккупационными властями ей было запрещено выступать. А в 1945-м при новом послевоенном режиме в Чехословакии ее судили как изменницу родины. Ее мать во время допроса сразил сердечный приступ. Подвергшаяся также запрету на профессию ее сестра, актриса, покончила с собой. Спустя почти полуторагодичное тюремное заключение Лида Баарова стараниями племянника видного чешского министра была помилована и освобождена. Но ее жизнь, судьба актрисы навсегда были разгромлены.

В час насильственного разрыва скрытое от дневника чувство прорвалось искренним отчаянием. Тем разительнее, как завершил это испытание Геббельс.

Неизвестно, как он одолевал свои страдания. Известно другое — меры, которые Геббельс предпринимает, чтобы связь с чешкой не имела для него тяжелых последствий и эта история была бы замята Гитлером. Чтобы не утратить расположение Гитлера, он немедленно принимается за льстивейшую о нем книгу. Но этого недостаточно. И чтоб удержать чуть было не пошатнувшуюся репутацию лидера расовой политики, он, демонстрируя свою непоколебимую приверженность к ней, искупая свой «прокол», организовывает и проводит, к усладе Гитлера, небывалый по масштабу и бесчинству государственный всегерманский еврейский погром. Под пошлой кличкой «Kristallnacht» — «Хрустальная ночь», с призывами бить стекла богатых магазинов, принадлежащих евреям, грабить и разрушать все их магазины, дома, предприятия, конторы. Впрочем, дома богатых евреев велено оставлять в целости — в них вселялись нацистские бонзы: Розенберг и другие.

«МЫ ДОСТОЙНЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ»

Страницы, где говорится о «Kristallnacht», исчезли из дневника, о чем я уже писала. Эта ночь, 9 ноября 1938-го, отмечается в нынешней Германии как тягчайшая черная ночь немецкой истории. Вакханалия насаждаемого насилия прокатилась от столицы по благопристойной еще не так давно провинции.

Полиция, заранее проинструктированная Геббельсом, соответственно вела себя. **«Надо не закон исполнять, а придираться,**— наставлял он.— Полиция мне в этом поможет».

Вламывались в дома, громили, издевались, убивали, поджигали синагоги. Разбой, насилие, сотни убитых, десятки тысяч брошенных в тюрьмы и концлагеря.

В заключение — беспримерный цинизм: вынудить затравленных, ограбленных, обездоленных людей возместить все убытки, им же причиненные погромом, именуемым нацистами «стихийным».

12 ноября 1938. Евреи объявили, что они готовы уплатить за ущерб, нанесенный бунтом. Только в Берлине это принесет 5 млн. марок. Это **хорошее кровопускание.**

13 ноября 1938. Гейдрих[1] докладывает о проведенных акциях. 190 синагог сожжено и разрушено. Это улажено. Конференция у Геринга по еврейскому вопросу. Жаркая борьба за решение. Я предлагаю радикальный подход.— *Залатавший протори за связь с расово неприемлемой женщиной, Геббельс, матерый провокатор и преступник, уже снова нагло на коньке своей пресловутой «радикальности».*— Функ[2] несколько мягок и уступчив. Итог: на евреев наложена контрибуция в миллиард. Они должны быть в кратчайший срок полностью изгнаны из хозяйственной жизни. Они больше не могут вести никакие дела. Могут только давать в долг из 6%. Ущерб они должны покрыть сами.

Погром — эксцесс убыточный в нормальной стране. В нацистской он — хорошее подспорье. И дело сделано, и казна, затребовавшая средств на финансирование кампании по захвату Чехословакии, празднует прибыль. Это и модель при последующих военных нападениях на мирные, суверенные страны.

«Мы достойны нашей истории»,— записал Геббельс.

Еще раньше приняты меры: «Еврейские врачи лишены права практиковать. Еврейство будет планомерно вытеснено» (4.8.1938).

---

[1] В это время руководил политической полицией в министерстве внутренних дел.

[2] В 1938 г.— имперский министр хозяйства.

Ни врачевать, ни торговать, ни участвовать... Ни вести никаких дел, ни владеть ничем. Осталось только вытряхнуть у них деньги, какие придерживают.

Гитлер потребовал, чтобы «еврейский вопрос» теперь раз и навсегда был обсужден и разрешен тем или иным способом. На то и собралась упомянутая Геббельсом конференция у Геринга. При подведении на ней славных итогов погромов и намечаемых новых репрессий министру всегерманской культуры неймется какую-то свою персональную ставку выкликнуть на этом аукционе мер пресечений. И он «утвердил распоряжение, по которому евреям запрещается посещение театров и кино» (12.11.1938). Смехотворно — о кино, театре при наличии таких ставок, как изгнание, смерть. Но и в этих крупных сделках Геббельс — главный игрок.

Программа вытеснения, изгнания (следом — и уничтожения) не раз обсуждалась с фюрером: «Мы обсуждали еврейский вопрос. Фюрер одобрил мои начинания в Берлине... За 10 лет они должны быть изгнаны из Германии. Но пока мы хотим удержать евреев здесь как заложников».

Евреи вне закона. Они в ведении СС, гестапо. И каждый еврей уже с шести лет будет вскоре обязан носить желтую звезду Давида.

«ТЕПЕРЬ ПОЙДЕТ РАБОТА»

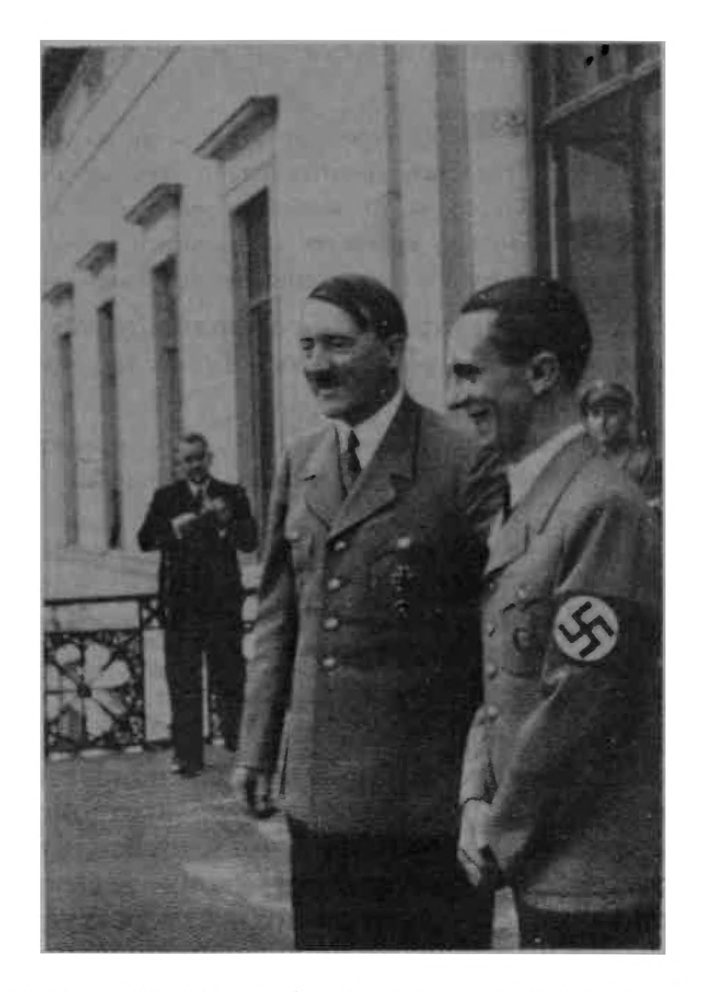
Все идет «планомерно». Не обходится, однако, без проколов: «Какой-то перемудрец докопался, что Иоганн Штраус на одну восьмую еврей. Я запретил это разглашать. Во-первых, это не доказано, во-вторых, я не позволю снять все сливки с немецкой культуры. В конце концов из нашей истории останутся только Видукинд[1], Генрих Лев[2] и Розенберг. Муссолини поступил куда умнее. Он захватил себе всю историю Рима, начиная с античности. Против него мы парвеню. Я борюсь как могу».

У Эйхмана тоже были свои сложности. Он поведал о них в воспоминаниях, которые писал в заключении, захваченный израильской разведкой, спустя долгие годы напав-

---

[1] Видукинд — вождь саксов, VIII в.

[2] «Если б Генрих Лев завоевал Восток, для чего тогда была достаточная военная мощь, итогом была бы сильно прославянизированная смешанная раса немцев» (Геббельс со слов Гитлера, 10.10.1938).

Геббельс и Гитлер на балконе министерства пропаганды

шей на его след. В его антисемитской практике, как он пишет, возникали щепетильные, конфиденциальные ситуации. Так, узнав, что повариха Гитлера, которая когда-то была его любовницей, на $^{1}/_{32}$ еврейка, он оказался в затруднительном положении. Но его начальник, Мюллер, тотчас поставил на докладе Эйхмана гриф «совершенно секретно», и изложенный им факт был погребен в тайниках спецслужбы.

О своем непримиримом отношении к современному искусству непризнанный художник Гитлер заявлял еще в «Майн кампф». Завладев властью, он приступил к расправе.

«Опубликован закон о вырожденческом искусстве. Теперь пойдет работа»,— записал д-р Геббельс.

И работа пошла на всех парах.

По принятому закону, о котором с воодушевлением сообщает д-р Геббельс, произведения «вырожденческого

искусства» подлежали конфискации из музеев и частных собраний.

14 января 1938. Обсуждал с фюрером документы по вырожденческому искусству. Два часа. Результат уничтожающий. Ни одна картина не заслуживает пощады. Фюрер за то, чтобы окончательно избавиться от них. На некоторые мы можем выменять за границей картины хороших мастеров. Для этого фюрер учредил комиссию под моим руководством.

Жару поддала в январе 1938-го франкфуртская газета, напечатавшая статью о Ван Гоге. Геббельс немедленно приступил к расследованию.

21 января 1938. Статью о Ван Гоге в «Frankfurter» написал полуеврей. Видно, мягкое обращение с этими типами совершенно невозможно. Я с этим решительно покончу.

27 января 1938. Против франкфуртской газеты: оба виновных редактора вычеркнуты из списка журналистов. Одного я велю посадить. Полуеврея. И сама «Frankfurter» должна быть побыстрее уничтожена.

Точнее, чем сам Геббельс, и не скажешь о преследованиях и расправе в подвластной ему сфере — культуры, искусства, прессы.

Все, что не отвечало шаблону пропагандируемого мышления, фашистскому представлению об агитационном назначении искусства, должно быть изъято. Все, что раздражало недоступностью восприятия двоих несмирившихся неудачников — несостоявшегося архитектора-художника и несостоявшегося писателя, но их волчьим инстинктом ухватывалось: «это» опасно чуждое и своим миром, своей духовностью уводит из-под контроля единого, однозначного нацистского мировоззрения,— все это подлежит запрету, изъятию, изгнанию.

Чтобы оградить немецкий народ от порочного, разлагающего искусства, из музеев были изъяты полотна Ван Гога, Гогена, Сезанна, Матисса, Кокошки, Пикассо, Шагала, Нольде...

И в неказистой галерее, на окраине Мюнхена, была учреждена Геббельсом выставка «вырожденческого искусства». В последний раз публике представилась возможность увидеть творения этих преданных анафеме художников и оценить заботу Гитлера и его министра культуры, навсегда избавляющих немцев от их тлетворного воздействия.

Такое вот единодушие с советским руководством в его долгом неприятии тех же художников.

Но именно сюда, на выставку осужденных картин, устремлялись люди, а не в открытый одновременно в

Музыкальный вечер в доме Геббельсов. Слева Гитлер, справа Магда Геббельс, адъютант Гитлера и Геббельс (он едва виден)

Мюнхене Дом немецкого искусства. В нем на первую выставку нацистских художников было отобрано 900 работ. Почетная роль председателя отборочной комиссии была возложена на Адольфа Циглера, художника незначительного, но это он написал некогда портрет Гели Раубал и теперь имел шанс выдвинуться. Однако, когда Гитлер явился, чтобы санкционировать отбор картин, разразился скандал. И здесь некоторые отобранные картины тоже возмутили Гитлера, да так, что он успевал продырявить их крепким башмаком, прежде чем их подхватывали, чтобы вышвырнуть. Таким способом он проиллюстрировал свои слова, что не намерен вдаваться в обсуждение произведений искусства, а будет лишь «действовать».

Как тут не вспомнить печально известное посещение первым лицом советской страны выставки художников в Москве, в Манеже, в 1963 году.

В своей речи, приветствуя открытие первой выставки нацистского искусства, избавленной ботинком фюрера от

неугодных картин, Гитлер заявил, что отныне положен конец «безумию в искусстве» и картины, которые «невозможно понять», в открытом доступе не останутся.

Но, как уже говорилось, люди стремились посетить не Дом немецкого искусства, а выставку опальных картин, и Геббельсу пришлось ее закрыть.

29 июля 1938. Картины вырожденцев посылаем на международную выставку. Авось заработаем денег на дерьме.

В дни, когда города рейха превращались в руины, Гитлер проектировал галерею для собрания картин в австрийском городе Линце, где прошли его школьные годы.

Среди бумаг Гитлера, которые оказались у нас в начале мая 1945-го, были описи принадлежащих ему картин, предназначенных для отправки куда-то и уложенных, как это следует из пояснений, в ящики. У меня сохранились копии этих пространных описей, они дают представление о коллекции Гитлера. В них встречается имя Бёклина (эскиз) и Ходовецкого (гравюра: Фридрих II). Из крупных художников, пожалуй, больше ничьего имени нет. Преобладают натуралистические пейзажи художников дюссельдорфской школы. А также старые сентиментальные жанристы. Среди работ художников нацистского периода мелькает имя Циглера, того, кто поощрен Гитлером за портрет Гели Раубал. В ящики сложены его гравюры, изображающие родной город фюрера Браунау. Другие художники нацистской формации вошли в коллекцию фюрера своими картинами «Факельное шествие 30 января», «Мать фюрера» и опять же изображением города Браунау.

В описи иных ящиков занесены вперемежку с произведениями искусства (керамической вазой, бюстом Вагнера, настенными тарелками, подсвечниками, цинковым кубком, серебряным блюдом и прочими) обиходные предметы (3 кухонных полотенца, 3 мохнатых полотенца, коврик для ванной, хлебница, много одеял, подушки, полотняная скатерть и к ней 12 салфеток, еще скатерти, чехол на перину, еще один чехол с кружевной вставкой и другие вещи).

Описи картин помогают уяснить вкусы Гитлера. Сложнее обстоит со вкусом Геббельса. Внедряя упрощенность в искусстве, по принципу доходчивости, как требует фюрер, сам для себя он рыщет в поисках шедевров живописи. Весной 1941-го, когда европейские страны разорены, разграблены, к чему Геббельс имеет прямое отношение, он записывает в дневнике, что ему удалось купить «из француз-

ских частных рук дивную картину Гойи». Уж никак не соответствует Гойя требованиям, которые предъявляет к художнику фюрер, зато баснословна цена на его произведения в мире. Картина «чудесная». Это из давнего лексикона Геббельса. В агусте 1924-го, посетив в Кёльне музей, Геббельс восхищался скульптурой Барлаха, картиной Эмиля Нольде, его испанской танцовщицей. Теперь, осмотрев вместе с фюрером «вырожденческую выставку», где представлены также и Барлах и Нольде, он пишет: «Это самое чудовищное, что я когда-либо видел».

В годы «вживания» в национал-социализм Геббельс иногда жаловался в дневнике: «скольким я пожертвовал», не раскрывая, что же хотел этим сказать. И вновь глухо упоминал о своей «жертве». Возможно, понимал, что в угоду своей партийности и в стремлении делать карьеру он многое утрачивает из того, что имел. Нацистом он все же не родился. Он манипулировал сам собой, отсекая все, что лишне национал-социалисту. Лишней была склонность к чтению, к размышлению над прочитанным. Лишним — эстетическое чувство, способность воспринимать искусство. Лишним — человеческое.

И вот теперь давно деградировавший Геббельс цинично записывает «окончательное решение»: «То, что можно продать,— за границу, остальное — на выставку ужасов или уничтожить» (13.12.1938).

Не знаю, сколько картин было продано за пределами Германии, но в ее столице, как пишет биограф Геббельса, 30 марта 1939 года во дворе Главной пожарной команды Берлина по его распоряжению было сожжено пять тысяч произведений искусства.

Германия все ниже опускалась в варварство.

«ПРОТИВНИКА НАДО ЛИБО ЗАСТАВИТЬ ЗАМОЛЧАТЬ, ЛИБО УБИТЬ»

В компетенции министра культуры также и сыск: «Я велел понаблюдать за кабаре комиков. Там в ходу анекдоты против государства. Это нетерпимо. Пусть эти снобы рассказывают анекдоты о самих себе». Предписанные Геббельсом «наблюдения» плачевно кончались и для артистов и для завсегдатаев кабаре комиков. Зато Геббельс, упивавшийся своими статьями и речами, был начисто огражден от критики. Тот, кто осмелился бы его критиковать, рисковал жизнью. На этот счет была полная ясность:

«Противника надо либо заставить замолчать, либо убить» (13.3.1937). Такой постулат не нуждался в правовых санкциях и, значит, в услугах юристов. «Революция — расторжение сильным законности, которая находится в руках слабого»,— записал Геббельс в январе 1937-го. Юристы должны быть низведены на положение чиновников, обслуживающих интересы нацистского режима, не заглядывая в юридические святцы. При такой постановке де́ла юристов вообще надо либо окоротить, либо разогнать. «Все юристы поврежденные. Чиновники должны быть слугами закона, а не рабами параграфа».

Когда на процессе о поджоге рейхстага, в марте 1934 года, только один из четырех обвиняемых коммунистов — голландец ван дер Люббе, полувменяемый — был признан верховным судом Германии виновным, а трое оправданы, это привело Гитлера в бешенство. И имело плачевные последствия для судопроизводства в стране. «Фюрер ненавидит юристов. Они не умеют думать органично — только формальности. Это большая опасность для государства, которое им доверено. Фюрер не хочет больше допускать юристов на ключевые посты». «Рейхстаг тоже нужно назначать, а не выбирать».

Фюрер — это и есть закон. Гестапо — тоже закон.

На практике такой правовой нигилизм давал простор всяческому произволу инструкций, указаний. Даже Геббельсу от этого иногда не по себе: «Читал проект Вагнера о стерилизации. Поразительно, какую ошибку сделало здесь министерство внутренних дел. Оно не проводит никакой проверки интеллекта или способностей». Поскольку в проекте и затем в инструкции физический недостаток человека мог стать поводом для применения к нему насильственной стерилизации, Геббельс мог и себя чувствовать косвенно задетым. Оскорбленный такой постановкой вопроса, он выставляет мерилом человека пренебрегаемый проектом интеллект. А эта «служба» заработала и вблизи Геббельса:

25 января 1938. Глупый случай попытки стерилизации в нашем отделении. Бюрократия чуть не сделала смертельно несчастным совершенно здорового человека.

Только вмешательство вступившегося за него Геббельса спасло намеченную жертву.

1939

В этот год нападением фашистской Германии на Польшу началась вторая мировая война.

После окончательного захвата Чехословакии в марте 1939-го Гитлер поспешил заверить встревоженное мировое общественное мнение, что у него «нет больше территориальных требований в Европе». Через пять с половиной месяцев, 1 сентября 1939-го, он бросил армии на Польшу.

Готовясь к агрессии против Австрии и Чехословакии, Гитлер, чтобы избежать вмешательства Польши в судьбу соседствующих с ней стран, всячески заверял ее в дружбе, льстил ей.

За три недели до вторжения в Австрию он заявил об «искренне дружественном сотрудничестве» Германии и Польши. И что «Германия не позволит ничего, что могло бы отрицательно повлиять на осуществление задачи, которая стоит перед ними, а именно — мир».

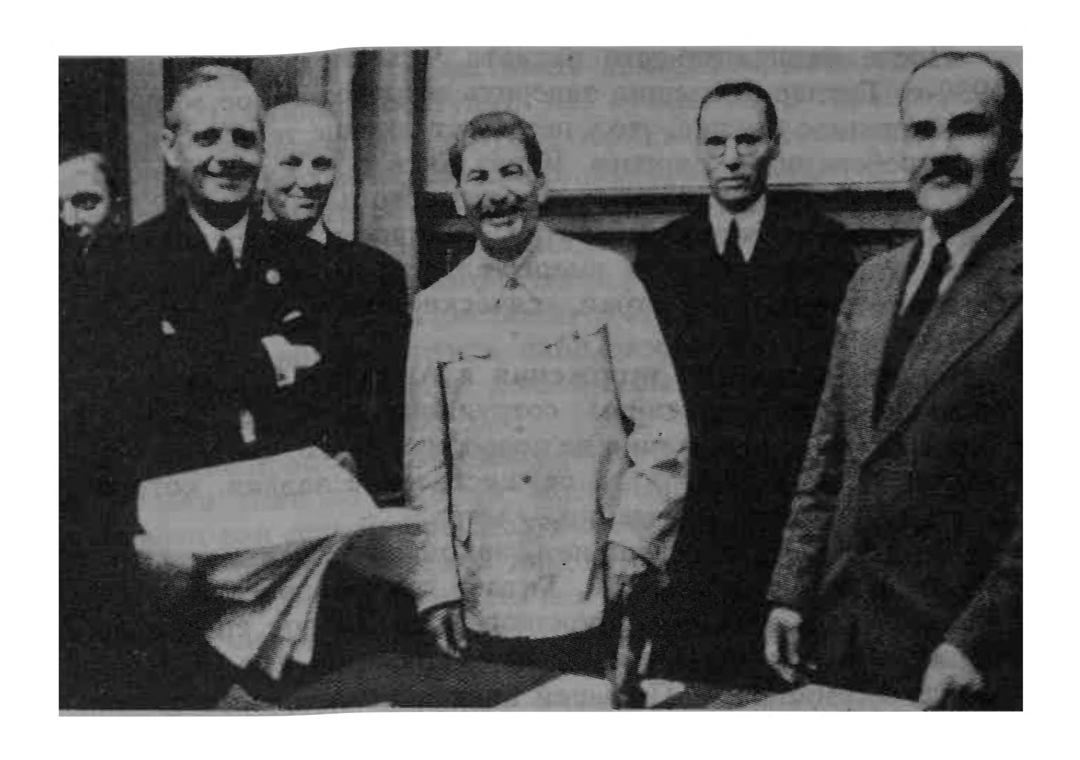
За три дня до совещания, закончившегося известным Мюнхенским соглашением, Гитлер, уже заранее подготовившись нарушить его, произносит во Дворце спорта миротворческую речь, ссылаясь на заключенный в 1934 году между Германией и Польшей пакт о ненападении сроком на 10 лет: «Оба правительства и все здравомыслящие люди среди обоих народов и в обеих странах преисполнены непреклонной волей и решимостью улучшить свои взаимоотношения. Это была подлинная работа во имя мира, которая представляет собой бóльшую ценность, нежели вся болтовня во дворце Лиги Наций в Женеве».

И наконец, 30 января 1939-го, когда уже польское правительство на требование Германии передать ей Данциг ответило отказом, Гитлер все еще в своей речи в рейхстаге распинался в дружбе: «Мы только что отпраздновали пятую годовщину заключения нашего пакта о ненападении с Польшей. Едва ли среди истинных друзей мира сегодня могут существовать два мнения относительно величайшей ценности этого соглашения». Он назвал подписавшего этот пакт Пилсудского «великим польским маршалом и патриотом». И в заключение этого пассажа: «В течение тревожных месяцев прошлого года дружба между Германией и Польшей являлась одним из решающих факторов в политической жизни Европы».

Сам же он готовился к нападению, понимая, что «чешской истории», как он называл захват Чехословакии, тут ждать не приходится. Польша будет воевать.

22 августа 1939-го в речи, обращенной к главнокомандующим родами войск, Гитлер говорил:

«Я найду пропагандистский предлог для начала войны, независимо от того, будет ли он внушать доверие или нет.

Пакт скреплен. Передний ряд слева: Риббентроп, Сталин, Молотов

В развязывании и ведении войны имеет значение не право, а победа. Никакой жалости. Жестокость... Нужна величайшая жестокость. Необходимо быстрое решение, нерушимая вера в германского солдата. Кризис может наступить только в том случае, если не выдержат нервы лидера». «Полный разгром Польши является военной целью. Быть быстрым — такова главная задача. Преследовать до полного уничтожения».

Дневник Геббельса, как я уже писала, недосчитывает страниц, приходящихся на время с конца мая и по 9 октября 1939 года. На этот раз по понятным причинам. Это период сближения Советского Союза с фашистской Германией, заключения между ними пакта о ненападении и дополнительного «секретного протокола». Это уже «наш» сюжет, накладывающийся на сюжеты геббельсовских дневников. Нападение, война, захват Польши, расчленение ее — оказались вне четырехтомного издания рукописных фрагментов дневников. Мы не прочтем, как отразилось в сознании его автора самоотверженное сопротивление поляков.

Дальнейшие события известны, не нуждаются в пояснениях. Пусть лишь напомнят о них полузабытые документы.

Гитлер — Кейтелю на исходе польской кампании: «Жестокость и суровость должны лежать в основе этой расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей». Это была установка на прямое уничтожение поляков. («Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли». Геббельс, 22.8.1938.)

Гитлер по окончании польской кампании на совещании у себя на квартире: «У поляков должен быть только один господин — немец. Не могут и не должны существовать два господина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестко, но таков закон жизни».

Франк, генерал-губернатор оккупированных польских территорий: «Если бы я пришел к фюреру и сказал: «Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил сто пятьдесят тысяч поляков», то он бы сказал: «Прекрасно, если это было необходимо».

Гиммлер: «В нашу задачу не входит германизация Востока в старом смысле этого слова... Наша задача — проследить, чтобы на Востоке жили люди чисто германской крови».

Нет нужды продолжать приводить еще свидетельства преднамеренной программы убийств, умерщвлений голодом, истязаниями славянских народов Восточной Европы.

«МОСКВА НЕПОВОРОТЛИВА, НО ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНА НАМ»

10 октября 1939. В «Известиях» очень позитивная и враждебная Антанте статья, которая полностью совпадает с нашей точкой зрения. Говорят, что ее написал сам Сталин. Она удивительно пришлась нам ко времени и будет принята с благодарностью. Русские до сих пор исполняют все свои обещания... **Москва неповоротлива, но тем не менее очень полезна нам...** Фюрер тоже думает, что статью в «Известиях» написал Сталин. Сталин — старый, опытный революционер... Его диалектика во время переговоров была превосходна. Суждение фюрера о поляках — уничтожающее. Скорее звери, чем люди, совершенно тупые и аморфные.

12 октября 1939. Москва отдала Литве Вильно в благодарность за отказ от суверенитета. И добронравные литовцы вывесили на радостях флаги. Фюрер совершенно уверен в победе. Он указывает разницу с 1914 годом, считает, что тогдашнее поражение объясняется только предательством, что сегодня он не пощадит жизнь предателей.— *Только предательством генералов будет до последнего дня считать Гитлер их неудачи на полях*

сражений, отступления немецких войск под ударами Красной Армии. И генералы станут расплачиваться жизнями за отступление.— Пацифизм ведет к войне... С фюрером мы всегда победим, он соединяет в себе все достоинства великого воина... он стремится к своей цели, когда надо, то и любыми средствами... На Западном фронте настоящая идиллия. Каждый день предписанная доля артобстрела и снова покой. Удивительнейшая война в истории. Мы-то были готовы к худшему. Нам теперь очень пригодилась добыча из Польши... Не дойдет ли дело до настоящей мировой войны?

Мировая война предрешена,— известно Геббельсу. Вопрошает лишь риторика страха. Страх, как это не раз у Геббельса, сублимируется в агрессивность, в злобное словоблудие по отношению к народу — жертве агрессии, народу, к которому принадлежит Пилсудский, так безмерно восхищавший его.

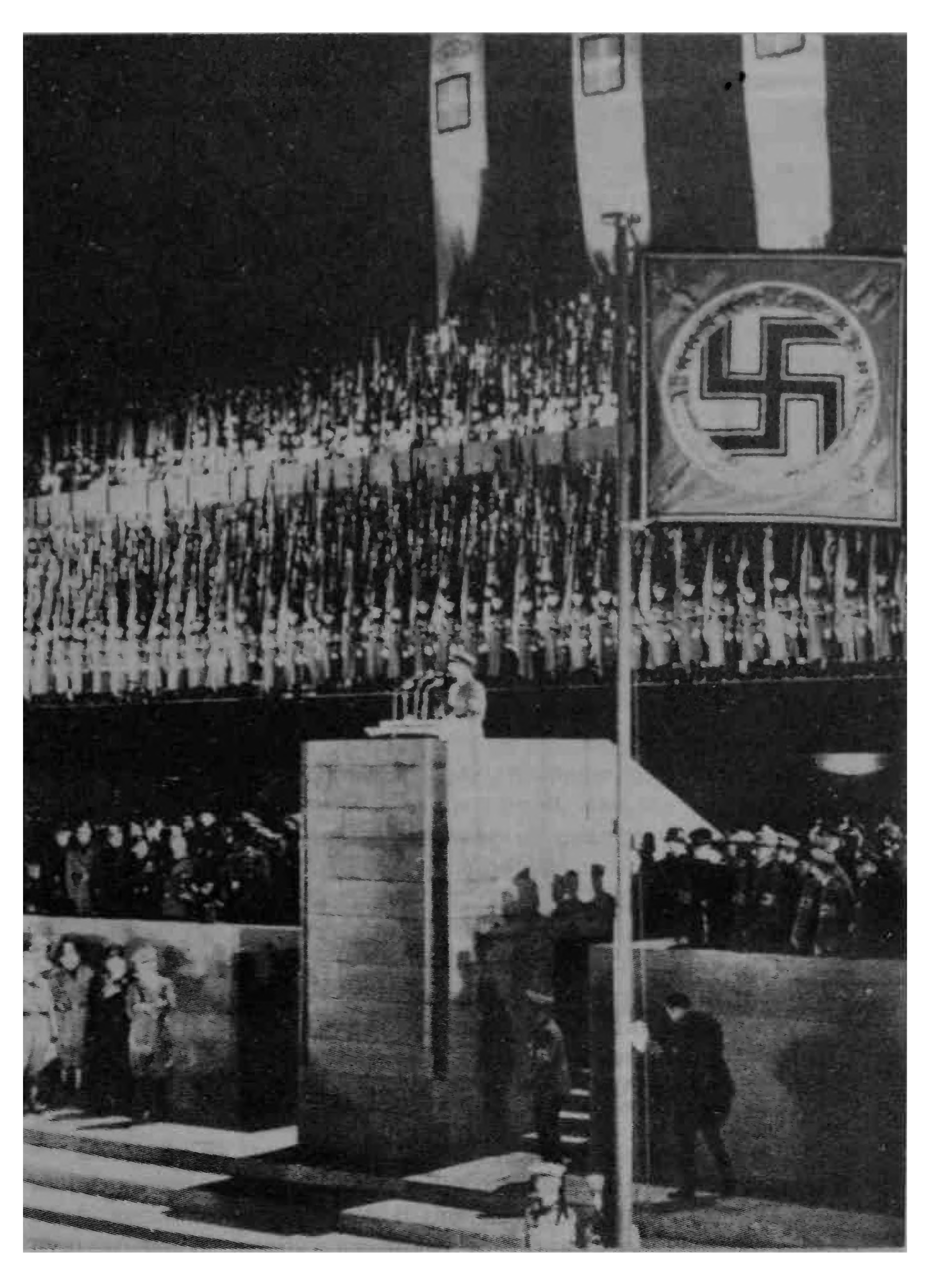
14 октября 1939. На поляков действует только сила. В Польше уже начинается Азия. Культура этого народа ниже всякой критики. Только благородное сословие покрыто тонким слоем лака. Оно — душа сопротивления. Поэтому его надо убрать.

22 октября 1939. В одной из инспирированных Сталиным статей в «Известиях» осуждается Анкара и еще раз совершенно ясно подтверждается немецко-русская дружба. Для нас это исключительно ценно... Прием рейхс- и гауляйтеров. Фюрер говорит 2 часа. Обрисовал наше военное и хозяйственное превосходство и нашу решимость, если дойдет до борьбы, которую фюрер считает почти неизбежной, бороться за победу всеми средствами и без оглядки. У нас нет другого выбора. А итог — огромное, всеохватывающее немецкое народное государство.

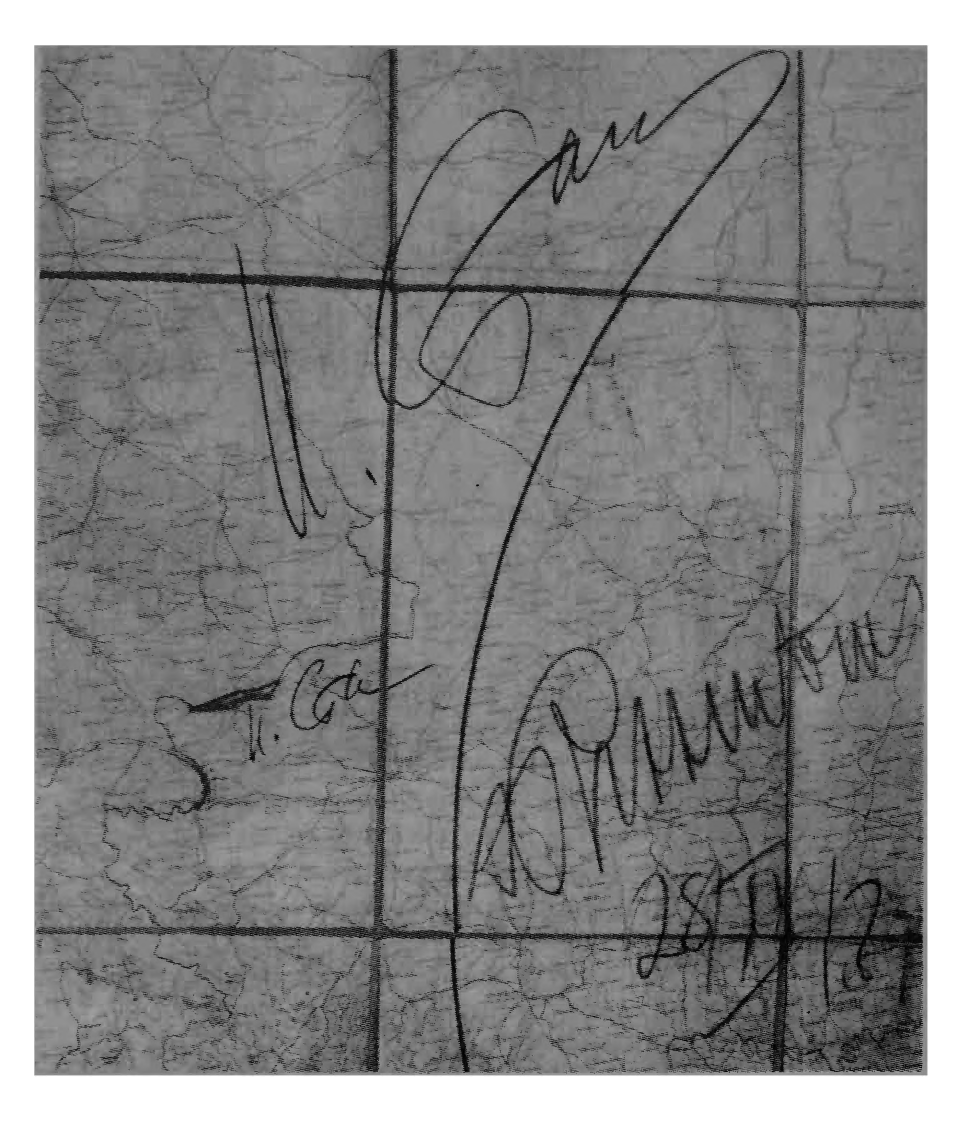
24 октября 1939. Регулирование вопроса о Польше — исключительное дело Германии и России. Мы не имеем ни малейшего желания вступаться за Финляндию. Мы не заинтересованы в Балтике. А Финляндия так низко вела себя по отношению к нам все прошлые годы, что нет и вопроса об оказании помощи.

Но судьба этих маленьких государств предрешена в «Дополнительном секретном протоколе» к договору Германии с Россией, установившем «сферы интересов обеих сторон в Восточной Европе». «Мы болтали с фюрером об изменениях в идеале женской красоты,— продолжает запись Геббельс.— Что сорок лет назад считалось красивым, сегодня считается толстым и жирным. ...Мы мчимся на огромной скорости к новой античности».

27 октября 1939. Фюрер готовится к войне. Он очень серьезен, много забот и работы. Русские в очень резкой ноте дают отпор английским политикам... эта нота нам очень кстати... В Берлин прибыла русская

Геббельс выступает с речью во время официального визита дуче в Берлине. Внизу слева: Муссолини, Чиано, Розенберг и Гитлер

Приложение к германо-советскому договору о границах и дружбе. Карта раздела Польши с росписями Сталина и Риббентропа

делегация для торговых переговоров. Мы заключили в Москве договор о поставке свыше миллиона тонн фуража. Это большой человеческий, а также и деловой успех.

«ПООЩРЯТЬ СЛАБОСТЬ И КОРРУПЦИЮ»

31 октября 1939. Поощрять слабость и коррупцию. Так лучше всего управлять побежденным народом.

2 ноября 1939. Положение в Польше еще очень трудное. Мы не должны допускать возобновления польской культурной жизни, потому что культурная жизнь станет средоточием вновь возникающего польского национализма.

Он уже недели две тому назад отметил: «Поляки опять наглеют. Надо отнять у них всякую собственную культурную жизнь».

Надо было отнять и память о прошлом, о своей истории, о своих традициях и национальных атрибутах.

Мне памятно, как в Познани, зимой 1945-го, когда в тяжелых боях немцы были выбиты из городских кварталов и укрылись в цитадели, возвышавшейся над городом, на улицы, просматриваемые из цитадели, вышли поляки. Это было удивительное, незабываемое шествие: познанские пекари, мясники, портные несли свои цеховые знамена. В этом была особая торжественность. Знамена все годы оккупации хранились тайно, за них можно было поплатиться жизнью. Все атрибуты довоенной Польши, любая форменная одежда, включая школьную, подлежала изъятию, уничтожению. И нарушители жестоко карались оккупантами. Потому школьники были горды своими старыми курточками, в которые и втиснуться-то с трудом могли: рукава едва доходили до локтей.

Впервые за столько лет зазвучала на улицах музыка — национальные мелодии. Это любительские оркестры вышли из подполья. Запрещено было не только исполнять родную музыку, пробуждающую в людях чувство солидарности, но запрещены были любые польские оркестры. Еще не сорваны объявления: «Полякам вход воспрещен», «Поляки — только в прицепной вагон трамвая», а по освобожденным улицам Познани, на виду у отступившего в цитадель противника, неостановимо идут и идут в едином потоке люди.

А тогда, в 1939-м, Геббельс выехал в Варшаву, чтобы поглядеть на свои жертвы в гетто, в каком нечеловечески жалком они состоянии, и велел заснять — «чтобы создать пропагандистский шедевр».

«Мы вышли из машины и обошли все пешком. Это неописуемо. Это уже не люди, это животные».

Люди были приговорены здесь гнить и гибнуть. Тем невообразимее, оглушительнее было для него известие о восстании Варшавского гетто. Но это много позже. А в ту поездку похоть ксенофобии не довольствовалась только зрелищем гетто. Требовалась вся картина расправы над Варшавой, над поляками.

«Картина уничтожения. Варшава: это ад. Уничтоженный город. Наши бомбы и гранаты проделали свою работу. Нет неповрежденного дома. Население отупевшее и полупризрачное. Как насекомые, ползают они по улицам. Это отвратительно и почти неописуемо».

«РУССКАЯ АРМИЯ МАЛО ЧЕГО СТОИТ»

3 ноября 1939. Англичане никак не могут расстаться с иллюзией, что Москва принадлежит к их лагерю.

4 ноября 1939. Я приказал переработать «Сионские протоколы». Это для войны против Лондона и особенно Парижа.

Это те самые «Протоколы сионских мудрецов», переработанные под руководством Геббельса, которые в нашей стране распространяются фашистского толка организациями.

8 ноября 1939. Фрик[1] докладывает о еврейском вопросе в Польше. Он за более мягкие методы. Я протестую.

9 ноября 1939. Коминтерн обратился с довольно наглым призывом к пролетарским массам против «ведущей войну буржуазии». Все та же музыка. От связей с Москвой иногда становится немного противно.

11 ноября 1939. Русская армия мало чего стоит. Плохо руководима и еще хуже вооружена. Ее помощь оружием нам не нужна. Хорошо, правда, что нам не пришлось вести войну на два фронта. Так планировала Англия. Но Чехия добровольно отдала нам свое оружие, а у Польши мы его взяли.

14 ноября 1939. Фюрер вновь определяет катастрофическое состояние русской армии. Она едва способна к боям. К тому же — упорство финнов. Возможно, что и средний уровень интеллектуальности русских не позволяет производить современное оружие.

---

[1] Имперский министр внутренних дел.

Через два с лишним года, на фронте, при опросе пленного офицера мне полагалось спросить, в чем он видит наши сильные и слабые стороны. Ответы сходились. Преимуществом Красной армии немецкие офицеры считали: танк Т-34, артиллерия, выносливость солдат. И еще — Жуков.

18 ноября 1939. В протекторате наведен порядок. 9 чешских студентов расстреляно. Университет закрыт на 3 года.

28 ноября 1939. Сложный конфликт Москва — Финляндия. Большевики утверждают, что финны стреляли по их территории. Ха-ха-ха! Но с этим они связывают ультиматум — финским войскам отойти на 15 км. Финны сопротивляются.

1 декабря 1939. Россия перешла через границу с Финляндией. Итак, конфликт начался. Это нам пригодится. Сейчас есть потребность в неспокойствии.

2 декабря 1939. Финны отступают. Русские установили у границы оппозиционное правительство. К сожалению, в нем есть еврей.

3 декабря 1939. Москва массированно наступает на Финляндию. Бомбы на Хельсинки. Спектакль с «коммунистическим» правительством. Мировая общественность шумит.

Однако Германия — единственная страна, признавшая это правительство.

5 декабря 1939. Фюрер полностью разделяет мою точку зрения на еврейский и польский вопрос... Польская аристократия заслужила свою гибель.

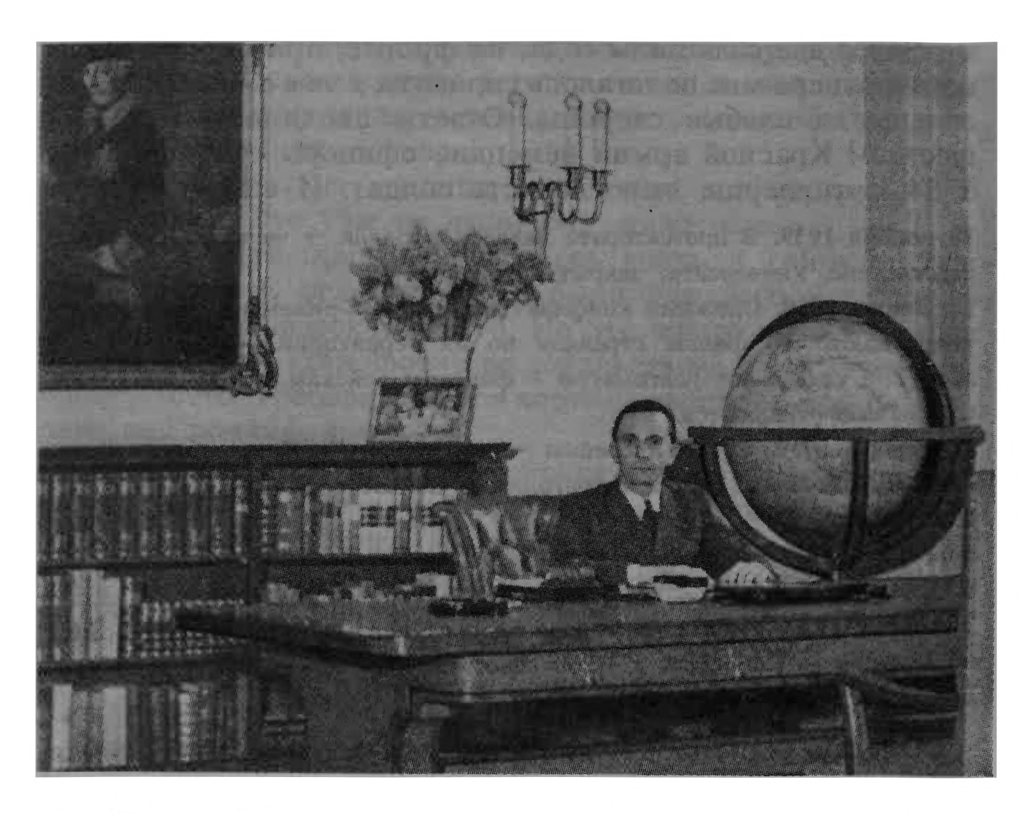
12 декабря 1939. Фюрер жестоко раскритиковал «Вохеншау» («Недельное обозрение»). *(Этот журнал кинохроники ведет Геббельс.)* Мне кажется это не совсем справедливым. Он сделал это перед всеми офицерами и адъютантами. Но у него есть на это право, он гений,— *смиренно увещевает себя Геббельс и страстно ждет для «Недельного обозрения» захватывающих кадров войны.*

14 декабря 1939. У нас очень многие слушают иностранное радио. Я велел вынести и опубликовать несколько драконовских приговоров. Может быть, это поможет.

22 декабря 1939. Сталин справляет 60-летний юбилей. Фюрер поздравил его телеграммой. Короткие статьи в немецкой прессе. Тяжелые бои между русскими и финнами. Русские продвигаются вперед, хотя медленно. Но похоже, у них получится.

«ФЮРЕР... СОВЕРШЕННО АНТИХРИСТИАНИН»

28 декабря 1939. Что касается бюрократии, искоренить ее невозможно. Это состояние, а не болезнь. Так же как юристы... Они оставляют ответственность законодателю. Юрист бежит от ответственности. Пусть погибнет мир, но свершится право! И на учителей излил фюрер

В кабинете на Вильгельмплац, под портретом Фридриха Великого и фотографией своих детей. И глобус, как у Гитлера в рейхсканцелярии, но уменьшенного размера

свою язвительность. Тут мне возразить нечего. Они так же мало годятся в «просветители народа», как вчера — в народные воспитатели...

Фюрер полностью разделяет высказанное ему Геббельсом недовольство церковью и, не отказываясь от борьбы с нею, считает, что во время войны церковь ничего вредящего национал-социалистическому государству не предпримет.

А если к тому же припомнить, добавлю от себя, что на пряжке солдатского ремня было выбито традиционное «Gott mit uns» — «С нами Бог» (С нами — с немцами). Или то, что в штабе пехотной дивизии номинально числился отдел религиозной службы, хотя за всю войну не пришлось ощутить присутствие церковного пастыря в немецких войсках. То выходит: все, что хоть сколько-нибудь на пользу фронту, все идет в дело, сгодится и неприемлемая для нацизма церковь, с которой предстоит посчитаться после войны.

Посетовав на то, что фюрер не соглашается объявить себя наместником Бога,— он-де «только и исключительно политик»,— Геббельс вздыхает: «А легче всего бороться с

церковью, когда противопоставляешь ей себя как „позитивного христианина».

29 декабря 1939. Проблемы России очень интересуют фюрера. Сталин — типичный русский азиат. Большевизм устранил западноевропейский правящий слой. Только он был в состоянии сделать этот гигантский колосс политически дееспособным.— *Это Гитлер возвращается к высказанному им давно в «Майн кампф».*— Хорошо, что сегодня об этом не может быть и речи. Россия остается Россией, кто бы ею ни правил. Надо радоваться, что Москва сейчас занята. Распространение большевизма на Западную Европу мы сумеем обуздать. Затем мы снова коснулись религиозных вопросов. **Фюрер глубоко религиозен, но совершенно антихристианин.**

Характер религиозности Гитлера раскрывает Голо Манн: «Бога нет, но есть «Провидение»: не для всех, а только для него». «Он *(Гитлер)* считает христианство признаком упадка. Он прав,— пишет об этом же Геббельс.— Оно порождение еврейской расы. Это видно по сходству религиозных обрядов... Фюрер — убежденный вегетарианец, и это из принципа. Его аргументам невозможно всерьез противостоять. Они поражают. Он вообще невысоко ставит гомо сапиенс».

«ТАКОВА ЭТА ВОЙНА»

1940 год. Странная война. Можно повторять известную со времен первой мировой войны военную сводку: на Западном фронте без перемен.

«В политике и войне покой»,— записывает Геббельс. Хотя в новогоднем призыве фюрера звучат приближающиеся раскаты военного грома.

Геббельс с женой и детьми предается отдыху, зимним развлечениям: катанию на санках, на лыжах. Он в восхищении от своей речи по радио в канун нового года. И, поднимая бокал в 12 часов в семейном застолье, провозгласил: «Боже, покарай Англию!»

И хотя веры нет, но из суеверия он выпрашивает у Бога в первый день нового года: «Боже, дай нам победу! Большую победу».

3 января 1940. Фриче[1] до сих пор не понимает необходимость повторения в пропаганде. Надо вечно повторять одно и то же в вечно меняющихся формах.— *Эта установка на бесконечное повторение как самое*

---

[1] Ответственный сотрудник министерства пропаганды, руководитель германского радиовещания.

результативное в пропаганде дана в «Майн кампф» и отлично проштудирована Геббельсом.— Народ в основе очень консервативен. Его нужно полностью напитать нашим мировоззрением через постоянное повторение. На Верхнем Рейне совершенно спокойно. **Такова эта война.** Французы на той стороне Рейна играют и поют английскую песню... Франко высказался в своем обращении по радио против евреев и Англии. Хоть что-то за наши деньги, наши самолеты и нашу кровь.

5 января 1940. В Финляндии русские совсем не продвигаются. Похоже, что на деле Красная Армия мало чего стоит.

13 января 1940. Фюрер полагает, что большевизм — форма правления, отвечающая сегодняшнему состоянию славянства. Большего из русских все равно не выжмешь. Сталин, по его словам, современный Иван Грозный, а по-моему, и Петр Великий. А что страна не смеется, так она и при царях не смеялась. Просто с тех пор исчез правящий слой, и его сменили типичные славяне. Они и не могли сделать ничего иного, кроме того, что они сделали. Для нас это очень хорошо. Лучше слабый партнер в соседях, чем сколь угодно хороший товарищ по союзу.

19 января 1940. Вермахт обращается с польскими офицерами слишком мягко... Поляки этого не понимают. Я приму меры. Русские совсем застряли в Финляндии при этих сибирских морозах. Войны на два фронта в обозримое время бояться не приходится.

22 января 1940. Крайне пессимистические сообщения о положении в советской России. Москва очень слаба в военном отношении... Московская пресса оказывает нам великолепную помощь в борьбе против Лондона, по-видимому, русские находятся в отчаянном положении.. **Фюрер решился на большую войну с Англией.** Как только установится погода. **Надо выгнать Англию из Европы и разрушить Францию как великую державу.** Тогда у Германии будет гегемония, а в Европе мир. Это наша великая, вечная цель.

23 января 1940. Финский поход и особенно продолжающиеся до сих пор неудачи сильно навредили России.

Представшая в финскую кампанию слабость Красной армии подстегнула Гитлера начать войну против Советского Союза. Суждение о такой прямой связи событий я услышала от маршала Жукова в состоявшейся у меня однажды продожительной беседе с ним.

«МЫ НАЦИЯ ГОСПОД»

6 февраля 1940. Благодаря нашей организованности и строгому отбору мировое господство автоматически достанется нам. На нашем пути стоит одна только церковь. Она не хочет отдавать свое мировое господство, она маскирует его религией... Отсюда сегодняшняя борьба, которую мы должны выиграть и выиграем. Фюрер набросал эти перспективы с боль-

шим размахом... Риббентроп снова написал мне оскорбительное письмо на 10 страницах. Хватает же у него на это времени в такие времена. Я ему вовсе не ответил. Ему придется долго ждать, пока я откликнусь на его свист. Идиот! С манией величия!

16 февраля 1940. Женщины тоже ведут войну тем, что они рожают детей.

12 марта 1940. Мы нация господ. Мы должны править, а не заключать договоры.

13 марта 1940. Мы должны расширить границы рейха на восток и на запад... Как докладывает Лоренц, русские солдатики — просто потеха. Ни следа дисциплины. Но Берлина они боятся. С еврейским вопросом большевики на свой лад покончили. Они остаются азиатами. Тем лучше для нас. Сталин становится настоящим панславистом. Голуби мира так и носятся в воздухе между Финляндией и Россией.

14 марта 1940. Вчера: подписан мир Россия — Финляндия. Финляндия терпит ужасный ущерб, она вышла из этой истории с синяком под глазом. Для нас большая дипломатическая победа. В Лондоне и Париже ошеломлены. У нас замечательная пресса. Мы усердно используем это. Надо так стукнуть, чтобы клочья полетели.

15 марта 1940. У фюрера... Колин Росс говорит, что Россия — страна безотрадная. Ни смеха, ни радости. Но тем не менее Сталин очень популярен. Он — единственная надежда. Преемник Петра Великого. Защитник панславизма. Как германцы, мы никогда не поймем этих славян. Для русских Сталин — отец. А что он целый год, словно заботливый садовник, срезает то одну, то другую ветку, то есть ликвидирует генералов и журналистов, так это в природе большевизма. Он не терпит никакого величия... И раз Сталин сам расстреливает своих генералов, нам этого делать не придется. Собирается ли Сталин истребить всех евреев? Может быть, он их называет троцкистами, чтобы обмануть мир. Кто знает? Во всяком случае, теперь мы связаны с Россией союзом. До сих пор это было нам только выгодно. Фюрер увидел Сталина в фильме, и он тотчас показался ему симпатичным. С этого, собственно, началась германо-русская коалиция.

Может, и для Сталина она началась так же простенько, с того, что он увидел симпатичный ему портрет Гитлера? Но нет свидетельств этого заочного рандеву, зато обозримы последствия.

В этой же записи в какой уже раз (и не последний) — говорится: Россия ослаблена из-за исчезновения в ее правящем слое немецкого элемента. Геббельс не замечает, что и это рассуждение, как и те, которыми он часто заполняет дневник,— из «Майн кампф», и они освоены им по гитлеровскому методу повторений, будто свои. В каком-

Гитлер поздравляет Геббельса с днем рождения и с 10-летним юбилеем на посту гауляйтера Берлина

то смысле это так и есть. Он — уже не только рупор Гитлера, он его alter ego.

16 марта 1940. Советско-российские сатиры Зощенко. «Спите, быстрей, товарищи!» Хотят быть остроумными, но разворачивается мрачная картина большевистского бескультурья, социальной нищеты и неспособности к организации... Ох уж эти союзнички. Кабы нам не приперло... *(многоточие в тексте).* Но так у нас война только на одном фронте. И, в конце концов, какое нам дело до социальных и культурных образцов московского большевизма. Мы хотим сделать Германию великой и сильной, а не создавать утопические планы всемирного благоденствия.

20 марта 1940. Муссолини пойдет с нами до конца... Фюрер вновь до глубины души поражен его сильной индивидуальностью. Ему очень мешает королевская семья. Но он оставляет монархию, чтобы сохранить в госудврстве консервативные элементы... Он для нас — большой и верный друг.— *Но эти заверения ненадолго. Не пройдет и трех месяцев, как Муссолини станет подвергаться злым нападкам.*

6 апреля 1940. Война жестока, но она — закон природы и потому необходима.— *Это высказывание тоже из запасников фюрера. До поры не выставлялось.*

«ФЮРЕР ОТДАЕТ ПРИКАЗ ПО ЗАПАДНОМУ ФРОНТУ: ЧАС ПРОБИЛ»

9 апреля 1940. Фюрер вызвал меня. Мы гуляли по парку, и он развивал свои планы: сегодня утром, в 5.15, будут оккупированы Дания и Норвегия...— *С Данией был заключен Германией договор о ненападении год назад.*— Все подготовлено до мелочей. В акции участвуют 250 000 человек. Оружие и амуниция в основном уже тайно доставлены на угольных баржах... Что сделает Америка? Сейчас нас это не интересует. Ее материальная помощь может прийти не раньше чем через 8 месяцев, людьми — через 1 $^{1}/_{2}$ года. А мы должны прийти к победе в этом году. Иначе материальный перевес другой стороны станет слишком большим. К тому же многолетнюю войну психологически трудно вынести... Сперва мы немного отдохнем, овладеем этими странами и затем покончим с Англией. Теперь у нас есть база для атаки. Если короли будут вести себя прилично, могут оставаться. Но сами страны мы уже никогда из рук не выпустим.

Успех вторжения обеспечивала его неожиданность и неосознанность норвежцами реальной угрозы нападения. К тому же Германия еще недавно, в 1939 году, приносила торжественные заверения, что не нарушит независимость и суверенитет Норвегии.

Но не удался намеченный немцами захват короля и правительства.

10 апреля 1940. Мир словно громом поражен. Я зачитал по радио наш меморандум датскому и норвежскому правительствам. Наш известный довод: защита Осло и Копенгагена. Осло еще упирается.

11 апреля 1940. Всегда дивишься мировому охвату и отваге концепций фюрера. Сперва действовать, философия потом...

25 апреля 1940. Фюрер развивает свои планы. Франция должна быть разбита. Тем самым Англия лишится своей континентальной шпаги.— *Позже «континентальной шпагой» Англии будет названа Россия.*— Тогда Англия беспомощна. Уничтожение Франции — это акт исторической справедливости... Англия получит мир, если уберется из Европы и вернет нам наши колонии и кое-что в придачу. Но это возможно, только если она сперва получит хорошую взбучку.

9 мая 1940. Положение в Норвегии теперь совершенно ясно. Эта страна теперь принадлежит нам. Кто у нас теперь ее отберет?

Наступление на Западе, эскалация войны, наглые вторжения германских войск в маленькие нейтральные государства, захват их были обеспечены для Гитлера уверенностью, что на Востоке ему не грозит второй фронт. Это под-

Геббельс с Гиммлером и Канарисом — главой абвера (контрразведки)

черкивает в своем дневнике Геббельс как главную выгоду от соглашений со Сталиным.

Еще в 1936 году Геббельс записал: «Советы должны быть изолированы, и они сами себя изолируют. Так нам их легче схватить». И изолированных «схватили» в 1939-м. Вернее, «схватились» друг за друга. Заключив пакт с Гитлером, Сталин оказался повязан с ним и началом второй мировой войны, и последующими действиями в отношении Польши. Через месяц был заключен договор о границах и дружбе.

Торговыми договорами с Советским Союзом Германия выходила из тяжелейшего положения, в котором оказалась из-за английской блокады. Хотя в экономике «Советы являлись упрямым и ловким партнером» (Ширер) и требования Москвы на поставки немецких военных материалов и военной продукции, по словам Кейтеля, «становились все более непомерными», но Германия расплачивалась и получала то, в чем острейше нуждалась. Зерно и нефть, хлопок и другое сырье потоком шло из Советского Союза в рейх.

Поставки выполнялись с усердием и щедростью. «Сталин не жалеет труда нам нравиться», как сказано Геббельсом.

Печально символичным останется в истории тот железнодорожный состав, что 22 июня утром, когда немцы уже бомбили советские города и наши пограничные заставы, застигнутые врасплох, отбивались от вломившихся войск Гитлера, проследовал строго по графику через Брест, исправно доставляя в Германию договорные поставки.

Каждая услужливая статья в советской печати, демонстративно прогерманская, была на руку нацистским главарям. «Англия потребовала в Москве сокращения германо-русской торговли. Получила заслуженный отпор. Тяжелые времена для Альбиона!» — записывает Геббельс. «Москва нанесла удар в лицо английским плутократам. Не удалось им сыграть на разрыве русско-германских связей»,— снова торжествует он с появлением очередной статьи в разгар немецкого наступления на Западе (31.5.1940), и на следующий день: «Сталин твердо остается с нами, несмотря на все лондонские соблазны. Однако определенная партийная бюрократия нас терпеть не может».

Помощь Сталина, укреплявшая наращивание Германией агрессии на Западе, была бумерангом. Гитлер воспользовался нейтралитетом Советского Союза, чтобы всей военной мощью обрушиться на западные страны. Но, не слишком полагаясь на долговременную прочность этого нейтралитета, он заранее, всего через три месяца после заключения пакта о ненападении, 23 ноября 1939 года, заявил генералам: «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе». И с неотвязной мыслью о России рвался он к достижению своих целей на Западе. Всего через месяц после оккупации Дании и Норвегии немецкие войска вступают 10 мая в Голландию и Бельгию, которым Гитлер давал гарантии их нейтралитета. Все тот же циничный «наш известный довод»: защита их нейтралитета от нападения англо-французских армий.

11 мая 1940. Голландская королева обратилась с призывом к народу. Скоро у нее уже не будет такой возможности. **Фюрер отдает приказ по Западному фронту: час пробил.** Эта борьба решит 1000-летие германской истории... Решение принято. Напряжение разрядилось... Вильгельмина обращается к своему народу. Старая дура. Пусть убирается и не сует палки в колеса истории.

14 мая директива Гитлера гласила: «...Сопротивление голландской армии оказалось более стойким, чем предполагалось. Как политические, так и военные факторы требуют сломить это сопротивление в короткий срок». Были брошены дополнительные силы на овладение Голландией и отдан

приказ о зверской бомбардировке осажденного Роттердама. Разрушенный, пылающий город, огромные человеческие жертвы. Тактика террора.

16 мая 1940. Вчера: прошлой ночью пришли невероятные сообщения о победе — голландская армия полностью капитулировала. Мы тут же объявили это всему миру, в первую очередь Бельгии. На врагов это оказывает шоковое воздействие.

Мать Геббельса голландка, и в молодые годы, когда он маялся безработным, он даже примеривался, не уехать ли ему к родственникам в Голландию — найти там себе пристанище и работу. Но об этом — в ранних записях. Позже он не упоминал в дневнике о происхождении матери. И теперь в нем не шевельнется хоть самая малость сочувствия к родственному ему народу, к голландцам, гибнущим под бомбами и в огне страшного пожара. Без всякого замешательства он жаждет лишь эффектных кадров для «Вохеншау» о злодейской, демонстративной расправе над Роттердамом, рассчитанной на подавление сопротивления.

И наконец-то эти кадры получены: «Новое «Вохеншау» готово, особенно нагляден пожар Роттердама». Кинохронике будет чем на этот раз угодить фюреру.

18 мая 1940. Паника в западных странах. Я усиливаю ее с помощью тайных передатчиков, которые выдают себя то за подлинно английские, то за подлинно французские новости. К тому же мы бросаем подозрение на эмигрировавших немецких евреев как на шпионов.

Зловещий провокатор по призванию. Его тайные передатчики, один — под названием «Гуманист» (!), другой «Конкордия» — Согласие (!), распускают слухи о мире, а через сутки Геббельс объявляет, что «мир вновь торпедирован Англией», надеясь, что это подорвет нервы французов. «В конечном счете сумятица нам только полезна».

Стойко сражалась бельгийская армия вместе с французскими войсками и английскими экспедиционными силами.

27 мая бельгийский король Леопольд согласился на безоговорочную капитуляцию. 28 мая Бельгия пала.

2 июня 1940. Мы все же понесли серьезные потери,— *признает Геббельс.*

«Гитлер разгневан на нейтралов. Чем они меньше, тем наглее. Они не должны пережить эту войну»,— записал Гебельс еще 14 апреля.

Но эти маленькие государства достойно выстояли в годы нацистского насилия, пережили войну и Гитлера, сохранили независимость.

Норвежский король с правительством бежали из Осло,

отвергли предложенную противником капитуляцию, ушли в горы и призвали народ к сопротивлению. Героической была борьба норвежцев.

Равнинная Дания, танкодоступная повсеместно, и вовсе была не защищена и не готова к отпору. До поры старалась не навлекать на себя расправу нацистов, чувствуя свою беззащитность. Но и в Дании оскорбленное насилиями чувство чести нации привело к сопротивлению. Именно в одной из этих маленьких стран, обреченных Гитлером «не пережить эту войну», король в знак протеста и солидарности с гонимыми надел желтую звезду.

В Голландии, казалось, сопротивление подавлено. Казалось, маленькая, мирная страна осознает себя бессильной перед военной мощью Германии. Люди пытались продолжать жить с привычными им навыками и склонностями, по возможности игнорируя оккупантов. Но в Амстердаме на площади высится установленный после войны памятник. На постаменте стоит докер с решительно сжатыми кулаками. Это — память о всеобщей забастовке голландских докеров, объявленной ими, когда стало известно о депортации евреев. Немцы сочли действия докеров, не потерпевших насилия над согражданами, восстанием и расстреляли руководителей сотрясшей страну забастовки, от которой ведет свое начало голландское Сопротивление.

«С 1938 ГОДА МЫ ЗАХВАТИЛИ В ЕВРОПЕ 7 СТРАН»

После победы над Францией Гитлер, уверовав, что это он и только он лично осуществил ее, охотно ссылался на тщательно изученный им труд де Голля о ведении войны моторизованными войсками, который, по его словам, был для него руководством в боевых действиях в войне против Франции.

Думается, что генералы, обеспечившие ему победу, могли бы указать большее число пособий, которыми они пользовались, готовясь к войне. Напомню одно из них. Вероятно, многие видели документальные кадры кинохроники, запечатлевшие маневры, которыми в последний раз руководил Тухачевский. Тогда впервые был показан танковый авиадесант. Зрелище впечатляющее. Его наблюдали военные атташе и другие иностранные специалисты. Был в их числе Гудериан — запомним это. После ареста Тухачевского его теория ведения новых методов войны у нас была запрещена как «вредительская», танковые корпуса расформированы,

танки рассредоточены по стрелковым соединениям. (В процессе войны пришлось заново создавать механизированные и танковые корпуса и танковые армии).

Генералы же вермахта усердно разрабатывали новые методы, не в последнюю очередь подсказанные на тех маневрах.

...136 немецким дивизиям противостояли 135 французских, английских, бельгийских и голландских. При равном с немцами количестве танков, при мощных оборонительных сооружениях — линия Мажино, бельгийские форты — немецкая армия с ее пикирующими бомбардировщиками, массированным введением в сражение танков, десантированием войск — совсем новым характером наступления — ошеломляла, подавляла противника.

Рассматривать ход шестинедельной войны, оглушительность скоротечной победы немецкой армии над таким сильным противником, каким была Франция,— дело военных историков. Я же вынуждена держаться дневника Геббельса, как повелось в этой моей работе.

Как всегда в его многословных записях все вперемешку. Тут и политические новости, и сведения о спектаклях, которые он снял с репертуара в Берлине. И непременно об удачных «Вохеншау», благо военные действия не приостанавливаются. О готовых (уже 22 мая) новых фанфарах для предстоящих сообщений по радио о победе над Францией. О художественной выставке в Мюнхене, которую ему предстоит открывать. И снова о Тоглере с его «коммунистическими» передатчиками. И о многом другом. И конечно же, о событиях на фронте.

15 мая: «Перешли бельгийско-французскую границу. Мы уже идем на Брюссель». 16 мая: «Голландская армия капитулировала. Линия Мажино прорвана под Седаном». 18 мая: «Линия Мажино прорвана на ширину 100 км». 18 мая: **«С 1938 года мы захватили в Европе 7 стран».** 24 мая: «Англичане отчаянно пытаются остановить наш марш на Кале».

Геббельс, разумеется, как и Гитлер, не понимал степень стойкости англичан, их несмирение с понесенным поражением и полагал, что в Англии пораженческие настроения.

25 мая: «Но даже Бернард Шоу сказал, что скорее умрет в последнем окопе, чем призовет к капитуляции». 26 мая: «Нами окружен Кале — 45 тысяч пленных». 27 мая: «Кале окончательно в наших руках. Это значит, наша рука на глотке Англии». 29 мая: «Великий исторический день. Объявлена капитуляция Бельгии». 31 мая: «Англичане пытаются бежать через канал. Люфтваффе успешно бомбит их. 60 транспортов потоплено или сильно повреждено».

Окруженные английские и бельгийские войска, едва выстаивая под натиском немецких танковых армий, особенно танков Гудериана, удерживают Дюнкерк, эвакуируются с побережья через канал в Англию, спасаясь от уничтожения.

1 июня: «Англичане все еще обороняют Дюнкерк с последней силой отчаяния... К сожалению, плохая летная погода, что чрезвычайно благоприятно для английского отступления». 2 июня: «Англия продолжает бегство через канал...» 3 июня: «Все ближе к Дюнкерку... За каждый метр земли приходится сражаться».

Здесь позволю себе небольшое отступление. Давно, в 70-е годы, меня снимали в английском многосерийном документальном фильме о второй мировой войне. И при этом я имела возможность посмотреть несколько уже готовых серий. Мне уже как-то приходилось об этом рассказывать. И вот одна из этих серий: Черчилль, взгромоздившийся на баррикаду в Лондоне. Он заканчивает речь: «Если и через сто лет нас спросят, какое время было самое прекрасное?..» А на экране, прервав его, возникает блокированный немцами Дюнкерк. Корабли, осажденные солдатами, перегруженные, кренясь, отчаливают. Солдаты, не поспевшие к их отплытию, бросаются за ними вплавь. Яростно плывут. У кого-то хватит сил доплыть, ухватиться... У кого-то силы сдают... А корабли все дальше уходят в море, к берегам Англии. Все меньше надежды... На опустевшем берегу ветер подхватывает песок, заметает трупы... И снова на экране Черчилль, он говорит: «И через сто лет мы скажем: это время самое прекрасное». Страшное и прекрасное, гордое и трагическое время стойкости Англии. Но что мы знаем о нем? Бессовестно мало или совсем ничего. О потерявшей своего разгромленного союзника Англии, о ее героическом единоборстве в войне с фашизмом.

«НАШИ ВОЙСКА ВСТУПАЮТ В ПАРИЖ»

4 июня 1940. ...все еще продолжается битва за Дюнкерк. Наши войска сражаются с героической отвагой. Но и противник сопротивляется упорно. Число захваченных нами пленных, считая бельгийцев и голландцев, достигло полутора миллионов.— *Геббельс, называя те или иные благоприятные для немцев цифры, далеко не всегда точен. Как обстоит в данном случае — уточнить не удается.*

5 июня 1940. Вчера: главная тема — бомбардировка Парижа. 1000 самолетов участвовали в атаке. Только военные объекты... Мы стоим в пригородах Дюнкерка. Долго это уже не продлится.

«Под Дюнкерком на сегодня 58 000 пленных». Все воспаленнее, торжествуя и наглея, он пишет:

9 июня 1940. Наше наступление прорвалось далеко за линию Вейгана... Во Франции впервые заговорили о мире. Стало быть, они слабеют, эти свиньи. Мы им ужо! Сложить оружие, как мы в 1918-м, а потом поговорим... Под Дюнкерком число пленных достигло 88 000. ...Французы отступают. От этого сообщения сердце дрожит от восторга. О прекрасный немецкий народ! Ты призван дать Европе новый порядок.

11.6.1940. Южнее Седана массированное продвижение вперед. Норвегия капитулировала. Англичане рвут когти. Король Хакон бежал в Лондон. Над Нарвиком развевается флаг со свастикой.

14 июня 1940. Париж объявлен открытым городом. Паника и разложение деморализовали весь город. Французы отступают по всему направлению. Рено обратился около полудня к Рузвельту с драматическим призывом о помощи... Париж почти полностью окружен.

15 июня 1940. Наши войска вступают в Париж. Фюрер распорядился: флаги, колокольный звон в течение 3 дней... Какие победы, какой успех!

Сохранилось документальное свидетельство кинорепортеров. Марш вступающих в Париж немцев по безлюдным улицам, мимо домов с наглухо закрытыми ставнями и жалюзи окнами. Это протест парижан, отвержение немцев. Спасая Париж от разрушения после устрашающе продемонстрированной немцами бомбежки, объявив его открытым городом, парижане отгородились от нестерпимого зрелища вступивших в Париж немецких частей. Город мертв.

Это пронзительно трагично, берет за душу и по сей день, как и все, что вынесено тогда Францией в дни поражения.

«ФРАНЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ УНИЧТОЖЕНА»

16 июня 1940. Теперь мы могли бы захватить весь мир. Литва приняла русский ультиматум о размещении на своей территории отрядов красных... Мир будет поделен заново, кто не поспешит, тот опоздает к разделу... **Франция должна быть уничтожена...** Французы сопротивляются очень упорно. Но большое число укрепленных позиций нами взято... С 5 июня по сегодня свыше 200 000 пленных. Над Версалем развевается немецкий флаг. Триумф! За это мы боролись 21 год. Gloria, Victoria! Литовский ответ не удовлетворил Москву. Русские войска вошли в Литву. Свержение кабинета в Ковно. ... линия Мажино прорвана южнее Саарбрюкена... Сперва захвачено два форта возле Вердена, затем в наши руки попал город и крепость. В мировой войне нам пришлось ради этого пожертвовать сотнями тысяч солдатских жизней... Из Прибал-

тики новые слухи. Похоже, Москва решила устроить там tabula rasa[1]. Это самое умное, что она может сделать.

18 июня 1940. Вчера: решающий день. Петен возглавил французское правительство... Понятно, что капитуляция на пороге. Трусливые парламентеры улизнули... Весь французский фронт развалился... Мы стоим в Орлеане. Перешли Луару. Так что Орлеанская дева не помогла. У Безансона мы вышли к швейцарской границе. Кольцо вокруг линии Мажино сомкнулось... Вчера: Латвия и Эстония принимают московские ультиматумы.

19 июня 1940. Черчилль выступал в нижней палате. Речь бешеного. Он-де будет один сражаться дальше.

Гитлер тщательно изучил церемониал перемирия и подписания Версальского мира, взяв его за образец в предстоящих переговорах с французами в Компьене, о чем он поделился с Геббельсом.

22 июня 1940. В 15.30 начались переговоры в Компьене *(накануне)*. В том же салон-вагоне, в котором 11 ноября 1918 года была унижена Германия. Сам фюрер, фактом своего присутствия, руководил переговорами. Кейтель зачитывает преамбулу к германским условиям... Затем фюрер покидает салон-вагон... Вечером в 18 ч. переговоры прерваны. Сегодня в 11 ч. французы хотят дать свой ответ. Примут они или нет? Фюрер, позвонивший мне еще поздно вечером, полагает, что да. Им не остается ничего другого. Фюрер подробно рисует мне всю эту сцену: французская сторона была потрясена, вдруг увидев его перед собой. Он не произнес ни слова. Ситуация была совершенно драматическая... Большой камень, триумфальный памятник и салон-вагон будут доставлены в Берлин. Итак, позор смыт. Чувствуешь себя словно на свет народившимся.

Шпеер пишет в «Воспоминаниях», что после победы над Францией он считал Гитлера гением.

Дороги Франции были забиты колоннами немецких войск, а по обочинам, толкая детские коляски и тачки с пожитками, двигались куда-то измученные беженцы. Через три с половиной года, как пишет Шпеер, точно такие же беженцы, но уже немцы, плелись по дорогам Германии...

22 июня ночью впервые небольшая бомбардировка английской авиацией Берлина. Незначительный ущерб, но население крайне встревожено: не ожидало, что над столицей рейха могут появиться самолеты противника.

23 июня 1940. Переговоры в Компьене все еще ведутся. Французы очень упорны и действуют чрезвычайно ловко. Утверждают, что могут принять все наши условия, но никак не итальянцев, которые действительно весьма ненасытны. Муссолини в Мюнхене пожелал, чтобы фюрер и их представлял

[1] Чистая доска *(лат.)*.

на переговорах. Но фюрер отказался. Господа итальянцы должны это делать сами. И прежде всего бороться, а не только требовать. Они портят нам все дело. В народе их престиж упал до нуля. Поскольку они ничего не делают, а всю борьбу возлагают на нас. Даже фюрер этим очень недоволен. Хотели бы мы иметь таких храбрых и верных союзников, как французы. А они, как нарочно, истекают кровью за этих подонков-англичан... Муссолини совсем не тот солдат, что фюрер.— *Прошло то время, когда Геббельс то и дело противопоставлял достоинства Муссолини слабостям Гитлера. Теперь они окончательно поменялись ролями.*

Геббельс тоже наведался в поверженный Париж. «Обзорная поездка. Замечательный город!» Особенно потряс его Версаль. «Эти Людовики все же были великие люди. Трианон *(дворец)*... Я бы тоже такой хотел» (2.7.1940).

Этим возгласом Геббельс заканчивает свои записи о победе над Францией.

Глава шестая

«Я НЕ ВЕРЮ В МИР. СНАЧАЛА — ВОЙНА!»

24 июня 1940. Вчера: русские все упорнее отвергают приписываемую им попытку антигерманской политики. Это производит глубокое впечатление.

25 июня 1940. Сталин сообщает Шуленбургу, что он собирается действовать против Румынии. Это против соглашения. Посмотрим.

26 июня 1940. Москва действует в Бухаресте очень энергично. Румыния просит нас быть снисходительными и пытается привлечь Россию на свою сторону. Но ей вряд ли повезет.

29 июня 1940. Румыния уступила Москве. Бессарабия и Северная Буковина отходят России. Для нас это и вовсе неприятно. Русские пользуются ситуацией.

И к досаде Геббельса, «Вохеншау» не так уж впечатляюще, когда нет военной хроники. Не хватает актуального материала, сетует он. «Что делать, не можем же мы начать войну только ради «Вохеншау».

Но с особым нетерпением, в интересах своего «Недельного обозрения», он станет ждать начала военных действий против Советского Союза.

5 июля 1940. Славянство распространяется по Балканам. Россия использует удобный момент. **Наверное, позднее нам придется вновь выступить против Советов.**

Гитлер со своими генералами фон Браухичем и Гальдером (справа)

Геббельс не посвящен в то, что ровно через пять дней по окончании военных действий против Франции Гитлер со своими генералами приступил к разработке плана нападения на Советский Союз.

16 июля 1940. В народе царит некоторое беспокойство относительно России.— *Видимо, все же что-то тревожное носится в воздухе.*— Но мы не издаем успокоительного опровержения. Это очень хорошо, что народ остается в некотором напряжении. Оно еще понадобится нам против Англии.

19 июля 1940. Русские стали несколько дерзкими. Молотов не принял Шуленбурга. Но сейчас нам это не во вред. А англичане возлагают на это большие надежды.

Триумфальный проезд фюрера к рейхстагу сквозь беснующиеся от восторга толпы народа. В его речи — высокая оценка военных достижений. А также — «Сильное подчеркивание нашей дружбы с Италией и добрососедских отношений с Москвой. Сильное и драматическое обращение к Лондону. Но цели войны не уточняются. Психологически необычайно действенно. Призыв к разуму. Мы не хотим этой войны... Теперь слово за Лондоном. **Я не верю в мир. Сначала — война!»**

После всех немыслимых побед Геббельс в эйфории и, похоже, расхрабрился. Призывает войну. Тогда как еще перед нападением на Польшу он был крайне опаслив и при всех

своих радикальных склонностях предлагал тогда держаться мирной политической линии. Рассказавший об этом в своих «Воспоминаниях» Шпеер считал, что и Геббельс, и Геринг — оба они, выступавшие за сохранение мира, «просто расслабились и деградировали, ведя роскошную жизнь, и не хотели расставаться со своим благополучием».

А теперь ему — подавай войну! Но тревога снова охватит его.

31 июля 1940. Распоряжение гауляйтерам: они не должны допускать вызывающих тревогу слухов насчет возможных действий против России...

3 августа 1940. Речь Молотова потрясла Лондон[1]. Этого и следовало ожидать. Лопнул еще один мыльный пузырь.

9 августа 1940. Мы говорим с фюрером о балтийских государствах, где русские устаналивают свою террористическую диктатуру. Но мы не должны им *(прибалтам)* сочувствовать. Без интеллигенции они для нас безопаснее.... Россия всегда будет нам чужда.

10 августа 1940. Во всей Польше поляки переносят свою участь со стоическим скептицизмом. Вот славяне!.. Смотрели русский фильм о финской войне. Жалкое зрелище. Чистый дилетантизм. Сообщество недочеловеков. К тому же под музыку Вагнера. Кощунство. Наверное, нам придется выступить против всего этого. Изгнать эту азиатчину из Европы, загнать ее в Азию, где ее настоящее место.

15 августа 1940. Мы сосредоточиваем большое количество войск на востоке. Обоснование: небезопасность на западе из-за воздушных налетов.

16 августа 1940. *(О России.)* В армии — жестко. Большевизм совершенно отбрасывает то, что в нем есть большевистского... Фюрер в прекрасном настроении. Я рассказал ему о своих впечатлениях от русских фильмов. Он их полностью разделяет. И у него нет для Москвы ничего, кроме презрения. Затем он совершенно спонтанно сказал, что твердо и слепо верит в наше будущее во всех отношениях. Но на это и у него и у нас всех есть основания... В мыслях фюрера Англия уже побеждена. Нам только мешает погода... Фильм о красной спортивной олимпиаде в Москве. Он хорош. Он показывает живую и жизнерадостную Россию. Другое лицо большевизма. Большие организаторские способности. Большевизм навсегда будет для нас загадкой.

17 августа 1940. Во время войны надо не приостанавливать смертную казнь, как это было во время мировой войны, а усиливать ее,— *излагает в*

---

[1] Имеется в виду речь Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Там были такие слова: «Разоблачая шум, поднятый англо-французской и североамериканской прессой по поводу германских «планов» захвата советской Украины, товарищ Сталин говорил: «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых к тому оснований».

дневнике Геббельс суждения фюрера. И дальше: — Нечего сберегать антиобщественные элементы для будущей революции. Они всегда угрожают государству, особенно в больших городах... Авторитет — фикция. Если антисоциальным элементам удается его потрясти или подорвать, все двери открыты для анархии. Юстиция не может справиться с такими вещами. Она стерильна, лишена мирового кругозора и ответственности. Она годится только в спокойное, консолидированное время. Во время войны или революции надо отодвинуть ее в сторону и руководствоваться только необходимостью, а не формальным законом. Евреев мы позже выселим на Мадагаскар. Пусть они там строят свое собственное государство.— *Эта идея о Мадагаскаре, высказанная в свое время одним из самых заядлых антисемитов — Штрейхером, нет-нет да всплывает причудливо вновь, хотя в гетто и концлагерях евреи намеренно обрачены не на будущее жизнеустройство на Мадагаскаре, а на вымирание.*

22 августа 1940. Покушение на Троцкого в Мексике. Тяжело ранен. Этого дьявола мне не жалко.

«ОДНАЖДЫ НАМ ЕЩЕ ПРИДЕТСЯ РАССЧИТАТЬСЯ С РОССИЕЙ»

23 августа 1940. Я снова запретил все дружественные русским статьи. Русские совершенно бесстыдны. А наши обыватели всегда готовы попасться на их удочку.

24 августа 1940. Я запрещаю всякое потакание России. Москва сейчас становится очень агрессивной. Правда, красные газеты печатают памятные статьи о заключенном год назад германо-русском соглашении. Но ведь и мы это делаем. Обер-группенфюрер (СС) Лоренц докладывает из Москвы. Он совершенно захвачен. Восхваляет чистоту, порядок и дисциплину в Москве. Я в это не верю. В любом случае финский поход доказывает противоположное. Так что не надо покупаться на потемкинские деревни. Я и германская пресса сохраняем сдержанность. **Однажды нам еще придется рассчитаться с Россией.**— *В «финском походе» предстала на обозрение слабость советской армии, неорганизованность, неумелость. Повторю: от маршала Жукова я слышала суждение, что это подтолкнуло Германию к нападению на Советский Союз.*

25 августа 1940. Говорил с Леем. Он хочет — и именно во время войны — основать Дом мод, которому бы его жена и Магда покровительствовали. Я категорически против. Жены должны сидеть дома и появляться на людях только с мужьями. Так хочет народ, и это правильно.

Пресловутое предназначение немецкой женщины: четыре «К»: «Küche, Kinder, Kirche, Kleider» (кухня, дети, церковь, платья). Из них национал-социалисты оставили три «К», исключив Kirche — церковь.

5 сентября 1940. С Москвой трения из-за Румынии и Мемеля, частично выраженные в русских протестах, которые мы отклоняем.

13 сентября 1940. Небольшой конфликт с Москвой. Мы задолжали поставки. Торговые сношения прерваны.

15 сентября 1940. Москва ведет себя довольно нагло. Шуленбург лично приехал в Берлин, чтобы сообщить нам об этом... Церковники должны быть со всей серьезностью предупреждены по поводу их идиотской политики трактатиков. Вермахт тоже не желает больше это терпеть.

18 сентября 1940. Мир вовсе не идеал, к которому следует стремиться. Длительный мир расслабит человечество.

В «Майн кампф»: «Вечный мир уничтожит человечество», предназначенное для вечной борьбы. Геббельс то и дело вторит Гитлеру, подчиняя себя его суждениям, но и выдает их в дневнике за свои собственные.

В атмосфере оглушительных военных побед Гитлера Геббельс совершенно завоеван им, растворен, и в этом его услада, обретение. Он уже полностью alter ego Гитлера. Ведь если в Гитлере есть все же самобытность (какая — это другой вопрос), то Геббельс ее вообще лишен, он — вторичен.

19 сентября 1940. Короткое тайное объяснение с Москвой. Она должна быть ориентирована против Англии. Фюрер решил больше не предоставлять России ни одной европейской области.

1 октября 1940. В «Правде» заявление Сталина по поводу Пакта трех держав *(Германия, Италия, Япония)*. Очень позитивно. Россия была заранее ориентирована и не имеет никаких опасений. Так что ветер дует не в паруса плутократов, которые рассчитывали на помощь большевиков... Заявление Сталина принято фюрером с удовлетворением. Оно помогает нам еще чуть-чуть продвинуться вперед.

8 октября 1940. Страна *(Америка)* населена смесью рас, которую не назовешь народом. Тьфу!

17 октября 1940. Москва публикует наглое опровержение по румынскому вопросу... В США уже говорят о вступлении русских войск в Румынию. Но это чушь. На это Москва никогда не отважится.

24 октября 1940. Москва и Токио собираются прийти к согласию на основе договора о ненападении.

Страшные налеты на Лондон.

1 ноября 1940. Лондонцы упрямы. Они еще держатся. Фюрер будет их бить, пока они не падут, поверженные наземь. Когда это будет, никто не знает. Но цель ясна. Они должны окончательно убраться из Европы. У них больше нет на континенте своей шпаги. Россия? Для этого Сталин слишком хитер. А наш вермахт слишком силен. Сталин хочет чего-нибудь ухватить при случае, но не идти на риск. Но от румынской нефти он у нас ничего не получит.— *Геббельс и Магда счастливы, что фюрер*

Народный комиссар иностранных дел Молотов во время пребывания в Берлине 12 ноября 1940 г.

провел у них вечер и засиделся до четырех часов утра. «Он еще раз подтвердил относительно Франции, что она должна оплатить войну, что ей не удастся отговориться».

10 ноября 1940. Несколько воздушных налетов на рейх. Мюнхен тоже получил свое огненное крещение.— *Наконец-то, а то Геббельс огорчался: Берлин бомбят, а Мюнхен эта тяжелая доля все минует.*— Коммюнике о приезде Молотова в Берлин. Удар в лицо Англии. Как раз для Черчилля.

11 ноября 1940. Вчера: умер Чемберлен. Морально и физически сломался под тяжестью наших ударов. Хотел увидеть конец Гитлера, а мы увидели его конец и увидим конец его империи. Готовится визит Молотова. Но я лично буду держаться несколько на втором плане. Визит вызывает величайший интерес во всем мире.

13 ноября 1940. Вчера: Молотов прибыл в Берлин под проливным дождем. Холодный прием.

14 ноября 1940. Вчера: в полдень завтрак у фюрера для Молотова. Узкий круг. Молотов производит впечатление человека умного, хитрого, очень замкнут. Лицо восковой желтизны. Из него едва что вытянешь. Слушает внимательно, и более ничего. Даже фюрера. Результат переговоров станет ясен лишь спустя некоторое время: Молотов — своего рода форпост Сталина, от того, однако, все и зависит. Впрочем, Россия в очень выгодном положении, от которого она вряд ли захочет отказаться. Нам достаточно даже ее нейтралитета. Свита Молотова — ниже среднего. Ни одной выдающейся головы... Ни с одним нельзя разумно поговорить. На лицах страх друг друга и комплекс неполноценности. Исключен самый безобидный разговор. ГПУ не дремлет!.. Чем ближе мы к ним политически, чем дальше по духу и мировоззрению.

15 ноября 1940. Молотов уезжает. «Согласие по всем интересующим вопросам». Холодный дождь для лондонских «друзей Советов». Все остальное зависит теперь от Сталина, но его решение заставляет пока себя ждать.

16 ноября 1940. Итальянцы отбиваются от греков уже на албанской земле. Стыд и позор!

17 ноября 1940. Жуткие сообщения из Ковентри. Город совершенно уничтожен. Англичане уже не храбрятся, только плачут. Они сами этого хотели.

20 ноября 1940. Когда же эта скотина Черчилль капитулирует? Не может же Англия вечно это выдерживать? — *Последняя запись в этой тетради.*

Еще летом внезапным массированным налетом бомбардировщиков на Англию немцы начали наступление «Адлер». В сентябре главной целью стал Лондон, и всю зиму 1940—1941 гг. немцы бомбили город с целью деморализовать население и разрушить промышленность.

«КОГДА ЖЕ ЧЕРЧИЛЛЬ КАПИТУЛИРУЕТ?»

«Я ненавижу лживую мудрость, которая стремится избежать опасности» — таков девиз новой тетради дневника. Это Геббельс с вызовом кидается на собственную опасливость.

21 ноября 1940. Итак, мы готовы приступить к этой тетради со свежим мужеством и верой в Бога.— *В какого же? С христианством покончено, суеверие, как было не раз замечено, осталось.*— У англичан о капитуляции еще и речи не идет. Несколько налетов на рейх. В Берлине тоже была длительная воздушная тревога. Но ущерб невелик. Лондон тоже пострадал мало. Зато в Бирмингеме 500 убитых.

22 ноября 1940. Сообщение из Венгрии: там все под руководством Хорти враждебно немцам.

После подъема в период захватывающих военных побед Геббельс снова в текучке повседневных рутинных дел. И тем зорче на страже своих компетенций от чьих-либо посягательств. Так, Франк, генерал-губернатор оккупированных польских территорий, захотел получить собственную радиостанцию. «Я отклонил это». Геббельс настроен угрожающе.

23 ноября 1940. Франк чувствует себя уже не столько представителем рейха, сколько королем Польши. Ничего, недолго ему радоваться.

24 ноября 1940. Когда же Черчилль капитулирует? — *Неотвязный вопрос.*

26 ноября 1940. Читал статью об англичанах: главное их оружие — упрямство и флегматичность. Другая нация на их месте давно бы рухнула... Гесс очень плохо выглядит и совсем нездоров.

Побывав в Норвегии, Геббельс доложил фюреру о вынесенных им впечатлениях о норвежцах, что очень интересовало Гитлера. Если не останется у них надежды на победу Англии, норвежцы свяжут свои надежды с Россией. Такой вывод сделал Геббельс. «Россия ничего не предпримет против нас — из страха»,— уверен Гитлер. И Геббельс не сомневается в этом.

«ХУДШИЙ ВРАГ ЛЮБОЙ ПРОПАГАНДЫ — ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ»

10 декабря 1940. Вчера: замечательный день в Берлине... Сильнейший налет на Лондон — 600 000 кг. Часть города целиком окутана пламенем. При этом мы потеряли только один самолет... Муссолини прогоняет одного высокопоставленного офицера за другим. Ему следует выгнать Чиано *(минист иностранных дел и зять Муссолини)*, а фюреру — Риббентропа. Оба — тщеславные позеры и дилетанты.

На следующий день — отвратительная погода. Ничего нельзя предпринять против Англии. «Жаль, нам так хотелось еще раз навалиться на Лондон»,— так хочется им деморализовать англичан, сломить их.

Первая небывалая по массированности бомбардировка Лондона была предпринята в сентябре. За всю войну, включая налет на Варшаву и Роттердам, подобной страшной, разрушительной бомбардировке не подвергся ни один город.

Фюрер выступал перед рабочими военной промышленности и увлечен своим успехом. Триумфальный проезд его обратно в рейхсканцелярию сквозь толпы народа. У него с Геббельсом состоялся разговор о проблемах воспитания народа.

11 декабря 1940. Фюрер очень озабочен половыми проблемами. Особенно в больших городах. Куда здесь податься молодому человеку? В селе это разрешается само собой. Христианство заморализовало все наши эротические представления. Ханжество, выдающее себя за мораль. Эрос, как голод, важнейшая из жизненных сил и стимулов. Древнейшая проблема, которую нельзя преодолеть парой гладких фраз. Мы должны рассматривать этот вопрос с точки зрения народной пользы. Вот наша мораль. Фюрер очень хвалит правила спартанцев, которые были, пожалуй, жестоки, но честны и здравы... Наши товарищи по союзу, фашисты *(итальянцы)* — какой это крест!! — *Еще бы! Армии Муссолини потерпели в Греции сокрушительное поражение всего за неделю.*

12 декабря Гитлер выступил перед гауляйтерами, заявил, что войну против Англии в военном отношении считает выигранной. Англия изолирована и под ударами падет. «Как в прошлом году он предсказал падение Франции, так теперь он предсказывает падение Англии,— излагает Геббельс в дневнике выступление фюрера.— И при том он вовсе не хотел этой войны и даже сейчас согласился бы на мир на приемлемых условиях. Вторжение пока не планируется. Сперва необходимо обеспечить господство в воздухе. Он испытывает страх перед водой.— *Удивительное признание победоносного фюрера.*— И к тому же он неохотно идет на рискованные эксперименты, когда все улаживается и без них». Гитлер уже раньше заявил командующим родов войск, что надеется на успех воздушной войны и нет нужды идти на риск вторжения при военно-морском превосходстве Англии. А ее авиацию разгромить пока не удается.

Гитлер резко высказался об Италии в связи с операцией в Греции. «Он предупреждал... В итоге огромная потеря престижа. И в Египте дела плохи. Итальянская армия совершенно никуда не годится».

Дети Геббельсов. На обороте фотографии Магда написала: «Мы желаем любимой бабушке счастливого Рождества и счастливого Нового года! Хельга, Хильде, Хельмут, Хольде, Хедда и маленькая Хайде, которая еще не присоединилась к нам» (1940)

22 декабря 1940. Мы обсуждали проблемы театра. Фюрер очень заинтересован. Объясняет такие явления, как Малер или Макс Рейнгардт, чьи заслуги и способности он не отрицает. Воспроизводить чужое евреи порой умеют.

«Худший враг любой пропаганды — интеллектуализм». Так ведь это уже пройдено им. Это снова повторение одного из постулатов Гитлера без ссылок на него: примитивная пропаганда, обращенная к примитивным инстинктам масс, и непременное повторение одних и тех же ее положений. Потребности в собственных размышлениях у Геббельса давно нет — атрофия. Одно лишь руководство на все случаи — библия «Майн кампф» и устные высказывания Гитлера. А в дневнике Геббельс не забывает записать, как мил с ним фюрер и как он расположен к Магде.

1941

2 января 1941. Год «осуществления нашей великой победы». Гордый, но и обязывающий лозунг. Мы его исполним.

После всех оглушительно легких побед новый год начат Геббельсом под знаком «осуществления нашей великой победы». Над Англией? Над Советским Союзом? Операция «Морской лев» — вторжение на Британские острова — не планируется. Каково же дальнейшее ведение войны? Об этом, выступая перед гауляйтерами, Гитлер не сказал. Уже в

строжайшей тайне завершена разработка плана «Барбаросса». Но в это не посвящен даже приближенный к Гитлеру гауляйтер Берлина: это не в его компетенции. Он будет поставлен в известность позже, когда приблизится намеченный срок нападения на Советский Союз и от пропагандистского аппарата потребуется готовность к выполнению совсем новых задач.

А пока об этом знает только руководство вермахта. Ему адресована секретная директива Гитлера № 21:

«Ставка фюрера, 18 декабря 1940, секретно

Германские вооруженные силы должны быть подготовлены для того, чтобы стремительным ударом разгромить Советскую Россию до окончания войны против Англии (план «Барбаросса»). Для этой цели армия должна использовать все имеющиеся войска, но с оговоркой, что оккупированные территории также должны охраняться от неожиданного нападения. Для кампании на востоке военно-воздушные силы должны будут освободить такие мощные силы для поддержки армии, чтобы можно было добиться быстрого завершения мгновенных операций... Подготовка, требующая большого времени, если она еще не началась, должна быть начата немедленно и закончена к 15 мая 1941 г. Величайшая осторожность должна быть соблюдена с тем, чтобы не раскрыть эти планы...

1. Общая цель: части русской армии в Западной России должны быть уничтожены путем стремительного продвижения вперед и глубокого вклинивания наших танков в линию обороны... Первой целью операции является — отрезать азиатскую часть России от общей линии Волга — Архангельск. В случае необходимости последний промышленный район на Урале, который останется у России, может быть уничтожен военно-воздушными силами Германии».

Заблуждаются те, кто думали тогда и думают по сей день, что Урал и Зауралье остались бы при любом плачевном ходе войны нетронутыми.

«В ходе операции,— говорится дальше в директиве,— Балтийский флот России должен быстро лишиться своих баз и будет не в состоянии вести дальнейшую борьбу.

Эффективное вмешательство русских военно-воздушных сил должно быть предотвращено мощными ударами в начале операции».

31 января 1941. Вчера: восемь лет, как мы у власти... Мы идем в гору, и жизнь того стоит. Поднимаются воспоминания. Как счастливы мы были восемь лет назад. И как счастливы мы будем снова, после победы. Итак,

будем бороться за нее... Обсуждал проблему **тихой ликвидации душевнобольных. 80 000 уже убраны, надо убрать еще 60 000. Трудная, но необходимая работа.**

Вдумайтесь в эти строки. Необъятна компетенция министра просвещения, культуры... Он «ликвидирует» беззащитных. Неугодные тоже подпадут под эту «ликвидацию». Запросто ведет он речь о 140 000 людей, распоряжается их жизнями... Масса умерщвленных отложится в его психике. Может, это и поспособствует обдуманному им позже решению — распорядиться жизнью и своих детей.

«ПРОСТО РОК!»

5 февраля 1941. У фюрера. Он говорит о реформе рейха, которую он считает необходимым провести после войны... В государстве должна доминировать партия. Без партии государство не может руководить... Конечно, легион *(румынский)* не сравнишь с партией, да ведь и Антонеску не сравнишь с фюрером. Он же румын.

11 февраля 1941. Говорил Черчилль. Нагло и с уверенностью в победе...

На пресс-конференции в министерстве Геббельс разнес прессу за мягкотелость, «мои указания выполняются разве наполовину, словом, полная летаргия. Румынский министр просвещения генерал Антонеску приказал молодежи не заботиться о политике, а делать в школе побольше письменных заданий. Вот благодарность за революцию, которая привела Антонеску к власти! Все-таки политика часто портит характер».

13 февраля 1941. Моя речь во Дворце спорта получила блестящий резонанс. Это не дает покоя д-ру Дитриху. Слабак, прирожденная посредственность. Я уж с ним разделаюсь...— *И все подсиживал его, пока наконец шефа прессы д-ра Дитриха не отстранил фюрер, да только поздновато, за месяц до краха третьего рейха.*— С Келлингом решили план новой школы танца. Красота, грация, телесные формы. Никакой «философии в танце».

17 февраля 1941. Антонеску без народа... Теперь он сам официально отменил легионерский строй государства. К чему это поведет, если мы всюду потерпим такую неудачу, как здесь? Мы поддерживаем только представителей националистических партий, но за ними не стоит народ. Муссерт[1], Квислинг[2]. **Просто рок!**

---

[1] Муссерт Антон — основатель национал-социалистического движения в Голландии.

[2] Квислинг Видкун — основатель и лидер фашистской партии в Норвегии. Содействовал захвату Германией в 1940 г. Норвегии. Возглавлял правительство, сотрудничавшее с оккупантами. Казнен как военный преступник в 1945 г.

Geheime Kommandosache

Der Führer und Oberste Befehlshaber der Wehrmacht
OKW/WFSt/Abt.L(I) Nr. 33 408/40 gK Chefs.

F.H.Qu., den 18.12.40

Chef Sache
Nur durch Offizier

9 Ausfertigungen
. Ausfertigung

Weisung Nr. 21

Fall Barbarossa.

Die deutsche Wehrmacht muss darauf vorbereitet sein, auch vor Beendigung des Krieges gegen England Sowjetrussland in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen (Fall Barbarossa).

Das Heer wird hierzu alle verfügbaren Verbände einzusetzen haben mit der Einschränkung, dass die besetzten Gebiete gegen Überraschungen gesichert sein müssen.

Für die Luftwaffe wird es darauf ankommen, für den Ostfeldzug so starke Kräfte zur Unterstützung des Heeres freizumachen, dass mit einem raschen Ablauf der Erdopera-

Директива № 21

2 марта 1941. Оппозиция в США все сильнее. Но надежда свалить закон о помощи Англии пока не сбылась. Рузвельт добьется своего.

Германия оккупировала Болгарию.

5 марта 1941. Москва публикует наглое коммюнике: занятие Болгарии увеличивает военную опасность, и Россия больше не может поддерживать политику Софии. По-моему, это бумажная хлопушка... Но Лондон превращает это в наше великое поражение... Об этом скоро забудут. Решает реальность, а не коммюнике. Тем не менее мы должны остерегаться Москвы.

6 марта 1941. Испанцы ведут фальшивую игру. Франко — просто выскочка, фельдфебель.

7 марта 1941. Я дал указание, чтобы наша мода прекратила пропагандировать одежду, на которую требуется много материала. Только этого нам в войну не хватает.— *Возможно, не без его вмешательства подолы платьев и юбок по моде военных лет укорачивались и в конце 1944-го, а может, и ранее, они уже не прикрывали коленки.*

8 марта 1941. В Амстердаме много смертных приговоров. Я выступаю за виселицу для евреев... Винклер сообщает об успехах «Еврея Зюса» за границей *(антисемитский фильм)*. Совершенно замечательно...

11 марта 1941. Фюрер разрешил офицерам браки с датчанками, голландками, норвежками и т. д. Это правильно и полезно политически.

14 марта 1941. Вчера: восемь лет как я министр. Какое время, сколько радости, сколько трудов! Но и какой путь наверх! Я очень благодарен судьбе... Сильный воздушный налет на Берлин. 30 убитых, много разрушений. Шесть часов воздушной тревоги. Также тяжелые бомбежки Гамбурга и Бремена.

«БОЛЬШОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ВПЕРЕДИ: ПРОТИВ Р.»[1]

18 марта 1941. Фюрер произносит замечательную речь. Полная уверенность в победе также и над США. Это будет великая сенсация.— *Еще бы, это уже откровенный замах Гитлера на мировое господство.*

Что же касается Англии, то слова Гитлера «Англия падет» стали повседневным лозунгом.

18 марта 1941. Фюрер определил понятие «власть». Власть не может терпеть так называемую свободу прессы. При демократии нижестоящие критикуют вышестоящих, в авторитарном государстве наоборот. Если способные люди не могут пробиваться наверх, в конце концов происходит революция. Но и революция должна быть творческой и в конце концов становиться консервативной. Последняя цель каждой революции — вновь установить (авторитарную) власть. Иначе она в конце концов обра-

[1] Россия.

тится в хаос. Фюрер очень хвалит прилежание и изобретательский талант чехов. Завод Шкода сослужил нам в этой войне величайшую службу, сейчас — снова, благодаря изобретению двуствольного зенитного орудия. Шкода должна тоже существовать. Конкуренция — это хорошо. Крупп, Рейнметалл, Шкода — наши три большие оружейные кузницы.

Как обычно, Геббельс начинает запись сообщениями о войне против Англии — в воздухе и на море.

20 марта 1941. Вчера: тяжелые налеты на Киль и Бремен... Мы атаковали 420-ю самолетами. В основном зажигательными бомбами. Совершенно сенсационный успех... Нападение на Мальту. Два английских боевых корабля поражены воздушными торпедами. 401 000 тонн повреждено... Черчилль произнес речь в мрачном тоне... Кроме того, он снова пресмыкается перед США. Гордая Англия! Какое падение! В Абиссинии англичане продвигаются вперед.

Геббельс отправляется в город Позен (Познань), присоединенный к рейху. «Обер-бургомистр встречает меня и преподносит мне в подарок 2 великолепных подсвечника». Запись заканчивается возвращением в Берлин: «Прибыло 4 новых пейзажа. Замечательно! Они будут лучшим украшением нашего холла». Как видим, дары войны стекаются к Геббельсу.

22 марта 1941. Томас Манн обращается к немецкому народу. Старый болтун!

В Берлине иностранных рабочих и военнопленных «много сотен тысяч. Мы нуждаемся в их прилежной работе».

23 марта 1941. Я запретил всю церковную литературу — из-за нехватки бумаги.

25 марта 1941. Мацуоку *(японский министр иностранных дел)* принимают в Москве весьма дружественно, даже демонстративно. Но я не верю большевикам.

29 марта 1941. После обеда визит: Альфиери *(посол Италии)*, дочь Шаляпина... Алфиери чересчур много говорит и мало действует. Марина Шаляпин рассказывает мне интересные вещи об Италии. Она превосходный наблюдатель... 7 апреля должна начаться долго подготавливаемая операция против Греции... Проблема Югославии не займет слишком много времени. Ее армия хотя и мужественная, но недостаточно современно оснащена... **Большое предприятие впереди: против Р.** Оно строжайше замаскировано, совсем немногие знают о нем.— *Осторожно записывает Геббельс, впервые посвященный в планы предстоящего нападения на Советский Союз.*— Оно начнется с большой переброски войск на запад. Подозрение падет на любое направление, но только не на восток. Для видимости будет подготовлено нападение на Англию, а затем молниеносно обратно — и вперед! Украина — отличная житница. Когда осядем там, мы сможем выдержать долго... С психологической стороны тут есть

некоторые трудности. Параллель с Наполеоном и т. д. Но мы, это легко преодолеем с помощью антибольшевизма. И будет совершенно ясен вопрос с балтийскими странами и Финляндией. Сперва объектом нашей пропаганды станет ⟨нрзб⟩, затем русские крестьяне. Мы используем все наше мастерство. Главное, чтобы это началось. Великие победы предстоят нам. А значит, беречь нервы и не терять головы и все тщательнейше подготовить.

«НАША МАСКИРОВКА ВПОЛНЕ УДАЛАСЬ»

30 марта 1941. Наш поход почти подготовлен. За границей никто и не подозревает, что замышляет фюрер. Тем сокрушительнее будут его удары. **Наша маскировка вполне удалась.**

31 марта 1941. Рим хотел бы, чтобы мы захватили страну *(Югославию)* и подарили им половину. Со стороны итальянцев это все дерьмо и предательство. Их аппетит вдвое превышает их отвагу.

3 апреля 1941. Сообщение с русско-румынской границы. Русские начинают испытывать страх. Это приятно. Весна и наша решимость творят чудеса.

«Россия открыто заявляет о своем миролюбии. Это, конечно, радует».

8 апреля 1941. Фюрер запретил бомбардировку Афин. Это справедливо и благородно. Рим и Афины — его Мекка. Он очень жалеет, что вынужден сражаться против греков... Фюрер совершенно античный человек. Он ненавидит христианство, ведь оно исказило все благородное в человечестве. По Шопенгауэру, христианство и сифилис сделали человечество несчастным и несвободным. Какая разница между благодушно и мудро улыбающимся Зевсом и искаженным от боли распятым Христом... Фюрер вовсе не любит готику. Он ненавидит сумрачность и расплывчатый мистицизм. Он хочет ясности, света, красоты. Это и есть жизненный идеал нашего времени.— *То-то остались памятниками эпохи казарменные, тупые, сумрачные здания.*

Нацистским архитекторам и строителям следовало превзойти в проектах знаменитые мосты, вокзалы, стадионы Америки, Италии. По словам Шпеера, Гитлер воодушевлялся, если удавалось «побить» выдающиеся исторические сооружения хотя бы размерами. Гитлер задумал возвести в Берлине по своему давнему эскизу Триумфальную арку, которая должна быть вдвое больше парижской. В мании колоссальности отразилось его притязание на величие.

Вслед за поражением Франции, посетив впервые Париж, восхищаясь его достопримечательностями, Гитлер сказал сопровождавшему его Шпееру, что часто обдумывал, следует ли разрушить Париж. Но сейчас решил, что, «когда мы закончим строительные дела в Берлине, Париж станет только тенью. Так зачем же разрушать его!» Парижу-сопер-

нику даруется жизнь, поскольку Берлин, посчитал Гитлер, намного превзойдет его своей красотой.

И в тот единственный раз, что он побывал в Париже, заканчивая трехчасовую обзорную поездку по городу, Гитлер распорядился: Шпееру вернуться в Берлин и приостановленное в связи с войной строительство запустить на полный ход.

«Балканы не будут больше пороховой бочкой Европы. И Россия не сможет больше совать сюда свой нос, как перед первой мировой войной. Вена с ее доброй, старой демократией тут не справилась. Мы должны навести здесь полный порядок. Это сейчас и происходит... Я прочел много материала о Сербии — страна, люди, история. Безумная страна! И еще более безумный народ. Но мы с ней управимся».

9 апреля 1941. Греки сражаются очень отважно. Я запретил прессе нападать на них... В Берлине плохо с углем... У фюрера. Он изумлен отвагой греков. Жалеет, что должен против них сражаться. Разъярен против сербов. Итальянцев просто презирает. Россия ведет войну на бумаге.

10 апреля 1941. Салоники в наших руках. Македонская армия греков капитулировала после упорного сопротивления... Невероятный успех. Какая у нас превосходная армия! Великий день! Можно начищать фанфары на радио...— *И снова фанфары, предваряющие правительственные сообщения о победе.*— Россия теперь держится в стороне. Никто не хочет попасть на линию нашего огня. Так-то лучше.

«РУССКАЯ КАРТА УЖЕ ВНЕ ИГРЫ»

11 апреля 1941. Югославия дает нам в руки непредвиденные сырьевые ресурсы. Особенно медь, которую мы можем хорошо использовать.

В Берлине большие разрушения от налетов англичан. Сгорела Опера. Сильно пострадали университет и государственная библиотека. Геббельс опасается, «что наше прекрасное новое министерство тоже станет добычей огня. (Что и произойдет в свой час.) Какая прекрасная весна! Когда у нас вновь будет мир, мы сможем вновь обратиться отчасти и к прелестям жизни».

12 апреля 1941. Гиммлер запретил продажу противозачаточных средств. Уж, конечно, это сейчас самое главное. Лучше бы сейчас сам позаботился насчет детей.

Гиммлер пошел и дальше. Владелец фермы по разведению кур, он в разгар сражений на Востоке, в связи с потерями на фронте, устраивает за городом обиталище для молодых отборных немок, к которым отправляют на ночь

приезжающих в отпуск солдат наилучшего арийского состава крови. Рожденные младенцы именуются «детьми фюрера» и пользуются повышенным вниманием и уходом. Об этом рассказал мне директор Берлинского архива господин Шмидт, сохранились снимки, кинодокументы.

14 апреля 1941. Русско-японский пакт о дружбе и ненападении... Сталин и Молотов провожают Мацуоку на вокзал. Сталин обнял германского военнюго атташе и заявил, что Россия и Германия вместе пойдут к одной цели. Это замечательно и в данный момент может быть отлично использовано. Мы уж постараемся достаточно громко довести это до общего сведения. Хорошо обладать силой. **Сталин явно не хочет познакомиться поближе с немецкими танками.** Сегодня мрачнейший день для Англии. Рухнула ее последняя иллюзия. Снова и снова нервный шок. Я провел весь день в лихорадочном ощущении счастья. Какая пасха! Какое воскресение после долгой зимней ночи!

19 апреля 1941. Хорти настоящий мадьяр — лицемер и пройдоха.

20 апреля 1941. Сообщение из Москвы: в нем содержатся наши глубочайшие военные и дипломатические тайны. Я приказал его уничтожить. Значит, вся наша маскировка немногого стоит. Сталин все узнает. Скрыть это мы можем только широкими контрмерами... После обеда много работы. Немного поболтал с Мариной Шаляпин. Вечером выступление по радио ко дню рождения фюрера.

Выступая, Геббельс сказал: «Немецкий народ не нуждается в том, чтобы знать, что планирует фюрер; он и вовсе не желает этого знать» — то есть он полностью отдает себя во власть фюрера, его решений, оставаясь лишь послушным исполнителем его воли. Он готов был бы и себе это внушить, но задет тем, что фюрер, давно разрабатывая секретно вместе с военными план нападения на Советский Союз, лишь недавно открылся ему о предстоящем вот-вот осуществлении этого плана («Барбаросса»). Последовавшие затем записи Геббельса опровергают появившиеся ложные, бессмысленные утверждения, будто Гитлер начал войну против Советского Союза, чтобы опередить удар, который уже готов был нанести Сталин по его войскам, начать войну против фашистской Германии. Записи, наоборот, подчеркивают, что в представлении нацистского руководства, самого Гитлера — Сталин явно боится войны и всячески старается ее избежать, и в этом отношении ни малейшей угрозы от него не исходит.

21 апреля 1941. В Сербии ликвидация,— *так обозначил Геббельс конец кампании.*— Уже более 250 000 пленных и огромная добыча. Пленные — полезная сила для нашего сельского хозяйства.

22 апреля 1941. Статья в «Правде»: мы ничего не имеем против Германии. Москва стремится к миру и т. п. Сталин уже учуял, что пахнет жареным, и размахивает пальмовой ветвью. Настолько мы стали сильны. Русская карта уже вне игры.

Как снова видим, за месяц до первоначально назначенного дня нападения (22 мая) немцы нисколько не опасаются удара со стороны русских.

«Я распорядился, чтобы евреи в Берлине носили опознавательный знак».

23 апреля 1941. Японцы сообщают о Мацуоке и Сталине. Это кажется чисто азиатским братанием. Во всяком случае, Япония очень рада. Но мы все равно не дадим сбить себя с толку в наших мерах против Востока.

Обсуждая с Геббельсом в какой уже раз вопрос о Ватикане и христианстве, Гитлер, к досаде Геббельса, запретил ему из тактических соображений выходить из католичества. Особенно удручает Геббельса денежный взнос на церковь, от которого он тем самым не освобождается.

Снабжение населения заметно ухудшилось. В июне норма отпуска мяса сократится до 100 г в неделю. Армия снабжается слишком хорошо за счет гражданского населения, считает Геббельс. Но снабжением армии весьма озабочено командование вермахта.

Секретный меморандум состоявшегося 2 мая 1941 года обсуждения плана «Барбаросса» конкретизировал мотивы безотлагательной агрессии против СССР. Его первые два пункта:

«1. Война может продолжаться только в том случае, если на третий год войны все вооруженные силы будут снабжаться продовольствием России.

2. Несомненно, что, если мы вывезем из этой страны все то, что для нас необходимо, многие миллионы людей России будут обречены на голодную смерть».

Уже создан штаб по незамедлительной экономической эксплуатации захваченных советских территорий по мере продвижения немецких войск. Уже планируется: многим миллионам советских людей предназначено умереть, чтобы враг — фашистская армия — была сыта.

«БОЛЬШЕВИЗМ РАСПАДЕТСЯ КАК КАРТОЧНЫЙ ДОМИК»

В записи 1 мая Геббельс сообщает новости с восточной границы со слов Коха: «Там уже начинает praвонивать. Но когда дело начнется, это будет несравненный

победный марш. Большевизм распадется как карточный домик. И наверное, нигде наших солдат не принимали так радостно, как встретят там».

4 мая 1941. Первого мая в России был военный парад с пылкими речами и громогласными восхвалениями великого Сталина. Однако внимательное ухо без труда различит в этом страх перед надвигающимися событиями.

7 мая 1941. Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом.

8 мая 1941. Вчера Молотов вышел в отставку *(с поста председателя Совнаркома)*, но остается министром иностранных дел. Его место занял Сталин. Насчет закулисных причин никакой ясности пока нет.

9 мая 1941. ТАСС опровергает в самой резкой форме, будто Россия концентрирует войска на западной границе. Итак, Сталин явно боится. Какая разница с опровержениями ТАСС несколько месяцев назад, когда нас, намеком или явно, задевали! Вот так меняются времена, когда уже наготове грозные дула пушек.

11 мая 1941. Москва уже не признает суверенитет оккупированных стран. Теперь она уже не признает Югославию, с которой две недели назад подписала пакт о ненападении. Невроз, порожденный страхом!

Уже Россия не в дымке былой загадочности, в — презрении. Все время подчеркивается испытываемый Сталиным страх и бездействие в дни приближающегося нападения на страну.

13 мая 1941. Вчера Сталин снова действует к нашему удовольствию. Дает наивные и по-мужицки лукавые коммюнике и т. п. Слишком поздно!

Весть о внезапном вылете Гесса на самолете в Англию и исчезновении его дошла до Геббельса с некоторой задержкой. Англичане первые дни промолчали, не оправившись от шока при неожиданном появлении приземлившегося на парашюте в Шотландии нацистского босса — заместителя Гитлера по партии. И хотя Геббельс, особенно после того, как продал дневник, заготавливает для истории немало лицемерных и лживых суждений, на этот раз, похоже, в самом деле искренне обескуражен. «Ужасное сообщение: Гесс вылетел на самолете вопреки приказу фюрера» (13.5.1941). В готовящемся коммюнике фюрера будет сказано, что Гессом овладели бредовые идеи — иллюзии об установлении мира. «Какое зрелище для мира: второй человек после фюрера — сумасшедший. Ужасно, немыслимо. Стиснем зубы. Прежде всего нужно внести ясность в эту загадочную историю... Гесс носился с идеей мира».

Как стало наконец известно, бросивший самолет приземлившийся Гесс с вывихнутой ногой был подобран кре-

стьянами и арестован отрядом самообороны. «Трагикомедия. Хоть плачь, хоть смейся...» — пишет Геббельс, прочитавший письмо, которое Гесс оставил фюреру. Он-де объяснит Англии ее безнадежное положение и с помощью своего знакомого, лорда Гамильтона, подорвет правление Черчилля и заключит мир, при котором Лондон сможет сохранить лицо. «Он совсем не подумал, что Черчилль тут же его арестует. Идиотство. И такой глупец был вторым человеком после фюрера. Подумать только. Его письмо к тому же пропитано неперебродившим оккультизмом... Он еще имел глупость заказать свой гороскоп и прочие глупости. И такие правят Германией» (14.V.1941).

В Лондоне, в замке-крепости Тауэр,— в далеком прошлом здесь была одна из королевских резиденций — мне показали здание бывшей крепостной тюрьмы. В последние столетия никаких заключенных здесь больше не было. В этом здании, как и сейчас, находились сторожа замка вместе со своим начальником. Но в 1941 году сюда был помещен злополучный Гесс — последний узник Тауэра.

16 мая 1941. Я начал резкую кампанию против оккультизма, провидцев и т. п. Этих ведунов, любимцев Гесса, мы скоро упрячем за решетку. Гесса теперь и в Америке и в Англии воспринимают как слегка повредившегося... Кто заглянет в глубину человеческой души? Кто разглядит тайны пожираемого честолюбием, но недостаточно взрослого для больших и неожиданных заданий интеллекта?

Удивительно, Геббельс будто сказал о себе, «пожираемом честолюбием» «при недостаточно взрослом» интеллекте.

Вместе с тем не проговаривается ли он, упомянув о «больших и неожиданных заданиях» применительно к Гессу? Может, Гитлер не был совсем в стороне от замышляемых Гессом переговоров со знакомым ему лордом Гамильтоном. Ведь склонить Англию к перемирию особенно важно было Гитлеру теперь, чтобы вести войну на одном фронте — на Востоке. И вырвавшаяся фраза в первой записи Геббельса о случившемся: «Гесс вылетел на самолете вопреки приказу фюрера» — тоже косвенно подтверждает осведомленность Гитлера о намерениях Гесса, возможно, он считал, что надо найти другие пути для контакта с Гамильтоном. Эксцентричный поступок Гесса и вызванный им резонанс в Англии и в мире, унижавший Гитлера, мог крайне вывести его из себя.

Все это — лишь мои предположения, но для них имеются основания.

«На Востоке должно начаться 22 мая. Но это зависит от погоды».

20 мая 1941. С делом Гесса покончено... *(Его место займет Борман.)* Он, как я полагаю, нечестен, скрытен и вообще темная личность. Добился своего положения скорее хитростью, а не по заслугам.— *Но вскоре он вступает в контакт с Борманом.*

23 мая 1941. Р. разлетится вдребезги. А наша пропаганда создаст шедевр... Эшелоны идут туда и сюда. Пассажирское сooобщение значительно приостановлено. Предстоит великое вторжение.

Новую — последнюю рукописную тетрадь Геббельс предваряет девизом: «С нашими знаменами — победа!» В ней записи с двадцатых чисел мая и до 8 июля[1]. Записи передают факты и атмосферу в канун нападения на Советский Союз. Провокации, маскировки. Начало войны. Планы по овладению Россией.

24 мая 1941. Р. должна быть разложена на составные части... на Востоке нельзя терпеть существования такого колоссального государства... У нас прекрасная погода, но нет времени для отдыха. Вечно звонящий телефон приносит новые и новые известия. Напряженная и возбужденная жизнь. Пожалеешь, когда это кончится... Небольшая прогулка в лесу. Строится новый норвежский домик. Он будет стоять на весьма идиллическом месте...— *Хоть и не дворец Трианон, облюбованный Геббельсом в Версале («хотел бы я иметь такой»), а все же еще одно приобретение для услады министра пропаганды в военное время.*— Харальду *(пасынку)* все время снится Крит. Там на юге все обстоит хорошо.

Геббельс со своим министерством занят формированием рот пропаганды с тем, чтобы пропагандисты из их состава действовали в каждом советском городе.

25 мая 1941. Мы опубликовываем первый довольно оптимистический доклад о Крите... Москва поражена смелостью этой операции — друзья, какие звуки! — мы лишь тихонько развертываем всю пропаганду. Господам англичанам мы ничего не подарим.

Он занят дезинформацией, распространением ложных слухов о якобы готовящемся вторжении в Англию, чтобы замаскировать истинные намерения Германии. «Посеянные

---

[1] Впервые фрагменты этой тетради были опубликованы мной, как я писала во вступлении, в журнале «Знамя» (1965) и полнее — в моей книге «Берлин, май 1945» (1965 и последующие восемь изданий). В работе над этой тетрадью, при крайней неразборчивости почерка Геббельса, я прибегала к помощи служебного перевода. В данной книге внесены дополнения и перевод уточнен по изданию Мюнхенского института современной истории переводчицей Л. Сумм.

нами слухи о вторжении действуют. В Англии царит исключительная нервозность. Относительно России удалось успешно переменить характер информации. Множество «уток» мешает загранице понять, где правда и где ложь. Так и должно быть. Такова необходимая нам атмосфера».

26 мая 1941. Вчера: на Крите высадились новые войска. Мы наносим там ужасные потери английскому флоту. Черчилль дорого заплатит за свое сопротивление... Мы бьем в барабан что есть мочи. Пускаем в ход всякую старую заваль. Вечером еще много болтал. Хорошее, плодотворное воскресенье.

27 мая 1941. Риббентроп — партнер с отнюдь не джентльменскими манерами. Он путает политику с торговлей шампанским: ему важно околпачить противника. Но со мной ему это не удастся!

Своих соперников Геббельс старается представить в самом невыгодном свете перед лицом истории, к которой все настойчивее обращен дневник. «Борман рассказывает мне о Гессе. Он был конгломератом из мании величия и скудоумия». Зато с Борманом у него кратковременный альянс.

27 мая 1941. Гибель «Худ» ужасно влияет на англичан. Впечатление в США потрясающее. Глотнули горькой! Хиппер показал мне фильм о культурной жизни Америки: безобразие! Это не страна, а пустыня цивилизации. И они хотят принести нам культуру. Хорошо, что у них нет на это средств. Впрочем, наша высшая культура состоит в том, чтобы победить демократию.

28 мая 1941. Вчера: черный день. «Бисмарк» столкнулся с превосходящими силами, упорно сопротивлялся, был поражен двумя торпедами и затонул.

29 мая 1941. Доклады из Эстонии: вопиющая разруха, вызванная большевиками. Нас там скоро будут приветствовать как полубогов... В Москве занимаются разгадыванием ребусов. Сталин, по-видимому, понемногу разбирается в трюке. Но в остальном он по-прежнему зачарован, он как кролик перед удавом.

«ВО ИМЯ ВСЕОБЩЕЙ СУМАТОХИ»

31 мая 1941. ОКВ[1] жалуется на слишком усилившуюся пропаганду СС, она якобы плохо влияет на армию. В этом есть доля правды... Я пожаловался на Браухича[2]. Он тоже слишком настойчиво бьет в собственный барабан... Операция «Барбаросса» развивается. Начинаем первую большую маскировку. Мобилизуется весь государственный и военный аппарат. Об истинном ходе вещей осведомлено лишь несколько человек... За дело! 14 дивизий направляется на запад. Понемногу развертываем тему вторже-

---

[1] ОКВ — сокращенно от Oberkommando der Wehrmacht — Верховное командование вооруженных сил Германии (нем.).

[2] Браухич — главнокомандующий сухопутными войсками вермахта.

ния. Я приказал сочинить песню о вторжении, новый мотив... Марш вперед!

Однако популярной стала у немцев солдатская песенка, она позже дошла до меня на фронте: «Идем, идем на Англию. А скачем на Восток».

1 июня 1941. Москва вдруг заговорила о новой этике большевизма, в основе которой лежит защита отечества. Это совершенно ясно. Но это все же подтверждает, что большевики очутились в тисках. Иначе они не затянули бы такую фальшивую песню.

В его собственных владениях все что-то строится, перестраивается и обновляется. «Магда жалуется опять на сердце. Беспокойство о Харальде ее извело. Она показала мне новую обстановку замка. Скоро все будет готово, очень удачно получилось. Только бы не подвел водопровод. Хочу вскоре переехать. Немного поболтал с Магдой. Мне ее очень жаль. Мы поправим ее состояние».

Почти вся материковая Европа уже либо оккупирована нацистской Германией, либо в союзе с ней. Мужественно воюет лишь одна Англия.

Победа, одержанная в упорном сражении за Крит, распаляет Геббельса.

3 июня 1941. Прекрасный день! Великолепные успехи! Я счастлив и радуюсь жизни. Я пишу свою передовую, как говорится, сплеча. Божественное солнце. Одурманивающий день Троицы. После обеда гости... Победа на Крите воодушевила и воспламенила сердца. Для немецкого солдата нет ничего невозможного.

4 июня 1941. Моя статья о Крите блестяща. Больше ничего интересного в официальном мире...— *Он как всегда самоупоенно расхваливает свои статьи и глумится над потерями Англии.*— Британская империя медленно, но верно идет к гибели... Вечером разговор по телефону с детьми, они ликуют и празднуют.— *Бедные дети.*

5 июня 1941. Директивы пропаганды на Р.: никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма, не говорить открыто о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусски армию), против Сталина и его еврейских приспешников, земля — крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его неудачи во всех областях. В остальном ориентироваться на ход событий... Дрожу от возбуждения. Не могу дождаться минуты, когда разразится шторм.

Демонстративно передвигаются на запад дивизии, раздувается блеф о близком вторжении в Великобританию. Мы действуем, пишет Геббельс, **«во имя всеобщей суматохи»** (5.6.1941).

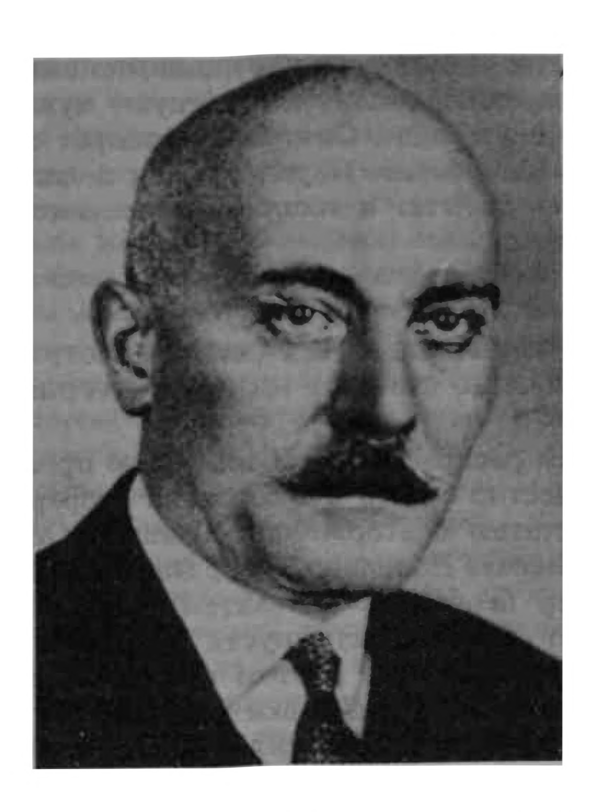
В окружении Кальтенбруннера (главы СД — службы безопасности), Геринга, Дитриха (шефа прессы), Гиммлера, Бормана (слева направо)

6 июня 1941. Доклад из Москвы: частично подавленное разочарование, частично грубые попытки сближения с нами, частично уже видимая подготовка. Сталин крепко держит вожжи. В случае конфликта правительство намерено эвакуироваться в Свердловск. Пытаются понемногу подготавливать народ к серьезной обстановке. Но не видно ясной линии. По существу, никто больше не верит в серьезное сопротивление. Опасаются далеко идущей внутренней реакции. Не видят последствий создавшейся ситуации. Но понемногу их чувствуют.

В этот день, 6 июня 1941 года, внесено в дневник боевых действий вермахта поступившее от германского посла в Москве Шуленбурга сообщение правительству, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападет Германия.

7 июня 1941. Мы форсируем тему вторжения. Пока не видно настоящего успеха. Все молчат... Слухи о предстоящем нападении на Украину. Довольно-таки обоснованные. Мы должны применять более сильные средства для обмана. Я энергично возьмусь за это.

Геббельс получил программу территориального расчленения России: «Азиатская часть Р. не подлежит обсуждению. А европейская будет прибрана к рукам. Сталин ведь

Граф фон Шуленбург, германский посол в Москве. Участвовал в заговоре против Гитлера. Арестован в 1944 г., повешен

сказал недавно Мацуоке, что он азиат. Вот, пожалуйста!» (8 июня).

Готовясь к войне, Геббельс запрещает показ заграничных фильмов. Все с большим остервенением преследует артистов, выступающих в популярном «Кабаре комиков», где еще сохранился берлинский юмор. Для Геббельса это место, где собираются «все критиканы». Юмор нацистскому режиму противопоказан, и артистов «Кабаре комиков» ждет расправа — концлагерь. Геббельс замыслил «новые мероприятия против берлинских евреев». Обрушивается на ту часть прессы, которая недостаточно превозносит успехи германского оружия, обзывая ее «мещанской прессой». Вмешивается в вопросы сохранения военной тайны во всех берлинских министерствах. «Придется беспокоить даже гестапо». У него самого в министерстве «снова случай шпионажа»... Имеется — вдобавок — заподозренный в шпионаже. «Я приказываю за ним следить». Связи Геббельса с гестапо становятся все теснее.

Он препятствует Лею выступать с обещаниями новых послевоенных социальных программ, чтобы не возбуждать в

народе аппетит к миру. Однако 12 июня записывает: «Теперь полностью переключаемся на легкую художественную программу радиопередач. Снят также запрет с танцев. Это все в целях маскировки». Народ должен полагать, что «мы напобеждались досыта» и теперь интересуемся только отдыхом и танцами.

«РУССКИЕ БУДУТ СБИТЫ С НОГ, КАК ДО СИХ ПОР НИ ОДИН НАРОД»

С упоением раскрывает Геббельс свою провокационную кухню: «Совместно с ОКВ и с согласия фюрера я разрабатываю мою статью о вторжении. Тема — «Остров Крит в качестве примера». Довольно ясно. Она должна появиться в «Фелькишер беобахтер»[1] и затем быть конфискована. Лондон узнает об этом факте спустя 24 часа через посольство Соединенных Штатов. В этом смысл маневра. Все это должно служить для маскировки действий на Востоке. Теперь нужно применять более сильные средства... Во второй половине дня заканчиваю статью. Она будет великолепной. Шедевр хитрости (11 июня).

Статья санкционирована фюрером и с «надлежащим церемониалом направляется в «Фелькишер беобахтер». Конфискация произойдет ночью».

Смысл трюка в том, что статья, рассматривающая операцию по овладению Критом, содержит явный намек на поучительность опыта этой операции для предстоящего якобы вторжения в Англию. А конфискация номера должна убедить: Геббельс выболтал истинные намерения.

12 июня 1941. Информация из Бессарабии и с Украины: русские уставились на нас как загипнотизированные и боятся. Делать они много не делают. **Они будут сбиты с ног, как до сих пор ни один народ.** И большевистский призрак скоро исчезнет.— *И тут же вслед категорически о своих союзниках:* — Я думаю, что итальянцы самый ненавистный народ во всей Европе... Принял новые аппараты для сбрасывания листовок. В общем будет отпечатано около 50 миллионов листовок. В имперской типографии. Упаковку производят 45 солдат, которые до начала операции не будут отпущены. Предательство, таким образом, невозможно. Идет работа большого масштаба, и ни один человек ничего об этом не подозревает.
13 июня 1941. Я читаю книгу о Черчилле, написанную его секретаршей, он — тщеславная обезьяна в розовых штанишках, но в то же время

[1] Газета, центральный орган нацистской партии.

бульдог, который, может быть, натворит нам дел. Вопрос о России становится в мире с часу на час все больше загадкой. Надо надеяться, что она будет разгадана не слишком рано. Мы делаем все, чтобы замаскировать это дело. Но как долго это будет возможным, знают только боги.

14 июня 1941. Вчера: моя статья появляется в «Фелькишер беобахтер» и действует как бомба. Ночью «Ф. Б.» конфискуется... Все идет безупречно. Я совершенно счастлив. Большая сенсация. Английские радиостанции заявляют, что наши выступления против России просто блеф, за которым мы пытаемся скрыть наши приготовления к вторжению *(в Англию)*. В этом была цель маневра... Русские, кажется, еще ничего не предчувствуют. Во всяком случае, они развертываются таким образом, каким мы только можем желать: густо массированные силы — легкая добыча для пленения. Но ОКВ не сможет маскироваться слишком долго, так как необходимы также открытые военные мероприятия... Я даю Винкелькемперу секретное поручение передать по радио на иностранных языках английское мнение о вторжении и неожиданно на середине прервать эту передачу. Как будто в передачу вмешались ножницы цензуры. Это тоже будет содействовать тревоге... Наш прекрасный корабль «Лютцов» торпедирован с воздуха... Эти воздушные торпеды нами, очевидно, неправильно оценены. Англичане имеют тем самым успех за успехом.... Восточная Пруссия так насыщена войсками, что **русские своими предупредительными налетами могли бы нанести нам большой ущерб. Но этого они не сделают. Для этого у них не хватит мужества.** Нужно быть отважным, когда хочешь выиграть войну.

«БЛЕФ ПОЛНОСТЬЮ УДАЛСЯ»

В министерстве пропаганды сотрудники, не посвященные в темные замыслы своего шефа, по его словам, опечалены, что он допустил серьезную «ошибку» публикацией своей статьи. Геббельс отказывается идти на пресс-конференцию. «Это выглядит очень демонстративно. Между тем я испытываю новые фанфары для радиопередач. Это очень подходит к обстановке». К обстановке блефа, мнимой опалы, печальных вздохов сочувствия.

На этот раз фанфары будут возвещать об особой важности радиопередачи. Они прозвучат вступлением к речи Гитлера, который оповестит мир о начале новой войны.

«Москва публикует опровержение,— продолжает записывать Геббельс 14 июня,— ей ничего не известно о наступательных замыслах империи. Движение наших войск имеет другие цели. Во всяком случае, Москва якобы ничего не предпринимает против наших мнимых намерений. Великолепно! Моя статья явилась в Берлине большой сенсацией. Телеграммы несутся во все столицы. **Блеф полностью удал-**

ся. Фюрер этому очень рад. Йодль[1] восхищен... Борман продвинулся. Закулисная фигура. Но другой на его месте поступил бы не лучше... Домой вернулся поздно. Магда чрезвычайно счастлива в связи с награждением Харальда, которое как бы уже свершилось. Я совершенно горд мальчиком... Я приказываю распространить в Берлине сумасбродные слухи: Сталин якобы едет в Берлин, шьются уже красные знамена и т. д. Д-р Лей звонит по телефону, он целиком попался на эту удочку. Я оставляю его в заблуждении. Все это в настоящий момент служит на пользу дела».

Пущенные Геббельсом слухи роятся, сталкиваются, искажаются. И в мире говорят то о войне на Востоке, то о войне против Англии. Блеф, угрозы, шантаж, пропагандистские диверсии, круговерть обманных слухов.

15 июня 1941. Наш спектакль удался превосходно. Связь с США осуществляется посредством лишь одного кабеля, но этого достаточно, чтобы стало известно всему миру. Из подслушанных телефонных разговоров иностранных журналистов в Берлине можно заключить, что все попались на удочку. В Лондоне много разговоров на тему о вторжении... Опровержение ТАСС[2] оказалось еще резче, чем в переданном о нем сообщении. Очевидно, путем тщательного соблюдения договора о дружбе и утверждения, что ничего на самом деле не происходит, Сталин хочет показать возможного виновника войны. Из захваченных по радио сообщений мы в свою очередь можем заключить, что Москва приводит русский флот в боевую готовность. Таким образом, там уже не так беззаботны, как делают вид. Но приготовления ведутся крайне дилетантски. Их действия всерьез принимать нельзя.

Предстоящая война для Геббельса еще и поставщик богатого материала для «Вохеншау».

«Естественно, что в такое сравнительно спокойное время она *(кинохроника)* не может быть так хороша, как во время боевых действий». Но война недолго заставит себя ждать. «Тогда опять будут дела... Итак, давайте готовиться! Дабы не прозевать».

И ни малейшей оглядки на то, что и немецкие солдаты смертны и боевые действия, которые жадно будут фиксировать операторы Геббельса, несут и им страдания и гибель. Лишь бы еще раз записать в дневнике: «Последние кинохроники особенно понравились фюреру. Он характеризует их как лучшее средство воспитания и организации народа».

«Заключил соглашение с Розенбергом в отношении рабо-

---

[1] Йодль — генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства вермахта.

[2] Опубликовано 14 июня 1941 г.

ты на Востоке. У нас будет полное взаимопонимание. Если к нему иметь подход, с ним можно работать». «Военные приготовления ведутся непрерывно дальше». Геббельс не забывает и о себе: в Берлине, на Герингштрассе, где он проживает, идет строительство мощного бомбоубежища. Это будет «колоссальное сооружение», с удовлетворением замечает он.

Под Берлином, в придачу к уже имеющимся у него загородным домам, заканчивается строительство замка. Все «великолепно», по его словам, и само здание, и то, как жена обставила его. Здесь, в комфортабельной глуши, на фоне идиллического пейзажа д-р Геббельс намерен еще продуктивнее действовать «во имя всеобщей суматохи». Не забывая тем временем выуживать из этой суматохи лакомые куски: «Купил из французских частных рук дивную картину Гойи».

Свозятся отовсюду картины в министерство пропаганды. «Мы уже собрали удивительную коллекцию. Постепенно министерство превратится в художественную галерею. Так оно и должно быть, к тому же здесь ведь управляют искусством». И намерены управлять им в мировом масштабе.

Берлин мнится ему городом, откуда диктуют миру все: политику и моду. По поручению Геббельса разрабатывается план учреждения Берлинской академии моды под руководством Бенно фон Арента, тогдашнего фюрера немецких художников.

В Берлин переманивают иностранных киноартистов. После беседы с итальянской артисткой Геббельс записывает: «Все они хотят работать в Германии, потому что в Италии не видят больше для себя перспективы. Мы должны расширить наш типаж, потому что после войны мы ведь будем обеспечивать фильмами гораздо большее число национальностей». «Самые видные актеры должны перебраться из других стран в Германию».

В другом месте он записывает, что дал задание «собрать во всех европейских странах знаменитых артистов для Берлина. Мы должны также максимально увеличить производство наших фильмов».

Занимаясь кинохроникой, он все время ревниво соперничает с английской и американской кинохрониками.

Мания германского величия простирается на все. Приоритет во всем — таков тщеславный девиз фашистской Германии. И для достижения приоритета все средства хороши.

Вот как Геббельс инструктирует своего сотрудника,

направляя его представителем германской кинематографии в союзническую Италию:

«Задача: как можно больше вынести для нас полезного. Сохранить хорошую мину при плохой игре. Не давать итальянскому кино слишком развиваться. Германия должна остаться руководящей кинодержавой и еще более укреплять свое доминирующее положение».

Но лишь один вид искусства доступен ему — искусство шантажа, провокации, заговора.

«ВПЕРЕДИ — БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОБЕДОНОСНЫЙ ПОХОД... РОССИЯ ДОЛЖНА ПАСТЬ!»

Последнее воскресенье перед войной на Востоке. О том, что происходило в этот день, Геббельс, как обычно, записывает на следующий день.

Это самая многостраничная запись за все годы.

16 июня 1941. ...военные приготовления ведутся непрерывно дальше... «Замораживание» наших вкладов в США не имеет для нас никакого значения. Мы имеем возможность отомстить в двадцатипятикратном размере. Эксперты уже заботятся об этом. Очевидно, Рузвельт хочет таким образом только спровоцировать нас. Ему, наверное, также отказали нервы...

Во второй половине дня фюрер вызывает меня в имперскую канцелярию. Я должен пройти через заднюю дверь, чтобы никто не заметил. Вильгельмштрассе находится под постоянным наблюдением иностранных журналистов, поэтому уместна осторожность. Фюрер выглядит великолепно и принимает меня с большой теплотой. Моя статья доставила ему огромное удовольствие. Она опять дала нам некоторую передышку в наших лихорадочных приготовлениях. Она нам как раз была нужна. Фюрер подробно объясняет мне положение: наступление на Россию начнется, как только закончится развертывание наших сил. Это произойдет примерно в течение одной недели. Кампания в Греции нашу материальную часть сильно ослабила, поэтому это дело немного затягивается. Хорошо, что погода довольно плохая и урожай на Украине еще не созрел. Таким образом, мы надеемся получить еще и большую часть этого урожая. Это будет массированное наступление самого большого масштаба. Наверное, самое большое, которое когда-либо видела история. Пример Наполеона не повторится. В первое же утро начнется бомбардировка из 10 000 стволов. Мы применим новые мощные артиллерийские орудия, которые в свое время были предназначены для линии Мажино, но не были использованы. Русские сосредоточились как раз на границе. Самое лучшее, на что мы можем рассчитывать. Если бы они были рассредоточены в глубине страны, то представляли бы большую опасность. Они располагают приблизительно 180—200 дивизиями,

может быть, немного меньше, но, во всяком случае, примерно столькими же, что и мы. Но в отношении качества личного состава и материальной части они с нами вообще не идут в сравнение. Прорыв осуществится в разных местах. Русские без особого труда будут отброшены. Фюрер рассчитывает закончить эту операцию примерно в четыре месяца. Я полагаю, в меньший срок. Большевизм развалится как карточный домик. Впереди — беспримерный победоносный поход.

Мы должны действовать. Москва хочет воздержаться от войны до тех пор, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Тогда пожелал бы выступить Сталин, большевизировать Европу и вступить в управление ею. Но его расчет будет перечеркнут. Наша операция подготовлена так, как это вообще человечески возможно. Собрано столько резервов, что неудача совершенно исключается. Операция не ограничивается в географическом отношении. Борьба будет длиться до тех пор, пока перестанет существовать русская вооруженная сила. Япония — в союзе с нами. Для Японии эта операция также необходима. Токио никогда не решится связаться с США, если у него в тылу еще совсем невредимая Россия. Таким образом, Россия должна пасть также и по этой причине. Англия охотно желала бы сохранить Россию как надежду на будущее Европы. Эту цель преследовала миссия Криппса[1] в Москве. Она не удалась. Но Россия напала бы на нас, если б мы оказались слабы, и тогда нам пришлось бы вести войну одновременно на двух фронтах, чего мы избегаем благодаря этой предупредительной операции. Лишь после этого мы обезопасим наш тыл. Я оцениваю боевую мощь русских очень низко, еще ниже, чем фюрер. Изо всех, что были и есть, операций эта самая обеспеченная.

Мы должны напасть на Россию также и для того, чтобы высвободить людей. Неразбитая Россия вынуждает нас держать постоянно 150 дивизий, солдаты которых нам крайне необходимы для нашей военной промышленности. Наша военная промышленность должна работать более интенсивно, чтобы мы могли выполнить нашу программу по производству оружия, подводных лодок и самолетов так, чтобы США также не могли нам ни в чем повредить. Имеется материал, сырье и машины для работы в три смены, но не хватает людей. Когда Россия будет побеждена, мы сможем демобилизовать целые возрастные контингенты и строить, вооружаться и подготавливаться. Лишь после этого можно начать наступление на Англию с воздуха в большом масштабе. Вторжение в Англию с суши так или иначе вряд ли возможно. Таким образом, надо создать другие гарантии победы. Процедура должна произойти следующим образом: мы идем совершенно другим путем, чем обычно, и меняем пластинку. Мы не полемизируем в прессе, сохраняем полное молчание и в «день X» просто нанесем удар.

---

[1] Криппс Ричард — британский политик. В 1940—1942 гг. был послом в СССР.

Я настойчиво уговариваю фюрера не созывать в этот день рейхстаг. Иначе нарушится вся наша система маскировки. Он принимает мое предложение прочитать воззвание по радио. Нами печатаются в большом количестве листовки. Печатники и упаковщики будут жить на казарменном положении до начала операции. Тем самым обеспечится соблюдение тайны.

Тенденция всего похода ясна: большевизм должен пасть, и у Англии будет выбита из рук ее последняя шпага на континенте. Большевистская зараза должна быть устранена из Европы. Против этого едва ли будут возражать Черчилль и Рузвельт. Возможно, мы обратимся также к германским епископатам обоих вероисповеданий с тем, чтобы они благословили эту войну как ниспосланную богом.— *Вот на что понадобились преследуемые священнослужители.*— В России не будет восстановлен царизм, но в противовес еврейскому большевизму будет осуществлен настоящий социализм. Каждому старому нацисту доставит глубокое удовлетворение, что мы это увидим. Сотрудничество с Россией являлось, собственно говоря, пятном на нашей чести. Теперь оно будет смыто. Теперь мы уничтожим то, против чего мы сражались всю нашу жизнь. Я высказываю это фюреру, и он со мной полностью соглашается. Я замалвливаю словечко также за Розенберга[1], цель жизни которого благодаря этой операции снова оправдывается.

Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить. Это единственный путь, и он верен морально и в силу необходимости. **А когда мы победим, кто спросит с нас о методе? У нас и без того столько на совести, что мы должны победить, потому что иначе наш народ, мы во главе со всем, что нам дорого, будем стерты с лица земли.** Итак, за дело!

Фюрер не спрашивает, что думает народ. Народ думает, что мы действуем с Россией заодно, но будет вести себя так же храбро, если мы призовем его к войне с Россией... Впервые наши солдаты получат возможность познакомиться с отечеством рабочих и крестьян. Они все возвратятся ярыми антибольшевиками... Опровержение ТАСС, по мнению фюрера, лишь результат страха. Сталин дрожит перед наступающими событиями. С его фальшивой игрой будет покончено. Сырьевые ресурсы этой богатой страны мы теперь организуем. Надежда Англии уничтожить нас блокадой тем самым будет окончательно сорвана. И тогда лишь начнется настоящая подводная война. Англия будет повержена наземь.

Италия и Япония получат теперь сообщения, что мы намереваемся в начале июля предъявить России определенные ультимативные требования. Об этом заговорят везде. Тогда опять в нашем распоряжении будет несколько дней. О всей широте намеченной операции дуче еще полностью

---

[1] Нацистский теоретик Розенберг в своей расистской книге «Миф XX столетия» писал: «Должна быть установлена диктатура людей высшего порядка над людьми низшего порядка» — немцев над другими народами, в первую очередь над русским народом. Теперь он получает пост имперского министра по делам оккупированных восточных областей.

не информирован. Антонеску знает немного больше. Румыния и Финляндия выступают вместе с нами. **Итак: вперед! Богатые поля Украины манят.** Наши полководцы, которые в субботу побывали у фюрера, подготовили все наилучшим образом. Наш аппарат пропаганды находится наготове и ждет. Все мы совершим замечательный подвиг. Фюрер рассказывает мне подробности об операции на о. Крите... Может быть, мы ударим все же по Турции, чтобы лучше было подступиться к Египту.

Я должен теперь подготовить все самым тщательным образом. Необходимо невзирая ни на что и дальше распространять слухи: мир с Москвой, Сталин едет в Берлин, вторжение в Англию предстоит в ближайшее время, чтобы завуалировать всю обстановку, какова она на самом деле. Надо надеяться, что это некоторое время еще продержится. Я хочу сделать все, что в моих силах. Фюрер живет в напряжении, которое трудно описать. Так бывает всегда перед операциями. Но он говорит, что, когда операция начнется, он станет совершенно спокойным, и я сам был свидетелем этому множество раз. Я обсуждаю с фюрером еще ряд текущих вопросов, частных дел и проч. и затем, уже в вечерний час, снова исчезаю потихоньку через заднюю дверь. Дождь льет потоками. Фюрер совершенно растроган, когда я с ним прощаюсь. Это мгновение для меня полно значения. Проехал через парк, через задний портал, где люди беззаботно гуляют под дождем. Счастливые люди, которые ничего не знают о всех наших заботах и живут лишь одним днем. Ради всех них мы работаем и боремся и берем на себя любой риск. Дабы здравствовал наш народ.

Под завесой летнего дождя и легкой веселой музыки, льющейся по радио, заговорщики тайно обсудили зловещий план. А немцы в это последнее воскресенье «беззаботно гуляют под дождем», не ведая о той катастрофе, в которую они будут ввергнуты через несколько дней теми, кому так безрассудно доверили управлять своей судьбой.

«В Шваненвердере. Я обязываю всех ничего не говорить о моем тайном посещении фюрера...— продолжает Геббельс эту запись 16 июня.— На улице дождь, стучит по стеклу. Ужасный июнь в этом году!.. Я запрещаю еще раз для всех внутренних и заграничных средств массовой информации тему о России. Это — табу до „дня X“».

«СЛУХИ — НАШ ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ»

17 июня 1941. В отношении России существует неисчерпаемое множество слухов: от готового заключения мира до уже начавшейся войны. **Слухи — наш хлеб насущный.** Мы их встречаем упорным молчанием... Все приготовления закончены. В ночь с субботы на воскресенье должно начаться. В 3.30. Русские все еще стоят на границе густомассирован-

ным строем. Со своими крохотными транспортными возможностями они не смогут в несколько дней изменить это положение. Они валяют типично большевистского дурачка, заставляют переодетых в женское платье солдат устанавливать мины и т. д. Но это можно легко увидеть при помощи подзорной трубы. Что существуют подзорные трубы, большевики, кажется, не подозревают. Мы доведем это и кое-что другое эффективно до их сведения...

США потребовали от наших консульств до 10 июля ликвидироваться и покинуть страну... Все это мелкие булавочные уколы, но не удар ножом.

Замораживаются германские вклады в США.

В предвкушении молниеносной победной войны Геббельс наглеет по отношению к внешним противникам и в обширной своей министерской округе также. И тешит свое тщеславие. К делу и не к делу упорно записывает: «я приказал», «я пресек», «я энергично вмешиваюсь», «я отчитал», «я это предвидел», «я энергично протестую». А уж восхвалениям своих собственных статей и выступлений нет предела. Сейчас время генералов. Геббельс мечется, бахвалясь своей пропагандой, сильно преувеличивая ее значение и вклад в нападение на Советский Союз и в ход войны. И в пропагандистском хозяйстве у него без осечек. Когда же его радиопередача потерпела неудачу, пиетет к фюреру принесен в жертву тщеславию Геббельса. Он записывает: «Я, невиновный, должен быть козлом отпущения». С этим он не согласен. Это фюрер настаивал на такой подаче материала.

Геббельс решает ослабить антиникотиновую пропаганду, чтобы не задеть солдат-курильщиков, не вносить в народ «воспламеняющие вещества». «Война скрывает в себе и без того достаточно естественных воспламенителей. Поэтому я приказываю немного прикрутить слишком резкую антицерковную пропаганду. Для этого достаточно будет времени после войны».

Но Борман, неистовый гонитель христианской церкви, в особенности католического вероисповедания, не намерен откладывать преследование священнослужителей на «после войны». В том же июне 1941 года он издает секретный декрет, обуславливающий несовместимость христианства и национал-социализма:

«Все влияния, могущие ослабить или нанести ущерб руководству народом, осуществляемому фюрером с помощью национал-социалистической партии, должны быть уничтожены... Ее (*церкви*) влияние должно быть уничтожено полностью и окончательно... Таким же образом, каким государство ликвидирует и преследует пагубное влияние астро-

логов, предсказателей и других шарлатанов, должна быть полностью уничтожена возможность влияния церкви... До тех пор, пока это не будет осуществлено, руководство государства не сможет оказывать влияния на отдельных граждан. До тех пор, пока это условие не будет выполнено, не будет обеспечена навсегда безопасность народа и империи».

И чтобы при ведении агрессивной, истребительной войны — с преступным обращением с военнопленными, гражданским населением, с массовыми расстрелами, публичными повешениями — ни в чем не могло бы сказаться в народе сдерживающее влияние христианской церкви, она подвергается репрессиям, многие ее священники заключаются в концентрационные лагеря. Только в Маутхаузене 780 священников умерли от истощения.

После поражения Германии сын Бормана, 15-летний подросток, нашел приют у австрийских крестьян. Он жил под вымышленным именем в этой набожной семье и, преисполненный чувством близости к этим добрым людям, принял спустя два года католичество. Полагая, что отец жив, он пребывал в страхе. «Я боялся, что он примет меры для моей ликвидации, поскольку я стал католиком,— говорил он в недавней беседе с журналисткой.— Ведь отец еще яростнее, чем евреев, ненавидел католицизм».

Но вернемся к дневнику Геббельса.

18 июня 1941. Вчера: большие налеты английской авиации за Западную Германию. Довольно сильно попало в заводы «И. Г.-Фарбениндустри»... Маскировка в отношении России достигла кульминации. Мы наполнили мир потоком слухов, так что самому трудно разобраться... Наш новейший трюк: мы намечаем большую мирную конференцию с участием России. Приятная жратва для мировой общественности, но некоторые газеты чуют запах жареного и почти догадываются, в чем дело... Испытывал новые фанфары. Все еще не нашел нужного. При этом следует еще и маскировать все...

У фюрера... Журналистика есть также государственное дело. Фюрер полностью признает, что немецкая пресса это осознает. Об Англии в этом отношении лучше помолчим. Там сплетничают из принципа, разглашают все тайны и дают тем самым нам необходимые отправные пункты...

Можно ли долго сохранить маскировку в отношении России? Я сомневаюсь... Мы живем в чрезвычайно высоком напряжении. Теперь уже скоро можно ожидать грозу. Только бы поскорей прошла эта неделя. ...Если бы только русские оставались массированными на границе.

Кроме специальных распространителей, мир наводняет слухами пресса германских союзников, в первую очередь итальянская. «Они болтают обо всем, что знают и чего не

знают. Их пресса ужасно несерьезна...— приводит Геббельс высказанное Гитлером в разговоре с ним.— Поэтому их нельзя посвящать в тайны, по крайней мере в такие, разглашение которых нежелательно». И Гитлер только за несколько часов до нападения на Советский Союз сообщил Муссолини в обстоятельном письме о том, что оно предстоит. «В нашей власти устранить Россию»,— писал он дуче.

«Работал до позднего вечера,— продолжает Геббельс записывать 18 июня.— Вопрос о России становится все более непроницаемым. Наши распространители слухов работают отлично. Со всей этой путаницей получается почти как с белкой, которая так хорошо замаскировала свое гнездо, что под конец сама не может его найти.— И тут же, через несколько абзацев, с нервической непоследовательностью: — Наши замыслы в отношении России постепенно раскрывают. Угадывают. Время не терпит. Фюрер звонит мне еще поздно вечером: когда мы начнем печатать и как долго сможем использовать три миллиона листовок. Приступить немедленно, срок — одна ночь. Мы начинаем сегодня».

В записях этих дней слышатся вздохи: «Время до наступления драматического часа тянется так медленно». «Ожидаю с тоской конца недели. Это действует на нервы. Когда начнется, тогда почувствуешь, как всегда, что у тебя точно гора с плеч свалилась».

«ВСЕ ИДЕТ КАК ПО МАСЛУ»

При всей лихорадочности ожидания наступления на Востоке, Англия и сам Черчилль притягивают изо дня в день едва ли не в первую очередь внимание Геббельса.

«Получаю секретную сводку из Англии... Плохое настроение, отсутствие боеспособности. Глубочайшая депрессия из-за многих катастрофических поражений. В этом, конечно, есть доля правды, но англичане — настойчивый народ. Я читал книгу о Черчилле, написанную его личной секретаршей.— Снова он под впечатлением прочитанного.— Он изображен до некоторой степени правдиво. Во всяком случае он в какой-то мере задаст нам еще головоломку. Без него война давно бы уже закончилась, но с ним еще будет упорная борьба. Но мы все же победим, потому что у нас крепче фундамент и в конце концов мы к тому же более деловые люди».

В типографии, опечатанной гестапо, рабочие печатают листовки для немецких солдат. Для соблюдения полной

секретности рабочие из типографии будут выпущены только когда начнется операция. Упакованные листовки будут отправлены на фронт под попечением офицеров. В них содержатся обращения фюрера к солдатам, и они будут зачитаны перед началом наступления.

19 июня 1941. Вопрос о России теперь постепенно уясняется противной стороной. Да этого и невозможно было избежать. В самой же России готовятся ко Дню морского флота. Вот будет неудача.

20 июня 1941. Вчера: ужасно много дел. Сумасшедшая спешка... Налеты английской авиации на Гамбург и Бремен... В Москве начинают понемногу становиться нахальными. Я запрещаю слухи о том, что рейхстаг якобы будет созван... Обращение фюрера к солдатам восточной армии отпечатано, упаковано и разослано... У фюрера: дело с Россией совершенно ясно. Машина приходит постепенно в движение. Все идет как по маслу. Фюрер восхваляет преимущества нашего режима... Мы сохраняем народ в едином мировоззрении. Для этого служат кино, радио и печать, которые фюрер характеризовал как самые значительные средства для воспитания народа. От них государство никогда не должно отказываться. Фюрер хвалит также хорошую тактику нашей журналистики.

Сейчас, когда правят бал генералы, а Геббельс отодвинут на второй план, для него особенно важно заручиться похвалой фюрера, когда к тому же у него с генералами, похоже, затевается свара. На Браухича он уже жаловался. Другого генерала он также рад бы пресечь: «Генерал Боденшатц слишком много сплетничает. Настоящая кумушка!»

В этой тетради, охватывающей всего полтора месяца, достается министру иностранных дел Риббентропу («Теперь я ополчусь против него. Таким людям импонирует только нахальство»), Борману («темная личность»), руководителю «Трудового фронта» д-ру Лею («идиот»), дуче, Антонеску, Павеличу, Маннергейму... Похоже, в ожидании скорой победы Геббельс расчищает площадку для триумфального постамента, на который взойдет фюрер в его лишь сопровождении. И улетевшему Гессу, «второму лицу» в государстве, достаются уничтожающие характеристики. Заступивший на его место Борман уже говорил Геббельсу о мании величия и скудоумии Гесса. «К тому же,— пишет Геббельс,— как теперь доказано, он страдает также половым бессилием. Теперь он попадет в руки астрологов: результат налицо. Его жена разыгрывает еще роль великой и оскорбленной невинности. Она во многом виновата в политической гибели своего мужа. Он заслуживает сожаления. Он никогда уже не сможет участвовать в общественной жизни».

21 июня 1941. Вчера: драматический час приближается... Вопрос о России с часу на час все более драматизируется. Молотов обратился с просьбой посетить Берлин, но был отшит. Наивно! Это следовало бы сделать на полгода раньше. Все наши противники гибнут из-за опозданий. Читаю подробную докладную о русско-большевистской радиопропаганде. С ней нам приходится не раз раскалывать твердый орешек. Это же не то что глупая английская пропаганда. Ее же делают евреи. Я предусмотрительно поручаю подготовить генераторы помех широкого диапазона... Испытывал новые фанфары. Теперь нашел нужные. Обращение фюрера переделано заново и отправлено на фронт... Дело начато превосходно. У нас будет хороший старт... После обеда работал в Шваненвердере. Там я более спокоен и сосредоточен... В Лондоне теперь правильно понимают в отношении Москвы. Войну ожидают каждый день. Лишь отдельные голоса настаивают, что все это блеф... Фюрер очень доволен нашими фанфарами, он приказывает еще кое-что добавить. Из песни Хорста Весселя.

Первый день войны. Утро 22 июня. Мир уже потрясен известием о нападении на Россию, и поступают новые сведения с Восточного фронта. Геббельс же методично описывает, как обычно, истекший день и долго болтает в дневнике о том о сем: о беседе с актрисой, приглашенной сниматься в новом военном фильме, о завтраке в честь итальянского фашистского деятеля Паволини, об обеде, устроенном им в честь итальянцев у себя в Шваненвердере,— прежде чем подойти к главному.

22 июня 1941. В 3.30 начнется наступление,— *пишет он как бы с позиции предшествующего дня.*— 160 укомплектованных дивизий. Фронт в 3 тысячи километров. Много дебатов о погоде. Самый большой поход в мировой истории. Чем ближе удар, тем быстрее исправляется настроение фюрера. С ним так всегда. Он просто оттаивает. У него сразу пропала вся усталость. Мы 3 часа прохаживаемся в его салоне туда и сюда... Деканозов (*посол СССР*) снова сделал представление в Берлине из-за перелетов границы нашими самолетами. Уклончивый ответ!.. По отношению к Гессу фюрер находит только слова презрения. Если бы он не был сумасшедшим, то его следовало бы застрелить. Он причинил партии и прежде всего армии колоссальный ущерб... Установлено после долгих колебаний время для зачтения воззвания — 5.30 утра. Тогда врагу все станет ясным. Народ и мир также узнает правду... Наша подготовка закончилась. Он (*Гитлер*) работал над ней с июля прошлого года, и вот наступил решающий момент. Сделано все, что вообще было возможно. Теперь должно решать военное счастье.

Новый советский посол Владимир Деканозов (в центре) прибыл в Берлин

...3 часа 30 минут. Загремели орудия. Господь, благослови наше оружие! За окном на Вильгельмплац все тихо и пусто. Спит Берлин, спит империя. У меня есть полчаса времени, но не могу заснуть. Я хожу беспокойно по комнате. Слышно дыхание истории... Прозвучала новая фанфара. Мощно, звучно, величественно. Я провозглашаю по всем германским станциям воззвание фюрера к германскому народу. Торжественный момент также для меня... Еще некоторые срочные дела. Затем еду в Шваненвердер. Чудесное солнце поднялось высоко в небе. В саду щебечут птицы. Я упал на кровать и проспал два часа. Глубокий, здоровый сон.

И предвкушение молниеносной победы.

Глава седьмая

«ПРЕДОСТАВИТЬ ЭТУ ЗЕМЛЮ ЛУЧШЕМУ НАРОДУ — НЕМЦАМ» (ГИТЛЕР)

Это был долгий путь германского фашизма — ко дню 22 июня 1941-го. Он начат еще в 1924 году, когда в «Майн кампф» Гитлер изложил цели национал-социализма. «Мы снова хотим оружия!» — подстрекал он реваншистские на-

строения в разбитой Германии. Культ войны противопоставлялся миротворческим усилиям демократических сообществ: «Так называемая гуманность — смесь глупости, трусости и надуманных благих пожеланий, что тают как снег под мартовским солнцем». «Земля и почва — цель нашей внешней политики». «Только достаточно большая территория на этой земле обеспечивает народу свободу существования».

Быть или не быть Германии, зависит от того, как она справится с задачей захвата земель, утверждал он. «**Германия либо станет мировой мощью, либо вообще перестанет существовать**». И в соответствии с этим ультиматумом Гитлер на пороге полного поражения Германии, в двадцатых числах апреля 1945 года, заявил: немецкий народ оказался недостойным своего фюрера и не заслужил того, чтобы продолжать жить.

Но демократическая ФРГ на ощутимо урезанном пространстве земель Германии, с добавившейся плотностью населения создала самое мощное в Европе государство, высветив абсурдность маниакальной идеи «жизненного пространства», которое предстояло завоевывать немцам в смертоносной войне.

Главной целью захватнических войн фашистской Германии был Советский Союз. Национал-социализм — «мировоззрение, которое стремится, отказавшись от демократической идеи масс, **предоставить эту землю лучшему народу — немцам**»,— провозглашал Гитлер в «Майн кампф».

Советский Союз должен был пасть, чтобы обеспечить немцев на 100 лет землей, ресурсами и рабской силой. Советский Союз — политический противник — был последним препятствием на пути завоевания Германией господства в Европе, последней надеждой Англии и мира, и ему надлежало быть разгромленным, распасться и сойти со сцены.

Как не раз уже бывало, перед тем как напасть на страну, Гитлер затевает серию миротворческих договоров с ней, соглашений, переговоров, выступает с лицемерными заявлениями. Европейской дипломатии, в той или иной мере сохранившей пиетет к межгосударственным соглашениям, не удавалось приладиться к новой немецкой дипломатии, с ее этикой взломщиков, с шантажом, наглым обманом. И Гитлер переигрывал ее. Переиграл и Сталина.

В январе 1941 года был подписан в дополнение к имевшимся договорам русско-германский пограничный договор. Демонстрируя дружбу с Россией, Гитлер вовсю разви-

Stuttgarter
NS-Kurier
Extra-Blatt

Zum Kampf gegen Sowjet-Rußland angetreten!

Eine einzige Front vom Eismeer bis zum Schwarzen Meer zur Sicherung Europas

Die sowjetrussisch-englischen Machenschaften enthüllt

Finnisches und rumänisches Heer an unserer Seite

«Борьба против советской России началась! Единый фронт от Полярного моря до Черного моря на защите Европы. Англо-советские происки обнажены. Армии Финляндии и Румынии на нашей стороне». Национал-социалистический боевой листок в день нападения.

вал план «Барбаросса». На совещании его с командованием вермахта был установлен характер маскировки операции против России — она должна осуществляться под видом подготовки к вторжению в Англию (что и происходило на деле). В марте уже был готов план расчленения Советского Союза на 9 областей, управлять которыми будут имперские комиссары, подчиненные рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей Розенбергу. Ответственным за экономическую эксплуатацию России Гитлер назначил Геринга, и в марте уже были готовы на этот счет план и репрессивные меры.

При всей успешности наступления немецких войск эта кровопролитная борьба вела к краху фашистской империи во главе с Гитлером. Игрок, он на этот раз переиграл самого. себя. 22 июня 1941 года — роковая для Гитлера дата.

А по иронии истории именно в ночь на 22 июня Наполеон перешел русскую границу.

22 июня я стояла у Никитских ворот в толпе москвичей, ошеломленно слушающих у репродуктора выступление Молотова.

За моей спиной на здании кинотеатра повторного фильма висела большая красочная афиша — «Когда пробуждаются мертвые». Как символично сошлось. Это был час пробуждения незрячих, слепцов, дождавшихся «внезапного» нападения, начатого в 1924-м («Майн кампф») и с 1933-го неукротимо приближавшегося.

Геббельс записывает: «Речь Молотова: дикая ругань, призыв к патриотизму, плаксивые жалобы, между слов чувствуется страх. «Мы победим»,— говорит он. Бедняга!.. Антонеску издает поэтические призывы к армии и народу. Финляндия пока не трогается с места. Венгрия выступила за нас — очень резко антибольшевистски. Италия объявила войну России. Очень порядочно с ее стороны. Через всю Европу проходит волна антибольшевизма. Решение фюрера — крупнейшая сенсация из всех вообще возможных. Наше воздушное наступление стартует с большим размахом. 900 пикирующих бомбардировщиков и 200 истребителей. На русские города, на Киев и на аэродромы. Боевые действия ведутся по всему фронту протяженностью в 3000 км. Повсюду форсированы небольшие речки. Лондон пока говорит, что Гитлер сошел с ума, и указывает на пример Наполеона, следуя московским речам... США ограничиваются руганью, от этого нам ни холодно ни жарко. Если победим, все равно будем правы. Япония пока молчит. После того как я прочитал воззвание фюрера, Риббентроп тоже добавил своего варева. Отдал дань кокетливости. Русские развертывают свои силы подобно французам в 1870 году. И потерпят такую же катастрофу. Русские обороняются в настоящее время лишь умеренно, но их авиация уже сейчас понесла ужасные потери... Мы скоро с ними справимся. Мы должны с ними справиться. В народе слегка подавленное настроение. Народ хочет мира, правда, не позорного, но каждый новый театр военных действий означает горе и заботы...

Почти каждую минуту поступают новые известия... До сего времени уничтожено 1200 русских самолетов... Брест взят. Достигнуты все намеченные на сегодня цели. До сих пор никаких осложнений. **Мы можем быть спокойны. Советская система рассыпется как труха.** Выступает Черчилль. Дикая брань по адресу фюрера. Его речь полностью под-

Утро 22 июня. Министр иностранных дел Риббентроп объявляет берлинским корреспондентам германской и иностранной прессы о нападении Германии на Советский Союз

тверждает сотрудничество между Лондоном и Москвой против нас» (23.6.1941).

Начальник генштаба Гальдер в первый день наступления записал: наши выступили в полном соответствии с планом, что было полной неожиданностью для русских.

24 июня 1941. Вчера: военные операции развиваются на Востоке замечательно, сверх всяких ожиданий. Наше новое оружие действует уничтожающе. Русские, дрожа, вылезают из бункеров, и целый день их невозможно допрашивать. Мы продвигаемся двумя крупными фронтами. До сих пор уничтожено 1800 русских самолетов. Они падают, как мухи. У их истребителей меньше скорость, чем у наших «Ю-88». Все идет по плану и даже сверх него.

Геббельс продолжает недоумевать, почему английская авиация в такой подходящий для нее момент неактивна. «Вообще говоря, непонятно. Ведь для Черчилля это большой шанс, он сам об этом говорил. Мы налетаем более чем 80 самолетами на Англию. Это производит импозантное впечатление. Русские должны «стереть нас в порошок». Посмотрим!.. В США настроение двойственное. Это укрепляет наши антибольшевистские позиции. В Европе образуется нечто вроде единого фронта. Возникают идеи крестового похода. Можем хорошо использовать. Мы не торо-

пясь заводим снова резко антибольшевистскую пластинку... В народе настроение пока выжидательное. Долго не продлится. До первых ощутимых побед.— *Снова и снова нацисты действуют под демагогической завесой антибольшевизма, что всегда приносило им немалые политические дивиденды.*— В Восточной Пруссии творится что-то сумасшедшее с противовоздушной обороной, эвакуацией и т. п. Я приказываю немедленно прекратить это. Надо привыкать... Фюрер выезжает на фронт. Я прощаюсь с ним. Он очень серьезен и торжествен. Возвращайтесь с победой! И будьте здоровы! Он такой великий человек. К нему можно испытывать лишь почтение».

«НАША ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ БЛЕСТЯЩАЯ»

Геббельс запрещает христианские издания для солдат. «Это изнеженное, бесхребетное ученье самым худшим образом может повлиять на солдат». Однако настроение «крестового похода» чрезвычайно раздувается. «Можем хорошо использовать».

В 41-м наши газеты не доносили, в какой мере неблагоприятная, враждебная атмосфера по отношению к СССР возникла за рубежом. И хотя отбор Геббельсом публикаций в прессе тенденциозен, видно, что в эти первые дни, трагические для советских войск, немалая часть зарубежной печати уверяла в безнадежном положении СССР, предрекала близкое поражение, а то и готовность своей страны спешить участвовать в военном походе против обреченного гиганта. Надо полагать, не без того, чтобы поспеть к дележу «огромного пирога», каким Гитлер называл Советский Союз.

У себя на вилле Геббельс увлеченно просматривает первые 500 метров кинохроники о начале похода против России. «Частично показано наше новое оружие. Дьявольщина, сметающая запросто все на пути... Германская активность на всех фронтах вызывает безграничное удивление всего мира. Европейский антирусский фронт образуется сам собой... Я думаю, что война против Москвы психологически и, вероятно, в военном отношении будет самым большим успехом для нас. Настроение против Москвы растет по всей Европе. Даже «Таймс» настроена весьма скептически».

25 июня 1941. Вчера: на Востоке за два первых дня уничтожено 2585 русских самолетов против 51 нашего. Наземные операции развиваются

хорошо. Значительные успехи сверх ожидания. Противник сражается хорошо...— *неожиданно замечает он.*— В Москве болтают и хвастаются в старом коммунистическом стиле. Но под грохот орудий это звучит совершенно неубедительно... Однако пропаганда там лучше, чем в Лондоне. Теперь мы имеем перед собой опытного противника. В Мадриде крупные демонстрации в нашу поддержку. Я пока немного придерживаю слишком сильное подчеркивание в прессе многонациональности России. Это только усилит сопротивление противника. Для этого еще будет время в течение недели. Я также не позволяю затрагивать вопросы экономических выгод в результате победы над Москвой. Наша полемика ведется исключительно на политической равнине.— *Но для себя он ведь уже записывал: «Итак, вперед! Богатые поля Украины манят».*— Карты России большого масштаба я пока придерживаю. Обширные пространства могут только напугать наш народ. Я резко выступаю против глупых определений срока победы министерством иностранных дел. Если сказать 4 недели, а будет 6, то наша величайшая победа в конечном итоге будет все же поражением.— *Но в том, что это будет блицкриг, у Геббельса сомнений нет.*— Министерство иностранных дел также в недостаточной мере соблюдает военные тайны. Против болтунов я велю вмешаться гестапо.

Стоит изматывающая жара, она обессиливает. «Тошнит, но хорошо. Я не хочу, чтобы было когда-либо иначе»,— пишет он, запаленный успехами этой войны.

26 июня 1941. Вчера: давящая, тяжелая атмосфера затрудняет дыхание. Несмотря на это работа кипит, летят телеграммы, непрерывно звонят телефоны. Проникли глубоко на русскую территорию: Ковно, Вильно, Слоним и Брест в наших руках. На юге тяжелые бои. Русские защищаются мужественно,— *отмечает он. Но это несуразно с точки зрения его окрепшего взгляда на близящееся полное поражение.*— Они теряют бесчисленное количество танков и самолетов. Это является предпосылкой к победе. Следует ожидать больших успехов... В США снижают сроки нашей победы уже до 10 дней. Я препятствую этому со всей энергией. В конце концов большой триумф будет выглядеть все же поражением, поскольку мы не соблюли срок США.— *Такие вот суетные заботы.*— ...Русские бомбили Тильзит, Мемель и Кенигсберг. Это пустяки... В Испании продолжаются демонстрации. Нашим наступлением на Москву мы вбили клин в самое сердце лагеря плутократии. В настоящее время наша психологическая ситуация блестящая... Финляндия официально объявляет состояние войны с Россией.

Поздно вечером в Шваненвердере Геббельс просматривает хронику. «Содержание — война». И потому хроника стала «великолепной».

«НАПРЯЖЕНИЕ ВО ВСЕМ МИРЕ ДОСТИГЛО ВЫСШЕЙ ТОЧКИ»

Геббельс продолжает недоумевать, почему в этот выгодный для нее момент английская авиация давно не предпринимает активных атак, каких опасались немцы. В самом деле, как это понимать? Я помню выступление Черчилля — его передавали у нас по радио чуть ли не в первые часы нападения гитлеровской армии на Советский Союз. «Мы будем бомбить Берлин днем в ночью»,— сказал он.

27 июня 1941. Минск в наших руках. Первый большой мешок начинает затягиваться. В нем будет много пленных и различного военного имущества. Русские несут колоссальные потери в танках и самолетах, но они еще хорошо дерутся и начиная с воскресенья уже многому подучились. Достигнутые до сих пор нами результаты более чем удовлетворительны. На севере даже великолепные. Финляндия теперь официально вступает в войну. Швеция пропускает одну немецкую дивизию... В Испании демонстрации, направленные против Москвы... Италия намеревается послать экспедиционный корпус, если это только не обернется против нее же, антибольшевистский фронт Европы продолжает создаваться... **Напряжение во всем мире достигло высшей точки...** Большевики — не англичане. В подрывной пропаганде они кое-что смыслят. Теперь мы ввели в действие передатчик в Ковно. Другие на очереди... Правда, положение с нашими передатчиками не из блестящих — Москва имеет более сильные радиостанции, чем мы,— но оно с каждым днем улучшается. Мы должны выстоять в это тяжелое время. Турция все тверже становится на нашу сторону... Действия военно-воздушных сил на востоке прямо-таки грандиозны. Мы все боимся лишь того, что русские своевременно отступят и избегнут битвы на уничтожение... Показания русских военнопленных показывают их ужасающе низкий уровень. Это следствие большевистского воспитания. О солдатской выучке не может быть и речи. При пленении многие стреляются из страха, оттого что им внушили ужас перед нашими солдатами.

Геббельс выслушивает доклады и сообщения с фронта, и резюме его вполне цинично: «Крайне интересное ознакомление с мастерской ведения большой войны».

По-прежнему Геббельс пристален к тому, что «английская авиация далеко не полностью использует ситуацию». На Восточном фронте, отмечает он, «на юге упорное сопротивление. Противник обороняется отчаянно и под хорошим командованием. Положение, может, и безопасное, но у нас по горло дел. На центральном участке фронта очень хорошие успехи. Первый мешок затянут. В нем всякая всячина. Уже появились признаки деморализации противника. Тро-

феи растут... Военно-воздушные силы до сих пор уничтожили почти 4000 вражеских самолетов. В то же время наши потери незначительны... Разлад во вражеском лагере все более усугубляется. Это время надо по возможности полнее использовать. Пожалуй, можно будет этот разлад настолько обострить, что фронт противника придет в колебание». Эта идея владела Гитлером до самого конца в безнадежные дни апреля 1945-го.

29 июня 1941. Вчера: положение на Востоке: на юге, на Румынском фронте, застопорилось, небольшие клинья русских частично на румынской территории. Серьезной опасности нет... На центральном участке все идет по плану. Противник теряет ужасающее число танков и самолетов. Первый большой котел почти замкнулся. На северном участке фронта все тоже идет по плану... Русские защищаются мужественно. Командование действует в оперативном отношении лучше, чем в первые дни.

Это совсем новая, незапланированная ситуация, и, как ни захлебывается в первые дни Геббельс результатами внезапного нападения, не замечать ее не удается.

Он распорядился срочно сочинить песню о походе на Россию, но песня, к его досаде, никак не получается, «наши поэты не могут справиться», он торопит их. Наконец новая песня сочинена. Это совместный труд поэтов, «который я сейчас перерабатываю. После этого он будет неузнаваем,— с обычным самодовольством записывает он.— Великолепная песня». Великолепны фанфары, радиопередача, кинохроника — все, что питает война. Великолепна сама война и предвкушение близкого триумфа. «В США считают положение Сталина отчаянным».

Геббельс обеспокоен пропагандой противника, в особенности сильными радиостанциями России. Совместно с гестапо он пресекает слушание заграничных радиопередач. Прибегнув к содействию фюрера, д-р Геббельс подверг запрету русских писателей и композиторов. (Припомнил ли, чем были для него этот «великий русский» — Достоевский и «моя старая любовь» русская музыка?)

Следя за событиями на Восточном фронте, Геббельс не упускает из виду свой «внутренний фронт»: «Небольшой скандал в ОКВ продолжается. Вечно об одном и том же, о компетентности. Теперь к этому прибавляется еще Розенберг, который себя чувствует уже царем России. Если мы когда-либо споткнемся, то в конфликтах по вопросу о компетентности».

30 июня 1941. Мы работаем теперь тремя секретными передатчиками на Россию. Тенденции: первый передатчик — троцкистский, второй — се-

паратистский и третий — националистический, русский. Все резко направлены против сталинского режима. Мы применяем все методы и прибегаем к оправдавшим себя во время похода на запад уловкам... Отпечатано около 50 млн. листовок для Красной Армии. Отправлено и приказано сбросить с самолетов. Москва изымает радиоаппараты... В Москве нас упрекают в том, что мы хотим реставрировать царизм. Этой лжи мы быстро отрубим голову... В США возрастающий кризис. Рузвельт сидит между двух стульев. Лагерь изоляционистов все больше одерживает верх. В Лондоне фронт противника дает глубокие трещины. Антибольшевизм засел все же глубоко. Всходит посев нашей прежней пропаганды...

Европа объединяется, по словам Геббельса, в «крестовый поход» против Советского Союза. В Испании записалось 50 000 добровольцев.

«Прекрасный воскресный день, хотя идет дождь, но он озарен светом победы... С Магдой и Ш. проверял планы новостроек в Ланке. Вечером Магда уезжает в Мюнхен, чтобы закупить там картины на большой художественной выставке, и в Вену для осмотра здания для наших целей... Темп в Берлине почти захватывает дыхание. В этот период я должен прямо-таки красть для себя время. Но я желал как раз такой жизни, и она действительно красива. Вечером хроника. Прекрасные съемки с Востока. Захватывающее дыхание киномонтажа... Рига в наших руках. Крупные танковые бои под Луцком. Сводки из Москвы очень присмирели».

«РУССКИЕ ОБОРОНЯЮТСЯ ОТЧАЯННО»

1 июля 1941. Вчера: налеты на Гамбург, Бремен, Киль. На этот раз с некоторым успехом... **Русские обороняются отчаянно.** Русская танковая дивизия прорывает наши танковые позиции... Группа Маннергейма в Финляндии готова к операциям. Группа Дитла выступила в направлении Мурманска. Прорвана линия дзотов... Дела в основном идут хорошо, однако русские сопротивляются сильнее, чем предполагалось вначале. Наши потери в людях и материальной части значительны...— *Защищаясь от такой непредвиденной напасти, Геббельс отбирает в мировой прессе все, что служит подспорьем в его пропагандистском хозяйстве, что укрепляет его самого.*— Во всех странах необычайно восхищаются мощью наших вооруженных сил... В США возрастающий раскол общественного мнения. Гувер и изоляционисты резко возражают против вступления в войну, а также церковные круги. В Лондоне происходит подобное.

Он записывает, что итальянский корпус, с согласия фюрера, направляется в Румынию, в Норвегии Тербовен фор-

мирует легион добровольцев, шведский министр иностранных дел открыто выступает в пользу Германии.»

Но все далеко не так превосходно, как это хотел бы видеть Геббельс. Угрожающее бедствие с продовольствием, в которое национал-социализм вверг Германию и всю фашистскую коалицию, и другие осложнения пугают Геббельса и дают о себе знать в записях. «Антонеску без народа. Я это предсказывал... Растущая ненависть к немцам». Борман получил ранг имперского министра. И если в Германии очень плохо с продовольствием, то в Италии и вовсе «безутешная картина». «Повсюду отсутствует организация и систематика. Нет ни карточной системы, ни приличной еды, а вместе с тем большой аппетит на завоевания. Хотят, по возможности, чтобы мы вели войну, а сами пожинать плоды. Фашизм еще не преодолел свой внутренний кризис. Он болен телом и душой. Слишком сильно разъедает коррупция».

Фюрер отклонил снова попытку ОКВ издавать «церковный журнал для солдат». Геббельс, когда-то пожелавший национал-социализм объявить христианской религией, что не пришлось по вкусу Гитлеру, тотчас встроился вслед за фюрером в отрицание христианства. Понаторев в этом, он наставляет заинтересованное лицо: «У солдат теперь есть занятие получше, чем читать трактатики. Я объясняю это М. и читаю при этом краткую лекцию о бессмысленной логике христианской религии, что и производит на него глубокое впечатление»,— упивается он. Его успех, о котором он хвастливо твердит,— успех его статей, выступлений, соперничества с московской пропагандой и проч.— в одном ряду с успехами на фронте и не должен затмеваться ими. Вот и на исходе этого дня, работая над материалом кинохроники, он создает «настоящий шедевр» и никак не меньше.

«КРАСНЫЙ РЕЖИМ МОБИЛИЗОВАЛ НАРОД»

2 июля 1941. Вчера: на Восточном фронте: боевые действия продолжаются. Усиленное и отчаянное сопротивление противника... Армейская группа «Юг»: отражена попытка вражеского прорыва... Под Белостоком отчаянная попытка прорыва. У противника много убитых, мало раненых и пленных. Один красный полк прорвался. Бои нового образца... Рига полностью занята... В общем, происходят очень тяжелые бои. О «прогулке» не может быть и речи. **Красный режим мобилизовал народ.** К этому прибавляется еще и баснословное упрямство русских. Наши сол-

даты еле справляются. Но до сих пор все идет по плану. Положение не критическое, но серьезное и требует всех усилий. Русские торжествуют в своих сводках. Немного громко и слишком рано. Мы резко выступаем против этого,— *протестует Геббельс, очень чувствительный к срыву представлений о Советском Союзе как о легкой добыче.*— Лондон помогает им расфуфыренными описаниями сражений, но мы это уже знаем из нашего похода на запад. Это цветочки, а ягодки впереди. В США становятся все наглее. Нокс[1] произносит дерзкую речь с требованием о немедленном вступлении в войну... Наше положение улучшается с каждым часом. Если продлится так еще несколько дней, то тогда мы преодолеем самое трудное... Мы снова за один день уничтожаем 235 русских самолетов. Если русские потеряют свой военно-воздушный флот, то они тогда погибли. Дай бог!

Под этой же датой Геббельс записал: «Лондон поднимает ужасный крик по поводу предполагаемого предложения о мире, исходящего от фон Папена, поводом чему послужил безобидный разговор. Мы выливаем холодный душ опровержений». И становится довольно ясно, что был предпринят зондаж, на который англичане, к их чести, отреагировали громким презрением. На следующий день Геббельс записывает, что накануне «кольцо под Белостоком крепко сомкнулось, 20 дивизий, 100 000 человек и необозримые трофеи».

3 июля 1941. Большая шумиха в связи с подготавливаемым бегством Сталина из Москвы... Аманн занимается уже созданием крупных газет в оккупированных областях. «Фелькишер беобахтер» в Москве» — вот это было бы кое-что новое!

«РУССКИЕ СРАЖАЮТСЯ ВСЕ ЖЕ ОЧЕНЬ УПОРНО И ОЖЕСТОЧЕННО»

4 июля 1941. Вчера: сильные налеты английской авиации на северную и западную Германию. На Восточном фронте: кольцо под Новогрудком плотно замкнулось. Надо ожидать колоссальных трофеев... В остальном на всех участках фронта непрерывно продолжается продвижение... Но **русские сражаются все же очень упорно и ожесточенно...** Наши потери к масштабу операций все же еще незначительные. Великолепное положение на Центральном фронте. Здесь враг становится также менее устойчивым... Русские несут большие потери в самолетах. Они не отваживаются больше совершать ночные налеты на наши восточные города. Их союзником является пока еще славянское упрямство. Но и оно в один прекрасный день исчезнет. Сталин ранним утром держит речь: защитительная речь дурной совести, пропитанная глубоким пессимизмом. Он

[1] Нокс — военный министр США.

описывает всю серьезность положения, призывает саботировать наше продвижение и предостерегает от паникеров и распространяемых вражеских слухов... За границей, прежде всего в США, а также и в Лондоне, видят положение Москвы в мрачном свете. Думают, что начинается одна из величайших в истории битв на уничтожение. И в этом несомненно правы... Потери русских в Белостокском котле чудовищны... Удар по Москве... Кажется, что сопротивление красных по всему фронту медленно сламывается... Сталин призвал сжигать урожаи и запасы. Мы отвечаем на это совершенно открыто, что России нечего ожидать от нас после поражения и мы оставим ее подыхать с голоду. Вероятно, это охладит чересчур горячие головы.

И без того заблаговременно, еще 2 мая 1941 года, было запланировано секретным меморандумом, что из России будет вывезено все нужное для Германии продовольствие. При этом было предусмотрено, что тем самым «многие миллионы людей России будут обречены на голодную смерть». Приказ Сталина усугублял обреченность населения.

«Каждые полчаса поступают новые известия. Дикое, возбуждающее время. Вечером кинохроника готова... Еще полчаса подремал на террасе»,— заканчивает запись этого дня Геббельс.

«ПРОРВАНА ЛИНИЯ СТАЛИНА»

5 июля 1941. Вчера: благоприятное развитие военного положения. Венгры продвигаются через Карпаты. Занят Тернополь. Нефтяная область попала почти неповрежденной в наши руки... Кольцо вокруг Новогрудка все теснее сжимается. Здесь следует ожидать грандиозных трофеев... Днепр форсирован в районе Рогачева. Тем самым прорвана линия Сталина. Москва, по нашим данным, еще имеет в своем распоряжении около 2000 боеспособных самолетов. Но большевики продолжают биться упорно и ожесточенно. Хотят во что бы то ни стало удержать Ленинград и Москву и подтягивают для этого большое количество соединений, не обращая внимания на опасность в оперативном отношении. Это для нас только очень приятно. Чем больше в этом районе будет войск, тем лучше наша последующая позиция... Большого налета англичан, которого опасались, пока еще нет. Но и того, что было, достаточно.

Геббельс выхваляется работой секретных передатчиков — они «образец хитрости и изощренности» и применяют средства, успешно испробованные во время Западно-

го похода: «распространение паники». Уверяя себя, что «русский тыл уже начинает постепенно разлагаться. Признаки совершенно очевидны. Теперь мы бьем в открытую рану», он на следующий же день признается, что русский тыл — не оккупированные немцами области — для их пропаганды непроницаем.

Немецкие листовки, призывающие русских капитулировать, сбрасываются с самолетов. И благодаря листовкам, льстит себе Геббельс, русские сдаются целыми батальонами.

То, что пишет Геббельс, часто нельзя принимать на веру. Дневник продан. Он увидит свет после смерти автора, и Геббельс хвастливо, а то и просто лживо старается представить на будущее особо важное значение и громкую результативность своей пропагандистской деятельности.

Но даже в самых отчаянных условиях батальоны Красной армии бились до последнего. «Они стоят насмерть»,— вскоре признает Геббельс, и если сдавались, то не «благодаря» его листовкам, а в безысходности окружения, израсходовав патроны и гранаты, погибая от голода и ранений и под дулами вражеских автоматов.

«Большая часть русской внутренней пропаганды занята противостоянием нашей. Она занимает оборонительную позицию, эта восхваляемая, внушающая страх большевистская массовая пропаганда»,— заводится Геббельс, ущемленный второстепенностью на деле своей роли в дни, когда все внимание оттягивают на себя фронт и генералы. «Пропаганда в начале войны была Золушкой немецкой политики»,— спустя два месяца (21.8.41) признается он.

«Серый, туманный, грустный дождливый день. Такой день настраивает совсем мрачно... Наши войска приближаются к Смоленску».

«Самая мощная армия, какую когда-либо видел мир»,— охарактеризовал немецкую армию Ширер при ее нападении на Францию. С той поры она еще более окрепла и оснастилась.

Ей противостояла, обороняясь, преданная Сталиным армия, обезглавленная, разгромленная им, уничтожившим всех крупных военачальников и командирский костяк ее.

С беспримерным мужеством, самоотверженностью и жестким упорством, зачастую и при неумелом командовании, она, отступая, оказывала врагу сопротивление, о котором немецкая армия до сих пор не имела представления и никак не рассчитывала встретить его.

Как ни торжествует Геббельс, его психологическое состояние непрочно, смутно. Всего две недели войны, германская армия не испытала первых поражений — до них еще далеко. Но неожиданное «противник сражается хорошо», непредвиденные «тяжелые бои», «бои без успеха», «упорное сопротивление русских» и значительные потери немецкой армии — все это не вписывается в нацистскую доктрину о крайней слабости Красной армии. Еще, вероятно, нет осознания, в какую страшную войну брошена Германия, еще слишком велики успехи в продвижении немецких войск, но уже очевидно — это не та «молниеносная» война, какой она заносчиво мнилась,— **«о «прогулке» не может быть и речи».** В записи под одной датой «шапкозакидательство» нервически сталкивается с иными совсем оценками ситуации.

Отобранные Геббельсом высказывания в прессе, особенно англоязычной, изображают в свете происходящего на Восточном фронте Лондон впавшим в пессимизм, неспособным к действию — «настолько плохи дела у них». Это Геббельс, как всегда, нуждается в самовнушении. И хотя английские самолеты уже активно бомбят города Германии, «после восточной кампании эта очень скоро прекратится». Но иностранная печать приводит и другое: «Речь Сталина вызвала в Англии и США огромное восхищение», Англия объявила лозунг: «Европа против Германии» и поговаривают о высадке на континенте. Еще спустя неделю он записывает: «В Лондоне держатся того мнения, что мы уже проиграли восточный поход... Вопрос о высадке в Западной Европе все еще играет для лондонской общественности выдающуюся роль». Из доклада японского дипломата следует, что слово «мир» встречает у английского народа негативную реакцию. «Черчилль пользуется большой популярностью, и уж очень тяжелые удары должны посыпаться на империю, чтобы английский народ отделался от него и его руководства». 14 июля, как отметил Геббельс, заключен между Англией и Советским Союзом договор. (Заблуждается Геббельс, это была Декларация о договоре.)

«Англия и Советский Союз обязуются действовать совместно, и, следовательно, как выражается господин Иден, бывшие «сотрудники» стали союзниками. Обе стороны обязуются довести войну до окончательной победы и не заключать никакого сепаратного мира или какого бы то ни было

перемирия. Для нас это очень подходящий случай для доказательства братства капитализма и большевизма».

Но вернемся в начало июля.

«ВСЕ БЛИЖЕ К МОСКВЕ»

6 июля 1941. Вчера: на фронтах обстоит хорошо. На Центральном фронте кольца окружений все теснее сжимаются. Наши танки повернуты на север. Москва временно оставлена в покое. Туда русские бросают все имеющиеся у них резервы... Маннергейм командует слишком тупо и не дорос до уровня русского командования. В остальном все идет на лад. Авиация работает отлично... Мы должны действовать быстро, и операция на Востоке не должна затянуться слишком надолго... Об этом позаботится фюрер.

7 июля 1941. Вчера: положение на Восточном фронте хорошее. Снова развиваются большие операции. Русские подтягивают на фронт огромные подкрепления. Это только хорошо и желательно. В таком случае нам не придется преследовать их слишком далеко в глубь страны... Трофеи (*под Минском*) пока еще необозримы. Но все же в некоторых местах красные оказывают упорное сопротивление. Но в Москве постепенно осознают серьезность военной ситуации. На это указывает русская военная сводка. Она может пока сообщить только об отступлениях... Англичане становятся наглыми и совершают даже дневные налеты. Отвлекающие удары — для Москвы. Они болтают даже о вторжении в Западную Европу. Мы ничего не имеем против. Пусть только придут. Ясно, что они пытаются предпринять теперь все, чтобы использовать отсрочку своей казни. Но, надо надеяться, это не заставит себя ждать слишком долго,— *с яростью записывает он.*— 33 000 тонн потоплено подводными лодками... Русские снова наврали целый мешок. Совершенно невозможно даже все это опровергнуть. Особенно они мелют вздор о наших сумасшедших потерях. Они уже готовы назвать 700 000 человек. Но так же было при каждом наступлении. Но в итоге мы имеем 300 000 пленных... В Москве царит мрачнейшее настроение. Мы сделаем все, чтобы его усилить.

И во внутренних делах у Геббельса полно забот. Пресечь конкурентов: «Розенберг намеревается организовать свою лавочку пропаганды один... Каждый хочет заниматься пропагандой, и чем меньше он в ней понимает, тем больше хочет». Так кончился временный альянс его с Розенбергом. Устанавливается привычная атмосфера подсиживания, злобной ревности, доносов. Сотрудник министерства иностранных дел (Риббентропа) докладывает ему о своем опасении, как бы заграничные партийные организации не оказались подчиненными их министерству. «Об этом не может

быть и речи,— вспыхивает Геббельс.— Государство не может руководить партией, это было бы подрывом основ нашей партии. Мы этого не допустим».

Он занят также «разрешением еврейского вопроса в Берлине. Там еще так много работы». Но особенно много забот доставляют ему «бомбодачники» — это те, кто бежал за город от бомбардировок. Геббельс натравливает на них полицию и гестапо. «Этот паразитический сброд отравляет нам настроение. Жаль, что для этих бездельничающих баб не введена еще трудовая повинность». А тут еще и выставка искусств должна открыться в Мюнхене под его руководством. «Фюрер поручает мне выступить вместо него с речью... В эти времена задача не из приятных».

Война не принесла ожидаемой разрядки, не разрешила жгучих вопросов. В Германии плохо с продовольствием, на Балканах «царит настоящий голод. В особенности в Греции. В Италии высказывают большое недовольство. Муссолини действует недостаточно энергично. В Румынии симпатии к нам заметно уменьшились. Заботы, куда ни глянешь». «Во Франции и Бельгии царит почти что голод. Поэтому настроение там соответственное».

Но никакие заботы, никакие войны, никакие невзгоды немецкого народа не мешают его личному устройству и обогащению. Помимо отстроенного только что «замка» в Шваненвердере, где Геббельс теперь частенько обитает, комплекса домов в Ланке, куда он также выезжает, в дни войны обустраиваются его загородные владения: «строится новый норвежский домик. Он будет стоять в весьма идиллическом месте». «Осмотрел наш новый бревенчатый дом, который очень красив. Он расположен в лесу и приспособлен для мирного периода, который, конечно, придет».

Для этого нужно лишь малость — одолеть русских.

А пока что «прилежно строится» еще и большое сооружение — личное убежище Геббельса на Герингштрассе, где он проживает с семьей.

8 июля 1941. Вчера: на фронте все обстоит хорошо. Значительные успехи. На юге очень тяжелые бои. Дороги почти непроходимы. Взяты Черновицы. Операция развивается. У противника нет больше никакого оперативного управления. Военнопленные показывают, что не капитулируют лишь из страха перед расстрелом. Настроение у нас на фронте очень хорошее... На Центральном фронте все по-прежнему превосходно. В Финляндии очень тяжело. Финны непригодны для наступления. Петсамо со своим никелем в полной безопасности. На Востоке никаких воздушных налетов. Это доказывает, что военно-воздушные силы красных

уже не обладают больше никакой ударной силой. Наш подвоз осуществляется беспрепятственно. В западной Германии опять сильные налеты. Красные делают пугалом немецких парашютистов. Мы поддерживаем это, распространяем сами такие сведения и добиваемся тем самым значительной паники. В Москве, согласно безупречной информации, дела выглядят в мрачном свете. Мы не успокоимся, пока не добьемся падения красных бонз. Это нам удалось в 1933, удастся также на этот раз... Наша пропаганда листовками против Советов усиливается. **Капитуляция! — таков лозунг...** В США настроение все еще очень разное. В нашей победе над Россией никто больше не сомневается. Большевистская оперативная сводка исходит в партийной фразеологии. Смоленск два раза подвергся бомбардировке. **Все ближе к Москве...** Сегодня я вылетаю к фюреру в Ставку.

Так заканчивается последняя запись рукописного дневника Геббельса.

«КАПИТУЛЯЦИЯ! — ТАКОВ ЛОЗУНГ»

С этим лозунгом, прозвучавшим в дневнике Геббельса, немецкие войска подступали к Москве, уверенные в своей скорой победе.

8-м июля 1941 года, как уже сказано, обрывается последняя запись в найденных нами тетрадях Геббельса. Этой записью заканчивается 4-томное собрание рукописных дневников Геббельса, в котором эти «наши» тетради составляют больше половины объема. С того дня Геббельс записей собственноручно не делал. И понятнее становится, почему именно рукописные тетради, как наиболее ценные, он взял с собой в бункер и держал при себе до конца.

Можно было бы поставить на этом точку.

Но выясняется спустя многие годы: Геббельс, начиная с 9 июля 1941 года, принялся ежедневно диктовать свой дневник двум стенографам, нанятым для этого в министерство.

Расшифрованные машинописные страницы в немалом объеме были обнаружены советской разведкой в подземелье имперской канцелярии в металлических ящиках. К тому времени я уже демобилизовалась и об этом не знала.

Вероятно, какое-то время советские военные власти были довольно беспечны в отношении бумаг, остававшихся в этом подземелье. Так, некто Эльза Голдшвамм, одна из тех, кого направили на уборку в бункере, взяла из открытого будто бы ящика связку бумаг в 500 машинописных страниц дневника Геббельса. Сохранила их и спустя годы, в 1961-м, вручила Мюнхенскому институту современной истории.

Другой случай связан с торговцем макулатурой, приобретшим ее в большом количестве в министерстве и продавшим за несколько пачек сигарет американцам. Среди «макулатуры» оказался большой объем машинописного дневника Геббельса. Он перекочевал в библиотеку Гувера и был опубликован в США в 1948-м.

Позднее, году в 1969-м, в ГДР приступили к раскопкам на руинах взорванной рейхсканцелярии. Приехав в 1973-м в Берлин, я наблюдала, как рыли на том месте траншеи, но не могла в толк взять, с какой же целью. Оказывается, были обнаружены алюминиевые ящики, в которых хранились машинописные страницы дневника. Раскопки какое-то время еще продолжались.

Весь огромнейший состав машинописных страниц (пока еще он неполный) идентифицировали оба геббельсовских стенографа — в 70-х годах они работали в Бонне, в бундестаге.

Предполагается, что этот состав тоже будет издан и пополнит собрание дневников Геббельса. Думаю, что одолеть его будет под силу и только из необходимости профессионалам-историкам. В потоке извержения слов совсем не так много существенного или просто интересного. Напомню вторично, что даю здесь извлечения, наиболее, на мой взгляд, существенные, и невольно придаю, вероятно, тем самым дневнику Геббельса более содержительный характер.

Но машинописные страницы пока не собраны в тома, не изданы. Располагаю, благодаря издателю дневников Эльке Фрёлих, любезно присланными ею по моей просьбе отдельными фрагментами.

Пользуюсь также, не располагая оригиналом текста, частью дневника в переводе «для служебного пользования» (фамилия переводчика не указана).

«МОСКВУ И ПЕТЕРБУРГ СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ»

В тот день, когда Геббельс заносил последнюю рукописную запись в дневник, 8 июля 1941 года, Гитлер подтвердил военным свое решение: «Москву и Ленинград сровнять с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов и не кормить его в течение зимы...»

События шли с таким нарастанием, что это, как видно, и побудило Геббельса перейти на диктовку, чтобы при меньшей затрате времени успевать зафиксировать побольше.

Посещение ставки Гитлера

Утром 8 июля он вылетел в ставку Гитлера и провел с ним какое-то время, выслушав его воодушевляющие суждения обо всем. Диктует их на следующий день, не прерывая заведенный порядок — ежедневно обращаться к дневнику.

9 июля 1941. Он (*фюрер*) выглядит лучше, чем можно ожидать, и производит впечатление, вызывающее чувство оптимизма и доверия... Он описывает мне кратко военное положение, на которое он смотрит весьма положительно. По его неопровержимым и доказанным фактам, две трети большевистских сил уничтожены или же сильно потрепаны. Пять шестых большевистских воздушных и танковых сил могут считаться уничтоженными. Фюрер еще раз подчеркивает... Теперь мы будем бить вплоть до уничтожения. О мирных переговорах с большевистским Кремлем не может быть и речи. У нас имеется достаточно резервов, чтобы выдержать в этой гигантской борьбе... **Фюрер имеет намерение такие города, как Москва и Петербург, стереть с лица земли. Ибо раз мы хотим расчленить Россию на отдельные составные части, то это огромное государство не должно обладать каким бы то ни было духовным, политическим или же хозяйственным центром...** Мы продвинемся, в случае благоприятного развития операции, в течение ближайших дней вплоть до Волги, а в случае необходимости и до Урала. Умиротворение прочих русских областей в случае, если бы где-либо было оказываемо военное сопротивление, будет производиться специальными экспедициями. Ко-

нечно, мы не потерпим, чтобы где-либо в не занятой нами части России образовался какой-либо военный или же военно-промышленный центр.

Гитлер также заверил своего министра, что Япония вот-вот несомненно выступит против России. «Во всяком случае, как полагает фюрер, Япония в нашей борьбе с большевизмом не будет ждать так долго, как большевизм при нашем столкновении с Польшей. Помощь с Востока была бы для нас весьма приятной».

Геббельс продолжает: «Он *(фюрер)* предвидит крушение Англии с уверенностью сновидца... Фюрер считает... что **война на Востоке в основном выиграна...** Кроме того, начинается целый ряд широких военных операций, которые, без сомнения, приведут опять к уничтожающим ударам... Линия нашей пропаганды поэтому вполне ясна; мы должны по-прежнему разоблачать совместную работу большевизма и плутократии, выставляя все более и более еврейский характер этого фронта. Через несколько дней начнется понемногу антисемитская кампания, и я убежден в том, что мы и в этом направлении привлечем на нашу сторону мировую общественность».

В связи с призраком голода в Европе Гитлер говорит ему: «мы, немцы, будем последними, которым это придется испытать». И он рассчитывает получить продовольствие на Украине.

В разговоре с Геббельсом фюрер подчеркивает, что своими хорошими качествами и добротностью военного снаряжения немецкий солдат намного превосходит солдата противника. «Трудности для нас представляет лишь пространство». Не обошлось в разговоре без упоминания о том, что в ночь на 22 июня Наполеон перешел русскую границу. До Геббельса, кажется, это только что дошло.

12 июля 1941. В Лондоне держатся того мнения, что мы уже проиграли Восточный поход.

Геббельс чувствителен к наскокам вражеской прессы. Но, зараженный победительностью фюрера, он, хотя и отмечает 15 июля: «Большевики защищаются отчаянно», тут же отмахивается: «это скорее храбрость тупоумия, чем героизм, и тут прежде всего красные комиссары, которые... играют главную роль в стойкости большевиков». Так или иначе победа видится ему уже совсем вблизи, а он готовится к своему личному триумфу в самой Москве: «Кто бы мог нам предсказать пять лет тому назад, что мы в июле 1941 г. из Москвы будем вести пропаганду!» Вернувшийся из ставки Гитлера д-р Дитрих сообщил Геббельсу, что

фюрер считает «**Восточный поход так хорошо удался, что уже может рассматриваться как выигранный.** То, что еще остается, это скорее работа чистки и ликвидации».

«ОГРОМНЫЙ ПИРОГ»

Вступив вместе с дневником Геббельса в период войны нацистской Германии против Советского Союза, надо, как мне кажется, еще раз вдуматься, какие цели ставили себе нацистские захватчики и какими методами приступили к их осуществлению. Представление об этом дает дневник Геббельса, но еще откровеннее и отчетливее — трофейные документы. Обращусь к ним.

Опьяненный военным успехом первых трех недель Гитлер созывает на совещание 16 июля 1941 года свою команду: Кейтеля, Геринга, Бормана. И со своими сообщниками фюрер изъясняется о задачах войны против Советского Союза языком пахана.

«В основном дело сводится к тому, чтобы освоить **огромный пирог** с тем, чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали».

При этом будут скрыты истинные намерения и предстанут перед миром в такой мотивировке: «мы будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, установить в нем порядок и установить безопасность». И якобы вынуждены проводить те или иные мероприятия в интересах населения, цинично наставляет фюрер. «Таким образом, не должно быть распознано, что **дело касается окончательного регулирования.** Тем не менее... мы будем применять все необходимые меры — расстрелы, выселения и т. п. ... Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем».

«Окончательное регулирование», «окончательное решение» — это оформлялась скрытая бандитская фразеология, означающая кровь, расправу, смерть.

«Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас».

Оккупируя районы, надо внешне представать в роли защитников права и населения, наставлял дальше Гитлер, «Соответственно этому уже сейчас нужно избрать необходимые формулировки». Тому есть и пример в его высказывании на этом совещании: «Мы подчеркиваем, что мы при-

носим свободу.— И следующая фраза: — **Крым должен быть освобожден от всех чужаков**[1] **и заселен немцами».** Такая вот новая формула свободы по-нацистски.

Фюрер сообщил, какие районы обещаны другим государствам: «Антонеску хочет получить Бессарабию и Одессу с коридором, ведущим на запад — северо-запад... мадьярам, туркам и словакам не было дано никаких определенных обещаний» (Геринг «считает правильным присоединить к Восточной Пруссии различные части Прибалтики»). «Фюрер подчеркивает: **вся Прибалтика должна стать областью империи. Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами** (область севернее Крыма). Эти прилегающие области должны быть как можно обширнее», **«волжские колонии должны стать областью империи, точно так же, как бакинская область.** Она должна стать немецкой концессией (военной колонией). Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии. Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. **Фюрер хочет сровнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам».** (Запись совещания ведет Борман.)

Под конец совещания Гитлер решительно наставляет своих сообщников: «Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть **путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд».**

Сообщники в понукании не нуждались. Они заведомо были отзывчивы ко всему, что развязывает насилие, и к готовности обеспечить его.

Ближайшее окружение Гитлера, изъеденное междоусобицей, коварными интригами, неизменно объединяла политика антисемитизма и политика агрессий по захвату «жизненного пространства», призванного обеспечить Германии господство над Европой с перспективой на мировое господство. В этом была цель их общего сговора, и она должна была быть достигнута любыми преступными средствами, как того откровенно требовал Гитлер. Победа в этой войне обеспечивала достижение всех целей национал-социализма. Ок-

---

[1] То есть коренного населения. После того как Крым был освобожден советской армией, к расправе над коренным населением, выселению его приступил Сталин.

купированные территории Советского Союза становились объектом и плацдармом самого рьяного, разнузданного, чудовищного насилия.

«Видимо, если подчинить себе эти народы, то произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления»,— прикидывал Розенберг, всевластный министр по делам оккупированных восточных территорий.

Гиммлер выступил с речью и призвал к запланированному геноциду: «30 миллионов славян должно быть уничтожено».

Эксплуатации, порабощению, истреблению подлежали русские, белорусы, украинцы. Назначенный Гитлером комиссаром окупированной Украины Кох цинично разъяснял в письме к руководителям прессы: «Украина является для нас лишь объектом эксплуатации, она должна оплатить войну, и население должно быть в известной степени как второсортный народ использовано на решение военных задач, даже если его надо ловить с помощью лассо».

До нападения на Советский Союз в правительственных кругах Германии существовала уверенность, как это явствует и из дневника Геббельса, что германские солдаты будут встречены населением с таким энтузиазмом, какого не видывали ранее. Тем не менее заблаговременно, более чем за месяц до начала войны, 13 мая 1941 года, Гитлер издал распоряжение «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» — то есть о неподсудности и об освобождении от дисциплинарной и всяческой ответственности немецких военнослужащих, совершивших какие бы то ни было «действия» по отношению к гражданскому населению на оккупированной территории СССР. А офицеру предоставлялось право при малейшем подозрении тут же расстрелять заподозренного местного жителя без всякого судебного разбирательства. Заранее был развязан неслыханный произвол, насилие — в соответствии с доктриной истребления славянского населения.

А позже, 16 сентября 1941 года, Кейтель, можно сказать, в развитие этого распоряжения отдал приказ: «Чтобы в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу, незамедлительно принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение... При этом следует иметь в виду, что **человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит** и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости». Дальше в приказе ска-

зано: «Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия».

Позже Кейтель издал приказ, в котором говорится, что войска «имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху».

На заседании Международного Военного Трибунала, давая показания, Кейтель говорил, что приказы так или иначе исходили от Гитлера, а те, что подписаны им, Кейтелем, правил Гитлер, ужесточая их. Помощник Главного обвинителя от США Додд отметил: «Кейтель — старый профессиональный солдат, знавший традиции и принципы профессии, обязывающей солдата не следовать приказу, который он считает преступным. Выходит, понимая, что приказы Гитлера и его совместные с ним приказы, изданные в нарушение международного права, были преступными, Кейтель проводил их в жизнь.

«Я был лояльным, верным и покорным солдатом своего фюрера»,— ответил Кейтель. Эти слова — почти точная формула полного повиновения любому повелению фюрера, на чем и основан «принцип фюрерства», которым так дорожит Геббельс и всячески насаждает его.

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ БУДЕТ РАЗДАВЛЕН»

В разговоре с Геббельсом в ставке Гитлер отметил, что «не подготовленное пропагандистски и психологически внезапное выступление против Советского Союза вызвало в немецком народе... некоторый шок». Вернувшись к себе, министр, ответственный за настроение в Германии, изыскивает меры борьбы с подавленным настроением во встревоженном обществе. Это «до первых побед»,— уверенно заявлял он прежде. Победы радостно встряхнут народ. Но он, как это свойственно Геббельсу, игнорировал, что и в наступательных, победных боях будут убитые немецкие солдаты и офицеры.

17 июля 1941. Я предприму соответствующие меры к тому, чтобы сократить до терпимого уровня число траурных объявлений о павших солдатах.

Утешил Геббельса полученный доклад о хозяйственном и продовольственном потенциале Украины, которым овладеет Германия, но омрачает, что в настоящее время

«Эта бестия должна быть уничтожена»

«советские русские все сожгли и уничтожили». А также что продвигающимся немецким войскам приходится преодолевать сопротивление. «Мы стоим теперь перед несколькими тяжелыми, но решающими днями. Если они будут успешно преодолены, то **Советский Союз будет раздавлен»**.

«МОСКВА ДОЛЖНА БЫТЬ ВЗЯТА»

24 июля 1941. Москва всем миром рассматривается как политический центр большевизма. Поэтому и наши полеты на Москву встревожили весь мир. (*За это время немецкие самолеты прорвались на Москву один раз.*) ...**Москва должна быть взята** для того, чтобы покорить большевизм... Розенберг стал рейхсминистром восточных областей, Лозе полу-

чает Прибалтику, которая фигурирует теперь под названием «Остланд». Начинают *(в рейхе)* постепенно отдавать себе отчет, что Восточный поход не является прогулкой в Москву... Нам приходится ведь преодолевать колоссальные пространства, и при этом возникают проблемы, трудность которых невозможно преувеличить.

Геббельсу не терпится приступить к изданию газет в Киеве, Москве, Ленинграде. «Кадры, которым поручено подготовить это дело, уже отправлены. Они находятся частично за войсками в палатках и сразу возьмутся за дело, как только это станет возможным».

25 июля 1941. Большевики объявляют, что они не имеют намерения объявить Москву открытым городом. Этим вполне отвечают нашему желанию окончательно разрушить этот центр заговора.

Уже начала сказываться деятельность партизан в оккупированных областях Советского Союза. Геббельс отмечает кратко:

26 июля 1941. Московское радио... всеми силами пытается активизировать партизанскую борьбу за фронтом. Действительно, эти операции, мешающие нашему военному подвозу, доставляют нам чрезвычайно много затруднений... Народ должен знать, что Германия бьется сейчас за самое свое существование и что нам осталось выбирать между полной ликвидацией германской нации и мировым господством.— *Это не ново. Гитлер уже давно ультимативно заявил, что Германия либо станет мощнейшей державой, либо перестанет вообще существовать. На меньшее он не согласен. А Геббельс и на этот раз лишь вторит фюреру.*

«Мы должны быть готовы к упорной и ожесточенной борьбе».

28 июля 1941. ...Но все же на стороне противника распространяется демонстративный оптимизм. Для этого в данный момент имеются по крайней мере некоторые основания. Большевики держатся гораздо более устойчиво, чем мы это ожидали. Они, конечно, знают, что борьба идет за само их существование. Если они теперь проиграют ведущиеся сражения, то они вообще все потеряют. Весь мир глядит с затаенным дыханием на военную драму, разыгрывающуюся в данный момент на Востоке... Надо также как можно больше обещать, в частности крестьянам — землю. Этим лозунгом Ленин произвел революцию, пользуясь этим же лозунгом, мы впоследствии сможем провести и антибольшевистскую революцию... Но наши специалисты уверяют, что если бросить такой лозунг в широкие массы, то крестьяне сразу же присвоят себе землю и с этим, возможно, будет связано разрушение продовольственного хозяйства в оккупированных областях.— *Эти соображения Геббельс считает излишними.*— Война вообще имеет лишь одну цель — победить!

Заранее, до начала войны, ОКВ издало «Указания о применении пропаганды по варианту «Барбаросса», где наряду с запрещением пропаганде проговариваться о намерениях расчленить Советский Союз[1] запрещалось ставить вопрос о разделе земли и роспуске колхозов, «хотя такие мероприятия и имеются в виду в будущем. Немедленное изменение производственных форм хозяйства только увеличило бы вредные последствия вызванных войной нарушений хозяйственной жизни».

Так что соображения Геббельса в расчет не приняты. Вообще влиятельность Геббельса в эти дни потускнела. Пульс страны переместился на Восток, где фюрер в ставке, окруженный генералитетом.

Эйфория первых дней войны прошла, наступили для Геббельса рутинные дни войны. Вдали от Гитлера он острее подвержен неуверенности, шаткости и противоречивости, но порой он — и трезвее и страшится хода событий из-за непредвиденного сопротивления советских войск.

30 июля 1941. Общее впечатление таково, что можно сказать, что большевики на всем фронте действуют под хорошим руководством и прежде всего в обороне быстро применяются к немецкой боевой тактике. Изумительно ловкая деятельность советской авиации, которая под сильной защитой истребителей все еще вмешивается в бои на земле... О кризисе не может быть и речи, но все же дела идут медленнее, чем наши оптимисты это предполагали.

Он принимается вспоминать те давние кризисы, которые одолели в свое время национал-социалисты. Как перед взятием власти они оказались отброшены, потеряли 2 млн. голосов и все же достигли победы. «Так будет и в этой войне». Он нуждается в самоуговорах. И повторяющееся отныне обращение к удачливому прошлому — это признак обеспокоенности, сникания Геббельса. Уход в ретроспекцию — поиски опоры. И когда дела и вовсе станут критическими, они вместе с Гитлером, отключаясь от грозной действительности, будут в своих долгих странных беседах погружаться в счастливые времена, когда они шли в гору.

31 июля 1941. Теперь утверждают (*та часть прессы, которая на стороне противника Германии*)... что битва у Смоленска равняется Вердену и что Германия истечет кровью... Я возражаю против применения цер-

---

[1] Поэтому «следует избегать терминов «Россия», «русские», «русские вооруженные силы» и заменять их терминами «Советский Союз», «Красная Армия» и т. п.

ковной или царской пропаганды. Народы Советского Союза так далеки от церковной и царской России, что здесь вряд ли можно рассчитывать на успех... Русская проблема все же является большей частью загадкой и для людей Западной Европы вряд ли постижима во всех ее подробностях.

Россия, утратившая флер загадочности, соединив себя договором с Германией, старательно выполнявшая пункты торговых с ней соглашений, воспринималась плоско, стерто, свысока. Упорно, самоотверженно, вопреки всему, сражающаяся, непредсказуемая Россия обволакивается снова тайной, загадочностью.

«САМЫЙ БОЛЬШОЙ КОНЦЕРН ПО РУКОВОДСТВУ КУЛЬТУРОЙ И ПРОПАГАНДОЙ»

Среди записей в своей фронтовой тетради я нахожу выписанные мной из нашей газеты (27.7.1941) такие неожиданные тогда, волнующие слова единения, обращенные к нам епископом Кентерберийским: «Наступит день, когда мы вместе пройдем по всему континенту. И тогда у могил тех, кто пал в бою, и на разоренных землях тех, кто остался в живых, мы вновь посвятим себя делу социалистического строительства».

Геббельс тоже отреагировал на это обращение:

31 июля 1941. Настоятель Кентерберийского собора горячо молится за победу Советского Союза. Он получит за это от нас в моральном отношении несколько ударов плетью по лицу... Сопротивление русских очень упорно. **Они стоят насмерть.** Наша молодая фронтовая группа должна сперва привыкнуть к этому новому образу военного командования... Имели место неудачи, особенно при артиллерийском огне, тут и там доходило даже до паники. Но в общем и целом немецкие военные части хорошо выдержали кровавое испытание. В общем фронт настроен оптимистически. Он находится в твердой уверенности, что через пару недель удастся ликвидировать русскую проблему... Подвоз работает превосходно.
1 августа 1941. Сталин и Рузвельт обмениваются письмами. Союз между большевизмом и крупным капиталом стал сейчас полностью очевидным и является очень желательным для нашей пропаганды материалом. Тон московских сообщений стал значительно пессимистичнее, чем до сих пор.

Геббельс, используя ситуацию, занят «закупкой за границей кинотеатров в больших размерах». Этим он занялся под грохот войны. «Нам принадлежат уже сейчас круп-

нейшие и самые лучшие театры в Париже и Марселе, а главным образом на Балканах. Владение кинотеатрами является лучшей гарантией для проникновения немецких фильмов за границу». Приобретаются они сейчас совсем по дешевке в качестве личной собственности. Происходит это «совершенно бесшумно и незримо, в большинстве случаев через подставных лиц». Геббельс намеревается забрать в свои руки средства культуры «в качестве, так сказать, хозяина дома»,— он имеет в виду пространство Европы. «Если театры, радиостанции и кинопроизводство принадлежит мне, то так или иначе я определяю, что именно нужно играть, говорить и снимать. Кто после этой войны будет владеть средствами духовного руководства, тот будет определять будущее». Он рассчитывает, что после войны **«будет создан самый большой концерн по руководству культурой и пропагандой, какой когда-либо до сих пор видела история»**.— И конечно же во главе с ним, д-ром Геббельсом.

«ДОХОДИЛО ДАЖЕ ДО ПАНИКИ»

Еще в последней записи от руки, 8 июля, Геббельс, обдумывая задачи пропаганды на текущий момент войны, оговаривает: «Слишком умная пропаганда тоже не пропаганда». Впрочем, это давно предписано Гитлером и не раз прилежно повторено Геббельсом: «Способность восприятия масс очень ограничена и слаба,— писал Гитлер в «Майн кампф».— Принимая это во внимание, всякая эффективная пропаганда должна быть сведена к минимуму необходимых понятий, которые должны выражаться несколькими стереотипными формулировками... Самое главное...— окрашивать все вещи контрастно, в черное и белое».

Упрощенность, доходчивость концепции Гитлера и принцип повторов одних и тех же положений снискали ему, как считают исследователи, отзывчивость и успех у масс.

В тот же день 8 июля Геббельс в ставке получил от Гитлера установки для пропаганды. И пропаганда Геббельса заработала со всей интенсивностью, «несколькими стереотипными формулировками», вколачивая, что это вовсе не Германия, а Советский Союз изготовился всеми вооруженными силами напасть на Германию. И отражая занесенный над фатерляндом удар, а кое-где уже и попытки нападения, фюрер в последний момент, опережая врага, отдал приказ немецким вооруженным силам вторгнуться на территорию Советского Союза и уничтожить военную силу

врага. Эта версия нужна была для внешнего обихода — перед миром. Для психологической поддержки германской армии. Встретившая впервые такое упорное сопротивление, такую мощь артиллерийского огня («доходило даже до паники»), неся потери, она должна осознать, от какого опасного врага она уберегла фатерлянд, и сражаться еще ожесточеннее. Нужна эта версия была и для внутреннего обихода, чтобы поднять напряжение и мобилизованность населения, полагавшего, что уже достаточно «навоевались», едва выходившего из шока от внезапной новой войны и не подготовленного к тому, что немцы на полях сражений тоже смертны. Надо было внушить, что немецкие вооруженные силы вынужденно и жертвенно отбивались от подступившего противника.

Сам Геббельс, как и Гитлер, сознавал, что никаких военных действий со стороны Советского Союза не ожидалось. Сталин страшится войны, не раз записывал Геббельс. У него не хватит мужества воспользоваться даже возникшей в какой-то момент выгодной ситуацией, чтобы нанести превентивно удар по германским силам, максимально эффективный. И Геббельс язвительно подчеркивал, что Сталин дрожит от страха перед Гитлером, как кролик перед удавом. Донесения германского посла Шуленбурга из Москвы, о чем я уже писала, подтверждали, что Советский Союз не ввяжется в войну ни при каких обстоятельствах, лишь только защищаясь от нападения.

«Все его помыслы и действия,— пишет маршал Жуков о Сталине тех предвоенных дней, когда Г. К. Жуков был начальником генштаба,— были пронизаны одним желанием — избежать войны и уверенностью в том, что ему это удастся». «Сталин не хотел воевать. Мы были не готовы...— сказал мне Г. К. Жуков.— Он готов был, по-моему, на уступки».

В своем заявлении (оно предъявлено на Нюрнбергском процессе) фельдмаршал Паулюс сообщал, что в сентябре 1940 года он был привлечен к работе над оперативным планом нападения на Советский Союз, условно именовавшимся «Барбаросса». Он воспроизвел в заявлении оперативную задачу: захват Москвы, Ленинграда, Киева, Украины, Северного Кавказа и т. д.— чисто агрессивный план. «Оборонительные мероприятия планом не предусматривались вовсе».

1 августа 1941. Гадамовский возвращается с фронта и из Ставки фюрера... **Большевики дерутся упорно и упрямо**, но их наступлению, а также обороне все же не хватает решающего размаха. Это ведь славянский народ, который при решающем столкновении с германской расой всегда терпит поражение... Впрочем, в Ставке фюрера о положении судят чрезвычайно оптимистично... Открыто признают, что ошибочное приблизительное определение советской боеспособности ввело нас в некоторое заблуждение. Большевики все же оказывают более сильное сопротивление, чем это нами предполагалось, и прежде всего они располагают материальными средствами в большем масштабе, чем мы себе представляли.

Геббельс приказал изготовить плакаты и развесить их на оккупированной территории России, изображающие хорошее отношение немецких солдат к коренному населению. При этом стиль плакатов должен отличаться от тех, что распространялись на Западе, потому что «восточный человек... знает лишь систему, в которой имеются только господа и слуги...». «С фронтов продолжают поступать хорошие известия. Будем надеяться, что нам удастся теперь окончательно сломить большевистское сопротивление» (3.8.1941).

4 августа 1941. Не приходится сомневаться в том, что англичане заключили тайное соглашение с большевиками о будущем разделе Европы. Только этим можно объяснить заключение соглашения между Москвой и польским эмигрантским правительством. Получается впечатление, что большевикам хотят в случае победы предоставить для господства всю Восточную Европу.

7 августа 1941. В оккупированных областях всюду крайне обострилось положение. Медленное продвижение на Востоке льет воду на мельницу наших врагов... Фюрер решил, что уже сейчас надо начать транспортировать обратно украденные французами в Германии культурные ценности, так как, конечно, будет гораздо труднее при усилении «сотрудничества» потом начать говорить на эту щекотливую тему... Я проведу это дело вместе с гестапо... Я также считаю неправильным, что сейчас борьба против церкви практически развивается во всех деталях. Такие проблемы можно будет решить после войны одним росчерком пера... **Если бы мы до захвата власти показали бы подробно все то, что станем делать после того, как добьемся власти, мы никогда не добрались бы до нее.**

Геббельс велит давать сводки с Восточного фронта «ухарски и дерзко», добиваясь психологического воздействия на население. «Но новое положение на фронте не принесло стольких успехов в психологическом отношении, как этого, собственно говоря, можно было ожидать. Лучшей

пропагандой являются, конечно, наши победы.'. Хуже будет, если нам не удастся до начала зимы закончить Восточный поход, и весьма сомнительно, что это нам удастся...»

И наконец Геббельс сообщает о сенсационном событии: о налете на Берлин советских самолетов:

«Вскоре после полуночи в Берлине воздушная тревога. Истинные причины этой воздушной тревоги сначала были весьма загадочными. Тревога была объявлена только тогда, когда несколько бомб были уже сброшены в пригородах. Самолеты проскользнули в столицу совершенно бесшумно и незаметно. Сначала предполагали, что это были новые английские бомбардировщики, которые отличаются чрезвычайной высотой полета. Но затем было установлено, и прежде всего по сброшенным листовкам, которые содержали как раз речь Сталина к советскому народу, что здесь могли быть только советские самолеты. Как предполагают, они прилетели с острова Эзель и произвели неожиданный налет на столицу, причинив при этом некоторый вред. Материальный ущерб не так велик, как, вероятно, ущерб моральный».

«БОЕВАЯ СИЛА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ТАКОВА, ЧТО ЕЕ НЕЛЬЗЯ НЕДООЦЕНИВАТЬ»

9 августа 1941. Москва стремится к усилению партизанского движения. Маршал Ворошилов обратился с воззванием к народу по этому поводу. Мы должны что-нибудь против этого предпринять... если Италия, как держава оси, не возьмет на свои плечи известную часть тяжести войны, она не сможет тогда претендовать на участие в славе и добыче... Мы переживаем в полночь снова воздушную тревогу в Берлине. Большевики второй раз прорвались с острова Эзель и кружатся несколькими самолетами над столицей, не сбрасывая бомб.

10 августа 1941. Утверждают, что дезорганизация в советском лагере постепенно возрастает... Но во всяком случае на такое развитие событий рассчитывать нельзя. Большевизм как идея и мировоззрение еще очень силен, и **боевая сила советских войск такова, что ее нельзя недооценивать.** Мы еще не достигли цели. Придется еще вести суровую и кровавую борьбу, прежде чем Советский Союз будет разбит.

Геббельс задается трудным вопросом, следует ли его пропаганде пытаться повлиять на политических комиссаров. И приходит к выводу, что это совершенно безуспешно: «речь идет о большевистских фанатиках, которые, как это показывают сообщения с фронта, сражаются до последней капли крови и в случае, если их положение становится безысходным, кончают жизнь самоубийством».

С тех пор как Геббельс диктует, стиль дневника заметно изменился, он стал ближе к стилю газетных политических статей. И все же поуменьшилось самоуверенных, наглых выкриков, что звучали в дневнике еще совсем недавно: «Русские будут сбиты с ног, как ни один народ» — но, как ни один народ, они оказывают упорное сопротивление; «Советская система рассыпется как труха», «Россия разлетится вдребезги» — но так не получилось. Он возлагает надежду на дезорганизацию внутри страны, которая должна же явиться реакцией на тяжелые удары, понесенные отступающими армиями,— но неоккупированные области остаются для нацистской пропаганды герметически закупоренными и пока непроницаемыми, «что прямо противоположно прошлогоднему положению во Франции. Франция была государством либеральным, и мы имели, таким образом, возможность заразить французский народ идеями пораженчества уже зимою 1939—1940 года. Затем она потерпела крах...»

Все, что происходит в России, странно, непросто поддается обдумыванию, выпадает из стереотипа представлений о стране. Уже не скажешь: «Все идет как по маслу», «Впереди нас ждет беспримерный победоносный поход». Уже нет больше речи о молниеносной войне.

Вернувшийся с фронта А. делится с Геббельсом: «Жизнь у русских играет лишь второстепенную роль. Она не намного дороже, чем стакан лимонада. Поэтому русский расстается с жизнью без единого слова жалобы. Этим и объясняется в большей степени то сопротивление, которое противопоставляется большевиками немецким атакам... Сообщение А. прерывается воздушной тревогой. В Берлин опять пробились несколько советских самолетов».

Бомбы они не сбросили, и смутная цель их налетов будоражит народ, но и у Геббельса нет на это ответа.

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС ОПЯТЬ... СДЕЛАЛСЯ АКТУАЛЬНЫМ»

12 августа 1941. В настоящий момент большевистская пропаганда овладела опасным лозунгом, в котором она заставляет звучать панславянские мотивы. Правда, это происходит еще в небольшом размере, но мы должны быть в этом отношении очень внимательными и осторожными... **Европейский вопрос опять, прежде всего в главном городе рейха, сделался актуальным.** Мы насчитываем в Берлине в настоящее время еще 70 000 евреев... Различные имперские учреждения еще против радикального разрешения этой проблемы. Но я не уступаю... Я также считаю необходимым, чтобы евреи были снабжены знаком.

Возвратившийся с Восточного фронта офицер докладывает ему, что подвоз действует замечательно и войска снабжаются бесперебойно. Уже до Смоленска протянута железная дорога. Сам Смоленск, за который долго продолжалась битва и после 15 июля, когда немцы вступили в город, «почти что сровнен с землей». Опасаться того, как бы не возникли связи немецких солдат с русскими женщинами, не приходится, поскольку русские женщины «якобы уж очень некрасивы», успокаивает себя Геббельс.

14 августа 1941. В еврейском вопросе Антонеску опять немного смягчился. Евреи должны подписываться на военный заем, и поэтому он им предоставляет целый ряд льгот. Это нельзя считать умным. Он мог бы просто отнять у евреев деньги и использовать их для ведения войны. Но Антонеску в конце концов является лишь генералом, а не политиком.

«В Англии вновь говорят о предстоящей высадке»,— Геббельса лихорадит от этого, но он уверяет себя, что о высадке не может быть и речи. Опирается на одну из нью-йоркских газет, утверждающую, что в случае участия США в вооруженном вторжении на континент Рузвельта ожидает второй Дюнкерк, а не поход на Берлин.

В самой Германии народ надеется на окончание войны осенью, ведь фюрер в его последней новогодней речи заявил, что 1941 год принесет Германии полную победу. Перед Геббельсом, утратившим эту надежду, встают нелегкие пропагандистские задачи обосновать ее несостоятельность.

17 августа 1941. Черчилль и Рузвельт совместно отправили письмо Сталину с предложением собрать конференцию в Москве, на которой должна быть установлена помощь оружием Советскому Союзу. Плутократические государства возлагают теперь все надежды на большевизм... Вчера вечером в нашей немецкой радиопередаче, во время паузы, был слышен иностранный голос. Он использовал эту паузу для выступления против фюрера и против рейха, и во время передачи в коротких секундных паузах между отдельными сообщениями он делал циничные замечания по поводу передаваемых нами сообщений. До сих пор еще не удалось установить, откуда говорит этот голос, но предполагают, что он говорит через подпольный радиопередатчик Коминтерна. Во всех кругах, где слышали об этом происшествии, господствует большое возбуждение.

Нет покоя министру пропаганды. К таинственно появляющимся над городом советским самолетам добавился еще неизвестно откуда взявшийся вражеский голос, дерзко вторгающийся в германские радиопередачи.

«ВОПРОС СТОИТ О ТЯЖЕЛОМ КРИЗИСЕ»

17 августа 1941. Фюрер подробно описывает мне военное положение. В прошедшие недели положение иногда было очень критическим. Мы серьезно недооценили советскую боеспособность и, главным образом, вооружение советской армии. Мы даже приблизительно не имели представления о том, что имели большевики в своем распоряжении. Поэтому была дана неправильная оценка. Фюрер, например, насчитывал количество советских танков в 5000, в то время как их было 20 000. Самолетов, по нашим предположениям, у них было 10 000, а в действительности они имели больше 20 000, и если даже большая часть этих самолетов не была годна для фронта и устарела по своему типу, то это были все-таки самолеты, которые в критических случаях всегда появлялись в воздухе. Может быть, очень хорошо, что мы не имели такого точного представления о потенциале большевиков. Иначе, может быть, мы бы ужаснулись назревшему вопросу о Востоке и предполагаемому наступлению на большевизм. Фюрер говорит, правда, что все это не могло бы на него подействовать, но все-таки ему тяжелее было бы принять решение... Если заботы, которые выпали на долю фюрера при неправильной оценке большевистского потенциала, уже были велики и действовали так тяжело на его нервы, то что было бы в том случае, если бы мы имели ясное представление об опасности? На юге фюрер надеется сделать окончательный прорыв. Антонеску думает занять Одессу в ближайшие дни, тогда вся западная Украина будет в наших руках. Мы получили здесь большие выгоды в отношении промышленности и военного вооружения...

Гитлер, в передаче Геббельса, имеет намерение Петербург и Киев не брать вооруженными силами,— беречь немецкую кровь,— а заморить голодом. «Если Петербург блокирован, то его план состоит в том, чтобы с помощью артиллерии и воздушного флота не допустить снабжения этого города. От города, вероятно, немного останется... Если нам удастся продолжить танковые прорывы, которые теперь снова усиливаются, то надо надеяться, что тогда мы до начала зимы продвинемся за Москву. И тогда практически по меньшей мере военная боеспособность большевиков будет уничтожена. Большевики имеют еще, правда, **на Урале промышленные центры**, но второстепенного значения. **Они также, само собой разумеется, должны быть когда-то взяты.** Может быть, это удастся с помощью воздушного флота».

В ходе разговора Гитлер начинает негодовать, что был введен в заблуждение или даже обманут сведениями о потенциале Советского Союза и это создало большие затруднения в военных операциях. «**Вопрос стоит о тяжелом кризисе.** Во всяком случае предпосылки его вполне ясны. Нашим доверенным лицам и шпионам еще удавалось про-

никать в Советский Союз. Они не могли составить точную картину. Большевики прямо пошли на то, чтобы нас обманывать. Мы о большом количестве их орудий вообще не имеем представления. Совершенно противоположно было с Францией, где мы довольно точно знали обо всем и поэтому ни в коем случае не могли быть застигнуты врасплох». Но еще раз Гитлер подчеркивает, что в этой неосведомленности было для него и преимущество при принятии решения о нападении. Если б он располагал точными данными, «кто знает, как бы тогда пошли дела».

Редкая до сих пор для Гитлера неустойчивость, быстрая переменчивость оценок одних и тех же обстоятельств, признание, что, знай он о потенциале Красной армии, он, может, «ужаснулся» бы и не смог решиться начать войну, передают его шоковое состояние, состояние застигнутого врасплох. И мерещится надежда, что Сталин решится на капитуляцию.

«Может быть, как думает фюрер, наступил бы момент, когда Сталин просил бы о мире. Его очень мало что связывает с лондонской плутократией. Он не позволяет Англии одурачить себя... и, увидев, что большевистская система стоит перед развалом и ее больше нельзя спасти ничем, кроме капитуляции, он, конечно, может оказаться быть готовым к этому». На вопрос Геббельса, как поступил бы в этом случае фюрер, Гитлер ответил, «что он согласился бы на просьбу о мире, но, конечно, только при условии получения гарантий в виде обширных территориальных пространств и полного уничтожения большевистской армии вплоть до последней винтовки... Большевизм без Красной армии для нас не является опасным. Прежде всего если он отогнан назад в азиатскую Россию... Само собой разумеется, что **мы позднее должны покончить с находящимися за Уралом большевистскими центрами, так же как и с Омском»**. А это уже повторно информация к размышлению для тех, кто и посегодня всерьез полагает, что Гитлер не помышлял в случае победы затронуть все, что расположено за Уралом.

Гитлер убежден, что на Западе все спокойно, вторжение исключено, а Япония вот-вот нападет на Советский Союз, задерживает лишь дождливая погода.

«В отношении еврейского вопроса фюрер вполне со мной согласен. Он согласен с тем, чтобы установить для всех евреев по всей стране большой, далеко видный еврейский знак, который евреи должны носить».

Относительно участия Испании в антибольшевистской

кампании все еще неясно, Испания «все еще не пришла к смелому решению. С Франко много не сделаешь... Он только реакционный генерал, а не революционер. Совсем иначе обстоит дело с Италией... Муссолини уже держит народ в своих руках».

И наконец — перл этого монолога, пересказанного Геббельсом. Гитлер говорит: **«Жаль, что сын Муссолини не погиб на войне. Это теперь хорошо мог бы использовать фашизм»**. Таков фюрер в своем — их общем — имморализме, который в полной мере скажется в задуманном Геббельсом убийстве своих детей.

«Мы ожидаем благоприятного момента, и тогда все награбленные французами предметы искусства будут сразу отняты у французов и возвращены назад в империю».

Получив сообщение, что в одном советском городе население по приказу Сталина сожгло все припасы продуктов питания, фюрер приказал морить голодом этот город: «...только такими драконовскими мерами можно удержать так называемых партизан от сумасшедших дел, ставящих на карту их собственное существование. Фюрер вообще стоит за несколько более радикальный курс в оккупированных областях... Мы сидим вместе до двух часов ночи».

Этот откровенный разговор Гитлера с Геббельсом — ядро дневника за период с 9 июля по 10 сентября 1941 года. Казалось бы, немецкие армии стремительно наступают, танковые клинья врезаются, рассекают войска противника, обрекая их нередко на окружение; уже нет числа захваченным пленным, разрушенным городам, сельским пепелищам. А в этом разговоре с Геббельсом явственно чувствуется подрыв в состоянии Гитлера. И хотя оно будет еще не раз меняться при успешности дел на фронте, но точка отсчета его упадка и деградации, к которой он придет, уже здесь, на этом рубеже.

Когда Геббельс 8 июля прилетел по вызову Гитлера в ставку, он застал его воодушевленным, уверенным, полным оптимизма. Тогда он уже считал, что «война на Востоке в основном выиграна», что немецкая армия продвинется «в течение ближайших дней вплоть до Волги, а в случае необходимости и до Урала». И что «о мирных переговорах с большевистским Кремлем не может быть и речи». Теперь же, хотя намерения и цели остались прежними, Гитлер готов вступить в переговоры со Сталиным, если тот будет просить о мире. Все оказалось гораздо сложнее. Невиданное сопротивление и неопознанный потенциал Красной армии превзошли все, что могло себе представить самонадеянное коман-

дование вооруженными силами во главе с фюрером — главнокомандующим. Достигавшие Геббельса до последнего времени сведения от лиц, посетивших ставку, будто фюрер в оптимистичном настроении, вблизи, в доверительном общении с ним Гитлера, не подтвердились.

«ОПЯТЬ ССЫЛАЮТСЯ НА ПРИМЕР НАПОЛЕОНА»

Геббельс приписывает англичанам и американцам опасения, что Сталин, недовольный размером их помощи, «может склониться к заключению с фюрером сепаратного мира». На самом же деле мысль его крутится вокруг того, что высказано ему Гитлером с определенной надеждой на такую податливость Сталина.

Геббельс страшится, что русская зима наступит раньше, чем будут достигнуты важнейшие рубежи.

20 августа 1941. Наступающая зимняя кампания является большим пропагандистским тезисом для англичан. Опять уповают... Ноябрь или декабрь, или мороз, или снег, **опять ссылаются на пример Наполеона...**

21 августа 1941. Усиленно напоминают о примере Наполеона и надеются, что мы застрянем где-нибудь под Москвой, а потом над нами разразится русская зима с морозом, льдом и снегом.

22 августа 1941. Положение в оккупированных областях еще более осложнилось. Прежде всего в Париже положение стало принимать несколько кризисный характер... В определенные моменты нужно показать врагу бронированный кулак... и разъяснить де-голлистам и коммунистам среди французов, что немецкое государство, которое год тому назад одним походом повергло Францию в прах, не собирается позволить провоцировать себя этому побежденному народу. Знаки для евреев изготавливаются. Проведение этого распоряжения фюрера требует значительных приготовлений. Я надеюсь, однако, продвинуть это дело настолько, чтобы через месяц каждый еврей в Германии был бы снабжен бросающимся в глаза знаком, дающим возможность распознать его как еврея.

24 августа 1941. Керенский объявляется в США и не признает больше за большевизмом никаких шансов... Но все-таки предстоит еще очень тяжелая борьба. Большевики защищаются с ужасным упорством, и пока не может быть никакой речи о прогулке в Москву... Там и сям всплывают слухи о мире. Но они не имеют никакого основания. Верно, что всем надоела война, но никто не думает капитулировать. Вероятно, пройдет еще некоторое время, пока мир созреет для того, чтобы выслушать немецкие требования.

Геббельс отягощен мыслями о мире. Успехи на Восточном фронте не так-то уж захватывают его теперь. Эта война не имеет ничего общего с теми войнами, которые до сих пор вела Германия.

«Слабохарактерное поведение нашего военного коменданта в Париже быстро закончилось.— Под нажимом Геббельса.— Военный комендант издает распоряжение, согласно которому все французы, находящиеся в немецких руках, рассматриваются как заложники и что мы будем отвечать на малейшие нарушения в оккупированной зоне расстрелом всех заложников. Это распоряжение, конечно, окажет соответствующее действие».

«Настроение войск еще хорошее, хотя потери иногда крайне высоки... Нагрузка, лежащая на людском составе и на материальной части, неимоверна. Но, с другой стороны, то же самое относится и к советским частям, только в усиленном размере. Можно надеяться, что, несмотря на упрямство большевиков, все же в ближайшем будущем будут достигнуты столь решающие успехи, что мы по крайней мере до начала зимы осуществим главные цели нашей восточной кампании».

«ГОЛОС ПО РАДИО ИЗ МОСКВЫ»

25 августа 1941. Вмешательство Московской радиостанции в передачи немецкой радиостанции продолжается беспрерывно и производит постепенно крайне неприятное действие.

Геббельс собирает совещания «специалистов из правительства, армии и промышленности — выработать энергичные меры борьбы против этого». Но все напрасно. Геббельс чрезвычайно уязвлен публичной демонстрацией технической слабости немецкой радиостанции по сравнению с советской.

«**Голос по радио из Москвы**, вмешивающийся в наши передачи, все еще слышен... Постепенно это стало публичным скандалом. Все в Германии об этом говорили, и публика постепенно начала видеть в этом нечто вроде спорта и наблюдала внимательно, сумеем ли мы опередить технику большевиков».

26 августа 1941. Дуче находится у фюрера в Ставке... Должно быть обсуждено общее положение. И прежде всего эти переговоры должны дать дуче ясное представление о военном положении.

(«Обычно Гитлер приезжал на фронт неожиданно, не больше чем на несколько часов. Совещался с фельдмаршалами... Показывался войскам и сейчас же улетал обратно,— пишет начальник его охраны Раттенхубер.— Исключением явилась поездка Гитлера с Муссолини в 1941 г. в Брест-Литовск и Умань... Они посетили в Брест-Литов-

ске только крепость... Проходя с торжественным видом среди руин крепостного сооружения, Гитлер демонстрировал Муссолини мощь немецкого оружия».)

Вечером Геббельс получил известие из ставки Гитлера: «Свидание с Муссолини происходит в полной гармонии».

В тот же день Геббельс диктует: «Всем ясно, что, если нам удастся стереть с лица земли Советский Союз до начала зимы, то тогда война для Англии практически также проиграна... Мы получили сообщение, что вюртембергские местные партийные группы заняты в настоящий момент главным образом тем, чтобы достать флажки и гирлянды для встречи победоносных войск... Я немедленно прекращаю эту дурь».

«НАМ НЕ ТАК УЖ ПРОСТО ВЫИГРАТЬ ЭТУ ВОЙНУ»

Геббельс решает посетить лагерь военнопленных.

27 августа 1941. Лагерь военнопленных представляет ужасную картину. Часть большевиков должна спать на голой земле. Дождь льет как из ведра. Большинство не имеет никакой крыши над головой... Короче говоря, картина нерадостная. Типы большей частью не так плохи, как я это представлял. Находятся среди них свежие с добрыми лицами крестьянские парни. Я с ними разговаривал и пришел к определенному заключению относительно того, что мне было не совсем ясно в большевизме. Большевизм безусловно переделал русский народ. Если он не проник еще во все поры нации, то во всяком случае бесспорно, что 25-летнее воспитание и управление народом не прошло бесследно и не могло не коснуться этих крестьянских парней. Правда, никто из этих военнопленных не хочет считать себя большевиком, но это они, конечно, говорят, чтобы произвести на нас хорошее впечатление. Все они антисемиты. Никто ничего не говорит против Сталина. Все убеждены, что Германия выиграет войну, но говорят это они для еще большего расположения в свою пользу. Все считают немецкий народ храбрым и более развитым, чем русский народ. С другой стороны, они не настолько тупы и вовсе не животные, как об этом создается впечатление при просмотре нашей кинохроники. Наша сторожевая охрана несет тяжелую службу. Находиться ежедневно в этом вонючем лагере, иметь общение с подобными типами... Мы бродим под проливным дождем по лагерю в течение двух часов, видим группу пленных около 30 человек, находящихся за проволокой. Они в чем-то провинились, и их хотят тяжелым наказанием вернуть к здравому смыслу,— *ханжески поясняет Геббельс. Однако:* — При посещении такого лагеря военнопленных можно получить странный взгляд о человеческом достоинстве во время войны.

Вместе с жалобами на погоду Геббельс заключает этот день посещения лагеря военнопленных: **«Нам не так уж просто выиграть эту войну».**

Но он повидал лишь малость того, что происходило в подобном лагере. О злодеяниях по отношению к военнопленным и к мирному населению — в осуществление доктрины уничтожения «низших рас» славян — собраны тома документов.

28 августа 1941. Сообщения СД указывают на падение настроения в народе... Внутри страны процветает черная биржа.

По-прежнему не дает покоя Московская радиостанция, включающаяся на волну немецкой радиостанции. Геббельс намеревается связаться с авиацией, чтобы она «как можно скорее уничтожила бы эту радиостанцию посредством бомбардировки». Но как? Московская радиостанция постоянно включается в германские передачи. «Во время наших передач последних известий московский диктор делает к каждому переданному известию злобный и полемический комментарий».

5 сентября 1941. Народ требует, наконец, осуществления наших прогнозов и обещаний... мы неправильно оценили большевистскую силу сопротивления, мы располагали неправильными цифровыми данными и на них базировали всю свою информационную политику.

8 сентября 1941. Для серьезных опасений в настоящее время нет особого повода, но с другой стороны, не нужно забывать, что военное развитие все-таки не таково, как это было бы желательно. Что могло бы случиться, если бы сейчас внезапно наступила зима, этого никто не может сказать. К этому еще известный разлад между фюрером и Браухичем. Браухич не на достаточной высоте, чтобы выполнить те большие задачи, которые стоят перед главнокомандующим Восточным походом.

По плану «Барбаросса» нападение на Советский Союз было назначено на 22 мая 1941 года. Осуществись оно тогда, немцы оказались бы в существенном выигрыше, получив лишний месяц до прихода зимы, которая страшит не одного Геббельса. Но Греция спутала планы.

Я попала в Грецию несколько лет тому назад в день ОХИ, национального праздника Греции.

Когда в октябре 1940-го в Грецию вторглись войска фашистской Италии, на ультиматум капитулировать тогдашний правитель страны ответил, что должен спросить волю народа. Народ Греции ответил: ОХИ! — НЕТ! И поднявшимся народом был дан отпор итальянцам, они были изгнаны из страны. Но в апреле 1941-го на страну напала на-

цистская Германия. Началась неравная борьба маленькой Греции с разбухшей военной мощью фашистской Германии, уже подчинившей почти всю материковую Европу. Эта героическая, стойкая, трагическая в своей обреченности и тем еще более величественная борьба связала немецкую армию затянувшейся здесь, на Балканах, войной. «Кампания в Греции нашу материальную часть сильно ослабила,— объяснял Гитлер Геббельсу причину оттяжки наступления на Россию,— поэтому это дело немного затягивается».

День, когда народ сказал капитуляции «нет!», отмечает страна. И в праздничном шествии шли самые маленькие граждане, трогательные, в белых блузочках, каждый с маленьким государственным флажком в руке.

Я взволнованно думала о том, как связаны мы с Грецией этим днем ОХИ, героической борьбой ее народа, повлиявшей на ход войны.

«БОЛЬШАЯ ЖЕЛТАЯ ЗВЕЗДА ДАВИДА»

«По моему мнению, было бы лучше теперь вообще отложить церковный вопрос. Политикой булавочных уколов против служителей церкви, которую ведут различные местные организации партии, мы ничего не добьемся. Церковную проблему надо решать после войны... После победы нам легко будет путем одной генеральной чистки преодолеть все трудности» (18.8.1941). Геббельс старается разъяснить и Борману, самому яростному гонителю церкви, что «в церковном вопросе нельзя доводить до острой борьбы. Все эти проблемы могут быть и должны быть разрешены после войны».

Иначе обстоит с еврейским вопросом. «Все немцы в настоящий момент против евреев»,— занес Геббельс в дневник 18 августа, приступая к проведению антиеврейской кампании на новом этапе.

20 августа 1941. Я начинаю срочно активизировать еврейский вопрос. Так как фюрер разрешил мне ввести особый знак для евреев, то я думаю на основании этого позволения быстро покончить с переметкой евреев, не приводя законных обоснований для вызванных положением вещей реформ. Еврейский знак должен представлять собою **большую желтую звезду Давида**, поперек которой будет написано «еврей». Кроме того,— *продолжает Геббельс,*— фюрер согласился на то, что я могу по окончании Восточной кампании выслать всех берлинских евреев на Восток... Хотя... нужно преодолеть еще сильное бюрократическое, а частично и сентиментальное сопротивление, но я не позволю меня этим ни провести, ни ввести в заблуждение. Я начал борьбу против еврейства в Берлине

в 1926 году, и мое честолюбие не будет удовлетворено, не успокоится, не отдохнет до тех пор, пока последний еврей не оставит Берлина.

Церковный вопрос и еврейский вопрос — оба в ведении палача Эйхмана. И хотя они по-прежнему вместе в том же тайном отделе, но на поверхности они на этом этапе разведены. В церковном вопросе вынужденное временное смягчение — война признана неподходящим временем для решительного преследования и разгрома церкви. Отложено до завершения войны. Тогда как для еврейского вопроса война — самое время для активизации антисемитской пропаганды, постоянного подстрекательства. Все накапливающееся в Германии недовольство, когда очевиден срыв обещанного блицкрига и тяготят невзгоды войны, усталость, бомбежки, жертвы в городах и потери на фронте,— всю эту ожесточенность можно аккумулировать в антисемитизме, направить против евреев. Виноваты во всем евреи. Неважна бессмыслица, отсутствие реальных доводов — чем надуманнее, абсурднее (и это уже проверено), тем убедительнее для извращенных абсурдом нацизма людей.

Геббельс, уже неожиданно признавший, что пропаганда, которой он постоянно кичится, всего лишь «Золушка» немецкой политики в это военное время, надеется, как видно, вывести ее в «принцессы» с помощью рьяной антисемитской кампании.

В пору борьбы за власть Гитлер говорил Раушингу, своему до поры единомышленнику, который, порвав с ним, написал содержащую их разговоры книгу: «Антисемитизм является удобным революционным средством. Антисемитская пропаганда во всех странах является почти необходимым условием для проведения нашей политической кампании. Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы перевернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападок на еврейство. Вне всякого сомнения, это — самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале». Это же утверждается в «Майн кампф», хотя долго воспринималось многими всего лишь как взвинченные ораторские пассажи, тогда как позже они предъявили на практике свою вполне рациональную суть. Отношение к евреям России имеет еще и дополнительную окраску. В конце «Майн кампф» есть примечательный итоговый абзац. Это там, где Гитлер закрепляет сказанное: «Когда мы сегодня говорим о новой земле и почве в Европе, мы можем в первую очередь думать только о России и о подчиненных ей окраинных государствах». И дальше: «Сама судьба, кажется, указывает нам сюда сво-

им пальцем. Предав Россию большевизму, она лишила русский народ той интеллигенции, которая до сих пор руководила и обеспечивала государственное устроение. Организация русского государственного здания была не достижением государственно-политических способностей славянства в России, а скорее удивительным примером государственно-строительной деятельности германского элемента в низшей по ценности расе. Сотни лет сдирала Россия оболочки с этого германского ядра. Сегодня оно почти полностью уничтожено. На его место пришел еврей». Но евреи, по Гитлеру, не могут надолго сохранить мощное государство, так как не обладают организационным элементом. «Огромное государство на Востоке созрело для гибели. И конец еврейского руководства в России будет и концом России как государства. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет мощным подтверждением народной расовой теории».

И в чемодане Геббельса, в папке его жены, хранились предсказания ясновидца, который в дни военного злосчастья немцев обещал — я приводила это вначале — победу, завоевание земель до Урала, изгнание евреев из России и распад ее на мелкие обособленные образования — конец ее государственности. Это своего рода перифраз установок, содержащихся в «Майн кампф».

В августе 1941 года Геббельс договаривается с Гитлером о высылке после войны на Восток оставшихся в Берлине 70 тысяч евреев. Еще нет в дневнике речи об «окончательном» решении «еврейского вопроса» этой бандой, хотя Геббельс нередко вуалирует то или иное в дневнике или опускает. Но пока он занят изготовлением «звезды Давида» как меры выявления евреев, издевательства, гонения, изгойства. «Проведение этого распоряжения фюрера требует значительных приготовлений. Я надеюсь, однако, продвинуть это дело настолько, чтобы через месяц каждый еврей в Германии был бы снабжен бросающимся в глаза знаком, дающим возможность распознать его как еврея» (22.8.1941).

Чуть больше месяца остается до Бабьего Яра — 29 сентября 1941-го.

На путях к нападению на Советский Союз в оккупируемых немцами европейских странах евреев повсюду сселяли в гетто, намеренно обрекая на вымирание, на непосильный рабский труд и на голодную смерть. Но организованное убийство евреев, и в таких масштабах, применено гитлеровцами впервые на оккупированной советской земле.

Похоже, что, приступая к захвату земель по меньшей мере вплоть до Урала, Гитлер связывал задачу уничтожения государственности Советского Союза также и с тем, чтобы еврейский элемент в нем прекратился. Хотя допустимость этой мысли условна, но не следует и вовсе ею пренебрегать, исходя из приведенного выше.

Начались массовые расстрелы евреев на окраинах городов и в лесах, во рвах Украины, Белоруссии, России. Вместе со спецподразделениями вовлечены были войсковые части. Об этом мне не раз доводилось слышать на фронте от взятых в плен немецких солдат, участников этих Aktion, как они называли захват и убийство евреев.

В следующем году под Берлином, в Ванзее, состоялось «окончательное решение», повергшее в замешательство даже матерого Геббельса, от чего он, правда, быстро оправился — благодаря давнему девизу: «вжиться» — и стал одним из активнейших деятелей — проводников этого адского заговора. Речь о документе, предваренном грифом: «Секретное дело государственной важности». Это «Протоколы Ванзее» от 30 января 1942-го — о планах уничтожения 11 миллионов евреев, живущих в разных странах мира. В протоколах это названо «Совещанием об окончательном решении еврейского вопроса».

Подоспел исполненный заказ на газовую камеру — «душегубку».

Националистическое безумие, и чудовищный нацистский рационализм, и растленность народа — все сошлось в этом невиданном за всю историю человечества преступлении.

Этот дневник обрывается 10 сентября 1941-го.

Из последней записи:

«Мы должны постепенно подготовить народ к ведению продолжительной войны. С распространением необоснованных иллюзий нужно покончить».

«Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом»,— вторит Геббельс Гитлеру.

«СОЛДАТЫ! ПЕРЕД ВАМИ МОСКВА!»

8 сентября 1941-го немецкие войска овладели Шлиссельбургом. Это было началом блокады Ленинграда, отрезанного с суши. Связь со страной оставалась только по Ладожскому озеру и по воздуху.

18 сентября Гитлер запретил принимать капитуляцию, если она будет запрошена, от Москвы или Ленинграда.

30 сентября был отдан приказ по германским вооруженным силам начать генеральное наступление на Москву. 3 октября германские войска вступили в Орел, оставленный обороняющимися частями; рвались к Калинину. Москву брали в клещи.

Мимо моих окон шли по Ленинградскому проспекту на ближний фронт отряды народного ополчения. А в обратную сторону, от Волоколамского шоссе, куда доставляли с фронта (так близок был он) раненых, их перевозили троллейбусы маршрута № 12. В эти дни и я вступила в армию.

20 октября в Москве введено осадное положение. Немцы были уже в пригородах Москвы. Только с двух московских вокзалов еще отправлялись поезда в глубь страны. Наступил ноябрь. Этот месяц, как указывает маршал Жуков, был самым критическим для Москвы.

У меня сохранилось воззвание к немецким солдатам:

«Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны!

Верховное командование вермахта».

2 декабря немецкие танки появились в Химках. Это был разведбатальон с задачей закрепиться.

Но в конце ноября — начале декабря немецкое наступление под Москвой было остановлено.

5—6 декабря Красная армия под командованием Г. К. Жукова внезапно для немцев перешла в контрнаступление, отбросив от Москвы противника.

Отступление замерзающих, занесенных снегом полчищ походило на исход армий Наполеона.

По дороге на фронт я видела откатившиеся от Москвы, брошенные, подбитые грозные танки Гудериана, раздавившие своими гусеницами Европу и угрожавшие Москве. Два немецких командующих соединениями умерли в дни отступления. Командующий сухопутными силами Браухич вынужден был подать в отставку. Гудериан был отозван, подвергся опале.

Гитлер признавался Геббельсу, что отступление его армии, понесшей поражение на подступах к Москве, было для него кошмаром и что, «прояви он *(Гитлер)* хоть на мгновение слабость, фронт превратился бы в оползень и

приблизилась бы такая катастрофа, которая наполеоновскую отодвинула бы далеко в тень».

12 декабря Гитлер издал приказ о применении смертной казни к лицам из местного населения за любой проступок. На мирном населении вымещалось за отступление немецких войск.

В январе немецкий фронт остановился — под Москвой рубежом стал Ржев. Ржевско-Вяземский плацдарм. Здесь больше года шло сражение на ближних к Москве подступах. Какие же это были тяжелые, кровопролитные затяжные бои, унесшие немыслимое число человеческих жизней по обе стороны фронта!

Немецкие генералы и фельдмаршалы были потрясены, испытав впервые на третьем году войны поражение, сочли его началом катастрофы и настаивали на отводе войск вплоть до границ рейха.

Но война продолжалась. Немецкое фронтовое командование запрашивало теплую одежду для солдат у интендантства, рассчитывавшего, что в «молниеносной» войне в летние месяцы она будет излишней. И в ответ на запросы на фронт слались инструкции, как уберечься от холода. Одна из них попалась мне — «Памятка о больших холодах». Советов много. «Нижнюю часть живота особо защищать от холода. Прокладкой из газетной бумаги между нижней рубашкой и фуфайкой. В каску вложить фетр, носовой платок, измятую газетную бумагу или пилотку с подшлемником... Нарукавники можно сделать из старых носков...»

Кто был в ту первую зиму на фронте, знает, как выглядел замерзающий немецкий солдат. Замотанный поверх пилотки в бабий платок, в огромных соломенных ботах, в которые вставлялся холодный сапог, стоял он в боевом охранении. Весь в сосульках. Таким, случалось, он и в плен попадал. Во вторую зиму на нашем участке фронта под Ржевом немецкие солдаты были уже одеты в теплые стеганые комбинезоны.

Глава восьмая

«РАСОВАЯ ВОЙНА»

16 января 1942 года Верховным командованием вермахта был издан за подписью Кейтеля приказ «О клеймлении советских военнопленных».

«Приказываю: каждому советскому военнопленному нанести ляписом клеймо на внутренней стороне левого предплечья».

Канарис[1] в докладе Верховному командованию 15 сентября 1941 года сообщал о чрезвычайном произволе в отношении советских военнопленных, массовых убийствах, настаивая на необходимости устранения этого беззакония. Кейтель наложил пространную резолюцию, она завершается словами: «я одобряю эти мероприятия и покрываю их».

Позже, в 1943 году, Гиммлер выразился со всей циничностью о русских военнопленных первого периода войны, убитых или замученных на этапах и в лагерях, когда «мы еще не ценили человеческие массы... то есть как сырье, как рабочую силу. То, что военнопленные десятками и сотнями тысяч умирали от голода и истощения», «терялась рабочая сила; однако, **рассматрвая это в масштабах поколений, в этом раскаиваться не стоит».** Ведь таким образом осуществлялась часть провозглашенного Гиммлером плана уничтожения 30 миллионов славян. И уничтожались целые поколения, от которых не родятся дети.

Еще перед нападением, в марте 1941-го, выступая перед генералитетом, Гитлер внушал: «Война против России... Это прежде всего борьба идеологий и рас, поэтому ее необходимо вести с беспрецедентной, неумолимой жестокостью...

Комиссары являются носителями идеологии, прямо противоположной национал-социализму, поэтому их необходимо ликвидировать».

А непростительное неучастие Советского Союза в Гаагской конвенции подогревало уверенность нацистских главарей, что ни с них, ни с немецких солдат не спросится за нарушение международного закона.

Это **«расовая война»**,— на разных этапах напоминал Гитлер. В конце войны с Польшей он указывал Кейтелю: «Жестокость и суровость должны лежать в основе этой расовой борьбы».

«Расовая борьба» ведется не только на истребление цыган, евреев и интеллигенции, как это было в Польше. Это — борьба на биологическое истребление славян. Гитлер давно заявил, что одна из основных задач германского государства — «навсегда предотвратить всеми воз-

---

[1] Канарис — глава Абвера (контрразведки) Верховного командования вооруженных сил Германии.

можными средствами развитие славянских рас» и не только «побеждать своих врагов, но и уничтожить их».

«Мы обязаны освободить пространства от населения, это — часть нашей миссии по сохранению населения Германии. **Мы должны разработать методы этого устранения населения.** Если вы спросите меня, что я подразумеваю под термином «освобождать от населения», я скажу, что **я имею в виду устранение целых расовых групп.** Именно это я собираюсь провести в жизнь, такова в общих чертах моя задача... Если я могу бросить цвет германской нации в ад войны, не испытывая никакой жалости перед пролитием драгоценной германской крови, тем более я, несомненно, имею право **устранить миллионы представителей низшей расы, которые размножаются, как паразиты».**

Методов для «устранения населения» предостаточно. В том числе прямые директивы о преднамеренных расправах, расстрелах, о насильственном труде местного мирного населения.

Гиммлер выступил с речью перед офицерами СС: «Умрут или не умрут от изнеможения 10 тысяч русских баб при рытье противотанковых рвов,— сказал он,— интересует меня лишь постольку, поскольку этот противотанковый ров, нужный Германии, будет закончен...»

Господствующая раса будет довольствоваться гораздо меньшей численностью коренного населения и заинтересована в его вымирании, отдавая завоеванные пространства немцам.

«Никакое организованное русское государство не должно существовать западнее этой линии» (Урала). «Нужно сделать все, чтобы с железным упорством селить там миллион за миллионом немцев»,— заявил Гитлер, начиная успешно летнее наступление после понесенного зимой — впервые — поражения.

Борман излагал директивы Гитлера:

«Славяне должны работать на нас. В той мере, в какой они нам не нужны, они могут вымирать»... Поэтому медицинское их обслуживание «является излишним». «Размножение славян нежелательно... Образование опасно. Для них достаточно уметь считать до ста. В лучшем случае приемлемо образование, которое готовит для нас полезных марионеток».

Гиммлер тоже излагал директивно: «Мы должны... вести себя по-товарищески по отношению к людям одной с нами крови, и более ни с кем. Меня ни в малейшей степени не

интересует судьба русского или чеха... Живут ли народы в достатке или умирают с голоду, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны нам как рабы для нашей культуры, в остальном это меня совершенно не интересует».

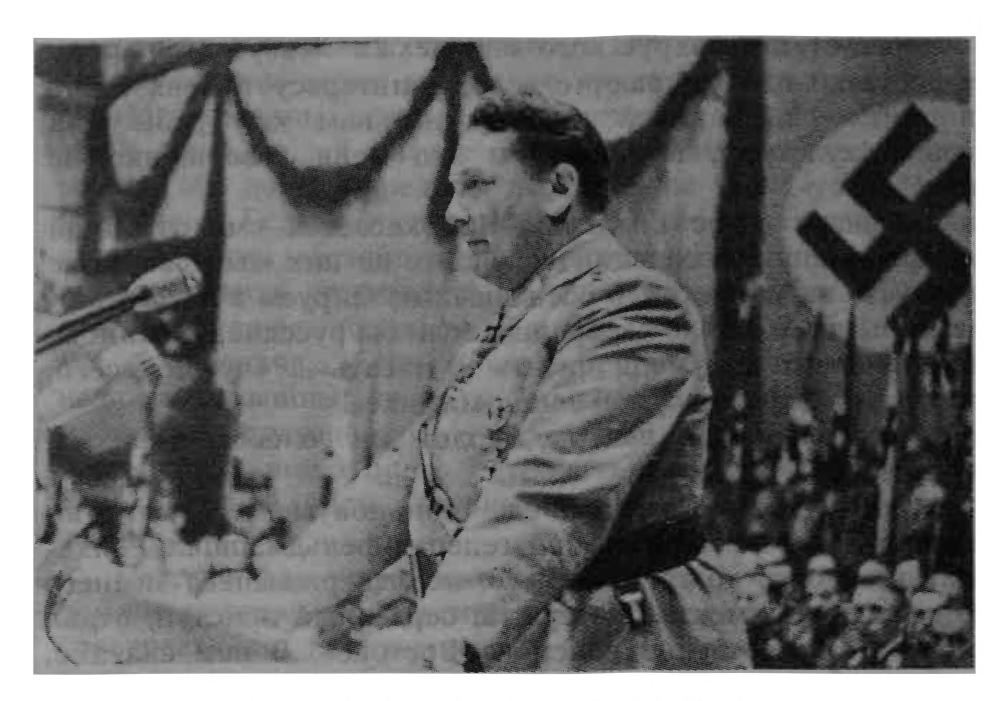
И снова голос Гитлера: «Что касается смехотворной сотни миллионов славян, то лучших из них мы превратим в то, что нам хочется, а остальных изолируем в их свинарнях». «Для нас было бы вредно, если бы русские, украинцы, киргизы и т. д. умели читать и писать»... «лучше всего, чтобы их обучали одной лишь мимике».

Но хватит этих наглых, берложьих голосов, цинизма, смрада.

Однако нельзя опустить еще один документ. Командующий 6-й германской армией генерал-фельдмаршал Рейхенау незадолго до того, как его, не выдержавшего зимнего отступления, смертельно сразил сердечный приступ, отдал приказ «О поведении войск на Востоке». В нем сказано, что «снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью». И что «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения» и любые объекты подлежат уничтожению. Гитлер этот варварский приказ одобрил как образцовый и подлежащий распространению в штабах. А в это же время Розенберг направил Гитлеру письмо от 16 сентября 1941-го — он докладывал фюреру о том успешном мощном накоплении произведений, которое ему с его штабом, занимающимся разграблением художественных, научных, культурных, культовых ценностей на оккупированной территории Советского Союза, удалось уже осуществить. (Идет еще только третий месяц войны!) По его словам, это делается для того, чтобы «можно было удовлетворить все справедливые желания и требования великой Германской империи» и «чтобы все произведения искусства, которые могут быть использованы для Ваших личных планов, в отношении музея в Линце и других музеев, действительно были бы использованы в этих целях».

(Через три года, 17 октября 1944-го, Розенберг писал Борману, что захваченное в России добро отгружено в фатерлянд железнодорожными вагонами в количестве 1418 тысяч и сверх того 427 тысяч тонн доставлено водным путем.)

Методика разработана еще в 1940 году при ограблении парижского Лувра. При этом применялся секретный приказ Геринга, предписывающий рассортирование предме-

Выступает фельдмаршал Герман Геринг

тов искусства на:

«1. Предметы искусства, решение об использовании которых фюрер оставил за собой.

2. Предметы искусства... предназначенные для пополнения коллекции рейхсмаршала Геринга...

3. Предметы... которые целесообразно направить в германские музеи...».

Та же методика применялась при разграблении любых других ценных объектов.

Помимо задачи обогащения, расхищение и уничтожение памятников истории, очагов культуры преследовало еще одну твердую цель — лишить народ духовной опоры, исторической памяти, снизить его духовный и культурный уровень. С этим же намерением уничтожалась интеллигенция.

В завоеванной Чехословакии секретным докладом (15 октября 1940) Гитлер предписал «ликвидацию интеллектуалов».

В Польше: «Польское дворянство должно исчезнуть,— наставлял он назначенного генерал-губернатора Франка.— ...И для поляков и для немцев существует лишь один господин. Двух господ, стоящих бок о бок, не может и не должно быть. Посему представители всей польской интеллигенции

подлежат уничтожению. Это звучит жестоко, но таков закон жизни».

«Поляки от рождения предназначены для черной работы... Не может быть и речи об их национальном развитии. В Польше необходимо поддерживать низкий уровень жизни, не допуская его повышения».

Все это вместе и есть объявленный немцами «новый порядок», который с особой беспощадностью представал в России.

Громкий антибольшевизм Гитлера, стоящего якобы на защите Европы от большевизма, обеспечивал ему поначалу уступки со стороны западных демократических стран, которые он вскоре разгромил. Так и лозунг немцев при нападении на Советский Союз, суливший «освобождение от большевизма», оказался лишь прикрытием основной цели — порабощения народа расой господ. Неприкрытый беспощадный террор по отношению к мирному населению служил этой цели.

«С РОССИЕЙ УЖЕ ПОКОНЧЕНО»

Наступление немецкой армии летом 1942 года на юге Советского Союза, казалось, вернуло Гитлеру военное счастье.

Гитлеровские армии пробивались к кавказской нефти, овладев районами Майкопа, Моздоком, рвались к Грозному. На вершине Эльбруса уже развевался нацистский флаг. Одновременно с действиями на Кавказе быстро и успешно шло наступление 6-й армии Паулюса. В августе она вышла к Волге вблизи Сталинграда. Ей было предписано Гитлером после падения Сталинграда осуществить глубокий охват и перейти в наступление на Центральную Россию и на главный объект — Москву.

Я помню, как на фронте, в 180—200 километрах от Москвы, в это тревожное время, дежуря ночами у телефона в блиндаже, я слышала монотонный голос, диктующий по радио военную сводку для партизанских соединений, борющихся в тылу у немцев: «В боях на юге решается судьба нашей Родины. Точка».

И еще и еще раз с той же торжественной, суровой неумолимостью: «...решается судьба нашей Родины». Так оно и было.

А в это же время в Атлантике хозяйничали немецкие подводные лоди, нанося тяжелый урон флоту союзников. В Африке успешно наступал Роммель.

Германия была в апогее своих военных побед. Гитлер считал, что с Россией уже покончено, что это «жизненное пространство» «заблокировано», как он говорил. А для сопротивления, согласно обобщенным его разведкой данным, у Красной армии, крайне истощенной, нет ни сил, ни резервов.

Но сопротивление советских войск усиливалось и на Кавказе и в Сталинграде, где уличные бои в октябре шли с неослабевающим ожесточением. Советские солдаты бились за каждый дом, за каждый осколок руины. Захватить Сталинград к 10 ноября, как было обещано Паулюсом, Гитлеру не удалось. А еще через 9 дней началось грандиозное наступление советских войск. На четвертый день наступления армия Паулюса была окружена. Тщетны были все последовавшие обращения Паулюса к главнокомандующему Гитлеру с просьбой о разрешении отводить войска, идя на прорыв из окружения, пока это возможно, чтобы спасти 200-тысячную армию. Гитлер фанатично требовал оставаться в Сталинграде. Соображения престижа были превыше целесообразности и представлений о реальных возможностях армии. Обреченное сопротивление немецких войск в Сталинграде продолжалось в течение января 1943 года. Сообщая по рации, что войска без боеприпасов и продуктов, что в тяжелейшем положении 18 тысяч раненых, лишенных медицинской помощи, что «более нет возможности эффективно управлять войсками», Паулюс обращался к Гитлеру: «Катастрофа неизбежна. Армия просит разрешения немедленно сдаться, чтобы спасти оставшихся в живых». Гитлер был неумолим, его приказ требовал удерживать позиции в Сталинграде до последнего человека и последнего патрона. Но вопреки приказу, обрекавшему остатки армии на гибель, началась капитуляция 6-й армии. К 1—2 февраля в Сталинграде наступила тишина.

Такого масштаба поражения немецкая армия никогда не переживала.

Сталинград — это перелом в войне.

В Африке Роммель в это время проигрывал сражение союзникам.

Предпринятое Гитлером колоссальное наступление, сулившее, казалось, на этот раз успех и тяжелейшую угрозу Советскому Союзу, закончилось крахом. Немецкие войска откатывались, неся огромные потери.

Геббельс в октябре 1943

1943

После сталинградской катастрофы Геббельс выступил в огромном Дворце спорта 18 февраля 1943 года с пламенной речью, вызвавшей экстаз публики. Он призывал немцев ответить на тяжелые события тотальной войной. Речь имела широкий резонанс в стране и подняла авторитет министра пропаганды, несколько отодвинутого войной в тень.

В записях, фиксирующих хронику войны этого года, он трезвее смотрит на события и отчасти независимее, с поко-

лебленной верой в непревзойденные возможности человека арийской расы.

С весны начались массированные налеты тяжелых английских и американских бомбардировщиков на города Германии, «они могут оказаться невыносимыми». Население западных районов страны — оно особенно страдает от бомбардировок — «начинает терять присутствие духа».

Поступают сообщения о катастрофических последствиях сильнейшего ночного налета англичан на Дортмунд. «Подобный ад трудно вынести».

Гитлер все еще рассчитывал повернуть ход войны в пользу Германии. Все с той же манией, с какой начинал он свою политическую карьеру,— с манией завоевания России — готовил он новое сокрушительное наступление. Он еще держал в руках армию и располагал преданностью немцев, стойко и дисциплинированно выносивших невзгоды на фронте и в Германии.

Завоевание России — это помимо всего ведь корыстная цель, это — манок, которым Гитлер позвал с собою преданных немцев.

В первый период войны, еще до фронта, работая недолго в генштабе Красной армии, разбирая тогда небогатые поступления трофейных документов, именно это я увидела в них. Указы, инструкции, предписания, другие официальные документы гарантировали тем немцам, кто воевал в России, после победы наделы земли, недвижимость. Отличившимся были обещаны лакомые куски в присоединенной к рейху Прибалтике, виллы в Крыму. Украина и Россия тоже не были обойдены этого рода вниманием.

Под впечатлением от немецких документов я тогда записала в тетради (сохранившейся), в которую потом заносила фронтовые заметки: «По́шло. Несколько общедоступных положений. Кажется, никогда еще индивидуальный вкус к стяжательству не был так успешно оформлен в общегосударственном масштабе». Как доходчив, как поощрен он — этому я потом на фронте постоянно встречала подтверждения. Особенно это прочитывалось в письмах[1].

---

[1] Приведу одно из них, сохранившееся в моем архиве. Оно отличается от других немецких писем из дому на фронт, в которых звучат тревога и страх за воюющего сына, брата, мужа, боль за рушащиеся под бомбами родные города и откровенные слова о невыносимых страданиях в тылу. Напомню, что еще до начала боевых действий о Крыме было заявлено Гитлером: все местное население будет изгнано, Крым будет заселен только немцами. Офицеры и рядовые, отличившиеся в боях, получат виллы в Крыму. И вот летчику Петеру Шпиллеру, п.п. 42906,

5 июля 1943 года началась операция «Цитадель», задачей которой был разгром советских войск западнее Курска, прорыв к Дону, Волге и — конечная цель — захват Москвы. Но наступление немецкой армии завершилось в течение двух недель грозным поражением. 12 июля Красная армия перешла в наступление на Курской дуге. 4 августа был отвоеван советскими войсками Орел. 22 месяца он оставался ближним с юга подступом немцев к Москве. 23 августа немцы потеряли Харьков. Дивизии вермахта под ударами откатывались, оставляя Донецкий бассейн. 25 сентября немцы были отброшены из Смоленска.

Англо-американская авиация изо дня в день бомбит города Германии. Ночной ее налет на Гамбург Геббельс называет «подлинной катастрофой», превышающей все, что можно себе вообразить.

Гитлер начинал войну в 1939 году с уверенностью, что военно-воздушный флот Германии «в настоящее время в численном отношении является самым сильным в мире. Противовоздушная оборона не имеет себе равной в мире». Небо над Германией надежно защищено. «Мы пройдем по руинам чужих городов»,— призывали нацистские песни.

Но на исходе был четвертый год войны, принесший и немецкому народу неисчислимые страдания. Прекрасные города Германии превращались в руины. В муках погибали под бомбами люди. В невыносимых условиях население держалось мужественно, но не видно было конца этим мукам.

«ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ВОЙНЫ НА ДВА ФРОНТА»

10 июля союзники высадились в Сицилии. Еще задолго до того Муссолини непрерывно призывал Гитлера заклю-

---

пишет мать из Тюрингии 15 июля 1943-го: «Мой маленький летчик!.. Я представляю себе тебя — под синим небом, над синим морем. Над нашим морем. Я каждый день смотрю карточки, которые ты мне прислал. Участок я себе уже высмотрела — мы будем там, у нашего моря, в нашем Крыму... И может быть, мне удастся когда-нибудь пролететь с моим маленьким гордым летчиком над теми краями и берегами, где он так славно воевал. Отец не согласен со мной и сердится на меня за мои мечты. Он говорит: Крым — дикая татарская русская страна, и никогда там покоя не будет. А я говорю: мой маленький летчик вычистит эту страну от всего грязного, ведь там не останется русских, почему же не будет покоя. Отец говорит: там слишком много крови пролилось. Ну и что же? Наша немецкая кровь только утверждает наши права на эту землю на веки веков. А русских слишком много, и им полезно кровопускание. Пусть скажут нам спасибо. Впрочем, меня не заботят эти свиньи. Ведь это разбойники. Не оставляй их, мой мальчик, в Крыму, истреби всех до единого, и нам будет спокойно жить в нашей вилле, над морем, в розах. Я верю, что моя мечта осуществится, и уже скоро».

чить мир со Сталиным, чтобы высвободить немецкие дивизии для переброски на Запад. Но Гитлер был тверд, следовал своим планам, а дуче он пожелал уверенности в самом себе и решительности. При появлении англо-американских войск итальянская армия не проявляла готовности к сопротивлению. Спустя неделю Гитлер выступил на военном совете:

«Лишь жесточайшие меры, подобно тем, к которым прибегал Сталин в 1941 году или французы в 1917-м, способны спасти нацию. В Италии необходимо учредить нечто вроде трибуналов или военно-полевых судов для устранения нежелательных элементов».

Так в политический обиход вошло имя Сталина с иным, чем прежде, знаком — его опыт становился поучительным.

25 июля Муссолини пал. Это был неожиданный удар для Гитлера.

Геббельс обеспокоен, что известие об этих событиях может сказаться в Германии, активизировать скрытные подрывные элементы. Гитлер поначалу не согласился с ним, что такая опасность в Германии существует, и успокоил Геббельса. Но в сентябре, прибыв по вызову Гитлера в ставку в связи с выходом Италии из войны, Геббельс застал фюрера крайне встревоженным необходимостью принять строжайшие меры, которые исключили бы возможность подобного хода событий в Германии.

При тяжелой ситуации на Восточном фронте и угрозе осуществления союзниками вторжения Геббельс решился подступиться к Гитлеру с вопросом о зондировании мирных переговоров. Но трудно решить, к какой из сторон надлежит обратиться. К тому же «удручающим обстоятельством» является полная неясность о резервах, которыми располагает Сталин. Тем не менее Геббельс считает, что надо иметь дело со Сталиным, он «политик более практического склада». Фюрер же склонен скорее обратиться к англичанам. Но не сейчас. Он еще не определился. Он рассчитывает на то, что по мере вступления советских войск в Европу будут накаляться противоречия внутри коалиции союзников. И тогда, по мнению Гитлера, англичане будут податливы и пойдут на компромисс.

Из этого расчета Гитлера даже возникнет в самое кризисное время «концепция» обороны — продержаться во что бы то ни стало до того момента, когда коалиция союзников неминуемо развалится. Но сейчас — какую все же из сторон предпочесть, с какой из них вступить в переговоры в расчете на успех? Ясности нет и спустя почти две недели,

когда Геббельс снова прибудет в ставку настроенный решительно и скажет фюреру, что так или иначе «**надо отказаться от войны на два фронта».** И скажет так, будто это целиком зависит от фюрера, будто стоит ему сделать шаг в этом направлении, и он встретит ответную готовность противной стороны.

А ведь уже под угрозой для немцев Крым. Наступающие советские войска не дали немецкой армии закрепиться на Днепре. Днепр форсирован. 6 ноября немцы выбиты из Киева. Ослаблены позиции немцев в Атлантике. Кризисная ситуация в Италии.

По личному заданию Гитлера эсэсовец Скорцени осуществил лихую авантюрную операцию — выкрал арестованного Муссолини, тайно содержавшегося под стражей на недоступной горной вершине. При встрече его с Гитлером стало очевидным: осчастливленный спасением Муссолини не проявляет прежней воли к власти. А более всего удручило Гитлера — этим он поделился с Геббельсом,— что вопреки его, фюрера, ожиданиям Муссолини не принялся тотчас мстить изменникам, предавшим его, и в первую очередь бывшему министру иностранных дел, своему зятю — Чиано. Муссолини «не проявил никаких признаков подобных намерений и тем самым показал свою явную ограниченность. **Он — не революционер, как фюрер или Сталин.** Он настолько привязан к итальянскому народу, что ему явно не хватает революционной широты в мировом масштабе». Этого порока — привязанности к своему народу — Гитлер с Геббельсом ни за собой, ни за Сталиным не числили.

Такая вот метаморфоза. В пору договора 1939—1941-го и в особенности перед войной, когда Сталин давал себя обвести, Геббельс не упускал случая уничижительно помянуть его в дневнике. Теперь же, когда Красная армия развернулась на победных полях сражений и заклятый враг Сталин в представлении Гитлера концентрирует в себе силу, угрожающую Германии поражением, именно он теперь единственный, кого ставит в один ряд с собой Гитлер.

1944

Дневник Геббельса за 1944 год так же, как за предыдущий, еще не издан. Опубликованы лишь отдельные фрагменты. Судя по ним, Геббельс по-прежнему, как хроникер,

отмечает события дня (предыдущего), но чаще избегая их характеризовать. За этой отстраненностью, анемичностью безутешно маячат грозные события.

Однако Гитлер в беседах с Геббельсом по-прежнему превозносит непревзойденную мощь германской армии и предвидит сокрушительность ударов, которые она скоро нанесет противнику на Востоке. «Хотел бы я, чтобы эти прогнозы фюрера сбылись». Но Геббельс уже не в силах повторить то, что казалось таким несомненным перед нападением на Советский Союз: для германского солдата нет ничего невозможного. «В последнее время было столько разочарований, что чувствуешь, как в тебе пробуждается скепсис» (4.3.1944). Но прямота, ясность суждений не удерживаются у Геббельса, с присущей ему слабостью он готов припасть к плечу фюрера, унять страх, сменить скепсис на доверие, надежду.

«Фюрер спокойно и уверенно судит о положении на Востоке. Он полагает, что покончит со всеми неудачами и трудностями, и я в этом ему вполне доверяю. Нам, возможно, придется уступить еще немного, но стратегического успеха большого размаха Советам не видать».

Но положение на Восточном фронте хуже некуда: «мы возлагали слишком большие надежды на распутицу, а события не подтвердили эти надежды».

«Королева-распутица» — называли они. В эту пору нередко советский фронт буксовал, срывался подвоз. На этот раз затишья не было — совсем наоборот.

10 марта 1944. Можно только изумляться, какие резервы Сталин еще может вывести на поле боя и насколько Советы способны справляться с трудностями, которые, как все считали, непреодолимы. Если нам в конце концов придется отступить за Буг, начнется серьезный кризис для наших войск в Крыму... Ясно одно — на Восточном фронте не будет речи о затишье.

Но именно это время военных неудач, поражений для Геббельса утешительно озарено расположением к нему фюрера. В сущности, в личном плане это звездные часы Геббельса. Наконец-то его израненное самолюбие удовлетворено: генералы, эти недавние герои побед, окружавшие фюрера, его любимцы, обласканные им, оттеснены. Генералы, терпящие поражение, невыносимы для Гитлера. И Геббельс, задвинутый было ими в тень, подогревает негодование фюрера, мстительно сводит счеты с генералами за их славу, ущемлявшую его.

«Фюрер часто говорит, что генералитет в целом он счита-

ет просто омерзительным. Генералы не связаны с ним внутренней связью — они стоят в резерве и предпочитают охотнее доставить нам неприятности сегодня, чем завтра. Сталин себе облегчил эту проблему.— Сталин, которого они с Гитлером, следя за процессами 1938 года, считали безумцем, разрушающим свою армию, уничтожая командование, теперь сходит у них за провидца.— Тех генералов, которые стоят сегодня у нас на пути, он у себя вовремя расстрелял, и потому сегодня они уже не могут перебегать ему дорогу».

Эти собеседники не помнят, что стремительное продвижение войск в 1941-м генералам Гитлера обеспечил Сталин, разгромив предварительно советскую армию, свой генералитет.

Но так или иначе менять генералов Гитлер не считает возможным, да и не на кого их менять.

«Только в еврейском вопросе мы провели такую радикальную политику,— продолжает поклонник сталинского террора.—...И вопрос с попами Сталин решил таким же образом. Сегодня он может себе позволить оказать благосклонность церкви, которая полностью у него на службе. Митрополиты едят из его рук. Они его боятся и хорошо знают, что стоит ему возразить, и они получат пулю в затылок. В этой области нам еще надо наверстывать. Но война для этого самое неподходящее время. После войны мы займемся проблемой офицеров и священников. Сегодня нам приходится делать хорошую мину при плохой игре».

«КАК В ДОБРЫЕ СТАРЫЕ ВРЕМЕНА»

Геринг сказал в Нюрнберге, что Гитлер любил разговаривать преимущественно с доктором Геббельсом. «Для него большая разрядка и облегчение поболтать пару часов»,— отметил Геббельс еще осенью прошлого года. Теперь же потребность Гитлера в общении с его преданным сообщником еще более возросла. Он нуждается в Геббельсе, в его пылких выражениях приверженности и умении развеять тяжкие мысли. Геббельс старается развлечь фюрера беззаботной болтовней, забыться вместе с ним от страха, отдалиться от мрачной действительности в утешительных воспоминаниях о блистательном прошлом.

Характерный образец такого времяпрепровождения приводит Эльке Фрёлих, публикуя в газете «Вельт» фраг-

менты записей этого периода. Ночь на 6 июня 1944-го. Корабли союзников подходят к берегам Нормандии. В дневнике: «Мы сидели у камина до 2-х часов ночи, перебирали воспоминания, радовались многим прекрасным дням и неделям, которые мы пережили вместе. Словом, настроение было как в добрые старые времена».

Но и до этого суровая действительность не раз вторгалась в часы их идиллического общения.

Обозначился мрачный знак развала блока — Венгрия норовит выйти из союза с Германией. «Предательство должно быть наказано. Теперь фюрер будет действовать». Он хочет посадить в тюрьму венгерское правительство. Но прежде всего будет разоружена венгерская армия. «Для этого у нас наготове достаточные силы. Когда армия будет разоружена, можно будет перейти к проблеме венгерской аристократии и будапештских евреев. Ведь пока евреи сидят в Будапеште, ни с городом, ни с этой страной ничего нельзя сделать». Как обычно в кризисных ситуациях нацисты активизируют антисемитизм. Расправа с неверной союзницей предоставит возможность поживиться за ее счет. Получить огромное количество оружия, большие запасы нефти, «которые полностью попадут в наши руки», нефтяные скважины. И продовольствие: «оно не так уж много прибавит к нашей бухгалтерии, но все же кое-что тоже значит». Значит это также, что ограбленные венгры будут голодать. Но это их проблемы (4.3.1944). Главное же — воспрепятствовать намерению Венгрии выйти из войны.

«КТО СКАЗАЛ А, ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ И Б»

Гитлер вынашивает план вновь прорваться к Днепру. Тут уж даже поддающийся внушению Геббельс срывается: «Но кто сейчас осмелится об этом думать» (15.3.1944).

Бессилие на Восточном фронте сублимируется в насилие над беззащитными людьми — венгерскими евреями. В этой привычной для Геббельса сфере отступает гнетущий страх, и он с развязностью хама диктует дневник стенографу: в Венгрии «700 тысяч евреев; мы позаботимся, чтобы они от нас не ускользнули».

Проштрафившийся перед опасными союзниками адмирал Миклош Хорти, замаливая попытку отступничества, согласен теперь использовать евреев как заложников, и антисемитские мероприятия в Венгрии быстро продвигаются. «Но нужно еще очень много сделать, прежде чем

еврейский вопрос в Венгрии будет решен так же, как в германском рейхе» (22.4.1944). И Геббельс пристально следит за этим. В Будапешт направлен Эйхман. Начинается депортация евреев. «Теперь Венгрия уже не выйдет из этого ритма еврейского вопроса,— торжествует Геббельс: удается наконец повязать Венгрию этим «общим делом» с нацистской Германией, общим преступлением и общей за него расплатой, чей призрак должен укреплять сопротивление шаткого союзника.— **Кто сказал А, должен сказать и Б.** И раз Венгрия начала эту политику в отношении евреев, она уже из нее не выйдет. С определенного момента эта политика в отношении евреев идет сама собой. Так теперь и происходит в Венгрии». Тут-то Геббельс надежный эксперт. С ним самим именно так и происходило. Преодолев когда-то в себе некоторое сопротивление или замешательство, переступив через него, он с тем большей агрессивностью отдался политике антисемитизма. Политика в этой войне, утверждает он, может осуществляться только «исходя из еврейского вопроса» (27.4.1944). Как и вся политика и идеология фашизма.

4 мая 1944. Еврейский вопрос в Венгрии энергично решается... Гетто отводятся возле военных заводов, где можно ожидать бомбардировки.

(Вспомним, подобное проделывал Саддам Хусейн в дни кризиса в Персидском заливе, держа заложников на объектах, которые являлись целью наступающей операции).

«Они послали в Венгрию меня, самого «хозяина», как выразился Мюллер, с тем, чтобы быть уверенными, что евреи больше не восстанут, как это было в гетто в Варшаве»,— рассказал в своих записях Эйхман, когда спустя 15 лет он был захвачен израильской разведкой.

«Я до сегодняшнего дня помню, какие несоизмеримо огромные потери понесли наши войска при подавлении этого восстания. Я не мог поверить, просматривая фотографии, что люди, прожившие в гетто, могли сражаться подобным образом».

Его советники-«специалисты» пребывали во всех европейских странах, «находящихся под германским контролем». Они должны были обеспечивать насильственный вывоз евреев в лагеря уничтожения. «Однако в течение ряда лет мы сталкивались со многими трудностями. Во Франции французская полиция помогала нерешительно... В Италии и Бельгии из этого дела ничего не вышло... В Голландии борьба за евреев была особенно тяжелой

и острой, ибо здесь при определении гражданства не делали различия по национальному признаку[1]. В Дании эта проблема представляла наибольшую трудность. Король Дании вступился за евреев, и большинство из них сбежало... я убедился, что чем дальше шли мы на восток, тем меньше было трудностей с местными властями». Но «с Венгрией нам пришлось особенно повозиться». Испытанные отряды эсэсовцев из концентрационных лагерей Маутхаузена, Освенцима должны были быстро действовать, «прежде чем у венгров смогут возникнуть подозрения относительно наших планов и они смогут организовать партизанское сопротивление», «уж слишком много неприятностей перепало на нашу долю при проведении подобной операции в Дании». А тут удалось возложить проведение операции и на венгерские власти.

Но правителю Венгрии Хорти и это не помогло. В октябре 1944 года по заданию фюрера Отто Скорцени, уже ранее отличившийся в этом жанре, вызволив из заточения Муссолини, теперь похитил со своими головорезами Хорти, предупредив его готовность капитулировать перед наступающими советскими войсками.

«Через мою организацию прошло в Венгрии...— прикидывает Эйхман,— я могу подсчитать, эта цифра достигала 350 000 человек за период примерно в четыре месяца».

В инструкциях Гиммлера, предназначенных Эйхману, говорилось о «необходимости высылки евреев в первую очередь из восточной части Венгрии». Потому что вступление Красной армии было спасительным для уцелевших евреев.

Но следом за армией являлись спецслужбы. И судьба знаменитого шведского дипломата Рауля Валленберга, находившегося в Венгрии с благороднейшей миссией спасения евреев, оказалась трагической. Он исчез в советских застенках. Это преступление мир не может забыть.

Союзники бомбовыми налетами разрушали железные дороги, и у Эйхмана, как он рассказывает, возник план демонстративно отправить евреев пешком «форсированным маршем к границам рейха». План был подхвачен и одобрен

---

[1] Я видела по лондонскому телевидению интервью с голландцем — жаль, не расслышала его имени. Он при вступлении немцев в Амстердам возглавлял муниципалитет. Его вызвал немецкий бургомистр: «Кто у вас в муниципалитете еврей?» Я ответил: «У нас нет евреев в муниципалитете»,— и этим я совершил первое предательство. Я допустил дифференциацию людей по национальности». С какой нравственной требовательностью всматривался этот человек в прошлое, в самого себя.

«наверху». Гнали пешком немощных стариков, детей, больных, женщин. «Это стоило нам больших неприятностей»,— пишет Эйхман. «Венгрия была окном, через которое нейтральные страны смотрели на наш рейх». И если вывоз в Освенцим совершался скрытно, то этот «марш» вызвал взрыв негодования в мире.

В месяцы обвала германского фронта на Востоке, продвижения союзников на Западе безумеющий маньяк Гитлер лихорадочно, неукоснительно следил за этим этапом. Как сводки с фронтов боевых действий, получают они с Геббельсом донесения о передвижении колонн полумертвых, гибнущих на этапах людей и о тех, кто добрели в лагеря — на уничтожение.

«У МЕНЯ ВСЕ ПЛЫВЕТ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ»

21 июня 1944. Когда я в эти дни представляю себе тенденцию развития военных действий и на западе, и на юге, и на Карельском фронте, и в воздухе, **у меня все плывет перед глазами,**— *вырывается у Геббельса загнанное в подполье отчаяние.*— Надо только просчитать, к чему приведет через год подобный ход событий, и легко можно себе представить, в какой критической ситуации мы находимся.

Только в карательных мерах видит он надежду на стойкость немецкого фронта и тыла. И такая «реформа» уже началась в армии, «она уже принесла заметный успех... Уже вынесено и исполнено множество смертных приговоров, в том числе против высших офицеров... Я объявил фюреру, что я готов и в состоянии решительными мерами доставить ему миллион солдат, но для этого я должен решительно прочесать и организации рейха и штатских... потому что уже недалеко до полуночи» (22.6.1944). Но поползновениям Геббельса стать во главе призыва к «тотальной войне», провозглашенной им в триумфальной речи во Дворце спорта после страшного поражения в Сталинграде, и приступить к ее осуществлению препятствует фюрер. Гитлер опасается излишнего напряжения внутри страны и считает, что для «тотальной войны» еще не пришло время. Гитлеру не кажется этот кризис столь сильным, чтобы «нажимать на последнюю кнопку». Он предпочитает пока идти «эволюционным путем», с чем внутренне не смиряется Геббельс. Но ему остается довольствоваться и таким вот ходом мыслей слабеющего фюрера, извлекающего из потемок опустошенности лицемерный довод:

«Фюрер убежден, что, как ни тяжел нам сейчас вражеский воздушный террор, особенно для наших средневековых

городов, в нем есть и благо, поскольку он расчищает эти города для современного транспорта... И вообще лишь немногое из поврежденных культурных ценностей незаменимо. Когда, к примеру, столько говорят и пишут о средневековой красоте кёльнского собора, обычно забывают: кёльнский собор только в XIX веке стал тем, что он есть».

Когда начались невыносимые бомбардировки Берлина авиацией союзников, Геббельс в духе меланхолических соображений фюрера выискивает «пользу» от этого: «в руинах улиц живет население, которому нечего больше терять».

Спустя немного времени, словно спохватившись, Геббельс отмечает, что фюрер страдает из-за ущерба, который наносится культурным ценностям рейха, и из-за жертв среди населения. Но пройдет еще немного времени, и Гитлер перед лицом краха потребует уничтожения в Германии жизненно важных коммуникаций, мостов и дорог и, не щадя разрушающиеся при этом города, прикажет взрывать заводы, фабрики, уничтожать все ценное, как бы тяжело это ни отразилось в дальнейшем на существовании народа. Народ, не сумевший обеспечить ему победу, не заслуживает того, чтобы жить. Фюрер обманулся в нем. Народ оказался недостоин своего фюрера. И не приходится задумываться о его примитивных нуждах. Тем более что после поражения в живых остаются только малоценные в расовом отношении экземпляры. Все это он выскажет министру вооружения Шпееру[1]. Словом, предписывалось разрушение Германии и самоуничтожение немцев. Шпеер поделился с Геббельсом, отвергая это требование фюрера. Геббельс промолчал. Но это позже. А пока сломленного Гитлера Геббельс старается приподнять и возвысить до уровня прежнего всесильного фюрера, в котором сам предельно нуждается: «Издали думают, что это измученный человек, согбенный под грузом забот, под тяжестью легшей ему на плечи и угрожающей сломить его ответственности, на самом деле это активный и готовый к решениям человек, в котором нельзя заметить следов депрессии или душевного потрясения. И планы, которые фюрер развивает для ближайшего и отдаленного будущего войны, величественны и обнаруживают необычайно глубокое и сильное вдохновение... Он полагает, что Англия уже погибла, и решил нанести ей при первой возможности последний, смертельный удар».

---

[1] На этот пост он назначен в 1942 г.

При ненастной погоде и расходившемся море, когда немецкое командование посчитало, что не приходится опасаться вторжения союзников, когда Гитлер проводил часы в приятной болтовне с Геббельсом,— в эту ночь на 6 июля 1944 года дивизии союзников начали высадку в Нормандии.

Фюрер, отмечал еще в марте Геббельс, с нетерпением ожидает вторжения. Он даже замышляет предпринять тайный маневр — «отвести с запада заметное число дивизий, чтобы заманить англичан и американцев, и затем, когда они придут, разбить их в кровь». Угнетенного на этот счет сомнениями Геббельса все же бодрят хвастливые заверения фюрера, что он разобьет союзников, покончит с войной на западе и освободит силы для активных действий на востоке. «Так пусть приходят! Очень рад тому царственному покою, с каким фюрер принял это решение».

Англичане и американцы пришли. И высадились именно в Нормандии, как подсказывала Гитлеру интуиция вопреки иным прогнозам ненавистных генералов. И в день вторжения Гитлер отдает приказ без всякого учета конкретной обстановки: тотчас разгромить десантные дивизии. «Плацдарм должен быть ликвидирован не позднее сегодняшнего вечера». Но, взламывая береговую оборону, союзники наращивали плацдарм.

«Фюрер счастлив,— заносит, однако, Геббельс свои наблюдения в дневник на следующий день после вторжения.— ...он так долго угнетен ожиданием, что, когда наступает решающий момент, у него словно тяжесть спадает с души... Вторжение произошло в том месте, где мы его ожидали... Замечательно, что фюрер совершенно спокоен и не обнаруживает ни признака слабости... Он восхищен, что на этот раз нам помогает погода».

Разбить союзников, сбросить в море, устроить еще один Дюнкерк — эти намерения Гитлера оставались лишь бравадой. Но если верить дневнику, население Германии, взбаламученное геббельсовской пропагандой, пребывало в эйфории: «Немецкий народ почти что лихорадит от счастья... Заключаются даже пари, что война кончится в три дня, в четыре дня или за неделю» (18.6.1944).

Но началось грозное наступление на востоке.

26 июня 1944. Снова на востоке тяжелейший кризис. Кто бы мог этого ожидать... Советам, которые, как считали, исчерпаны и в военном и в человеческом отношении, удалось в два дня осуществить прорыв невиданной ширины... Остается только порадоваться, что нам удалось удер-

жать Минск. Советы спокойно и нагло объявляют, что их удар нацелен на Берлин.

Еще неделю немцы удерживали Минск. Мне довелось участвовать в Минской операции и входить с войсками 3 июля в освобожденный город.

«Я СОЖМУ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ЖЕЛЕЗНОЙ РУКОЙ»

Кульминацией заговора, основную группу которого составляли немецкие офицеры, генералы, фельдмаршалы (Роммель, Вицлебен, Клюге) и родовитые штатские, было покушение на Гитлера. Убрать Гитлера и тем самым расчистить пути к мирным переговорам с союзниками, покончить с войной, спасти для Германии то, что еще можно спасти от полного разгрома, катастрофы — цель заговорщиков.

20 июля 1944 года в ставке Гитлера взорвалась предназначенная для него бомба. Но Гитлер отделался небольшим ранением и контузией.

Геббельс, остававшийся самым высокопоставленным из находившихся в это время в Берлине нацистских главарей, сыграл активнейшую роль в подавлении начавшегося в Берлине мятежа. Ненависть и расправа над участниками заговора и всеми, кто был заподозрен в связи с ними, вернула ему утраченные силы и придала бешеную энергию, и Геббельс неистовствовал. Когда-то, в период жестокой распри с партийными сотоварищами, у Геббельса вырвалось: «Берегитесь, собаки! Если мой дьявол будет спущен с цепи, вы его больше не удержите!» (27.3.1926). И на этот раз спущенный с цепи его «дьявол» нашел себе безудержное применение в разгуле террора. Чудовищные пытки, казни, аресты всех родных и близких.

Гитлер не знал предела утолению жажды мести. Кинокамеры геббельсовской команды снимали процесс, на котором подсудимые, боевые прославленные военные в высоких чинах, представали в отрепьях каких-то выношенных шинелей и свитеров, в спадавших без ремней брюках, небритые, чтобы их униженность, предрешенность смертного приговора устрашающе действовали на зрителей. Но подсудимые, как ни обрывал их председатель суда, дабы фильм Геббельса выполнил эту задачу, оставили в своих ответах суду свидетельства достоинства и стойкости.

Гитлер приказал «всех повесить как скот».

Процесс повешения на перекинутых через крюк струнах, все физиологические подробности предсмертных мук, уду-

Фельдмаршал Роммель — до поры друг дома Геббельса. Он участвовал в заговоре против Гитлера, раскрытом после неудавшегося покушения. Ему было предложено покончить с собой, чтобы избежать суда и спасти свою семью. Гитлер был заинтересован в том, чтобы самый популярный в стране герой-фельдмаршал не предстал перед судом как участник заговора. Роммель принял яд. Было объявлено, что он умер от кровоизлияния в мозг. И похоронен с почестями

шения, были тщательнейше засняты на кинопленку, которую Геббельс тут же отправлял Гитлеру. Впечатление от этой пленки было невыносимым, только Гитлер был готов вновь и вновь ее просматривать. Но широкий показ ее был вынужден скоро запретить.

Казнили заговорщиков в тюрьме Плетцензее. (История как всегда иронична. Именно сюда, в уцелевшую часть тюрьмы Плетцензее, отнесли 2 мая 1945-го мертвого, обгоревшего Геббельса, уложив на дверное полотно. Снесли сюда безо всякого на то умысла — это место в сплошь разрушенном Берлине показалось подходящим, чтобы тут же приступить к опознанию Геббельса, впрочем легко узнаваемого. Одним из первых опознавших его был доставленный сюда задержанный вице-адмирал Фосс. В ставке Гитлера он был представителем командующего военно-морскими силами

адмирала Деница и до последнего дня оставался в подземелье имперской канцелярии, постоянно общаясь с Геббельсом и его семьей.)

Число казненных по делу «20 июля» составило, как приводят источники, не менее 5000 человек. Арестованных было много больше.

23 июля 1944. Фюрер решительно настроен против генералитета, особенно против генерального штаба. Он твердо решил дать кровавый пример и искоренить эту масонскую ложу... Последствия покушения очень велики... Фюрер решился искоренить все племя генералов.

И Геббельс снова в коленопреклоненной позе: «Он величайший исторический гений, живущий в наше время».

На пятый день после покушения свершилось наконец то, чего добивался Геббельс: Гитлер назначил его уполномоченным по введению в действие в рейхе «тотальной войны».

Геббельс достиг своей цели, он возвысился, ощутив себя вторым после фюрера человеком в рейхе: **«Я сожму государственный аппарат железной рукой».**

Уже ранее пообещав «прочесать» рейх и поставить фюреру миллион солдат, он круто берется за дело — повсюду идет охота Геббельса на мужчин для выполнения обещанной программы. Одновременно он не преминул воспользоваться своими полномочиями, чтобы свести счеты с ненавистным Риббентропом, у которого «непомерно раздут аппарат», как он не раз жаловался фюреру. А главное, его люди «берутся за задачи, которые входят в мою компетенцию». На всем пути он был на страже, вечно сражаясь с тем же Риббентропом и другими сановниками, ограждая от их посягательств все, что захватывал в свою «компетенцию».

Притом жизнь его по-прежнему протекает от встречи до встречи с фюрером, питающей его гордость за избранничество. По-прежнему они предаются отвлекающим от суровой действительности беседам.

2 декабря 1944. Я рассказал фюреру несколько историй из семейной жизни, прочел ему из дневника Хельмута (*девятилетнего сына*) запись... над которой мы смеялись до слез... Прогуливаясь по кабинету фюрера, мы перебирали старые воспоминания, радовались совместной нашей борьбе и были счастливы, что в сущности мы ничуть не изменились.

Глава девятая

ПОСЛЕДНИЙ ДНЕВНИК

Последние из найденных машинописных страниц дневников Геббельса охватывают период от 28 февраля до 10 апреля 1945 года.

В пору наступления под Москвой в первую зиму войны Геббельс записал: «Когда Москва заявляет, что большевики будут гнать немцев до Берлина, то это всего-навсего пропаганда, которую не следует принимать всерьез».

С тех пор прошло три с половиной года.

В начале февраля 1945 года советские войска стремительным вторжением на левый берег Одера заняли плацдарм в районе Кюстрина. В старой энциклопедии об этом городе сказано: «одна из сильнейших крепостей Германии; важный узел сухопутных и водных путей». Всего 80 километров отделяет Кюстрин от столицы.

В юбилейную годовщину основания национал-социалистической партии, 24 февраля 1945-го, Гитлер выступил с заявлением: «25 лет тому назад я провозгласил грядущую победу движения! Сегодня, проникнутый верой в наш народ, я предсказываю конечную победу германского рейха!» Хотя эти слова подкрепить было нечем, многими немцами они еще принимались на веру.

Немецкое командование называло Кюстрин «ключом от Берлина». Немецкая авиация и пехота бились, стремясь сбросить зацепившуюся за важный стратегический плацдарм армию противника. Но без решительного успеха.

Советские войска прорвали фронт в Померании. Гитлер негодует. Он предвидел, что в Померании будет нанесен русскими удар, но во всем виноватый генштаб не прислушался к нему. И Геббельс в дневнике поносит военное руководство: «Эти люди мне враждебны, как только вообще могут быть враждебны люди»[1].

Он ежедневно диктует своим стенографам по 30—40 болтливых страниц. Он один из ответственных лиц — комиссар обороны Берлина. На фоне грозных событий это недержание речи выглядит особенно патологичным. Похоже, дневник для него теперь и вовсе центр существования. Все тот же дух и стиль. Та же выспренность. Но и те же свары, подсиживание, соперничество. Так же занят Геббельс своим местом возле Гитлера, самим собой, который

[1] Перевод фрагментов этого последнего дневника мой.— *Е. Р.*

достоин всяческих похвал и сам наделяет себя ими. Он дезавуирует перед историей, к которой, как это легко понять, обращен его дневник, своих конкурентов в нацистской иерархии, в особенности Геринга, назначенного Гитлером своим преемником. Как бы ни закончилась война, неотвязна мания Геббельса — войти в историю первым вслед за Гитлером.

«Увешанные орденами дураки и тщеславные надушенные франты не должны быть в военном руководстве,— достается от него Герингу.— Они должны либо переделать себя, либо их надо списать. Я не успокоюсь и не буду знать отдыха, пока фюрер не наведет порядок».

Забота его в том, чтобы фюрер сместил Геринга, а это ему никак не удается, хотя население, измученное бомбардировками, поругивает Геринга, ответственного за люфтваффе, за воздушную оборону и обещавшего, что ни один вражеский самолет не появится в небе Германии.

«ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР»

До падения Берлина остается два месяца. Немецкие эксперты сошлись на том, что «все шансы потеряны». Но Гитлер не хочет вникать в этот приговор. Он теперь охотно возвращается к событиям зимы 1941 года, когда под Москвой перешли в наступление советские войска.

«Генералитету сухопутных армий тогда полностью отказали нервы,— делится он с Геббельсом, а тот диктует это стенографу.— Генералитет тут впервые оказался перед военным кризисом, в то время как до того завоевывал лишь победы, и вот он единодушно решил тогда отойти до границы рейха».

Те страшные картины отступления, паралича командования теперь не омрачают Гитлера. Наоборот, то, что защитникам Москвы удалось тогда добиться такого успеха, когда, казалось, Москва вот-вот падет, воодушевляет его. Ему мнится, что то же самое произойдет при защите столицы рейха — подъем национальных чувств защитников Берлина также создаст перелом в войне.

Геббельс как всегда на подхвате, и оборону Москвы он называет **«оптимистическим примером»**. Он вызывает к себе генерала Власова, чтобы расспросить его о мероприятиях, которые при защите Москвы осуществлял Сталин. Власов произвел на него очень благоприятное впечатление. Состоялся подробный разговор.

1 марта 1945. Он *(Власов)* считает, что Россия может быть спасена, только если она освободится от большевистской идеологии и усвоит себе идеологию, подобную той, которую имеет немецкий народ при национал-социализме. Он охарактеризовал мне Сталина как чрезвычайно хитрого человека, поистине иезуита, ни одному слову которого нельзя верить. До начала войны большевизм имел среди русского народа сравнительно немного сознательных и фанатичных приверженцев. Но Сталину удалось при нашем продвижении по советской территории превратить войну против нас в священное дело отечества, что имело решающее значение. Власов описал мне дни в Москве во время угрожающего окружения поздней осенью 1941-го. Все советское руководство потеряло тогда самообладание, и лишь Сталин оказался тем, кто был упорен в своем сопротивлении, даже когда он терпел поражение. Ситуация была тогда примерно почти такой же, как сейчас у нас. Но ведь у нас есть фюрер, который провозглашает сопротивление любой ценой и постоянно побуждает к этому всех остальных.— *Схожесть ситуации и схожесть в ней фюрера со Сталиным воодушевляет Геббельса.*— Разговор с генералом Власовым весьма ободрил меня. Я узнал из этого разговора, что Советскому Союзу пришлось преодолеть такие же точно кризисы, как те, что мы должны преодолеть сейчас, и что из этих кризисов всегда есть выход, стоит только решиться не поддаваться им.

Геббельс решает, что нужно объявить второй призыв в фольксштурм, формировать женские батальоны. Заимствуя опыт Сталина, он полагает, что можно создать особые подразделения из заключенных. «Как мне сообщил генерал Власов, тогда во время обороны Москвы это исключительно оправдало себя. Тогда Сталин спросил его, готов ли он сформировать дивизию из заключенных. Он ее сформировал с тем условием, что за отважные подвиги он сможет даровать амнистию. Дивизия заключенных дралась исключительно. Почему в нынешнем тяжелом положении это не может быть осуществлено и у нас».

Во время этого разговора еще раз было повторено Власовым: «Даже данному Сталиным слову нельзя верить. Сталин чрезвычайно хитрый, лукавый крестьянин, который действует по принципу: цель оправдывает средства». Однако такая характеристика подводит Геббельса к заключению в пользу Сталина. «Как ничтожен, к примеру, в сравнении с ним дуче».

Геббельс испытывает почтение перед силой, и сейчас ее олицетворяет для него Сталин.

«Мы бы достигли очень многого в нашей восточной политике, если бы мы уже в 1941 и 1942 годах действовали на тех основаниях, которые отстаивал Власов» (Геббельс имеет в виду прокламацию Власова, обращенную к

советским солдатам). И соображение, высказанное Власовым в беседе, и готовность Геббельса согласиться с ним прозвучали тогда, когда под ногами обоих собеседников горела земля. К тому же Власов, казалось бы, мог уж давно понять, что окрепшая Россия, пусть и национал-социалистическая (как он желал бы), ни в коем случае не нужна нацистской Германии. Что любая российская государственность была исключена. И что политика нацистских завоевателей в России была органичной для них и другой не могла быть по отношению к «низшей расе» — славянам, чьей землей они поставили себе целью завладеть, поработив и истребив коренное население. И уж кто, как не Власов, чьи вербовщики разъезжали по лагерям военнопленных, знал, что там творится. Какому злодейскому надругательству намеренно, в отличие от других узников, подвергаются именно советские военнопленные, обреченные на вымирание от голода, издевательств, избиений, расстрелов. Здесь не было ничего стихийного — все это планировалось заранее и было в системе нацистской политики. Воевать на стороне Гитлера означало воевать против России.

«НА ФРОНТЕ НА ОДЕРЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН»

Почта не работает, нарушена деятельность железных дорог. Из-за потери восточных областей с каждым днем снижается продовольственный рацион. На пороге голод. Особые трудности в Берлине с энергией. Нет горючего. «Мы теперь, как верно заметил Шах *(заместитель гауляйтера)*, едва в состоянии зарядить наши зажигалки».

2 марта 1945. Воздушная война справляет и дальше свои бешеные оргии. Мы, напротив, полностью беззащитны. Империя постепенно превращается в абсолютную пустыню.

Воздушной войной Германия обрушилась на Англию, Голландию, Россию... Ее жертвой должны были пасть Лондон, Москва, Ленинград.

8 июля 1941-го дневник Верховного главнокомандования вермахта зафиксировал: «Фюрер категорически подчеркивает, что он намерен сровнять Москву и Ленинград с землей». И Геббельс вторил ему: «Мы и дальше не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом» (10.9.1941).

Теперь воздушная война со всей беспощадностью переместилась в небо Германии.

4 марта 1945. На фронте на Одере без перемен. У Цобтена все советские атаки отбиты, а в Герлице мы имели, хоть и скромный, все же успех. Фюрер посетил на Восточном фронте корпус... Воздействие от посещения фюрера на офицеров и войска огромное.

Фюрер считает, что если бы он «сам не явился в Берлин и не взял бы все в свои руки, мы бы сегодня стояли уже на Эльбе». Ведь все еще действует, хотя и ослабленно, магическая формула: где фюрер, там победа.

«Его *(фюрера)* военное окружение ниже всякой критики. Он характеризует теперь Кейтеля и Йодля... что они устали и износились и в нынешнем критическом бедственном положении никаких решений крупного масштаба предложить не могут».

Для пресечения «распространяющегося непослушания» генералитета Гитлер спешно учреждает летучие военно-полевые суды, вменив им каждый случай тотчас расследовать, выносить приговор и виновных генералов расстреливать. И Гитлеру доложили уже о приговоре и смертной казни генерала. «Это по крайней мере луч света,— восклицает в дневнике Геббельс.— Только такими мерами мы можем спасти рейх».

Геббельс, побывавший в войсках генерал-полковника Шернера, доложил Гитлеру о его «радикальных методах»: «для поднятия морального состояния войск» он повесил немало немецких солдат. «Это хороший урок, который каждый учтет»,— записал, услышав одобрение фюрера, Геббельс.

Но это бесчинства генералов и властей рейха, проигрывающих войну и мстящих солдатам.

Маршал Жуков в упоминавшейся мной беседе очень высоко оценил немецкую армию — солдат и офицеров. «Таких солдат и офицеров никогда не было,— сказал он.— И они ведь до последнего воевали. Сопротивлялись. Вот уже капитуляция, а они решают сдаваться не нам, а союзникам и уходят организованно, пробиваются».

В вермахт мобилизованы шестнадцатилетние, призваны в фольксштурм мужчины всех возрастов, формируются в Берлине женские батальоны. «Надо их расположить на второй линии; тогда бы у мужчин пропала охота ретироваться с первой линии»,— пишет Геббельс.

Повсюду вылавливаются дезертиры, прочесываются поезда с отпускниками. Издан 7 марта приказ: солдаты, попавшие в плен, «не будучи раненными, или при отсутствии доказательств, что они боролись до конца», будут казнены, а их родственники арестованы.

Гитлер досадует, что Германия не вышла из Женевской конвенции, как настаивал Геббельс. Тогда бы солдаты и население «не ожидали со стороны англо-американских войск гуманного обращения», сопротивление их было бы упорнее, и на Западе дела, вероятно, были бы существенно иными. Заимствуют ли они пример Советского Союза, не подписавшего Женевскую конвенцию, или сами додумались в дни поражений? «Впрочем,— замечает в дневнике Геббельс,— фюрер убежден, что он приблизительно за восемьдесять дней залатает снова дыры на Западе».

Однако на Западе продолжается отступление немецких войск.

«Передо мной приказ маршала Конева,— диктует 2 марта дневник Геббельс.— Конев в этом приказе высказывается против грабежей советских солдат в германских восточных областях, прежде всего — запасов водки. Они напиваются до потери сознания, переодеваются в цивильное, напяливают шляпу или цилиндр и разъезжают на велосипедах. Конев приказывает командирам повести строжайшую борьбу с таким разложением в советских частях». Характеристика событий, которая содержится в приказе, поджоги и другие факты дают представление о происходящем, считает Геббельс. «Мы получаем ужасные сведения с Восточного фронта»,— о бесчинствах советских солдат, об изнасилованиях.

В этой связи генерал Гудериан — он в должности начальника генерального штаба сухопутных сил — обратился к мировому общественному мнению. Но мир, к этому времени ужаснувшийся открывшимися злодеяниями в лагерях Освенцима, Майданека с их газовыми камерами, остался глух к жалобам немецких военных властей.

Свойственной Геббельсу нервной злости это не вызвало. Судя по дневнику, такие дела на Восточном фронте в определенном смысле устраивают циничного Геббельса. Население боится прихода советских войск, избегает контакта с ними, устремляется на запад. Куда хуже в представлении Геббельса обстоит дело на Западном фронте. Союзники вступают в города, не встречая сопротивления. Для людей, ютящихся в развалинах разрушенных бомбами городов, их приход — избавление от кошмара непрерывных бом-

бардировок, от кошмара войны. Для Геббельса же это нестерпимо.

Он негодует: американцы вошли в город с плакатом «Давайте поцелуемся». А один бургомистр сдал город союзникам по телефону. «Совсем новый стиль в войне»,— с сарказмом отмечает Геббельс.

А каково стерпеть: Черчилль, этот закоренелый, ненавистный враг, въехал на танке в разрушенный его авиацией город.

«Вервольф» («Оборотень»), подпольную террористическую организацию, официально возглавляет Борман, но Геббельс норовит перехватить руководство. И террористы действуют на Западе против немецких должностных лиц, сотрудничающих с союзниками. В занятом англо-американскими войсками Аахене убит бургомистр. На очереди президент полиции.

С особой пристальностью следит Геббельс в первую очередь за событиями на Западном фронте, хотя он еще в 240 километрах от Берлина, тогда как советские войска в угрожающей от столицы близости. Тому находится объяснение. «Монголы,— сказал ему Гитлер,— так же, как сегодня Советы, бесчинствовали в Европе без воздействия на развитие тогдашних политических споров». Что касается Советского Союза, то его нашествие прокатится и откатится назад, чего не скажешь о сопернице Англии. Если западные союзники закрепятся, они не уйдут, останутся. И тогда — конец нашей идее. Потому так зло и нервно сцеплен Геббельс со всем, что происходит на Западе.

5 марта 1945. Вечером я на продолжительном докладе у фюрера... нервная дрожь его левой руки очень усилилась, что я замечаю с ужасом.

Гитлер делится с ним: он надеется выправить положение в Померании и уже направил туда усиленные формирования. Но Геббельс позволяет себе усомниться в дневнике: «Я, правда, опасаюсь, что эти части не смогут эффективно встретить советский натиск». Гитлер считает, что генштаб провел его, но сейчас уже поздно что-либо менять, остается только «латать дыры». «Но для меня непостижимо,— упирается еще какое-то время Геббельс,— как это фюрер, если он имеет такое ясное представление, не может противостоять генеральному штабу; ведь в конце концов он же фюрер, и он отдает приказы». Но запал быстро иссякает, Геббельс привычно склоняется перед фюрером. Хотя на последнем этапе скептически поддеть ослабевшего, нерешительного фюрера, оттенив свои достоинства и

разумение, стало частью его самоутверждения и озабоченности о загробной славе, ради которой не все промахи Гитлера он согласен делить. Но он непоследователен на каждом шагу не только потому, что лицемер по натуре и искренним бывает изредка, но он ведь еще и диктует двум слушателям-стенографам, а заодно корректирует себя перед историей. А главное, при всем том фюрер остается фюрером, единственным гарантом любого решения, его власть над судьбой того пространства, что еще остается за рейхом, единолична, с ним, лишь с ним одним связана пусть зыбкая, но все же надежда на какое-то чудо, на спасение. Геббельс воодушевляется от любой такой надежды. Он остается приверженцем фюрера и, что сейчас еще очевиднее, его пленником, теперь уже буквально. Ему никуда от фюрера не деться.

Он подробно рассказывает фюреру о своей беседе с генералом Власовым, о средствах, которые применялись им по заданию Сталина, «чтобы поздней осенью 1941 спасти Москву. Советский Союз находился точно в такой ситуации, в какой мы находимся сегодня». Фюрер одобрил его план, согласился и с созданием женского батальона. «Имеется множество женщин, которые подают рапорт об отправке их на фронт», и «фюрер тоже того мнения, что они, поскольку идут добровольно, несомненно будут фанатически сражаться».

Парадоксально. Тогда в результате декабрьского отступления под Москвой немецкое командование посчитало в военном отношении войну проигранной. (Так считают и современные немецкие эксперты). Но война продолжалась еще почти три с половиной года и докатилась до Берлина. Теперь Гитлер и Геббельс прожектерствуют, обсуждают, будто заняты планированием командно-штабной игры, используя детали того сражения, «играя» на этот раз «за русских».

Но при этом: «Цель представляется фюреру так: найти возможность понимания с Советским Союзом и с брутальной энергией продолжать дальше войну против Англии».

«ВЫСТОЯТЬ НА НОГАХ»

Фюрер сказал: «Наша задача сейчас должна заключаться в том, чтобы при всех обстоятельствах **выстоять на ногах.** Кризис в лагере противника хотя и возрастает до значительных размеров, но вопрос все же заключается в

Геббельс пожимает руку подростку-солдату, награжденному Железным крестом. Нижняя Силезия, 8 марта 1945 г.

том, произойдет ли взрыв до тех пор, пока мы еще кое-как в состоянии обороняться. А это и является предпосылкой успешного завершения войны, чтобы кризис взорвал лагерь противника до того, как мы будем разбиты» (5 марта).

«Фюрер уверен, что если какая из держав лагеря противника захочет первой вступить с нами в переговоры, это при всех обстоятельствах будет Советский Союз. У Сталина с англо-американцами очень большие трудности...»

Но ближе к развязке Гитлер переориентируется на союзников. А пока что он все о Сталине:

12 марта 1945. Рузвельт и Черчилль должны слишком принимать во внимание общественное мнение. Этой нужды совершенно не имеет Кремль, и Сталин в состоянии за одну ночь повернуть свою военную политику на 180°. Так что нашей целью должно быть — снова отбросить на Востоке Советы и нанести им исключительно высокие потери кровью и материальными ресурсами. Тогда, возможно, Кремль проявит себя в отношении нас сговорчивее. Сепаратный мир с ним, естественно, изменил бы радикально военное положение. Конечно, этим сепаратным миром не

будут достигнуты наши цели 1941-го, но фюрер при этом надеется все же участвовать в разделе Польши и суметь прибрать Венгрию и Хорватию под власть Германии, а также получить оперативный простор для действий против Запада... Какая замечательная перспектива! — *воспламеняется Геббельс.*

Однако эти планы при всей их агрессивности все же похожи в той ситуации на беспочвенную болтовню «пикейных жилетов».

«Я счастлив, что располагаю его полным и безграничным доверием».

Когда советские войска начнут наступление на Одере и будут штурмовать Берлин, Гитлер круто изменит ориентацию. Его надежды будут связаны не со Сталиным, а с западными союзниками, которые, как он рассчитывает, склонятся к переговорам с ним. И для этого, он считал, ему необходим был хоть какой-то временный успех в Берлине, чтобы продемонстрировать силу, способную противостоять продвижению советских войск в глубь Европы.

«ЕСЛИ Б Я БЫЛ ФЮРЕРОМ...»

20 марта 1945. Чрезвычайные трудности готовит нам проблема иностранных рабочих,— *озабочен Геббельс. С одной стороны, рабочие нужны, потому что, как считает Геббельс, даже если Берлин будет окружен, военная промышленность будет продолжать работать.*— Но с другой стороны, столица империи насчитывает примерно 100 000 восточных рабочих (Ostarbeiter). Если они попадут в руки Советов, они через три-четыре дня предстанут боевой большевистской пехотой. Стало быть, мы должны стараться по крайней мере восточных рабочих в случае необходимости изолировать как можно быстрее.

Зная достаточно о Геббельсе и нацистах, можно понять, какая угроза нависла над судьбой «восточных рабочих» в Берлине. Наступление и сам штурм Берлина осуществлялись стремительно, ошеломляя и повергая в растерянность и Геббельса, и исполнителей его зловещих замыслов, и люди, согнанные сюда на рабский труд, уцелели в Берлине.

«Мне представлено генштабом досье, содержащее биографии и портреты советских генералов и маршалов... Эти маршалы и генералы почти все не старше 50 лет. С богатой политико-революционной деятельностью за плечами, убежденные большевики, исключительно энергичные люди, и по их лицам видно, что они хорошего народного корня...

Словом, приходится прийти к неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучшего, чем наш, класса»,— ищет Геббельс объяснение феномену успеха советских войск, их натиска (16 марта).

Послушнейший Геббельс позволяет себе продолжать критиковать в дневнике Гитлера. То в связи с его приказом: «Мы отдаем в Берлине приказы, которые практически вообще не доходят вниз, не говоря о том, выполнимы ли они»; то за то, что Гитлер не решается в такой критический момент выступить по радио с обращением к народу: «У фюрера теперь совершенно непонятный мне страх перед микрофоном».

Одним высказыванием зачеркивая другое, уравновешивая, то сетуя, то льстя Гитлеру, заполняет страницы Геббельс.

Он потрясен, как твердо «берет фюрер дело на себя». Или: «Это прямо-таки удивительно, как фюрер в этой дилемме *(речь о воздушной войне)* постоянно и непоколебимо полагается на свою счастливую звезду... Но ведь он так часто спускался с облаков, как Deus ex machina» (28.3.1945).

Еще двумя неделями ранее Геббельс отметил, что фюрер намерен реорганизовать армию. Он «хочет теперь молодых, проявивших себя на фронте солдат произвести в офицеры, невзирая на то, умеют ли они держать нож и вилку». Одобряя это, Геббельс беспокоится, не поздно ли. Но зуд реорганизации не оставляет в покое и Геббельса. Он занимается, уже в апрельские дни, реформированием отделов прессы, радиовещания с тем, чтобы избавиться наконец от слишком влиятельного шефа прессы Дитриха.

Соображения престижа, карьеризм и в этой отчаянной ситуации присущи нацистским лидерам. Даже Геббельс заметил курьезность этого, коль скоро речь о его сопернике — министре по делам оккупированных восточных территорий, «колонизаторе России» Розенберге.

«Рейхсминистр Розенберг все еще противится роспуску восточного министерства. Он называет его теперь не министерством оккупированных восточных территорий, поскольку это воспринималось бы как гротеск, а восточным министерством. Он хочет в этом министерстве концентрировать всю нашу восточную политику. С теми же основаниями мог бы я учредить западное или южное министерство. Это же бессмыслица. Но Розенберг отстаивает престижную точку зрения и не дает себя убедить, что его министерство очень давно пало».

Но и поведение Геббельса носит нередко клинический характер. Он сам недалек от признания этого: «Мы живем в такое сумасшедшее время, что человеческий рассудок совершенно сбит с толку» (2 апреля).

Когда стало известно из сообщений Юнайтед Пресс, что весь золотой запас Германии и художественные сокровища (в том числе Нефертити) попали в руки американцев в Тюрингии, он вскричал в неистовстве: «Если б я был фюрером, я знал бы, что следует делать... Сильная рука отсутствует...»

Оказывается, дело в том, что он «всегда настаивал, чтобы золото и художественные сокровища не вывозились из Берлина».

И он, комиссар обороны Берлина, так безрассудно представляющий себе Берлин наиболее безопасным местом, 8 апреля (!) предпринял неудавшуюся попытку переправить сокровища из Тюрингии в Берлин.

Он давно живет со сбитым с толку рассудком, подчиненным фюреру, атрофированным, замененным в е р о й в фюрера: «Я надеюсь, он овладеет этой ситуацией» (8 апреля).

А в последних продиктованных записях дневника зафиксировано: «...если взглянуть на карту, то видно, что рейх представляет собой сегодня узкую полоску» (9 апреля).

«ЧУДО СВЕРШИЛОСЬ!»

Готовясь к войне с Советским Союзом, Геббельс, выполняя распоряжение фюрера, в ряду осуществляемых им репрессий расправился с поощряемыми им отчасти астрологами, магнитопатами, предсказателями, ясновидцами. Почему так? — спросила я у президента ассоциации парапсихологов Сергея Вронского, он как раз в ту пору, в 1941-м, изучал астрологию и медицинскую магнитопатию в берлинском университете. Он пояснил: научные изыскания кое-кого из ученых специалистов сводились к тому, что Германию ожидают тяжелые испытания с катастрофическими последствиями. Надо было пресечь распространение в народе подобных мрачных предсказаний и их носителей. А заодно и всех остальных, позволяющих себе самостоятельно то или иное предрекать.

Геббельс, обеспечивший этим людям горькую участь, отметил тогда с издевкой: «Удивительное дело, ни один ясновидец не предвидел заранее, что он будет арестован.

Плохой признак профессии» (13.6.1941). Только фюреру с его прославляемой Геббельсом интуицией подвластно видение грядущих дней. Больше никто не смеет вступать на одну с ним стезю, вносить свои варианты предсказаний или дублировать фюрера, тем более пророчествовать и смущать народ. Так что с этим было покончено.

Но последнее время внесло неожиданные коррективы. Геббельс то пересказывал, то читал вслух Гитлеру страницы книги Карлейля «История Фридриха II», духовное сродство с которым фюрер старался внушить своим соотечественникам. «Мы должны быть такими, каким был Фридрих Великий, и так держаться. Фюрер полностью единодушен со мной... Фюрер также стоик и последователь Фридриха Великого». Жизнеописание прусского короля «глубочайше захватывает» Гитлера, особенно то место, где автор уговаривает короля, терпящего поражение в Семилетней войне, решившегося покончить с собой: «Подожди немного, и дни твоих страданий останутся позади. Солнце твоего счастья уже за тучами, и скоро оно озарит тебя». Смерть русской царицы Елизаветы была внезапной и спасительной вестью для короля, избавлением от поражения.

Разволновавшийся Гитлер поинтересовался гороскопами. И два главных гороскопа, хранившихся в ведомстве Гиммлера, доставили Геббельсу. «Я могу понять фюрера, запретившего занятия такими неподконтрольными вещами. Все же это интересно, что гороскоп республики, как и гороскоп фюрера, пророчат во второй половине апреля облегчение нашего военного положения...— Это в дневнике под датой 30 марта, ровно за месяц до самоубийства Гитлера.— Для меня такие астрологические предсказания не имеют никакого значения,— признается Геббельс.— Но я все же намереваюсь их использовать для анонимной и замаскированной гласной пропаганды, потому что в такое критическое время большинство людей хватается за любой, пусть и столь слабый якорь спасения».

Министр пропаганды намерен использовать эти астрологические предсказания и для поднятия духа Гитлера. В убежище фюрера они вдвоем приникнут к гороскопам, и Гитлер убедится, что гороскопы сулят ему во второй половине апреля 1945-го, после периода поражений, перелом в событиях, военный успех. Но откуда прийти ему? Казалось бы, неоткуда ждать обещанного, остается надеяться на чудо. О «чуде», вернее о секретном «чудо-оружии», кричит геббельсовская пропаганда. Оно вот-вот вступит

в действие, его невиданная сокрушительная сила повергнет в прах противника, изменит ход войны в пользу Германии, погонит советские армии и будет преследовать их вплоть до Урала. Хотя они-то оба знают, что этого немецкого «чудо-оружия», под которым подразумевается оружие атомное, не существует. Это же подтвердит в Нюрнберге министр вооружения Шпеер. Он скажет: из-за того, что Германия лишилась виднейших ученых, уехавших в Америку, «мы очень отстали в данном вопросе. Нам потребовалось бы еще один-два года для того, чтобы расщепить атом». Главный обвинитель от США Джексон спросит: «Значит, сообщения о новом секретном оружии были весьма преувеличены для того, чтобы поддержать в немецком народе желание продолжать войну?» Шпеер ответит: «Да, в последнюю фазу войны это было действительно так».

Но Геббельс тотчас приступил к новой пропагандистской программе с опорой на чудо. «Фюрер сказал, что уже в этом году судьба переменится и удача снова будет сопутствовать нам... Подлинный гений всегда предчувствует и может предсказать грядущую перемену. Фюрер точно знает час, когда это произойдет. Судьба послала нам этого человека, чтобы мы в годину великих внешних и внутренних испытаний могли стать свидетелями чуда...» — предвосхищал его Геббельс в своем выступлении по радио. Массовый психоз ожидания чуда распространился среди населения.

«Умерла царица Елизавета, и для Бранденбургской династии свершилось чудо»,— заключает Карлейль. Чья же смерть на этот раз спасет третий рейх и Гитлера? «Судьба располагает многими возможностями»,— заметил на этот счет Геббельс. Это было сказано им днем 12 апреля. А поздним вечером Геббельсу стало известно о внезапной смерти Рузвельта. Ликованию Геббельса не было предела. Нет и в помине скептического отношения к гаданию по звездам. Куда там! **Чудо свершилось!** «Мой фюрер! Я поздравляю вас,— в экстазе кричал он по телефону, сообщая о смерти Рузвельта.— Звезды предсказали перелом для нас в событиях, военный успех во второй половине апреля. Переломный момент свершился!»

В столице полыхали пожары. И, как каждую ночь, сигналы тревоги извещали о приближающихся к Берлину английских самолетах.

На другой день, 13 апреля, советские войска овладели Веной.

Но Гитлер заклинал в приказах: «В данный момент,

когда судьба убрала с этой земли военного преступника всех времен, произойдет поворот в этой войне в нашу пользу...»

«МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР»

Вел ли Геббельс дневник и после 10 апреля — остается загадкой. Как знать, может, еще обнаружатся дополнительные страницы. Трудно представить себе, что он бросил вести дневник в эти дни. Оставалось еще три недели нарастающей безысходности, отчаяния, конца. Даже Борман, у которого не было на то навыка, в это крайне напряженное время регулярно делает краткие записи — нечто вроде дневника. В январе он отмечает кое-что из своих личных дел вперемежку с обстановкой на фронтах: «Был с женой и детьми в Рейхенхалле для осмотра грибного хозяйства (шампиньоны)... Утром большевики перешли в наступление». И на другой день: «Воскресенье 14 января. Посещение тети Хесхен». Но дальше семейная хроника вытесняется сообщениями о павших городах, о разрушениях в Берлине от налетов авиации. «Суббота 20 января. В полдень — положение на Востоке становится все более и более угрожающим. Нами оставлена область Вартегау. Передовые танковые части противника находятся под Катовицами». «Суббота 3 февраля. В первой половине дня сильный налет на Берлин, пострадали от бомбардировок: новая имперская канцелярия, прихожая квартиры Гитлера, столовая, зимний сад и партийная канцелярия. Бои за переправы на Одере». Налеты на Дрезден, наступление американцев на Веймар. «Русские под Кюзлином и Шлаве», «Глубокие прорывы в Померании... На Западе остался только один плацдарм» (4 марта). «Англичане вступили в Кёльн. Русские в Альтдамме!!!» (8 марта). Отмечает Борман также отстранения и перемещения Гитлером видных фигур. Начальник генштаба сухопутных войск Гудериан «отправлен в отпуск» Гитлером в связи с тем, что не удалось скинуть войска Красной армии, форсировавшие Одер, с занятого ими кюстринского плацдарма. Отстранен стараниями Геббельса шеф прессы Дитрих. «Русские танки под Винер-Нейштадтом» (1 апреля). «Большевики под Веной. Американцы в Тюрингской области» (5 апреля).

Все ближе к Берлину. И наконец в середине апреля запись со всплеском восклицательных знаков: «Большие бои на Одере!», «Большие бои на Одере!», «Большие бои на Одере!!»

Германское командование было уверено, что советские армии будут на Одере остановлены неприступностью этого рубежа, созданного самим рельефом. И со стороны Одера прорыва русских не ждали. «Я твердо верил, что Берлин будет спасен на берегах Одера,— говорил Гитлер летчице Ганне Рейч в последних числах апреля. (О ее появлении в «фюрербункере» я расскажу ниже.) — Мы послали все, что имели, чтобы удержать эту позицию. Поверьте, что, когда наши наибольшие усилия не привели ни к чему, я был больше всех поражен ужасом».

16 апреля наступление на Одере началось.

Маршал Жуков, командовавший им, признает в своей книге, что при решении вопроса об этой операции была допущена оплошность — недостаточно уяснен характер местности. Ценой несчитанных жертв танконеприступные откосы были все же преодолены. Советские войска вступили на плато, открывавшее путь на Берлин со стороны Одера.

В Берлине началась паника.

Давно, еще четыре года тому назад, 20 марта 1941-го, Геббельс записал: «Я отправил мои дневники, 20 толстых тетрадей, в подземную сокровищницу имперского банка. Они слишком ценны, чтобы стать жертвой какого-нибудь воздушного налета. Они отражают всю мою жизнь и наше время. Если судьба даст мне еще пару лет, я переработаю их для грядущих поколений». Он извлек их оттуда, и теперь главной заботой министра пропаганды и комиссара обороны Берлина было, чтобы при всех обстоятельствах его дневники уцелели.

И по секретному заданию Геббельса в министерстве пропаганды его старший стенограф Рихард Отте[1] спешно микрофильмировал бесчисленные страницы дневников.

Берлин больше не казался Геббельсу самым надежным обиталищем для сокровищ рейха. Недавно он негодовал, что вопреки его настояниям из Берлина их вывезли в Тюрингию, и принимал несостоятельные меры к их возврату в Берлин. И это неделю назад! Теперь же он и не помышлял оставить свое сокровище — дневники — в Берлине. Они должны быть секретно вывезены в безопасные, надежные тайники.

Если в самом деле дневник его обрывается 10 апреля: ведь и диктовать некому (а от руки писать отвык) — сте-

[1] Отте в 70-е годы был вместе со вторым стенографом привлечен к идентификации расшифрованных ими машинописных страниц.

нографы по горло заняты работой по обеспечению тайного хранения дневников, то в оставшиеся дни за Геббельса и о нем рассказывают сами события и их очевидцы.

8 апреля Магда Геббельс приехала из Шваненвердера, где она находилась с детьми, в Берлин навестить мужа. «Несколько меланхолический вечер...— записал он.— Одно за другим вваливаются в дом дурные известия. Иногда спрашиваешь себя с отчаянием: куда все это должно привести?»

В этот меланхолический вечер вслух или молча они не могли не задаваться вопросом, что будет с их детьми, все еще беспечно живущими в Шваненвердере. Их диалог об этом начался уже давно.

Хоххут приводит записи из дневника Вильфреда фон Овена, пресс-референта Геббельса, его верного сотрудника. Он записал 21 января: Магда Геббельс сказала ему, что они с мужем уже давно решили, что покончат с жизнью. Но что она еще не может прийти к решению о судьбе детей, хотя и страшится оставлять их на беззащитное, бесправное будущее и возможную месть как детям Геббельса. Из записи фон Овена видно, что Геббельс и ее, как и фюрера, пичкал примерами из жизни Фридриха Великого по Карлейлю, призывая ее быть вровень с героическим мужеством великого прусского короля, готового расстаться с жизнью, понеся поражение. Фрау Геббельс ответила мужу, как пишет Овен: «Но Фридрих Великий был бездетным».

29 января фон Овен записывает: «Фрау Геббельс плачет теперь безудержно. Она все время не может еще прийти к какому-либо решению о судьбе своих детей». И, само собой, он не признается жене Геббельса, что еще в августе 1943 года был посвящен своим шефом в его намерение в случае поражения убить детей и что при этом «его мысли,— записал фон Овен,— были направлены на эффект перед историей». Подобных признаний в дневнике Геббельса нет.

Дневники должны быть во что бы то ни стало сохранены, дети — уничтожены. Это то, к чему вплотную подошел Геббельс.

«ТАК КАК ВСЕ КОНЧЕНО»

Прорыв на Одере вызвал смятение в ставке Гитлера. Гитлер намеревался перевести ставку в Берхтесгаден (Обер-

зальцберг), в свою загородную резиденцию, где, как ему поначалу казалось, он будет в безопасности и сможет руководить действиями армий. Уже переправлены самолетами отдельные службы и архивы, улетели один из секретарей Гитлера, его стоматолог профессор Блашке и личный врач Морелль, с которым Гитлер не расставался, постоянно нуждаясь в его возбуждающих препаратах. Все это говорит, казалось бы, об устойчивости его решения. В папках Бормана — я разбирала их в подземелье имперской канцелярии в первые дни капитуляции Берлина — были среди других бумаг тексты его радиограмм адъютанту Хуммелю, находившемуся уже в Берхтесгадене, распоряжения о подготовке к размещению прибывающих служб.

В дневнике Борман помечает: «Пятница 20 апреля. День рождения фюрера, но, к сожалению, настроение не праздничное. Приказ — отлет передовой команды». На другой день советские войска вступили на окраину Берлина, и снаряды дальнобойной артиллерии рвались уже в центре города. «Пополудни начался артиллерийский обстрел Берлина»,— помечает Борман. В этот день Гитлер отдал приказ генералу войск СС Штейнеру собрать под свое командование всех солдат в Берлине и ударить контратакой по наступающим советским войскам. «Каждый командир, который уклонится от выполнения приказа и не бросит в бой свои войска, поплатится жизнью в течение пяти часов». Язык приказов Гитлера стал языком угроз и расправы.

22 апреля, когда эфир гудел радиограммами Бормана, извещавшими о прибытии фюрера в этот день в Берхтесгаден, на военном совещании, которое ежедневно проводилось в бункере Гитлера, было доложено, что контрудар не состоялся. Генералы посчитали, что главнокомандующему Гитлеру следует покинуть Берлин, чтобы немецкие войска могли отступить — столице угрожает окружение. И, оставаясь в отрезанном Берлине, Гитлер практически не сможет командовать армиями.

Ярость, истерика, выкрики об измене, угроза самоубийства — такой была реакция Гитлера.

Он прервал совещание, велел соединить его по телефону с Геббельсом.

Адъютант Гитлера от СС Отто Гюнше дальнейшее излагает так: «Через несколько минут, ковыляя, вошел Геббельс, он был крайне взволнован». Его немедленно провели в кабинет фюрера, где состоялась их беседа. Когда он вышел из кабинета, его обступили генералы, Борман и другие. Геббельс сказал, что фюрер совершенно разбит,

таким он его никогда не видел. И добавил о том, «как был напуган, когда фюрер прерывающимся голосом сказал ему по телефону, чтобы он немедленно с женой и детьми перебрался к нему в бункер, **так как все кончено»**.

Последней радиограммой в этот день адъютанту Хуммелю в Берхтесгаден Борман распорядился: «Вышлите немедленно с сегодняшними самолетами как можно больше минеральной воды, овощей, яблочного сока и мою почту». Из этого следовало, что прибытие в Берхтесгаден по меньшей мере отложено.

«НО ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ БЫЛ БЕЗДЕТНЫМ»

Позже, уже арестованный союзниками, Йодль на допросе рассказал, что в тот день, 22 апреля, выйдя из кабинета растерянного фюрера, Геббельс спросил у него, можно ли военным путем предотвратить падение Берлина. «Я ответил, что это возможно, но только в том случае, если мы снимем с Эльбы все войска *(стоящие против англо-американских сил)* и бросим их на защиту Берлина». Геббельс посоветовал ему доложить эти соображения фюреру. Фюрер согласился с Йодлем и распорядился: Кейтелю и Йодлю лично руководить контрнаступлением и с этой целью выехать за пределы Берлина. Вместе с ними Берлин оставило все верховное командование со своими штабами. В ставке Гитлера оставались представители от родов войск да Борман и Геббельс.

Объявленное Гитлером решение остаться в Берлине воспринималось генералами высших штабов как демонстративный жест, прикрывающий неспособность Гитлера продолжать руководить войсками. И в нарушение военной традиции Гитлер, главнокомандующий, устранялся от ответственности за дальнейший ход боевых действий, возлагая ее на них.

При приближении советских войск немалая часть немецкого населения, бросая свои жилища, устремлялась на запад. Вся нацистская верхушка позаботилась, чтобы их семьи оказались на западе в расчете на более цивилизованное обращение с ними там союзников. И Борман, оставаясь при Гитлере в подземелье имперской канцелярии, переправил из Берлина жену в том же направлении и с тем же расчетом.

Но у Геббельса был свой расчет — «на эффект перед историей», как записал фон Овен. Он не был фанатиком, как иногда ошибочно судят о нем. Фанатичным было его пылающее, неугомонное тщеславие. И семья приносилась ему на заклание.

Когда 13—14 февраля страшнейшему налету англо-американской авиации подвергся Дрезден (60 000 убитых, разгромлена, опустошена центральная часть города, уничтожен Цвингер) и Гитлер, получив письмо от своей сводной сестры фрау Раубал, пережившей эти немыслимые дни и ночи, отозвался о ней с похвалой, Геббельс, не стерпев мгновенного укола ревности, тут же вставил: «А Магда решила при всех обстоятельствах остаться в Берлине». Хотя это еще не было окончательно улажено с нею и его ссылкам на Фридриха II противостояло ее: «Но Фридрих Великий был бездетным».

Но в марте Магда Геббельс, видимо, продвинулась к решению, на котором настаивал муж.

Начальник личной охраны Геббельса Вильгельм Эккольд на допросе в мае 1945-го рассказал, что в конце марта, когда советские войска уже находились на левом берегу Одера и угрожали своей близостью Берлину, жена и дети Геббельса жили в Шваненвердере, в 10 километрах от Берлина, в своем поместье.

«Примерно 31 марта я был вызван туда женой Геббельса по вопросу усиления охраны имения. В разговоре со мной и своей матерью она сказала, что в том случае, если военные действия будут развиваться неблагоприятно для немецкой армии, они переедут в Берлин, перейдут на жительство в бомбоубежище фюрера и останутся там до последнего момента, а может быть даже и умрут, если это понадобится. Жена Геббельса сказала, что у нее есть сильнодействующий яд, который она примет в критическую минуту. Мать жены Геббельса поддержала ее в этом решении».

Это было за шестнадцать дней до начавшегося наступления на Одере, к 21 апреля перешедшего в штурм Берлина.

22 апреля, через три недели после состоявшегося разговора, приведенного Экксльдом (публикуется впервые), дети сошли в подземелье, в «фюрербункер», откуда их вынесли советские солдаты мертвыми.

Сколько я знала случаев в войну, когда при жуткой расправе в деревнях за связь с партизанами или за другие

провинности перед немецкой армией женщины под расстрелом закрывали своим телом ребенка. Мне случалось видеть спасенную сироту. Женщины всех наций, брошенные с детьми в концлагеря или в гетто, старались переправить за проволоку ребенка — только бы был жив и, может, чья-то добрая душа отзовется, пригреет, не отшвырнет. А тут у шестерых детей и мать, и бабушка, и самолеты к их услугам: доставят в зону, где в случае нужды можно встать под защиту Красного Креста и где, под западными оккупантами, дети, мать и бабушка останутся живы. Но фанатизм сламывает человеческий, материнский инстинкт, и даже бабушка с одобрением отправляет дочь на самоубийство, внуков — на смертную расправу родителей. (Где-то писали, что бабушка осталась жива и справлялась о могилах внуков.)

ПРИКАЗ ГИТЛЕРА О «ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛЕ»

Когда я уходила в армию в начале октября 41-го, вблизи от моего дома в Москве, у Белорусского вокзала, были противотанковые надолбы, ощетинившиеся ежи — так близок был бой. По малолюдным улицам проходили вооруженные рабочие дружины. На Садовом кольце — баррикады и снова ежи, надолбы. Москва готовилась сражаться на улицах.

Тогда Гитлер заявил, что русские армии «полностью уничтожены».

Теперь такие надолбы, ежи, как в осенние дни 41-го в Москве, стояли заслоном на окраине Берлина, а советские танки уже прорвались в городские улицы.

22 апреля появился последний опубликованный приказ Гитлера:

«Запомните:

Каждый, кто пропагандирует или даже просто одобряет распоряжения, ослабляющие нашу стойкость, является предателем! Он немедленно подлежит расстрелу или повешенью!

Это имеет силу также и в том случае, если речь идет о распоряжениях, якобы исходящих от гауляйтера, министра д-ра Геббельса или даже от имени фюрера.

Адольф Гитлер».

Скоротечная, беспощадная расправа поджидала каждого немца, заподозренного в том, что он недостаточно проникся фанатизмом и слепой верой в победу немецкой армии. На

улицах Берлина всем на устрашение вешали солдат (фотографии сохранились).

Тысячи немцев обречены были бессмысленно погибать в страданиях: солдаты и фольксштурмовцы — в уличных боях, исход которых предрешен, население — от снарядов и бомб, под обвалившимися домами. Когда 29 апреля мне пришлось с группой военных пробираться к центру, куда переместились главные очаги сражения, мы, чтобы не попасть под огонь, старались миновать часть пути подвалами, тянувшимися иногда на целый квартал. Они служили бомбоубежищами для населения. Услышав немецкую речь, измученные люди, лишенные воды и пищи, обступали меня, спрашивали, когда же конец этой муке, этому кошмару.

Донесения о безнадежности положения тех, кто сражается на улицах столицы, о бедствиях, переживаемых населением, скопились в той же папке Бормана, где его радиограммы адъютантам. Такие же донесения должны были стекаться к Геббельсу — комиссару обороны Берлина и партийному руководителю столицы. Но в дни величайшей катастрофы немецкого народа виновники его бед были совершенно глухи к тому, что переживают люди, и никакой ответственности перед ними не испытывали.

«Моя историческая миссия», «Я возложил на себя ответственность за мой народ»,— постоянно повторял Гитлер. «Фюрер — это Германия»,— надсаживалась геббельсовская пропаганда. «За вас думает фюрер, ваше дело лишь выполнять приказ».

Ложью были заверения Гитлера, подхваченные Геббельсом, что фюрер живет только мыслями о благе народа. Он — маньяк. Власть над народом, над Германией, господство над миром любыми средствами — это двигало неистовством его мании.

«Когда мы победим, кто спросит с нас о методе? — сказал он Геббельсу за неделю до нападения на Советский Союз.— У нас и без того столько на совести, что мы должны победить, иначе наш народ и мы во главе со всем, что нам дорого, будем стерты с лица земли».

Близится поражение, оно сотрет с лица земли Гитлера и соучастников преступлений. Но покуда это произойдет, он обрушивается с ненавистью: немецкий народ обманул его надежды. Он отдает приказ о «выжженной земле», как это было при отступлении в России в 1943-м, но теперь речь о немецкой земле. Раз грядет поражение — опустошать, разрушать города. Министр вооружения и любимый его архитектор Шпеер возразил ему, что это означает

лишить немецкий народ средств к существованию. «Нет нужды принимать во внимание то, в чем народ нуждается для продолжения жизни,— распорядился в ответ Гитлер.— Наоборот, лучше все это самим уничтожить, так как немецкий народ доказал свою слабость... После поражения остаются только неполноценные...»

В эти трагические часы немецкие солдаты сражались с высокой стойкостью и самоотверженностью, верные присяге и все еще надеясь на чудо-оружие, на фюрера, страшась плена и расправы эсэсовцев при отходе с позиций.

На советской стороне в Берлине сражались солдаты, знавшие гнет поражений, безысходность окружения, плена, ярость и воодушевление на победных полях сражений.

Одним часы отстукивали неизбежное поражение, другим — близость победы. Те и другие были всего лишь смертны и погибали в тягчайших боях на улицах Берлина.

«В УГЛУ СИДЕЛИ ПРИТИХШИЕ ДЕТИ»

23 апреля берлинская радиостанция передала, что фюрер в столице. Ведь еще действовала на немцев магия его присутствия.

Я слышала это сообщение по радио, еще находясь в Познани. Но так ли это? Может, сказано всего лишь для поднятия духа гарнизона и населения Берлина? «Где фюрер, там победа»,— годами внушал немцам Геббельс и его пропаганда.

Но Гитлер был в Берлине, в новом, только что достроенном для него бункере, куда перебрался 21 апреля. Бункер был связан подземными переходами с бомбоубежищем под имперской канцелярией, где Гитлер до того находился, но был выдвинут в сад и имел запасной выход тоже в сад, чтобы, если рухнет под бомбами массивное здание рейхсканцелярии, фюрер не остался бы под обломками, смог выбраться.

Когда мы вошли в этот сад, около запасного выхода из бункера стояла бетономешалка, несколькими днями ранее еще велись работы по укреплению бункера.

Хронику событий последних дней перед падением Берлина и подробнее в самом бункере, вплоть до самоубийства Гитлера 30 апреля, я постаралась документально

воспроизвести в своей книге «Берлин, май 1945». Сейчас лишь вкратце напоминаю, дополняя всем тем, что имеет отношение к Геббельсу и завершает его жизнь, а вместе с нею и его портрет.

Прежде Гитлер давал названия своим ставкам: «Волчье логово», «Гнездо орла». Теперь это был всего лишь «фюрербункер», как называли его обитатели подземелья под рейхсканцелярией. Примерно 40 ступенек вели вниз в это убежище. По этим ступеням, наверное, с любопытством спускались дети Геббельса в убежище. Странным было здесь их присутствие, их оживление. Они затевали игры, будто находятся в пещере с «дядей фюрером». Будто скоро полетят с ним на самолете отсюда, скроются от бомб.

Каково было Геббельсу находиться постоянно тут на глазах у детей, зная, зачем привел их сюда? Ведь он вроде не был чужд отцовских чувств, умилялся в дневнике, упоминая детей.

Привел сюда семью, выполняя задуманный план или теперь уже и волю фюрера. Все смешалось. Он сам все годы мастерил себе эту ловушку, гоняясь за первым местом возле фюрера.

Тут была сейчас мера послушания и мера обреченности, и экзальтация повседневных славословий фюрера, которые и сейчас были неостановимы и давно сформировали в нем, хоть и при дозе критичности, нерушимый пласт преданности и воодушевления от всевластности своего фюрера и увенчанности успехом его самых дерзких решений. Ну а сейчас, когда ничего не состоялось и катастрофически рушился рейх, что он переживал в этом бункере?

Записей нет. Впрочем, и в прежних он не был ни искренен, ни откровенен. Чаще фальшив. Чего-либо человеческого и по крупицам давно было не вытянуть из его выморочности. Может, он всего лишь энергозаряженный фантом? пущенный безостановочно волчок? Страшно.

25 апреля сомкнулось кольцо окружения советских войск вокруг Берлина. Берлин оказался отрезан от всего того, что еще оставалось рейхом, от ближних и дальних фронтов.

В этот же день на Эльбе с полным дружелюбием друг к другу встретились советские и американские воинские части. Это было ударом по расчетам Гитлера на то, что

соприкосновение англо-американских войск со своим советским союзником неминуемо вызовет между ними конфронтацию, вплоть до военной.

Для Геббельса дополнительным ударом было то, что окружение Берлина и перерезанные пути на Баварию преграждали вывоз ящиков с дневниками для тайного захоронения их где-то в баварских горах. Да и союзники ведь были уже вблизи от них. И, очевидно, за неимением другого решения в какой-то из остававшихся дней эти металлические ящики начали свозиться в подземелье имперской канцелярии.

Следом в фюрербункер пришла телеграмма Геринга. Не ссылаясь на свое намерение вступить в переговоры о мире с англичанами и американцами, он, опираясь на декрет фюрера от 29 июня 1941-го, назначивший его преемником Гитлера, хотел заручиться всей полнотой власти для ведения внутренних и внешних дел страны, так как Гитлер, решив остаться в Берлине, лишился этой возможности.

Заверения в преданности в конце письма не смягчили ярость Гитлера. У него и из окруженного Берлина достало власти разделаться с находившимся в Берхтесгадене Герингом, обвинив его в измене. Геринг был взят под арест, ему был объявлен ультиматум: жизнь ему будет сохранена на условии, что он немедленно откажется от всех своих притязаний, от всех своих чинов и постов. Что и было Герингом выполнено.

Под доносившийся непрерывно грохот разрывов снарядов и бомб известие об измене Геринга, единственного рейхсмаршала, носившего такое высокое звание в третьем рейхе, потрясло обитателей бункера.

Борман записал: «Среда 25 апреля. Геринг исключен из партии. Первое массированное наступление на Оберзальцберг. Берлин окружен!»

Для Геббельса то, что произошло, было неоднозначно. Наконец-то покончено с главным соперником — преемником Гитлера. Но факт измены Геринга говорил о приближающейся развязке.

Раттенхубер пишет, что в своей комнате при полуоткрытой двери Геббельс шагал из угла в угол, размахивая руками, хватался за спинку стула, ударял им об пол, громко ругал Геринга «жирной свиньей» и выкрикивал, что он всегда предупреждал фюрера, чего стоит Геринг.

«В углу сидели притихшие дети»,— пишет Раттенхубер.

Дети были разные и разного возраста. Старшая, Хельга,

любимица отца, была, в сущности, почти взрослой — всего 4 месяца оставалось до ее 13-летия. Биограф Геббельса X. Хайбер пишет к тому же, что она с ранних лет была смышленой, не по годам развитой. Думается, уж никак не для нее были эти детские игры и сказки, будто они в «пещере». Она не могла не воспринимать, как взвинченно и мрачно нагнеталась атмосфера в бункере. Ее сестра Хильда была младше ее на полтора года. А единственному в семье мальчику, Хельмуту, шел 10-й год. Хайбер пишет, что это был неуклюжий, мечтательного склада мальчик, не наделенный отцовским даром проворной сообразительности, и дела его в школе шли неважно. Младше его было еще трое детей, увы, все девочки. Из них старшая, Хильде, отставала в умственном развитии. Самая младшая, Хайде, последняя, родилась в 1940 году.

Все дети, как уже говорилось, в честь Гитлера носили имена, начинающиеся на букву «Н» (Hitler), которая произносится по-русски как X или Г.

«БРОНИРОВАННЫЙ МЕДВЕДЬ»

На поверхности ни днем, ни ночью не стихает бой. Глыбы завалов от рушащихся домов или дико оседающих, выгорая, на пожарищах. Завалы размяты гусеницами наступающих танков. Гремящие взрывы, несмолкающая стрельба, оглушающий гул сражения. Чем ближе к центру, тем ожесточеннее становились бои. Немецкие солдаты, преданные фюрером, упорно бились, отстаивая 9-й сектор обороны столицы — правительственный квартал.

Не было подкрепления, иссякали боеприпасы, а им доставляли тюки с листовками Геббельса с его газеткой «Panzerbär» — «Бронированный медведь» (медведь — эмблема Берлина). Огромный массив прессы, которым заправлял Геббельс, свелся теперь к этой крохотной газетке в 4-6 полос, размером чуть больше тетрадного листа. Да еще к «фронтовым листкам». Один такой «Берлинский фронтовой листок» попал мне в руки: «Браво, берлинцы! Берлин останется немецким! Фюрер заявил это миру, и вы, берлинцы, заботитесь о том, чтобы его слово оставалось истиной. Браво, берлинцы! Дальше так же мужественно, дальше так же упорно, без пощады и снисхождения, и тогда разобьются о вас штурмовые волны большевиков... Вы выстоите, берлинцы! — так бравурно, пошло. И лживо: — Подмога движется!» Это было уже 27 апреля.

Здесь же сообщалось: «Рейхсминистр Герман Геринг, в течение долгого времени страдающий хронической болезнью сердца, вступившею сейчас в острую стадию, заболел». Фюрер удовлетворил его просьбу — освободил его от бремени руководства воздушными силами. И что «накануне фюрер в своей главной квартире в Берлине принял назначенного им нового главнокомандующего генерал-полковника Риттера фон Грейма и обсудил с ним...» и т.д.

Как происходило это новое назначение, запечатлено Ганной Рейч, сопровождавшей фон Грейма.

Ганна Рейч — известная немецкая летчица-испытатель. До сих пор встречаются и у западных, и у наших историков ошибочные утверждения, будто она прибыла в последние дни апреля в бункер Гитлера, чтобы вывезти его на самолете из Берлина. Но все совсем не так и не романтично, а скорее курьезно.

Приказ о назначении главнокомандующего достаточно было отдать по радио. Но Гитлер пожелал, чтобы фон Грейм явился к нему в ставку выслушать о своем назначении. В условиях, когда Берлин окружен, в воздухе повсюду господствует авиация противника, выполнение этого бессмысленного приказа, сопряженного с риском и жертвами,— прихоть диктатора. Для него церемониал — самоутверждение.

Генерал фон Грейм был командиром Ганны Рейч и любимым человеком. Она настояла на том, что полетит с ним. Теряя десятки истребителей сопровождения, сменив в пути на Берлин и свой пострадавший самолет, фон Грейм, пролетая над Бранденбургскими воротами, был ранен в ногу. Подбитый снарядом самолет Ганне Рейч, сменившей его за штурвалом, удалось посадить на магистрали Восток-Запад. С раненым Греймом она прибыла в фюрербункер. О том, что застала в подземелье, что наблюдала за три дня, находясь там, она подробно рассказала, допрошенная американским следователем.

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Много позже, когда все уже было позади, то, что Сталин скрыл факт обнаружения мертвого Гитлера, все еще вынуждало разведки всех четырех союзников, входившие в Контрольный совет по управлению Германией, продолжать доискиваться фактов о смерти Гитлера.

И вот передо мною документ. Ему предпослано письмо

директора разведки США своему советскому коллеге, генерал-майору Сидневу.

«Военное Управление Германии (США)
Управление директора разведки
APO 742

31 октября 1945 года

Дорогой генерал, зная, что Вы разделяете со мной большой интерес в вопросе смерти Гитлера, препровождаю Вам надавно полученный материал, подробно описывающий последние предсмертные дни Гитлера в бомбоубежище. Хотя сведения, содержащиеся в сообщении, дают только описания, все же это сообщение придает лишний вес убедительной очевидности того, что Гитлер, вне всяких сомнений, мертв.

Искренне Ваш

Г. Брайон Конрад,
бригадный генерал США,
директор разведки»

К этому письму приложен обширный допрос американским следователем Ганны Рейч, летчика-капитана (почетный титул, дававшийся за выдающиеся достижения в авиации), от 8 октября 1945 года.

На документе гриф «секретно». Со временем американские историки и журналисты имели возможность полностью или в сокращенном изложении ознакомиться с ним. Сужу по тому, что Уильям Ширер цитирует кое-что из его текста. Но тот, которым я располагаю, еще был в своем первозданном виде с грифом «секретно».

Фон Грейм и Ганна Рейч прибыли в бункер 26 апреля. Фюрер с трясущимися руками, со слезами «жалости к самому себе» поведал им об измене Геринга, о том, что он его покинул и за его спиной установил связь с врагом. «Он направил мне непочтительную телеграмму... Он готов управлять вместо меня из Берхтесгадена... Ничто меня не миновало. Никто не остался верным... нет таких разочарований, какие не пришлись на мою долю; нет измен, каких бы я не пережил, а теперь еще сверх всего это». Овладев собой, он сообщил, что арестовал Геринга, и наконец объявил Грейму, зачем он его вызвал,— о его назначении. Грейм, раненный в этом нелепом рейсе на Берлин, вынужден был лежать, вместо того чтобы находиться в штабе ВВС при деле. Оставаясь около него, Ганна ока-

залась свидетельницей фантасмагорического мира этого подземелья. Все вокруг были истеричны, взвинченны. Впрочем, и сама Ганна Рейч, как пишет Раттенхубер, «производила впечатление фанатической истерички». Но ее показания тем интереснее, что их высказывает еще недавно преданная, фанатичная нацистка, которой пришлось внезапно увидеть лицом к лицу своих вождей и кумиров в роковой ситуации.

Комната, где находилась Рейч, была смежной с кабинетом Геббельса. Дверь кабинета обычно оставалась открытой, и было слышно, как он непрерывно ораторствует наедине с собой, злобно потрясенный изменой Геринга, обвиняя его в военной катастрофе и в их страданиях. Слово «свинья» то и дело неслось по адресу Геринга. «Эта свинья, которая всегда выставляла себя главным помощником фюрера, теперь не имеет мужества быть рядом с ним... он хочет сменить фюрера как главу государства... он никогда не был по-настоящему одним из нас, в душе он был всегда слабым и предателем».

Рейч отмечает, что все это выглядело по-театральному, манерно, с усвоенными жестами и ораторскими приемами. «Нервное скакание, смешная картина. А то, обращаясь к миру, он говорил о том, какой исторический пример дают находящиеся в бункере... Казалось, он ведет себя как всегда, так, будто говорит перед легионом историков, жадно ловящих и записывающих его слово». Они с Греймом, слушая эти тирады, грустно спрашивали себя: «И это те, кто правил нашей страной?»

Рейч и Грейм заявили фюреру, что останутся здесь с ним до конца. Гитлер был тронут и вручил им по ампуле с ядом. Ганна поняла, что это конец и что фюрер осознает, что все кончено. (Позже фон Грейм воспользовался этой ампулой. О его самоубийстве тогда же сообщила «Правда».)

Вместе с тем Гитлер говорил Ганне: «У меня еще есть надежда. Армия Венка идет с юга. Он должен и он отгонит русских». У него дрожали руки, тряслась голова, он передвигался по комнате взад-вперед неверной походкой, и по его лицу, вопреки высказанной надежде, было видно, что пришел конец. Или он сидел, «сгорбившись у стола, водя по испачканной потом карте пуговицы, представляющие его несуществующие армии, как мальчик, играющий в войну».

Что же касается фрау Геббельс, то летчица отдает дань ей «как храброй женщине, большей частью владевшей собой, иногда горько плакавшей». Но при детях она «дер-

жалась мило и весело». Она призналась Ганне: «Если Третья империя не может дальше существовать, она не хотела дать своим детям пережить ее». «Фрау Геббельс часто благодарила Бога за то, что жива и может убить своих детей, чтобы спасти их от «зла», которое последует за поражением». «Они принадлежат Третьей империи и фюреру, и если их обоих не станет, то и для них больше нет места. Но вы должны помочь мне. Я больше всего боюсь, что в последний момент у меня не хватит сил».

В этом месте следователь делает вывод, что «фрау Геббельс была просто одним из наиболее убежденных слушателей «высоконаучных» речей ее собственного мужа и самым резко выраженным примером влияния нацистов на немецкую женщину».

Гитлер, собрав обитателей бункера, на их глазах вручил ей свой золотой знак отличия как истинно немецкой женщине.

«САМОУБИЙСТВЕННЫЙ СОВЕТ»

27 апреля была снаряжена группа для розыска подозрительно исчезнувшего из бомбоубежища генерала войск СС Фогелейна. Он был представителем Гиммлера тут, в ставке. Уже переодетого в гражданскую одежду, готового вот-вот скрыться, Фогелейна задержали в его квартире, в районе, которым с часу на час должны были овладеть советские войска. Доставили в ставку. И высокопоставленный эсэсовский генерал, к тому же женатый на сестре Евы Браун, что и способствовало его карьере, но не помогло в этой ситуации, по приказу Гитлера был расстрелян в саду имперской канцелярии.

Все страшнее становилось от угрожающе усилившегося обстрела рейхсканцелярии, и фюрером был собран «второй самоубийственный совет», как назвала Ганна Рейч это совещание, где речь шла о «массовом самоубийстве». Даны были инструкции, как принять яд, что в ампулах, состоялась «общая дискуссия, каким образом произвести уничтожение человеческих тел после самоубийства. Потом короткие речи с клятвами верности фюреру и Германии. Но сквозь все еще сквозила слабая надежда, что Венк продержится достаточно, чтобы дать возможность уйти».

Снаряды рвались на перекрытии бункера, его сотрясало, и напряжение обитателей бункера доходило до предела.

Наложенной связи с выехавшим из Берлина командованием не было. Связь по радио чаще была нарушена, не-

надолго восстанавливалась, и вновь антенны под непрерывным обстрелом выходили из строя. Что происходило за пределами Берлина, а вернее — самого бункера, сколько-нибудь достоверно известно не было. И пользовались сведениями противника, передаваемыми по радио агентством Рейтер и другими станциями. Так стало известно, что Гиммлер изменил и, отстранив фюрера, назвав его недееспособным в настоящий момент, через Швецию пытается вступить в переговоры о капитуляции Германии перед западными союзниками.

Это известие повергло Гитлера в бешенство. Рейч сказала, что он «бесновался, как сумасшедший». В бункере все кричали и плакали — «все смешалось в безумной судороге». Гитлер распорядился, чтобы раненый Грейм и Рейч вылетели и отправили все имеющиеся самолеты в помощь Венку, на Берлин. И чтобы Гиммлер был арестован и не оставлен в живых. Они кое-как улетели.

Все прочие обреченно оставались в подземелье. Никто не смел покинуть эту фараонову гробницу. Пример с Фогелейном был нагляден.

Отто Гюнше, адъютант Гитлера, вспоминает: 26 апреля утром он находился в телефонной комнате, когда туда вошел Геббельс. Он казался еще меньше, тщедушнее прежнего. Бледное с желтизной лицо, затравленность в глазах. Заговорив о положении в Берлине, он спросил Гюнше, сколько, по его мнению, может продержаться Берлин, успеет ли подойти Венк. Гюнше не сообщает, что он ответил, но едва ли что-либо утешительное.

Этот мучивший его вопрос Геббельс лихорадочно задавал в те дни многим. Все очевиднее была безнадежность положения Берлина. Однако в передовице газеты «Бронированный медведь», в последний раз вышедшей 28 апреля, он обещал измученному городу, обороняющемуся гарнизону, что в «столице немецкого Орднунга[1], европейского Орднунга» противник понесет «решительное поражение». И «в Берлине эта война решится... Фюрер в Берлине. Мировой враг будет здесь разбит».

Сам же он в этот день писал прощальное письмо своему пасынку Харальду. Оба письма, от отчима и от матери — сыну, вывезла из Берлина Ганна Рейч. В конце 70-х годов письма были в Германии опубликованы. Их предоставила вдова Харальда Квандта, крупного западноберлинского предпринимателя, погибшего в автокатастрофе в 1967 году.

---

[1] Ordnung *(нем.)* — порядок.

«Не думаю, чтобы нам удалось еще раз увидеться,— писал Геббельс.— Значит, это, скорее всего, последние строки, которые ты от меня получишь». Он наставляет Харальда продолжить традиции семьи и «показать себя достойным той тяжелейшей жертвы, которую мы решились и приготовились принести», чтобы послужить примером на будущее.

Геббельс все время озабочен обращенностью к истории — которая для него, утратившего веру в Бога, и есть загробный мир,— тем, чтобы занять в том мире выдающееся положение. Это особый род тщеславия — нацистское тщеславие, воплощенное в нем, характерное и для других.

«Такой матерью, как твоя, ты можешь гордиться. Вчера вечером фюрер вручил ей золотой партийный значок, который он многие годы носил на кителе. И она это вполне заслужила».

О детях он не обмолвился. О них пишет жена. Это чудовищное письмо матери написано в фюрербункере 28 апреля 1945 года.

«Мой возлюбленный сын! Уже 6 дней мы, папа, твои пять сестер, братик и я, находимся в фюрербункере, чтобы завершить нашу национал-социалистическую жизнь единственно возможным, почетным исходом. Не знаю, получишь ли ты это письмо... Ты должен знать, что я осталась с папой против его воли, что еще в прошлое воскресенье фюрер хотел мне помочь отсюда выбраться». То и другое неправда. Но, обеляя того, кто склонял и обрабатывал ее, она героизирует свой образ, внушает сыну: «Ты знаешь свою мать — мы одной крови, я ни минуты не колебалась. Наша прекрасная идея погибает — и с ней погибает все, что было у меня в жизни прекрасного, замечательного, хорошего и благородного. Мир, который наступит после фюрера и национал-социализма, уже не стоит того, чтобы в нем жить, и потому я взяла с собой также и детей. Слишком жаль оставлять их для той жизни, которая придет после нас, и милосердный Господь поймет меня, если я сама дам им избавление». Она описывает, как замечательно ведут себя дети, хотя удары бомб сотрясают бункер, «их присутствие здесь уже потому благословение, что они то и дело вызывают улыбку фюрера». (Выходит, уже ради одного этого стоило затащить детей сюда.) «Вчера вечером фюрер снял свой золотой партийный значок и приколол его мне. Я горда и счастлива. Помоги мне, Господь, сохранить силы, чтобы совершить последнее, самое тяжелое».

Но на пороге предстоящих убийств она компенсирована — «горда и счастлива». Цель: верность фюреру до самой смерти и «то, что мы можем окончить жизнь вместе с ним, это такая милость судьбы, на какую мы никогда не могли рассчитывать».

Они — пускай. Но при чем тут дети!

НОВЫЙ РЕЙХСКАНЦЛЕР

В дневнике Бормана запись: «Пятница 27 апреля. Гиммлер и Йодль задерживают подбрасывание нам дивизий... Наша имперская канцелярия превращается в груду развалин. Мир сейчас висит на волоске».

Ожидаемые вслед за отлетом фон Грейма самолеты не появились над столицей в помощь предполагаемому прорыву на Берлин генерала Венка. И что ужаснее — добралась наконец в фюрербункер сокрушительная весть: армия Венка то ли разгромлена, то ли окружена и рассеяна, одно ясно — она не существует.

Но Геббельс продолжал упорно выкрикивать в микрофон из убежища: «Армия Венка спешит на помощь Берлину!», «Защитники Берлина! Армия Венка на подступах!»

Как ни был Гитлер сломлен, все еще в его власти было продлевать обреченную на бессмысленные жертвы войну. В Берлине даже школьники, даже 12-летние, нередко целыми классами, были преступно брошены в самое пекло безнадежных сражений на берлинских улицах, чтобы своими жизнями продлить еще на несколько часов жизни Гитлера («Друга детей») и Геббельса.

Но русские уже рвались к Потсдамерплац, нависла угроза их вторжения.

В бункере начался или, вернее, продолжался театр абсурда, как сказали бы сейчас. Гитлер срочно улаживал личные дела.

Ева Браун самовольно появилась в убежище рейхсканцелярии в середине апреля, до того скрываемая от глаз публики уже более 12 лет. Гитлер познакомился с ней в фотоателье Гофмана, ставшего монополистом на право снимать фюрера. Она работала в ателье ассистенткой. Ранее она пыталась покончить с собой — оттого ли, что ей была невыносима ее роль: ни жена, ни любовница, скорее всего лишь хозяйка в Берхтесгадене,— или из-за каких-то других причин. В тесном бункере ее положение при фюрере приобрело отчетливые контуры, становилось очевидным: дольше

скрываться под маской анахорета фюреру было уже бесполезно. Надо было объясниться, что он и сделал в личном завещании. Но пока поспешил с бракосочетанием, чтобы придать благопристойность тому, что стало явным. Может быть, он поступил так, поддавшись настоянию Евы Браун или в награду за ее готовность умереть с ним. Был доставлен в бункер мелкий чиновник министерства пропаганды, и без лишних проволочек, в обход строгих формальностей, принятых в третьем рейхе, брак был оформлен. Ева Браун расплачивалась за него жизнью. Состоялся свадебный ужин, на котором присутствовала чета Геббельсов.

Когда 4 мая в подземелье я расспрашивала технического служащего рейхсканцелярии — он видел, как выносили мертвых Гитлера и Еву Браун — и он сказал, что перед тем была свадьба, я не поверила. Зная, какой в это время был ад на поверхности, на улицах, Берлин пылал, и люди беспощадно бились, погибая, я не могла представить себе, что в фюрербункере, в ставке происходило такое. Я подумала, что это бред надорвавшегося человека, пережившего тут, в подземелье, отчаянные дни.

Борман, 29 апреля: «Второй день начинается ураганным огнем. В ночь с 28 на 29 апреля иностранная пресса сообщила о предложении Гиммлера капитулировать.

Венчание Адольфа Гитлера и Евы Браун. Фюрер диктует свое политическое и личное завещание.

Предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставляют нас большевикам!

Опять ураганный огонь!»

К утру завещания Гитлера были готовы.

В политическом завещании с обычной лживостью Гитлер заявляет о себе как о миротворце, никогда не желавшем войны, а войны будто жаждали евреи. Но достаточно полистать «Майн кампф», книгу, которая вся пропитана апологией войны и реваншистскими страстями, или хотя бы вернуться к тем немногим выдержкам из этой нацистской библии, которые я приводила, чтобы убедиться — в основе доктрины национал-социализма была война. А уж практика германского фашизма безоговорочно подтвердила это. Да и Гитлер следом опровергает эту свою дешевую преамбулу в прощальном послании армии — письме начальнику штаба главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршалу Кейтелю. Гитлер, ввергший Германию в крах, а ее армию — в разгром, погибая в результате агрессивной войны за захват «жизненного пространства» для немцев за счет России, заканчивает послание опорной фразой из «Майн кампф»:

«Цель остается все та же — завоевание земель на Востоке для немецкого народа». Все та же идея маньяка.

В завещании он исключает из партии Геринга и Гиммлера. Назначает президентом адмирала Деница. Апогей абсурда — формирование Гитлером в завещании правительства во главе с назначаемым им рейхсканцлером Геббельсом. А для Бормана придуман портфель министра партии. Новому правительству, а значит его главе Геббельсу (которому — и это понятно Гитлеру — не выбраться из Берлина, не уцелеть) вменяется «продолжать войну всеми средствами», «до конца придерживаться расовых законов», «противостоять международному еврейству».

Все то же самое, с чего начинал Гитлер: избранная раса и расовые законы, антисемитизм и война.

Геббельсом принято эфемерное назначение, полученное в благодарность за верность, как Магдой — золотой знак, как бракосочетание Евой Браун. Но он победил всех своих соперников и вышел на пост, который мог быть только его мечтой. Так осуществилась его карьера.

В завещании Геббельс написал, что впервые ослушивается приказа фюрера, велевшего ему покинуть столицу и принять участие в назначенном им правительстве, ради того лишь, чтобы быть вместе с фюрером в эти трудные дни в Берлине.

Но и напоследок Геббельс писал неправду. «Покинуть» столицу не было никакой возможности, а Гитлер не только не приказывал ему это сделать, но, решив остаться в Берлине, окружая себя преданными людьми, зная беспрекословное его послушание, именно Геббельса, да с женой и малыми детьми, обязал переселиться к нему в бункер и держал возле себя до последнего своего часа.

«От своего и моей жены имени и от имени моих детей, которые слишком юны, чтобы самим это высказать...» он сообщает в завещании об их решении остаться в Берлине и верными фюреру окончить жизнь.

Все смешалось здесь, в подземелье — искреннее отчаяние и жест, фанатизм и комедиантство, трагедия и смерть.

Гитлер и Ева Браун покончили с собой в 3.30 дня 30 апреля. По распоряжению Гитлера их тела были вынесены в сад имперской канцелярии, облиты бензином и подожжены. Он велел сжечь их дотла, но это выполнено не было, так как заняло бы непомерно много времени, которым никто из обитателей бункера уже не располагал. Тела оказались в воронке из-под снаряда, присыпанные землей, где их обнаружили советские солдаты.

Борман пометил в этот день, что Адольф Гитлер и Ева Б. мертвы.

Надо было решать: что же дальше? как спасаться? Предлагалось идти на прорыв из кольца окружения за боевой группой командира лейб-полка СС «Адольф Гитлер» генерал-лейтенанта Монке.

Но новый рейхсканцлер принял решение, возможно поддержанное остальными, направить письмо вождю советского народа Сталину, известить о смерти Гитлера, о назначении нового правительства и просить о перемирии в Берлине, чтобы воссоединиться с президентом Деницем (он находился под Фленсбургом) и правомочным составом приступить к переговорам с советским правительством.

Что было на уме у Геббельса, что преследовал он этим единственным своим действием в ранге рейхсканцлера, можно только предполагать. Выбраться в случае удачи из окруженного Берлина? Но мог ли он рассчитывать на положительный ответ Сталина, когда за три дня до того в бункере стало известно переданное по иностранному радио сообщение, что на предложенную Гиммлером западным странам капитуляцию был дан ответ: «Правительство Его Величества уполномочено еще раз подчеркнуть, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции, предложенной всем трем великим державам, и что между тремя государствами существует теснейшее единодушие». Но как знать, Сталин ему виделся своевольным. А может, Геббельс просто оттягивал время. Ведь все равно ему, хромому и с шестью малыми детьми, невозможно пытаться идти на прорыв. А может, и суетность тщеславия толкала его на этот шаг. Чтобы его триумф — эфемерное рейхсканцлерство не затерялось в веках, если завещание Гитлера не будет вынесено за пределы Берлина, не уцелеет, надежным останется послание на имя Сталина, где сказано, что он назначен Гитлером рейхсканцлером. Оно сохранится в истории. Все это мои догадки. Но письмо было написано «вождю советского народа», сообщено, что сегодня «добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс». В последней фразе он по-прежнему находчив, хотя формулировка курьезна. Приложен список новых членов правительства.

Через линию фронта был впервые в Берлине направлен

парламентер, генерал Кребс, начальник генштаба сухопутных войск. До войны он был военным атташе в германском посольстве в Москве.

Шли часы. Наконец Кребс вернулся с той же формулировкой отказа, какая дана была из Англии правительством Его Величества.

Подпись под капитуляцией, которая ничего кроме гибели Геббельсу не сулила, а его имя клеймила позором, была бы крушением всех его посмертных планов. Остановить же бессмысленное кровопролитие, облегчить страдания населения, раненых, прекратить разрушения не было его заботой.

Фюрербункер пустел, его обитатели уходили на прорыв. У Геббельса оставалась последняя по его плану, по сценарию, задача. Исполнительницей была мать.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Взятый в плен вице-адмирал Ганс-Эрих Фосс, представитель в ставке Гитлера от военно-морских сил, рассказал на допросе следующее.

Он был в числе тех, кто перед тем, как уйти на прорыв, поодиночке спускались в блиндаж Геббельса и прощались с ним. Еще раньше Геббельс, говоря «о тяжелом положении, создавшемся для Германии и лично для нас, не допускал мысли о возможности сдаться в плен советскому командованию, заявляя при этом: я был имперским министром пропаганды и вел в отношении Советского Союза самую ожесточенную пропагандистскую деятельность, за что советское командование меня никогда не простит.»

При прощании Фосс просил Геббельса, чтобы он пошел вместе с ними. Он ответил: «Я все обдумал и решил оставаться здесь, мне некуда идти, во-первых, потому что с маленькими детьми я все равно не пройду, тем более с такой ногой, как моя. Я для вас буду только обузой». Затем я *(Фосс)* простился с его женой, которая находилась в другой комнате, на прощание она мне сказала: «Нас связывают дети, с которыми теперь нам никуда не уйти».

О последующем рассказал работавший в последнюю неделю в госпитале имперской канцелярии, в бомбоубежище, зубной врач Хельмут Кунц. Еще 27 апреля встретившая его в коридоре фрау Геббельс сказала, «что хочет обратиться ко мне по одному очень важному делу. И тут же добавила: сейчас такое положение, что, очевидно, нам с ней придется умертвить ее детей. Я дал свое согласие».

Этот день настал 1 мая. Жена Геббельса позвонила ему в госпиталь и просила сейчас же прийти в бункер[1].

«Когда я пришел в бункер, то застал в рабочем кабинете самого Геббельса, его жену и государственного секретаря министерства пропаганды Наумана, которые о чем-то беседовали. Обождал у двери примерно минут 10. Когда Геббельс и Науман вышли, жена Геббельса пригласила меня зайти в кабинет и заявила, что решение уже принято (речь шла об умерщвлении детей), так как фюрер умер и примерно в 8—9 часов вечера части будут пытаться выйти из окружения, поэтому мы должны умереть. Другого выхода для нас нет.

Во время беседы я предложил фрау Геббельс отправить детей в госпиталь и передать их под защиту Красного Креста, на что она не согласилась, а заявила: пусть лучше дети умирают. Минут через 20 в момент нашей беседы вернулся Геббельс в рабочий кабинет, он обратился ко мне со словами: «Доктор, я вам буду очень благодарен, если вы поможете моей жене умертвить детей».

Я Геббельсу, так же как и его жене, предложил отправить детей в госпиталь под защиту Красного Креста, на что он ответил: «Это сделать невозможно, ведь все-таки они дети Геббельса». После этого Геббельс ушел, и я остался с его женой, которая около часа занималась пасьянсом.

Примерно через час Геббельс снова вернулся вместе с зам. гауляйтера по Берлину Шахом, и поскольку Шах, как я понял из их разговора, должен уходить на прорыв с частями немецкой армии, он простился с Геббельсом. Шах попрощался с женой Геббельса, а также со мной и ушел. После ухода Шаха жена Геббельса заявила: «Наши сейчас уходят, русские могут в любую минуту прийти сюда и помешать нам, поэтому нужно торопиться с решением вопроса».

Когда мы, то есть я и фрау Геббельс, вышли из рабочего кабинета, то в передней сидели два неизвестных мне военных лица... Геббельс и его жена стали прощаться с ними, причем неизвестные спросили: «А вы как, господин министр, решили?» Геббельс ничего на это не ответил, а жена заявила: «Гауляйтер Берлина и его семья останутся в Берлине и умрут здесь».

Геббельс возвратился к себе в рабочий кабинет, а я вместе с его женой пошли в их квартиру (бункер), где

[1] Текст протокола допроса Хельмута Кунца приводится здесь с уточнениями обстоятельств умерщвления детей, которые он внес при повторном допросе.

в передней комнате фрау Геббельс взяла из шкафа шприц, наполненный морфием, и вручила мне, после чего мы зашли в детскую спальню; в это время дети уже лежали в кроватях, но не спали.

Жена Геббельса объявила детям: «Дети, не пугайтесь, сейчас вам доктор сделает прививку, которую сейчас делают детям и солдатам». С этими словами она вышла из комнаты, а я остался один в комнате и приступил к впрыскиванию морфия, сначала двум старшим девочкам, затем мальчику и остальным девочкам...

После того как я всем детям сделал укол морфия, я, выйдя из детской спальни в соседнюю комнату, посмотрел на часы — было 20.40 (1 мая). Ожидал вместе с фрау Геббельс, пока дети заснут, она просила меня помочь ей дать детям яд. Я отказался сделать это, сказав, что у меня не хватает для этого душевных сил. Тогда фрау Геббельс попросила меня найти и позвать к ней д-ра Штумпфеггера, первого сопровождающего врача Гитлера. Через 3—4 минуты я нашел Штумпфеггера там же, в бункере Гитлера, сидящим в столовой и сказал ему: «Доктор, вас просит к себе фрау Геббельс». Когда я возвратился с Ш. обратно в ту комнату возле детской спальни, где оставил жену Геббельса, ее там не было, и Ш. прошел прямо в спальню. Я же остался ожидать в соседней комнате. Через 4—5 минут Ш. вышел из детской спальни вместе с женой Геббельса и сразу же, не сказав мне ни слова, ушел. Жена Геббельса мне также ничего не говорила, только плакала. Я спустился с ней на нижний этаж бункера в рабочий кабинет Геббельса, где застали последнего в очень нервозном состоянии, расхаживающим по комнате. Войдя в кабинет, жена Геббельса заявила: «С детьми все кончено, теперь нам нужно подумать о себе», на что ей Геббельс ответил: «Нужно торопиться, так как у нас мало времени».

Дальше жена Геббельса заявила: «Умирать здесь в подвале не будем», а Геббельс добавил: «Конечно, мы пойдем на улицу, в сад». Жена ему бросила реплику: «Мы пойдем не в сад, а на Вильгельмплац, где ты всю свою жизнь работал». (Это рядом, где министерство пропаганды.)

Когда майор Быстров после допросов пересказал мне ответ Геббельса на совет доктора Кунца отдать детей под охрану Красного Креста: «Это невозможно, ведь все-таки они дети Геббельса»,— мне в этих словах послышалась горечь. Мол, на какую защиту, пусть и Красного Креста, могут рассчитывать дети, если они — дети Геббельса? Эта фраза запала в памяти.

И только много лет спустя я поняла, что ошибалась. Он совсем другое имел в виду.

Это же дети Геббельса, у них особая предназначенность, миссия — означал его ответ. От имени маленьких и бессловесных и тех неспрошенных, кого следовало по их разумению и возрасту спросить, он заявляет в завещании об их готовности умереть.

Дети, доставлявшие ему при жизни отцовскую радость и рекламу — образцовая немецкая многодетная семья,— теперь должны своей смертью упрочить его посмертную славу. Какой уж тут Красный Крест!

И вот неожиданно еще один мотив его решения.

Элиас Канетти пишет: «Он принуждает свою жену и детей умереть вместе с ним. «Моя жена и мои дети не могут меня пережить. Американцы только натаскают их для пропаганды против меня». Это собственные слова Геббельса в передаче Шпеера».

Выходит, счетчик пропагандиста отстукивал в Геббельсе при страшном решении.

Раньше, живя с детьми в загородном поместье в Ланке, он перестал пускать их в школу, опасаясь, что они наслышатся, как ругают их отца местные ребята. Теперь он ограждается радикальнее.

Канетти пишет, что гибель детей «не следует рассматривать как возмездие за его деятельность — это ее кульминация».

Похоже, что это так.

Йозеф и Магда Геббельс покончили с собой в двух шагах от выхода из фюрербункера в сад, приняв цианистый калий. На этом месте их обнаружили советские офицеры на следующий день, под вечер, обгоревших, брошенных, не захороненных. Геббельс распорядился сжечь их тела, но эсэсовцы, которым это было поручено, подожгли их и разбежались.

Было 2 мая, день капитуляции Берлина.

Еще не был найден мертвый Гитлер. Смерть комиссара обороны Берлина и гауляйтера, министра пропаганды была свидетельством конца третьего рейха. И чтобы все это видели, его вынесли 3 мая на Вильгельмштрассе. Он был узнаваем.

Улица была еще задымлена, не развеялась гарь сражения, не выгорели пожары. Имперская канцелярия мечена снарядами, осколками, но уцелела. Цел и орел со свастикой

в когтях над главным входом. Снимала кинохроника. И Геббельса обступили какие-то командиры, желая попасть в кадр. Все это выглядело гротеском истории.

Я тогда в первый раз увидела мертвого, обгоревшего Геббельса. Зрелище было ужасное. Черный труп на подмостках, в клочьях нацистской формы, со странно уцелевшим на черной шее желтым галстуком с шевелящимися от ветра ржавыми от огня концами.

Не символична ли эта желтая петля на шее изобретателя желтой шестиконечной звезды?

ЖЕЛТАЯ ПЕТЛЯ

В этот же день 3 мая маршал Жуков сообщил Сталину, что «на Вильгельмштрассе, где в последнее время была ставка Гитлера, обнаружены обгоревшие трупы, в которых опознаны имперский министр пропаганды Германии доктор Геббельс и его жена.

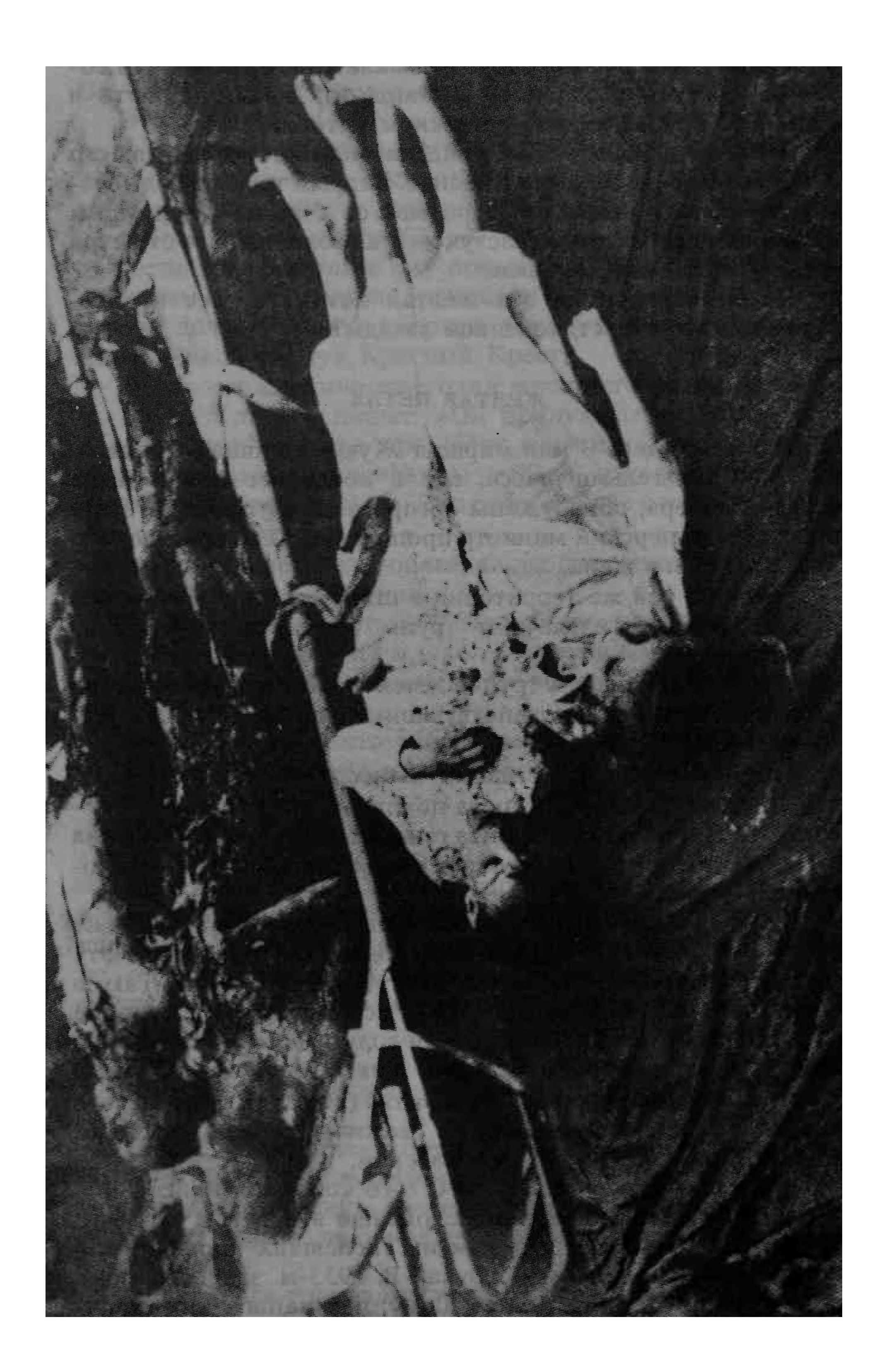
3 мая на той же территории в штаб-квартире Геббельса ...обнаружены и извлечены трупы шестерых детей Геббельса.

По всем признакам трупов детей можно судить, что они были отравлены сильнодействующими ядами». (Публикуется впервые.)

Детей я увидела, когда их вынесли в сад имперской канцелярии. В этот же день за подписью члена военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Телегина была создана комиссия для судебно-медицинского исследования трупов.

В это время отделы штаба нашей армии стояли на окраине Берлина, в Бухе. Меня попросили проводить эту группу экспертов в один из двухэтажных домов. Там в подвале я повторно увидела Геббельса. Он лежал в стороне от шестерых детей, черный, почти голый, все еще с желтым галстуком на шее. Дети казались живыми, спящими, с пятнами будто бы румянца на щеках (действие цианистого калия), в ночных рубашках из светлой фланели, а кто-то из них в пижаме из той же материи.

Это было, кажется, 5 мая. С 6-го комиссия приступила к судебно-медицинскому исследованию в полевом госпитале, расположившемся в одном из уцелевших корпусов печально известных клиник Буха. В 1933-м здесь впервые в Берлине приступили к зловещему, невиданному, оскорбительнейшему обследованию населения на предмет выявления степени расовой достаточности. Теперь, кроме

семьи Геббельса во главе с ним самим, судебно-медицинской экспертизе подверглись здесь и обгоревшие Гитлер и Ева Браун, найденные в воронке из-под снаряда и доставленные сюда. Не могу не повторить еще раз, что ироничной истории угодно было, чтобы имя руководителя этой комиссии было — Фауст. Подполковник медицинской службы, главный судебно-медицинский эксперт 1-го Белорусского фронта доктор Фауст Шкаравский.

Геббельс и вся его семья по показаниям исследования умерли от цианистого калия.

Мертвых детей Геббельса обнаружил 3 мая старший лейтенант Ильин. Строки его письма об остававшихся двух чемоданах с документами в кабинете Геббельса я привела в самом начале. В этом же письме ко мне он писал: «...А в комнате, где лежали отравленные дети, абсолютно ничего не было, кроме постельной принадлежности. Я спросил через своего переводчика, почему отравили детей, они не виноваты...»

19 мая прибыл из Москвы, из ставки, генерал, посланец Сталина, чтобы на месте все проверить и удостовериться в гибели нацистских лидеров. В Финове, где они были временно — от посторонних глаз — закопаны в землю и охранялись скрытым постом, мне пришлось — и повторно, и заново — переводить при опросах свидетелей опознания Гитлера и извлеченного из земли Геббельса с семьей.

В Финове майор Быстров провел дополнительно опознание Геббельса начальником его охраны Вильгельмом Экхольдом и другое — с участием Кете Хойзерман, помощницы зубного врача Гитлера и нацистской элиты, чтобы еще и еще раз все задокументировать и сохранить.

Все проверивший, во всем удостоверившийся генерал, посланец Сталина, отбыл на доклад к нему. Вскоре нас известили: расследование считать завершенным.

Когда штаб нашей 3-й ударной армии передислоцировался в Магдебург, там же, в Магдебурге, останки Гитлера и Геббельса окончательно были преданы земле.

Казалось, в бункере Геббельс обрел предельную близость с фюрером. Но и это не был предел. Им оказалась их общая могила.

Они еще издали шли навстречу друг другу, обусловили во многом один другого и оба были творцами катастрофы, постигшей немцев и мир.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ржевская
Елена Моисеевна

ГЕББЕЛЬС.
ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ДНЕВНИКА

Редактор *К. Н. Озерова*

Художественный редактор *В. В. Медведев*

Технические редакторы *В. Ф. Нефедова, Е. С. Потапенкова*

Корректор *Г. И. Киселева*

Сдано в набор 23.06.93. Подписано в печать 14.02.94. Формат $84 \times 108^1/_{32}$.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 22,48. Тираж 10 000 экз. Заказ № 196.

«Слово», 119034, Москва, Остоженка, 41

Тульская типография, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109